

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Том 49 , №3

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 49, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 22,5. Дата выхода 30.09.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 501 Клименко Р.В.**
Анализ образов Марка Клавдия Марцелла и Архимеда Сиракузского в кинематографе
- 510 Самойлов Д.А.**
Апология Афинагора Афинского и её социальный адресат
- 520 Кириллов В.М.**
Общественные здания в Лаодикее Приморской по данным нумизматических источников
- 528 Сапожникова М.Г.**
Император Маркиан – продолжатель Феодосия II или новатор?
- 535 Болгов Н.Н., Шелудченко Ю.В.**
Саламин Кипрский: история и топография в римское и ранневизантийское время
- 556 Дронова Я.А.**
Специфика формы и содержания «Церковной истории» Захарии Митиленского
- 563 Шумаков А.А.**
Причины поражения восстания Ната Тернера
- 575 Гепалов А.С.**
Специальная сессия Индийского национального конгресса в Дели 1923 г. и роль Абул Калам Азада в сохранении единства партии
- 586 Гофман А.В.**
Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны
- 595 Родович Ю.В.**
1990 и 1994 годы – важнейшие вехи на пути к расширению НАТО на Восток

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 605 Кудланов К.Б.**
Подвижность однодворческих родов Центрального Черноземья в XVII–XIX веках
- 619 Никишин Б.А.**
Религиозная политика императора Павла I в современной историографии
- 630 Логинова Д.В.**
Путевой извозный промысел в России в XIX – начале XX в.: работники, правила, лексикон
- 640 Косова Д.Г.**
Отношение благородного сословия к роли социального этикета в Российской империи в конце XIX в.
- 648 Гончаров А.С.**
Особенности формирования новых исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. (на материалах Государственного архива Краснодарского края)
- 659 Марчукова В.А.**
Деятельность попечительского совета Московского коммерческого института
- 668 Зверков Е.А.**
Аграрное движение в Воронежской губернии в 1917 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 677 Каминченко Д.И.**
Политическая медиаповестка дня: эмпирический анализ новостных заголовков
- 690 Гаспарян С.А.**
Возвращение идеологии: персонологический аспект
- 701 Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong**
Direct Democracy under the Conditions of One Party Ruling in Modern Vietnam

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Volume 49, No. 3

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 22,5. Date of publishing: 30.09.2022. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 501 Klimenko R.V.**
The Analysis of the Images of Marcus Claudius Marcellus and Archimedes of Syracuse in the Cinematography
- 510 Samoilov D.A.**
The Apology of Athenagoras Athenian and its Social Addressee
- 520 Kirillov V.M.**
Public Buildings in Laodicea Maritima According to Numismatic Sources
- 528 Sapozhnikova M.G.**
Is Emperor Marcian a Successor of Theodosius II or an Innovator?
- 535 Bolgov N.N., Sheludchenko Yu.V.**
Salamis of Cyprus: History and Topography in Roman and Early Byzantine Times
- 556 Dronova Ya.A.**
The Specifics of the Form and Content Features of the «Church History» of Zacharias of Mytilene
- 563 Shumakov A.A.**
Reasons for the Defeat of the Nat Turner Uprising
- 575 Gepalov A.S.**
The Special Session of the Indian National Congress in Delhi in 1923 and the Role of Abul Kalam Azad in Preserving the Unity of the Party
- 586 Gofman A.V.**
The Middle East Region Specificity as International Relations Subsystem in the End of the Cold War
- 595 Rodovich Yu.V.**
1990 and 1994 as the Most Important Milestones on the Way to NATO's Expansion to the East

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 605 Kudlanov K.B.**
Mobility of the Smallholders Genuses in the Central Chernozem Region in XVII-th – XIX-th Centuries
- 619 Nikishin B.A.**
The Religious Policy of Emperor Paul I in Modern Historiography
- 630 Loginova D.V.**
Road Hauling in Russia in the XIX – Beginning of XX Centuries: Workers, Rules, Lexicon
- 640 Kosova D.G.**
The Attitude of the Noble Class to the Role of the Social Etiquette in the Russian Empire at the End of the XIX Century
- 648 Goncharov A.S.**
Formation Peculiarities of the Kuban Region Cossacks New Historical Representations at the End of the XIX Century (on Materials of the State Archive of the Krasnodar Territory)
- 659 Marchukova V.A.**
Activities of the Board of Trustees of the Moscow Commercial Institute
- 668 Zverkov E.A.**
Agrarian Movement in the Voronezh Province in 1917

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 677 Kaminchenko D.I.**
Political Media Agenda: an Empirical Analysis of News Headlines
- 690 Gasparyan S.A.**
The Return of Ideology: Personological Nuance
- 701 Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong**
Direct Democracy under the Conditions of One Party Ruling in Modern Vietnam

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 937.04

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-501-509

Оригинальное исследование

Анализ образов Марка Клавдия Марцелла и Архимеда Сиракузского в кинематографе

Клименко Р.В.

Воронежский государственный педагогический университет,

394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86

E-mail: romanklimenko1488@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются кинематографические образы римского полководца второй Пунической войны 218–201 г. до н. э. Марка Клавдия Марцелла и его современника – учёного и инженера Архимеда Сиракузского. Автор на основании эмпирического исследования и анализа источников сопоставил образы названных личностей в кинематографе и источниках для выявления разницы. Исследуется влияние описаний античных авторов на конструирование образов для кинофильмов, так как в современном мире кинематограф имеет большое влияние на формирование взглядов людей. Результаты исследования выявили разной степени отход от источников при написании сценарных образов, обусловленный разными причинами в каждом отдельном случае.

Ключевые слова: Марк Клавдий Марцелл, Архимед Сиракузский, кинематограф, «пеплум», Осада Сиракуз 214–212 гг. до н. э.

Для цитирования: Клименко Р.В. 2022. Анализ образов Марка Клавдия Марцелла и Архимеда Сиракузского в кинематографе. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 501–509. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-501-509

The Analysis of the Images of Marcus Claudius Marcellus and Archimedes of Syracuse in the Cinematography

Roman V. Klimenko

Voronezh State Pedagogical University,

86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

romanklimenko1488@yandex.ru

Abstract. This article devotes to the analysis of images of the Second Punic war's commander 218–201 B. C. Marcus Claudius Marcellus and his contemporary – a scientist and an engineer – Archimedes of Syracuse in the cinematography. The author compares images of titled personalities in the cinematography and in the historical sources for the search of differences. For this goal the author uses such methods as an empirical research of the movie and an analysis of the historical sources that tell about those times. In the article the author studies how a descriptions of the antique historians influenced a creating of images in the movie. Nowadays movies have a colossal impact on people's minds. The modern children and teenagers prefer to watch a movie or a video instead of reading a book. The research discovered different breaks with the historical sources in the scripts of movies. These differences are due

to various reasons in each case. Here is the influence of the national mentality, the idea of the plot and other factors.

Keywords: Marcus Claudius Marcellus, Archimedes of Syracuse, cinematography, Siege of Syracuse 214–212 B.C., sword and sandal

For citation: Klimenko R.V. 2022. The Analysis of the Images of Marcus Claudius Marcellus and Archimedes of Syracuse in the Cinematography. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 501–509 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-501-509

Введение

В последние годы в научной среде всё больший интерес набирает проблема образа античности в частности и древнего мира в общем в кинематографе XX века. Однако некоторые даже не подозревают, что для фильмов, повествующих об античных временах, существует свой уникальный жанр со своими собственными характеристиками – «пеплум», название которого происходит от древнегреческого *πέπλος* – «платье». Само название отражает концепцию жанра – одеть современных людей в античные платья (одежды), однако это не единственная отличительная черта пеплума. Масштабные декорации, огромных размеров массовка и сюжет, заимствованный из античных мифов, Библии и истории древнего мира, – всё это выделяет пеплум на фоне остального кино [Кудрявцев, 2021].

Жанр появился почти одновременно с самим кинематографом [Теперик, 2018, с. 56]: его прообразом исторически считаются фильмы «Кабирия» (1914) Джованни Пастроне и «Нетерпимость» (1916) Дэвида У. Гриффита. Расцвет пеплума пришёлся на начало 1950-х гг., когда мир увидел «Камо грядеши» (1951) Мервина Лероя. Вплоть до середины 60-х гг. XX в. жанр пеплума не знал забвения, однако поздние картины всё больше казались не более, чем пародиями на исторические события [Кудрявцев, 2021]. Как отмечает профессор Э.Д. Фролов, «лучшие исторические картины того времени [1950–1960-х гг. – Р.К.] великолепно соединяли в себе все необходимые элементы: стремительное, как и полагается в кино, действие, отталкивающееся от значимого события прошлых времен, обаятельные герои, скрепляющая все действие романтическая интрига, высокие нравственные идеи и даже – last, but not least – удачное музыкальное сопровождение, проникнутое красивой мелодией» [Фролов, 2012, с. 8].

В начале XXI в. с выходом фильма американского режиссёра Ридли Скотта «Гладиатор» (2001) с Расселом Кроу в главной роли интерес к жанру пеплум возвращается [Петракова, 2012, с. 138]. Несмотря на это, на сегодняшний день картины названного жанра остаются, на наш взгляд, недооценёнными: последние фильмы, вышедшие в 2014–2016 гг., не собрали, как ранее, толпы поклонников, многие провалились в прокате [IMDb.com, 2021].

Также стоит отметить, что данный жанр был распространён по преимуществу в Европе (в частности в Италии) и США; если говорить об отечественном кинематографе, то собственно пеплума в нём не сложилось, однако в советском кинематографе имеются мультфильмы на темы из античности, прежде всего – из мифологии.

В большинстве своём фильмы жанра пеплум, повествующие об античности, либо затрагивали военную тематику [Теперик, 2010, с. 29], либо были посвящены героям мифологии, например, Гераклу и Ахиллу, или наиболее известным персоналиям эпохи – Спартаку, Цезарю, Калигуле и т. д. Значительно менее часто среди героев фильмов-пеплумов встречается выдающийся полководец Римского государства времён поздней республики – Марк Клавдий Марцелл, в числе заслуг которого стоит упомянуть не только взятие Сиракуз 212 г. до н. э., но и победу над Ганнибалом при Ноле в 216 г. до н. э. [Клименко, 2020]. Фильмов, в которых он присутствует как персонаж, совсем немного; более того, образ персонажа от картины к картине меняется, хотя само повествование каждый раз идёт об одном событии – осаде Сиракуз. Последнее всегда неразрывно связано в кинематографе

не только с личностью Марка Марцелла, но и с персоной Архимеда. Двух этих персонажей всегда преподносят в кинематографе противниками. Однако были ли они таковыми на самом деле? Каким же показывают Марка Марцелла, взявшего Сиракузы, и Архимеда, чьими машинами последние оборонялись, в кинематографе? Чем мы можем объяснить подобную трактовку и что отличает экранных героев от тех, кого мы видим в источниках?

Результаты и их обсуждение

О Марке Марцелле пишет античный историк Тит Ливий, использовавший труды современников событий – Целия Антипатра (Liv. XXVI. 11. 11) и анналистов, начиная с Антиата и заканчивая Пизоном (Liv. XXV. 39. 12; 14; 15). Более того, Ливий использовал сочинения личного биографа Ганнибала – Силена (Liv. XXVI. 49. 3), которого за подробность хвалил сам Цицерон (*De fin. bon. mal.*, 49), что, на наш взгляд, повышает объективность произведения. Однако, по замечанию Е.А. Родионова, Ливий «ради того, чтобы обелить своих соотечественников, мог и приукрасить действительность» [Родионов, 2005].

Многие сюжеты Ливия использует Плутарх, в том числе и в жизнеописании Марцелла, и это видно даже там, где автор напрямую на него не ссылается.

Про Марцелла также пишет Полибий (Polyb. VIII. 5–9; 37), лично общавшийся с очевидцами тех событий. Однако из сохранившихся частей его «Всеобщей истории» мы ничего не можем почерпнуть о характере Марцелла – автор описывает лишь сухие факты его действий при осаде Сиракуз 214–212 гг. до н. э.

Стоит отметить, что античные авторы, очевидно, использовали в своей работе труды, которые не сохранились до наших дней. Вероятно, тот же Плутарх располагал полными текстами сочинений Полибия, Ливия и др.

Прежде всего следует сказать, что образ Марка Клавдия Марцелла был показан всего в двух известных нам картинах: в отечественном мультфильме «Коля, Оля и Архимед» (1972) Ю. Прыткова и малоизвестном фильме непосредственно жанра пеплум итальянского режиссёра Пьетро Франчиши с Альберто Фарнезе в роли Марцелла – «Осада Сиракуз» («*L'assedio di Siracusa*», 1960). Обе картины нельзя назвать полностью историческими. Отечественный продукт представляет собой образовательный мультфильм и направлен на ознакомление зрителя с личностью Архимеда, как видно уже из названия. Итальянский же фильм, вероятно, является попыткой автора по-новому взглянуть как на образы Марцелла и того же Архимеда, так и на причину самой осады Сиракуз 212 г. до н. э.

Считаем логичным начать рассмотрение с отечественного мультфильма, потому что тот стоит отдельно от мирового кинематографа (как и большая часть советского кино до «перестройки»), и рассматривать его в связи с итальянскими картинами, на наш взгляд, не имеет смысла. Последние же следует рассмотреть в хронологическом порядке выхода фильмов, чтобы проследить эволюцию образа Архимеда, так как Марцелл показан лишь в одной из этих картин.

В отечественном мультфильме Марцелла мы видим непримиримым полководцем, утверждающим, что Рим ведёт войну «не с Сиракузами, а с Архимедом», и это уже говорит о многом. Зрителя пытаются уверить, что Рим – это зло, потому что он воюет против великого геометра и изобретателя, а причины осады Сиракуз для юной аудитории не объясняются. В мультфильме нет намёков на фактическое предательство Сиракузами Рима посредством перехода на сторону Карфагена (Liv. XXIV. 6. 1–3), поэтому и Марцелл выглядит не защитником преданных, а военачальником, ищущим поражения не Сиракуз, а Архимеда. Несмотря на это, Марк Клавдий показан благородным, так как даёт наказ ни в коем случае не причинять вреда великому учёному, видимо, исходя из уважения к его трудам, что делает его уже не злодеем, а антигероем, сражающимся за своё отечество и свои идеалы.

Архимед же показан в мультфильме невероятно мудрым седобородым старцем. Во время штурма Сиракуз римлянами Архимед был столь сильно погружён в решение геометрической задачи, что абсолютно не замечал ничего происходящего вокруг.

Образ Архимеда также был показан в культовом фильме Джованни Пастроне «Кабирия» 1914 г., имеющем для начала XX в. фантастические более чем двухчасовой хронометраж и гигантские декорации, сочетавшиеся со сложной и искусной постановкой [Sadoul, 1949, p. 103]. Действие фильма разворачивается на фоне второй Пунической войны, и зрителю, конечно, показывают осаду Сиракуз. Интересно то, что персонажа Марцелла в фильме нет – весь эпизод осады буквально сфокусирован на Архимеде. Несмотря на то, что фильм немой, режиссёру удалось передать образ учёного очень ярко. Пастроне изображает Архимеда внешне точно так же, как много лет спустя его изобразят в советском мультфильме. Архимед в пору предприятия Марком Марцеллом штурма Сиракуз размышляет о том, как отразить атаку римлян. В итоге Архимед приходит к идее концентрации солнечных лучей посредством зеркал, чтобы сжечь римский флот. В сцене уничтожения неприятельского флота Архимед в исполнении Энрико Джемелли демонстрирует яркие эмоции, среди которых насмешка над противником, побеждённым благодаря своему интеллекту, и радость за свой город, который остался невредим. Акцент тут сделан на активном боевом действии – поэтому не просто так «Кабирию» нередко называют боевиком [Богемский, 1989, с. 10].

Совсем иначе изображён образ великого учёного в «Осаде Сиракуз». В фильме Франчиши Архимед – правитель Сиракуз, ему около 40 лет, он, подобно римлянину, гладко выбрит и даже сражается на мечах. По сюжету Марк Клавдий Марцелл, сам того не зная, увёл у Архимеда любовь всей его жизни, которая потеряла память из-за несчастного случая. Марцелл со всей теплотой принял несчастную девушку и также в неё влюбился, после чего сделал своей женой.

Через несколько лет, в пору войны Рима и Карфагена, Архимед узнаёт о поступке Марцелла и пытается вернуть свою любовь. Последний, в свою очередь, возмущённый до глубины души подобным, решает отомстить Архимеду, уговорив сенат начать войну с Сиракузами. При этом никаких других причин, кроме «придуманных» Марцеллом, сюжет не упоминает. Вследствие этого Марцелл видится человеком, способным ради личных интересов спровоцировать войну.

В «Осаде Сиракуз», как и в мультфильме «Коля, Оля и Архимед», Марцелл предстаёт перед нами агрессивным военачальником, ведущим борьбу конкретно с учёным и изобретателем Архимедом, а не с самими Сиракузами. В отечественном мультфильме он антагонист, потому что глубоко уважает своего противника и не желает его смерти. В итальянском фильме Марцелл – тоже неоднозначный персонаж, спровоцировавший войну самого Рима с Сиракузами из-за ненависти к своему сопернику. Однако Марк Клавдий также показан любящим и заботящимся мужем и отцом, защищающим честь своей семьи и принявшим сына своего соперника как родного. Конечно, здесь не обошлось без влияния итальянского менталитета.

А что же мы видим в источниках?

После смерти царя Гиерона сиракузяне, будучи союзниками римлян, предали последних (Liv. XXIV. 6. 1–4; Plut. Marcell. 14; Polyb. VIII. 5) – открыто перешли на сторону Карфагена [Astin et al., 2008], в ответ на это претор Сицилии Аппий Клавдий начал готовиться к войне и уведомил о неизбежном конфликте сенат (Liv. XXIV. 7. 8–9). Для наведения порядка сенат отправил на Сицилию Марка Марцелла (Liv. XXIV. 21. 1), в то время он снова был избран консулом (Plut. Marcell. 13) и уже успел проявить себя не только в битве при Ноле (Plut. Marcell. 9–12), но и на войне с галлами (Plut. Marcell. 3–8). Т. Моммзен в своём фундаментальном труде по истории Рима назвал Марцелла лучшим из римских полководцев на тот момент [Моммзен, 1997]. В итальянском фильме Марцелл воспользовался своей консульской должностью для убеждения сенаторов начать войну. Од-

нако у Плутарха Марцелл пользуется своими заслугами перед сенатом, но в целях оказания помощи своим согражданам, попавшим в немилость после бегства при Каннах (Plut. Marcell. 13), что говорит о благородстве и доброте Марка Клавдия.

Со слов Ливия мы можем сделать вывод о том, что Марцелл не вёл борьбу, руководствуясь личными мотивами, и не с Архимедом, ведь Сиракузами управляли наместники самого Ганнибала – Гиппократ и Эпикид (Liv. XXIV. 29. 5), о которых в кинематографе нет ни слова. О политическом противостоянии с Архимедом речи и вовсе быть не могло. Как сообщает Плутарх, геометр был отстранённым от политики человеком, которого заботили только его вычисления и построения, а сооружённые им, Архимедом, машины учёный считал лишь наглядным представлением своих трудов (Marcell. 14; 17).

Наибольшее расхождение с источниками мы видим при сравнении Марка Клавдия экранного и того, которого нам рисуют Ливий и Плутарх, при штурме Сиракуз. В мультфильме «Коля, Оля и Архимед» Марцелл резво и бодро марширует во главе колонны, шествующей через главные ворота Сиракуз: зрителю преподносят стереотипный образ римского «вояки», который не испытывает никаких эмоций по отношению к захваченному городу.

В итальянском фильме аналога описанной сцены нет, сам Марцелл в финале показан размыто, а потом и вовсе погибает при взятии Сиракуз. Ливий нам сообщает, что Марк Клавдий Марцелл при штурме Сиракуз «заплакал, радуясь окончанию столь важной военной операции и скорбя о городе и его старинной славе» (*inlacrimasse dicitur partim gaudio tantae perpetratae rei, partim vetusta gloria urbis*) (Liv. XXV. 24. 11). Почти точно так же об этом рассказывает Плутарх, видимо, взяв это у Ливия (Plut. Marcell. 19). Возможно, подобное имело место во вселенной «Осады Сиракуз» Франчиши, потому что приписанный в фильме Марцеллу характер этому бы способствовал, но по какой-то причине это оставили за кадром.

Следует ещё раз отметить, что ни один из приведённых фильмов нельзя назвать полностью историческим. Отечественный мультфильм – научно-познавательный и ориентирован на приобщение юных зрителей к трудам Архимеда. Итальянская картина – это мелодрама, в которой автор позволил себе довольно много вольностей и фантазий на тему «А может, это было так» в контексте реальных исторических событий; автор не стремился экранизировать Ливия или Плутарха – создатели «Осады Сиракуз» хотели рассказать сложную историю любви на фоне исторических событий. Опять же, мы видим влияние итальянского менталитета – без любовной истории итальянцы не могут.

Отечественный мультфильм показал нам Марка Клавдия строгим, даже грубым, но тем не менее чтящим поистине великие заслуги гиганта научной мысли того времени – Архимеда. Однако строгий наказ Марцелла не убивать последнего прослеживается во всех его образах, это канон античных источников (Liv. XXV. 31. 10; Plut. Marcell. 19), наверное, самый непререкаемый и делающий римского полководца абсолютно везде не злодеем, а антигероем. Также в отечественном фильме Марцелл показан излишне грубым, хотя из источников мы знаем, что он был не чужд и слезам (Liv. XXV. 24. 11; Plut. Marcell. 19). И эту сцену можно было показать в итальянской картине, где Марцелл показан пусть и мстительным, но в то же время великодушным и даже сентиментальным, человеком чести, отстаивающим в первую очередь лицо своей семьи. Более того, как сообщает Плутарх, именно Марцелл «научил невежественных римлян ценить замечательные красоты Эллады и восхищаться ими» (Plut. Marcell. 21). Как пишет А.В. Головнёв, «после взятия Сиракуз в 212 г. до н. э. консул Марк Клавдий Марцелл привез в Рим столько сокровищ, что город преобразился» [Головнёв, 2019, с. 12]. Настолько высокие полководец имел чувство доблести и, как было отмечено Цицероном, чувство меры, что позволило «*ratio victoriae*» не перейти границы «*ratio humanitatis*» [Пичугина, 2018] – и не превратить триумф победителей в варварский грабёж. Однако Теодор Моммзен считал, что Марцелл «запятнал свою воинскую честь, отдав богатый торговый город на разграбление» [Момм-

зен, 1997]. Но Марцелл отдал Сиракузы своим солдатам на разграбление «по праву войны» (*«belli iure»*) (Liv. XXV. 40. 2). У него просто не оставалось выхода – это был общепринятый обычай.

Таким образом, в ключевых моментах именно итальянский фильм был ближе, как нам представляется, к историческому характеру Марцелла. Однако достигается это не историчностью, а вольностями и допущениями.

Касательно Архимеда, следует отметить, что Полибий пишет о нём больше, чем о Марцелле (Polyb. VII. 5; 7–9), подробно описывая машины, созданные учёным, всячески восхищаясь и ими, и умом, их сконструировавшим. Интересно то, что только Плутарх пишет о незаинтересованности Архимеда в создании машин и механизмов: «сам Архимед считал сооружение машин занятием, не заслуживающим ни трудов, ни внимания; большинство их появилось на свет как бы попутно, в виде забав геометрии» (Plut. Marcell. 14). При этом ни у Ливия, ни у Полибия таких фактов нет, они изображают Архимеда заинтересованным в создании подобного рода защитных орудий. Этот образ нам рисует и зарубежный кинематограф.

В «Осаде Сиракуз», как упоминалось выше, Архимед показан не пожилым и отчуждённым, а молодым и более чем заинтересованным не только в создании механизмов, но и в политике. В финале фильма мы даже видим его правителем Сиракуз, который пришёл к этому благодаря дружбе с царём Гиероном II. Источники же нам рассказывают о передаче власти царём Гиероном своему внуку Гиерониму (Liv. XXIV. 4. 1) и о его смещении карфагенскими союзниками (Polyb. VII. 5). Самому Архимеду до политических перипетий интереса нет. Эту незаинтересованность сумели показать в отечественном мультфильме «Коля, Оля и Архимед», где почти воспроизвели историчный эпизод убийства учёного, полностью погруженного в геометрические вычисления (Liv. XXV. 31. 9; Cic. De fin. bon. mal. V. 50; Plut. Marc. 19); однако опять же именно Плутарх высказывает другие версии смерти учёного, в одной из которых Архимеда убивают, когда он нёс свои изобретения для показа Марку Клавдию Марцеллу (Plut. Marc. 19). Было бы, на наш взгляд, странным предполагать, что автор это выдумал, когда и у Ливия, и у Цицерона прослеживается одна и та же история. Вероятно, Плутарх мог взять их от других авторов, например, от Полибия, чей труд дошёл до нас не полностью.

Таким образом, источники рисуют нам Архимеда безмерно мудрым, но отчуждённым от реальности пожилым человеком. Ближе всего к историческому образу оказался отечественный мультфильм. «Осада Сиракуз» изображает Архимеда не только молодым, но и имеющим пылкий характер юноши; между этими двумя крайностями стоит расположить «Кабирию», где нам показывают синкретику предыдущих образов – пожилого, но довольно энергичного человека, небезразличного к происходящему вокруг.

Следует ещё раз отметить, что фильм «Осада Сиракуз» показал Архимеда чересчур неправдоподобно. Как отмечали и А.И. Щетников [Щетников, 2009], и Е.В. Сысоева [Сысоева, 2020], Архимед обладал отличными от большинства интеллектуальными способностями, которые, по мнению С.Б. Бондаренко, даже сформировали вокруг него (и ряда других учёных античности) образ сверхчеловека [Бондаренко, 2015]. Мог ли человек со столь высоким уровнем интеллекта вести себя как разгорячённый юноша? Вероятно, нет, но именно таким его показал Франчиши.

Очень метко высказался о таком обращении с фактами Чезаре Дзаваттини: «если и можно говорить о кризисе у нас, то отнюдь не о кризисе сюжетов (фактов), а в крайнем случае – о кризисе содержания (то есть, толкования этих фактов)» [Дзаваттини, 1989, с. 193]. Возможно, такое неучитливое обращение с фактами источников при написании сценариев, к которому присоединялся мотив обеспечения сограждан работой [Sadoul, 1949, p. 102], а не создания произведений киноискусства, и определило, как выразился Ж. Садуль, «резкое падение» итальянского кино в целом [Sadoul, 1949, p. 102]. Конечно, Садуль

имел в виду упадок итальянского кино после прихода к власти фашистов во главе с Б. Муссолини, но, на наш взгляд, эти слова применимы и к 60-м годам.

Выводы

Таким образом, в полной мере ни в одном произведении кинематографа не были отражены образы Марка Клавдия Марцелла и Архимеда. Исключение может составить только образ учёного в отечественном мультфильме «Коля, Оля и Архимед» (1972), где он показан исторично – седой старец с эллинской бородой, наделённый высоким интеллектом, но при этом лишённый каких-либо интересов, кроме своих геометрических и физических вычислений, занимавших всё его внимание. В «Кабирии» (1914) Архимед показан не таким отчуждённым от жизни, а в «Осаде Сиракуз» (1960) – образ учёного и вовсе полностью скорректирован в угоду любовной линии.

Марцелл в последнем фильме был показан достаточно хорошо, но здесь не хватило историчных сцен, например, слёз при взятии Сиракуз, которые бы сильнее раскрыли характер великого полководца – рассудительного, благородного, отважного, иногда сентиментального, а иногда и авантюрного; последнее качество в реальности отчасти стало причиной его гибели (Liv. XXVII. 27). Впечатление портит смерть Марка Клавдия в конце фильма, хотя в реальности тот был убит лишь 4 года спустя (в 208 г. до н. э.). Отечественный мультфильм показал полководца излишне чёрствым и грубым, однако благородным, но в полной мере образ здесь не раскрыт.

Список литературы

- Богемский Г.Д. 1989. Судьбы неореализма. В кн.: Кино Италии. Неореализм. Москва, Искусство: 5–49.
- Бондаренко С.Б. 2015. Жизнь и смерть Архимеда Сиракузского. Аналитика культурологии, 2 (32): 78–83.
- Головнёв А.В. 2019. Музейное мышление: соблазн открытия и инстинкт хранения. Кунсткамера, 3 (5): 9–18.
- Дзаваттини Ч. Некоторые мысли о кино. В кн.: Кино Италии. Неореализм. Москва, Искусство: 191–210.
- Клименко Р.В. 2020. Битва при Ноле 216 года до нашей эры. Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работ за 2019 год. Воронеж, ВГПУ: 5–7.
- Кудрявцев С.В. 1999. Пеплум. Мегаэнциклопедия «Кирилл и Мефодий». URL: <https://www.km.ru/kino/encyclopedia/peplum> (дата обращения: 20.10.2021).
- Моммзен Т. 1997. История Рима, Т. 1. Кн. 3. Санкт-Петербург, Наука, Ювента, 731.
- Мультфильм. Коля, Оля и Архимед, 1972 (реж. Ю.А. Прытков), СССР.
- Петракова А.Е. 2012. Античность и искусство XXI века, или «Античность, притворись ее знатоком». Труды СПбГИК, Т. 192. Санкт-Петербург, СПбГИК: 137–143.
- Пичугина В.К. 2018. Греческое наследие и «rationem humanitatis»: педагогическое содержание речей Цицерона «против Гая Верреса». Образование и Культура. Педагогический журнал Башкортостана, № 4 (77): 100–105.
- Родионов Е.А. 2005. Пунические войны. Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 626.
- Сысоева Е.В. 2020. История зарождения строительной науки с древних времён. Строительство: наука и образование, Т. 10, № 1 (35): 1–20.
- Теперик Т.Ф. 2010. Античные войны в кинематографическом дискурсе: стилистика и поэтика. Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы VIII Андреевских чтений: 29–33.
- Теперик Т.Ф. 2018. Рецепция античности в кинематографе: три версии о 300 спартанцах. Acta eruditorum, 29: 56–60.
- Фролов Э.Д. 2012. Вместо предисловия: Античность и кинематограф (к проблеме отражения античности в современной игровой культуре). Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Санкт-Петербург, СПбГУ: 2–14.

- Щетников А.И. 2009. Теон Смирнский. Изложение математических предметов. ΣΧΟΛΗ, Т. 3, 2: 466–558.
- Astin A.E. et al. 2008. Cambridge Ancient History. Cambridge, Cambridge University Press, 605.
- Sadoul G. 1949. Histoire d'un art le cinéma: des origines à nos jours. Paris, Flammarion, 493.
- IMDb.com: International Movie Database. Available
https://www.imdb.com/title/tt1921064/?ref_=fn_al_tt_1 (accessed 20 October 2021).
- Film. Cabiria, 1914 (dir. G. Pastrone), Italia.
- Film. L'Assedio di Siracusa, 1960 (dir. P. Francisci), Italia, Francia.

References

- Bogemskiy G.D. 1989. Sud'by neorealizma [The fates of neorealism]. In.: Kino Italii. Neorealizm [Cinema of Italy: Neorealism]. Moscow, Iskusstvo: 5–49 (in Russian).
- Bondarenko, S.B. 2015. Zhizn' i smert' Arkhimeda Sirakuzskogo [Life and death of Archimedes of Syracuse]. Analitika kul'turologii [The analytics of culturology], 2 (32): 78–83 (in Russian).
- Golovnev A.V. 2019. Muzeynoe myshlenie: soblazn otkrytiya i instinkt khraneniya [Museum thinking: the temptation of discovery and the instinct of storage]. Kunstkamera [Kunstkamera], № 3 (5): 9–18 (in Russian).
- Dzavattini Ch. Nekotorye mysli o kino [Some thoughts about cinema]. In: Kino Italii. Neorealizm [Cinema of Italy: Neorealism]. Moscow, Iskusstvo: 191–210 (in Russian).
- Klimenko R.V. 2020. Bitva pri Nole 216 goda do nashey ery [Battle of Nola 216 BC]. Tezisy dokladov studencheskoy nauchnoy koferentsii po itogam rabot za 2019 god [Abstracts of reports of the student scientific conference on the results of the work for 2019]. Voronezh, Press VSPU: 5–7 (in Russian).
- Kudryavtsev S.V. 1999. Peplum [Sword and sandal]. Megaentsiklopediya «Kirill i Mefodiy» [Megaencyclopedia «Cyril and Methodius»]. Available
<https://www.km.ru/kino/encyclopedia/peplum> (accessed 20 October 2021) (in Russian).
- Mommzen T. 1997. Istoriya Rima [The history of Rome], Vol. 1. Bk. 3. Saint-Petersburg: Nauka, Yuventa, 731 (in Russian).
- Cartoon. Kolya, Olya i Arkhimed [Kolya, Olya and Archimedes], 1972 (dir. Y.A. Prytkov), USSR.
- Petrakova A.E. 2012. Antichnost' i iskusstvo XXI veka, ili «Antichnost', pritvoris' ee znatomom» [Antiquity and the art of the 21 century, or «Antiquity, pretend to be an expert on it»]. Trudy SPbGIK [The works of SPbSIC], Vol. 192. Saint-Petersburg, Press of SPbSIC: 137–143 (in Russian).
- Pichugina V.K. 2018. Grecheskoe nasledie i «rationem humanitatis»: pedagogicheskoe sodержanie rechey Tsitserona «protiv Gaya Veressa» [Greek heritage and «rationem humanitatis»: the pedagogical content of Cicero's speeches «against Gaius Veressus»]. Obrazovanie i Kul'tura. Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana [Education and Culture. Pedagogical Journal of Bashkortostan], № 4 (77): 100–105 (in Russian).
- Rodionov E. Punicheskie voyny [The Punic Wars]. Saint-Petersburg, Press of Saint-Petersburg university, 626 (in Russian).
- Sysoeva E.V. 2020. Tracking the origin of civil engineering as a science since ancient times. Construction: science and education, Vol. 10, № 1 (35): 1–20 (in Russian).
- Teperik T.F. 2010. Antichnye voyny v kinematograficheskom diskurse: stilistika i poetika [Ancient wars in the cinematic discourse: the stylistics and the poetics]. Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya. Materialy VIII Andreevskikh chteniyya [The literature of the 20 century: the results and the prospects of the study. Materials of the VIII Andreeva's Readings]: 29–33 (in Russian).
- Teperik T.F. 2018. Recepciya antichnosti v kinematografe: tri versii o 300 spartanah [The concept of antiquity in cinematography: three movie versions of 300 spartans]. Acta eruditorum, 29: 56–60 (in Russian).
- Frolov E.D. 2012. Vmesto predisloviya: Antichnost' i kinematograf (k probleme otrazheniya antichnosti v sovremennoy igrovoy kul'ture) [Instead of a preface: Antiquity and the cinematography (on the problem of reflecting Antiquity in the modern gaming culture)]. Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. The researches and publications on the history of the ancient world]. Saint-Petersburg, Press of SPbSU: 2–14 (in Russian).

Shetnikov A.I. 2009. Theon of Smirna. *Mathematica useful for understanding Plato*. ΣΧΟΛΗ, Vol. 3, 2: 466–558 (in Russia).

Astin A.E. et al. 2008. *Cambridge Ancient History*. Cambridge, Cambridge University Press, 605.

Sadoul G. 1949. *Histoire d'un art le cinéma: des origines à nos jours*. Paris, Flammarion, 493.

IMDb.com: International Movie Database. Available
https://www.imdb.com/title/tt1921064/?ref_=fn_al_tt_1 (accessed 20 October 2021).

Film. *Cabiria*, 1914 (dir. G. Pastrone), Italia.

Film. *L'Assedio di Siracusa*, 1960 (dir. P. Francisci), Italia, Francia.

Cartoon. *Kolya, Olya i Arkhimed* [Kolya, Olya and Archemedes], 1972 (dir. Y.A. Prytkov), USSR.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.02.2022

Received 17.02.2022

Поступила после рецензирования 06.06. 2022

Revised 06.06. 2022

Принята к публикации 06.06. 2022

Accepted 06.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Клименко Роман Владимирович, студент кафедры зарубежной истории, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Roman V. Klimenko, MA student of the Department of Foreign History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

 ORCID: 0000-0002-0113-5084

УДК: 94(37).07

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-510-519

Оригинальное исследование

Апология Афинагора Афинского и её социальный адресат

Самойлов Д.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр. 27, корп. 4
E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

Аннотация. Одним из выдающихся памятников раннехристианской апологетики является «Прощение о христианах» Афинагора Афинского, которое в современном антиковедении привлекает всё большее внимание. В качестве своего адресата Афинагор указывает императоров Марка Аврелия и Луция Коммода. Наша статья посвящена проблеме подлинного адресата апологии. При анализе содержания «Прощения» мы выявили, что Афинагор обращается к нехристианской аудитории. В своей структуре данное сочинение имеет и элементы посольской речи, и элементы судебной речи. Однако рассматриваемая апология едва ли была обращена к императорам в качестве официальной петиции, о чём свидетельствуют серьёзные нарушения норм, принятых для таких обращений. Мы приходим к заключению, что перед нами – философское воззвание, адресованное образованной публике и императорам в том числе.

Ключевые слова: раннее христианство, апологетика, Римская Империя, Марк Аврелий, Луций Коммод

Для цитирования: Самойлов Д.А. 2022. Апология Афинагора Афинского и её социальный адресат. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 510–519. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-510-519

The Apology of Athenagoras Athenian and its Social Addressee

Dmitriy A. Samoilov

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovskii Ave., Moscow 119192, Russia
E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

Abstract. «The Embassy for the Christians» by Athenagoras is prominent work of the Early Christian Apologetics. Many modern scholars appeal to this composition for studying its form, aims and addressee. This article is devoted to determination of addressee of apology of Athenagoras. Athenagoras appeals in preamble of his work to Emperors Marcus Aurelius and Lucius Commodus. But did he intend this work to Emperors in fact? Analyzing the content of Athenagoras' Embassy we reveal that Athenagoras appeals to non-Christian audience. In structure of this composition we find elements of ambassadorial and forensic speeches. But this apology was hardly addressed to the Emperors as an official petition. The Embassy of Athenagoras has serious disturbances of the rules for official appeals. The composition of Athenagoras is too long to be presented to Emperors. Then Athenagoras omits some titles when he addressing to Emperors. We concludes that apology of Athenagoras is philosophical proclamation addressed to cultured audience including the Emperors.

Keywords: early Christianity, apologetics, Roman Empire, Marcus Aurelius, Lucius Commodus

For citation: Samoilov D.A. 2022. The Apology of Athenagoras Athenian and its Social Addressee. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 510–519 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-510-519

Введение

«Прошение о христианах» (Πρὸςβεία περὶ Χριστιανῶν) Афинагора Афинского давно привлекает внимание патрологов и философов и лишь совсем недавно попало в поле зрения историков-антиковедов. Основная проблема, которая интересует последних, заключается в определении формы, адресата и основных целей апологии Афинагора. Как известно, сам Афинагор своё прошение обращает к императорам-соправителям Марку Аврелию и Луцию Коммоду: Αὐτοκράτορσιν Μάρκῳ Αὐρηλίῳ Ἀντωνίνῳ καὶ Λουκίῳ Αὐρηλίῳ Κομόδῳ Ἀρμενιακοῖς Σαρματικοῖς, τὸ δὲ μέγιστον φιλοσόφοις (Athenag. Leg. Pr.). Но в самом ли деле Афинагор предназначал своё сочинение для них? Или его апология является всего-навсего литературной стилизацией? Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить адресата апологии Афинагора.

Результаты и их обсуждение

Во многих специальных работах, равно как и в общих курсах по истории раннехристианской литературы, адресат «Прошения» Афинагора в лице Марка Аврелия и Луция Коммода не подвергается ни малейшему сомнению и воспринимается как данность [Puech, 1912, p. 172; Quasten, 1986, p. 229–230; Grant, 1988, p. 100–101; Муравьёв, 2000, с. 41; Pouderon, 2005, p. 204–205]. Более того, исходя из преамбулы сочинения апологета, исследователи пытаются установить датировку данного произведения: *terminus ante quem* определяется 176 г., когда Коммод стал соправителем отца, *terminus post quem* – 180 г., годом смерти Марка Аврелия [Barnard, 1972, p. 20; Barnes, 1975, p. 113–114; Pouderon, 1989, p. 39–40; Муравьёв, 2000, с. 41].

Однако сомнения относительно адресата «Прошения» Афинагора стали появляться ещё в прошлом веке. Так, итальянский издатель и переводчик рассматриваемой апологии П. Убальди считал, что она вряд ли могла быть направлена императорам и предназначалась, вероятно, для языческой образованной публики в целом [Buck, 1997, p. 153]. В данной связи в историографии 2-й пол. XX в. стала распространяться точка зрения, согласно которой апология Афинагора, как и все прочие раннехристианские апологии, имели характер «открытых писем» и адресовались не столько императорам, сколько обществу [Danielou, 1973, p. 8–9; MacMullen, 1984, p. 20–21; Fiedrowicz, 2000, S. 46]. При этом возможность того, что императоры также могли читать подобные сочинения, некоторыми исследователями не отрицалась [Danielou, 1973, p. 8–9; Fiedrowicz, 2000, S. 46]. В то же время «Прошение» Афинагора стали сопоставлять с трактатами по теории античной риторики Менандра – автора III в. Сам Афинагор, судя по заглавию (Πρὸςβεία), относил свою апологию к жанру посольских речей (πρὸςβευτικὸς λόγος), Менандр же в одном из трактатов даёт рекомендации к составлению таких речей (Menander. 423.6 – 424.2). Некоторые исследователи акцентировали внимание на сходствах между рекомендациями Менандра и текстом Афинагора. Так, Менандр указывает, что в посольских речах должно всюду превозносить человеколюбие царя, подчёркивать, сколь он сострадателен и жалостлив к просящим (Menander. 423.9); у Афинагора также эта тема проходит красной нитью на протяжении всего произведения. Ф. Миллар считал, что «Прошение» по форме соответствует многочисленным речам, адресованным императорам, и «мы не можем категорически отрицать возможность того, что оно действительно было представлено или написано для того, чтобы быть представленным» («we cannot dismiss categorically the possibility that it too actually was delivered, or was written for delivery») [Millar, 1977, p. 555]. В качестве посольской речи, предназначенной для императоров, рассматривал «Прошение» и Р.М. Грант [Grant, 1988a, p. 8–9].

Но, помимо сходств апологии Афинагора с рекомендациями Менандра, некоторые исследователи указывали и на существенные отличия. Первым из таких исследователей был У. Шёдель. Во-первых, как он отмечает, посольская речь, описанная у Менандра,

служит достаточно узкой цели – просьбе о помощи в случае стихийного бедствия, постигшего тот или иной город (к примеру, обрушение акведука); а это, в свою очередь, не имеет никакого отношения к защите общины от обвинений со стороны. Иными словами, никакой апологетики посольские речи содержать не должны [Schoedel, 1989, p. 56]. Во-вторых, структура посольской речи по Менандру отлична от структуры христианской апологии. Обычная посольская речь включает в себя следующие компоненты: 1) перевознесение заслуг императора на войне и в мирное время; 2) описание положения города, от которого прибыло посольство (в этой части речи полагалось подчеркнуть, сколь великое прошлое было у этого города и в сколь жалком состоянии он пребывает сейчас); 3) мольба к императору и просьба издать постановление об этом городе [Schoedel, 1989, p. 56–57]. В-третьих, посольская речь не может быть очень пространной: она должна быть в пределах 150–200 строк [Schoedel, 1989, p. 57]. Апология Афинагора превосходит рекомендуемый Менандром объём многократно. Для сравнения, посольская речь Элия Аристида, в которой он выступает от имени жителей Смирны, довольно ёмка, греческий текст в издании Кейля занимает всего пять страниц [Schoedel, 1989, p. 57], в то время как греческий текст «Прошения» Афинагора в издании Шёделя занимает 42 страницы [Schoedel, 1972, p. 2–86].

Внимательно анализируя текст Афинагора, У. Шёдель находит в нём отдельные элементы и посольской речи, и судебной речи, и петиции к императору (*libellus*). В итоге исследователь даёт следующее определение формы «Прошения»: петиция с апологетическим основанием («*apologetically grounded petition*») [Schoedel, 1989, p. 78]. По мнению Шёделя, это смешанная форма, которая не имеет аналогов в греко-римской литературной традиции. Однако подобная же форма встречается в иудейских сочинениях апологетической направленности – именно в таких сочинениях автор видит предшественников раннехристианской апологетики [Schoedel, 1989, p. 72].

Касаясь вопроса об адресате сочинения Афинагора, Шёдель признаёт возможность представления апологетом своей речи Марку Аврелию и Луцию Коммоду [Schoedel, 1989, p. 74]. Вместе с тем автор проводит аналогию с произведениями Юстина и указывает, что сочинение Афинагора могло иметь и более широкое хождение [Schoedel, 1989, p. 77].

К совершенно другим выводам приходит П.Л. Бак. Она полагает, что апология Афинагора представляет собой чисто литературную фикцию и никогда не предназначалась для чтения или слушания её императорами. В качестве обоснования своей позиции она приводит следующие аргументы. Во-первых, по мнению П.Л. Бак, Шёдель так и не снял вопрос об объёме произведения Афинагора [Buck, 1996, p. 211–212]. С точки зрения исследовательницы, такой большой объём может объясняться только тем, что Афинагор никогда не предполагал в самом деле представить свою речь императорам. Во-вторых, исследовательница возражает Шёдделю по поводу установления параллелей между положением иудеев и христиан в Римской империи. Иудаизм был дозволенной религией (*religio licita*), в то время как христианство – религией запрещённой (*religio illicita*), и исповедание христианства само по себе было преступлением. В этом плане едва ли христиане могли быть допущены к императору и отстаивать перед ним свои права [Buck, 1996, p. 212–213]. В-третьих, нет необходимости видеть в «Прошении» Афинагора какую-то особую смешанную форму, гораздо проще предположить, что это литературная стилизация под посольскую речь [Buck, 1996, p. 213–214]. Тот факт, что перед нами стилизация, подкрепляется также многочисленными ошибками в титулатуре императоров: такие ошибки были возможны только в том случае, если Афинагор никогда не представлял своё сочинение императорам [Buck, 1996, p. 220]. Отрицая то, что апология Афинагора действительно предназначалась принцепсам, П.Л. Бак утверждает в качестве основного адресата апологий сами же христианские общины, и в качестве основных функций таких сочинений исследовательница называет обучение основам веры, увещание и утешение для новообращённых [Buck, 1997, p. 272–277]. Отметим, что в таком определении адресата апологий

П.Л. Бак не одинока, до неё такие же предположения высказывал Р. Мак'Муллен [MacMullen, 1984, p. 20–21].

Изложив столь подробно две точки зрения относительно апологии Афинагора, мы хотели бы остановиться на одном важном моменте. Как справедливо отмечает А.-К. Якобсен, П.Л. Бак и У. Шёдель исходят из одних и тех же источников, но приходят при этом к диаметрально противоположным выводам [Jacobsen, 2014, p. 85]. На наш взгляд, причина этого кроется в одном обстоятельстве: оба исследователя слишком увлеклись анализом формы апологии Афинагора в ущерб её содержанию. И здесь мы хотели бы акцентировать внимание на самом слабом месте в позиции П.Л. Бак.

Так, исследовательница определяет в качестве основного адресата «Прошения» христианскую публику. Но здесь можно привести два контраргумента. Во-первых, апология Афинагора среди христианской аудитории едва ли имела широкое хождение. Об Афинагоре и о его «Прошении» ничего не знали ни Евсевий, ни Иероним, ни Павел Орозий, ни множество других церковных историков. На Афинагора, правда, ссылался автор начала IV в. Мефодий Патарский, возможно, даже имея в виду «Прошение о христианах» [Мироносицкий, 1894, с. 5–6]. Об Афинагоре краткое сообщение приведено также у Филиппа Сидского, историка IV в., но последний вряд ли был знаком с апологетическим сочинением рассматриваемого автора, о чём свидетельствует вопиющая ошибка: Филипп утверждает, что Афинагор направил своё сочинение Адриану и Антонину Пию, между тем как преамбула «Прошения» указывает в качестве адресата Марка Аврелия и Луция Коммода [Мироносицкий, 1894, с. 13–14]. На наш взгляд, незначительная распространённость в Церкви сочинения Афинагора может свидетельствовать о том, что не для Церкви такое сочинение предназначалось, в большей степени оно было ориентировано на нехристианскую публику.

Во-вторых, обратим внимание, с какой частотой Афинагор на протяжении своей апологии обращается к греческой *языческой* литературе и философии при обосновании им христианского вероучения. По подсчётам В.В. Бычкова, на 53 цитаты из Писания (13 – из Ветхого Завета и 40 – из Нового) приходится 57 цитат из греческой литературы [Бычков, 1995, с. 65]. Притом обращение Афинагора к языческой классике имеет уважительный характер (Athenag. Leg. 5–6). Часто он апеллирует к Платону и стоикам (Athenag. Leg. 16, 19, 22, 23, 36). Если адресатом Афинагора были христиане, то подобное обращение кажется не совсем уместным. Но допустим, что ни количество цитат Афинагора, ни их характер сами по себе ни о чём не говорят.

Посмотрим для сравнения на литературу, о которой нам точно известно, что она обращена к христианской аудитории – например, на послания мужей апостольских. В них мы не найдём ни единой ссылки на античную классику. С другой стороны, в раннехристианской литературе есть примеры обращения к античной литературной и философской традиции. Подобные обращения мы находим в мученических актах, в тех местах, где мученики произносят речи перед судьями. Так, Аполлоний, представший перед судом Перенния во время правления Коммода и отказавшийся почтить богов и гений императора, ссылается на пример Сократа (Acta Apoll. G. 19). Интересно также посмотреть на мученические акты Пиония и его учеников, так как в них приводятся речи, которые Пионий обращает и к языческой аудитории, и к христианской. Пресвитер при выступлении на агоре перед язычниками несколько раз ссылается на Гомера (Acta Pionii. 4. 2; 4. 4), а позже, опять обращаясь к язычникам, апеллирует к образу Сократа (Acta Pionii. 17. 3). В речи же, которую пресвитер обращает к своим единоверцам для их увещания, мы не встречаем ни одного примера из античной классики: здесь Пионий ссылается только на Писание (Acta Pionii. 12). Мы не касаемся вопроса о том, произносились ли такие речи в самом деле или являются литературной выдумкой. Здесь важно отметить следующее: в глазах составителей этих текстов ссылки на языческих писателей и философов были всё-таки уместны при обращении к нехристианской аудитории.

Важно также отметить и сложность философской аргументации, которую Афинагор приводит, рассуждая о единстве Божества (Athenag. Leg. 8). Наконец, нельзя не отметить и представление Афинагором самого себя как философа [Мироносицкий, 1894, с. 10]. Всё это явно указывает на то, что он обращается к аудитории начитанной и не чуждой культуре философского мышления.

Таким образом, первое, что следует сказать о социальном адресате интересующего нас произведения, – Афинагор едва ли обращался к своим же единоверцам. Его речь предназначена в первую очередь для языческого читателя или слушателя. Притом предполагаемый читатель или слушатель Афинагора должен быть достаточно образованным человеком. Могли ли в качестве таких читателей или слушателей выступать сами императоры – Марк Аврелий и его сын, указанные в преамбуле речи Афинагора?

Рассмотрим структуру «Прошения о христианах». В первых двух главах Афинагор подводит своих слушателей к существу дела. Он указывает, что в Империи каждый народ волен придерживаться своих обычаев и традиций, что императоры позволяют это, поскольку страх перед богами удерживает от преступлений (Athenag. Leg. 1.1 – 1.2). И только христиане ненавидимы за само имя (Athenag. Leg. 1.2). Их гонят и преследуют, хотя они не совершают ничего дурного (Athenag. Leg. 1.3). Здесь у апологета чётко вырисовывается цель его «Прошения»: «Мы решились открыть наше положение (вы узнаете из этой речи, какие страдания мы переносим не по справедливости и вопреки закону и разуму), и мы просим Вас разузнать кое-что о нас, чтобы мы не были более терзаемы клеветниками» (Athenag. Leg. 1.3). Во второй главе он поясняет суть своей просьбы: «мы просим равенства для всех, дабы мы не были ненавидимы и караемы за то, что называемся христианами (да и каково отношение имени нашего к преступлению?), но чтобы мы были судимы по тому делу, в котором кто-либо обвинял бы [нас], и либо нас, оправдавшихся от обвинений, освобождали, либо наказывали уличённых в злодеяниях не по имени, но по преступлениям (ведь ни один христианин не злодей, если не лицемерит)» (Athenag. Leg. 2.4).

Цель Афинагора, таким образом, заключается в том, чтобы убедить своих слушателей прекратить гонения. Для реализации поставленной цели Афинагор переходит к опровержению трёх основных обвинений, связанных с именем христиан: безбожие, Эдиповы смешения (кровосмешения) и Фиестовы трапезы (каннибализм) (Athenag. Leg. 3.1). Наибольшее внимание апологет уделяет обвинению в безбожии, его последовательному опровержению он посвятил 27 глав из 37 (главы 4–30), далее он кратко останавливается на других двух обвинениях (главы 31–36), а в конце возвращается к своей изначальной цели и просит удовлетворить его прошение, дать мир христианам (глава 37). Таким образом, структура речи Афинагора явно подчинена изначальной задаче: убедить правителей не преследовать христиан. Даже те места, которые кажутся излишними и обременяющими речь Афинагора, в конечном итоге служат его апологетической задаче показать, что обвинения против христиан лишены основания. Например, доказывая, что христиане не являются безбожниками, автор приводит довольно пространственный обзор мнений поэтов и философов о едином Боге (Athenag. Leg. 5–6). В конце Афинагор заключает: «Итак, кто бы что ни утверждал, но в том, что Бог един, согласно большинство из всех исследовавших начала вещей; мы тоже утверждаем, что сотворивший всё и есть Тот Бог: отчего же другим разрешено свободно и говорить, и писать о Боге, чего бы они не захотели, а нам запрещено законом, хотя мы можем обосновать истинными свидетельствами и доказательствами то, что полагаем и во что веруем – что Бог един?» (Athenag. Leg. 7.1).

Таким образом, ни структура речи, ни её содержание не наталкивают на мысль о том, что её адресат является всецело фикцией. Более того, следует отметить частоту обращений Афинагора к императорам по ходу речи даже в тех местах, где такие обращения кажутся излишними для повествования. Конечно, было бы преждевременно отсюда вывести твёрдое заключение, что апологет непременно представлял свою речь императорам, как это делают Б. Пудрон [Pouderon, 1989, p. 61] и А.-К. Якобсен [Jacobsen, 2014, p. 85].

Мы поступим несколько осторожнее и скажем, что постоянная апелляция Афинагора к правителям по ходу его произведения может служить указанием на то, что Афинагор предполагал, что среди его читателей будут императоры.

Посмотрим же теперь на форму «Прошения» Афинагора. Имеет ли она элементы посольской речи? Мы считаем, что на этот вопрос следует ответить утвердительно. Только элементы эти все содержатся в первых двух главах и в последней. Проведём сравнение с рекомендациями Менандра. Последний утверждает, что перед изложением просьбы следует воздать хвалу императору за его подвиги на войне и заслуги в мирное время (Menander. 423. 13–14). Афинагор не пишет об участии императоров в войне, но подчёркивает, что в их правление «все имеют равные права, города по достоинству пользуются равным почётом, и вся Империя, благодаря Вашей мудрости, наслаждается глубоким миром» (Athenag. Leg. 1.2). То есть формальность Афинагор всё-таки соблюдает и воздаёт хвалу правителям, благодаря которым в Империи царит мир. Далее Менандр рекомендует перейти к описанию положения той общины, от которой прибыли послы, то есть к изложению проблемы (Menander. 423. 15–25). Афинагор также переходит к делу, говоря: «мы же, называемые христианами, лишены Вашей заботы, и Вы позволяете гнать, разорять и преследовать нас...» и далее описывает положение христиан (Athenag. Leg. 1.3 – 2.3). Наконец, в завершении посольской речи Менандр советует обратиться к императору и просить его издать постановление (Menander. 423.28 – 424.2).

У Афинагора открытая просьба издать постановление встречается один раз во второй главе («Ваш долг как величайших, человеколюбивейших и учёнейших государей – отстранить законом от нас клевету», Athenag. Leg. 2.1). Далее в той же второй главе он просит уравнивать христиан в правах с прочими жителями Империи (Athenag. Leg. 2.4), и в конце своего произведения он ещё раз молит своих слушателей удовлетворить его прошение и дать мир христианам (Athenag. Leg. 37). Таким образом, в целом структура посольской речи у Афинагора соблюдена, но только в начале апологии, образуя как бы её вводную часть, и в заключении. Главы 3–36 по своей структуре уже отклоняются от посольской речи в том виде, как её описывает Менандр. В этих главах Афинагор занят опровержением обвинений, возводимых на христиан, т. е. его речь получает в прямом смысле апологетический, «судебный» характер. Посольская речь, таким образом, обрамляет судебную речь. Исходя из анализа структуры произведения Афинагора, мы всё-таки склонны прислушаться к мнению У. Шёделя: сочинение апологета не является стилизацией под какой-то конкретный вид речи, оно является смешением разных видов речей.

Однако порождено ли сочетание посольской и судебной речи исключительно тем фактом, что перед нами литературная стилизация? С одной стороны, это можно рассматривать как некую стилизацию. Но важно учесть и ещё одно обстоятельство: такое сочетание могло быть вызвано существом дела, которое просит разобрать Афинагор. Он ведь не выступает от города, претерпевшего какие-либо бедствия, он выступает как представитель гонимого религиозного сообщества. В этой связи ему важно не только попросить императоров прекратить гонения, но и показать их безосновательность, доказать, что обвинения против христиан беспочвенны. И здесь объективно Афинагор вынужден перейти от посольской речи к речи защитительной. Могла ли в таком виде речь Афинагора удостоиться внимания императоров?

Как мы видели, У. Шёдель ссылается на иудейскую апологетику, которая также допускала смешение нескольких форм речей [Schoedel, 1989, p. 63–70]. П.Л. Бак возражает против этого тем, что иудеи, в отличие от христиан, могли обращаться к императору, поскольку иудаизм был дозволенной религией, в то время как христианство само по себе в Римской империи являлось преступлением и едва ли христиане могли обращаться к императору [Buck, 1996, p. 212–213]. Вопрос о правовом положении Церкви в Империи и о юридическом основании для гонений очень сложен, и здесь не место его специально рассматривать. Отметим только одно: большинство современных исследователей склоняется

к тому, что гонения на христиан при Антонинах имели локальный и спонтанный характер и зависели не от постановлений императоров, а от действий наместников провинций [Barnes, 1968, p. 50; Ste Croix, 1963, p. 15]. И здесь неслучайным кажется, что ряд апологетов эпохи Антонинов адресуют свои сочинения именно императорам в стремлении убедить их положить конец преследованиям. На правление Марка Аврелия, правда, приходится самое страшное гонение, оно затронуло Галлию и Малую Азию. Но на это время приходится и пик активности апологетов: большинство апологетов II в., известных нам поимённо, адресовали свои апологии именно Марку Аврелию [Grant, 1988a]. Что характерно, в последние годы правления Марка гонения сошли на нет [Sordi, 1983, p. 74]: нельзя ли здесь видеть результат деятельности апологетов, в том числе Афинагора Афинского?

Однако другие возражения П.Л. Бак имеют более весомый характер. Присмотримся к ним. Исследовательница, как мы видели, указывает на объём сочинения Афинагора и заключает, что правители Империи не стали бы заслушивать столь длинное обращение [Buck, 1996, p. 211–212]. У. Шёдель, правда, допускает, что Афинагор не обязательно представлял свою речь целиком [Schoedel, 1989, p. 59]. Античная литературная традиция даёт нам один любопытный пример. Флавий Филострат в своём произведении «Жизнь Аполлония Тианского» описывает, как его главный герой предстал перед судом императора Домициана. Аполлоний составил в свою защиту пространную апологию, но император не дал ему возможности произнести её полностью, заставив Аполлония ответить только на четыре вопроса (Philostr. V. Apoll. VIII. 5). Основываясь на этом примере, безусловно, можно предположить, что Марк Аврелий также не стал бы слушать апологию Афинагора целиком, а свести дело к рассмотрению нескольких ключевых вопросов. Но это не доказывает *факта* представления Афинагором своей апологии императорам. Более того, приведённый пример не разрешает ещё вопроса об объёме сочинения апологета. Ведь оно даже иудейские апологетические речи по объёму превосходит в несколько раз [Buck, 1996, p. 212].

Далее, указывает П.Л. Бак, против адресации Афинагором «Прошения» императорам говорят ошибки в титулатуре, приведённой в преамбуле [Buck, 1996, p. 220–221]. Афинагор формулирует свой адресат следующим образом: «Автократорам Марку Аврелию Антонину и Луцию Аврелию Коммоду Армянским, Сарматским, более же всего – философам». С точки зрения П.Л. Бак, титул «Армянский» едва ли приложим к Марку Аврелию, потому что после войны с Парфией он имел титулы «Парфянский» и «Мидийский». Но, как указывает Р.М. Грант, египетские папирусы, датированные 176–179 гг. (временем, когда Афинагор составлял свою апологию), прилагают и к Марку Аврелию, и к Коммоду титулы «Армянские, Мидийские, Парфянские, Германские и Сарматские» [Grant, 1988a, p. 8]. У Афинагора, таким образом, пропущены три средних титула. Р.М. Грант предполагает, что эти титулы могли быть опущены не Афинагором, а позднейшим переписчиком [Grant, 1988a, p. 8]. Для сравнения, в преамбуле посольской речи Элия Аристида, адресованной тем же императорам, вышеприведённые титулы не упоминаются вовсе. Однако у Афинагора опущен ещё и титул «Августы» (Σεβαστοί), что является несомненно более серьёзным отклонением от принятых норм обращения. Думается, что объяснить этот пропуск одной лишь ошибкой переписчика было бы неправильно. Т.Д. Барнс в своё время выдвинул предположение, что данное отклонение было вызвано тем, что «Прошение» Афинагора было представлено императорам-соправителям до того, как одному из них, Коммоду, был присвоен титул Августа [Barnes, 1975, p. 113]. Отсюда исследователь определяет и датировку: Афинагор мог подать своё «Прошение» в 176 г., когда Коммод был провозглашён императором, но ещё не имел титул Августа. На наш взгляд, объяснение Т.Д. Барнса вряд ли можно считать удовлетворительным. Допустим, что Афинагор составил своё обращение до принятия Коммодом титула Августа, но тогда остаётся неясным, почему он не прилагает этот же титул к Марку.

То обстоятельство, что Афинагор допускает серьёзное нарушение в обращении к императорам, явно свидетельствует о том, что речь его не могла быть представлена официально. Тем не менее П.Л. Бак, на наш взгляд, заходит слишком далеко, когда утверждает, что Афинагор в принципе не предназначал своё произведение для правителей. Как мы видели выше, Афинагор в апологии всё-таки подразумевал вполне конкретный адресат и, по крайней мере, рассчитывал, что сочинение его дойдёт до императоров. Ещё раз напомним, что ряд особенностей произведения Афинагора (большое количество ссылок на греческую литературу и философию, сложность философской аргументации, наконец, презентация автором самого себя как философа) свидетельствуют о том, что апологет своей аудиторией видит образованную языческую публику. И здесь он, вероятно, полагал и императоров в составе этой аудитории, как людей учёнейших (Athenag. Leg. 2.3), устремлённых «к философии и ко всякой науке» (ἀπὸ φιλοσοφίας καὶ παιδείας πάσης) (Athenag. Leg. 2.3). Неслучайно в преамбуле, обращаясь к правителям, он говорит: τὸ δὲ μέγιστον φιλόσοφοις, т. е. он обращается не просто к императорам, но «более всего к философам». «Прошение» Афинагора – это не формальная посольская или судебная речь, которая была произнесена при официальном приёме. Перед нами скорее обращение философа к философам. В таком случае это объясняло бы и смешение разных видов речей, и объём произведения, и небрежность при указании адресата. Апология Афинагора имеет форму в первую очередь философского воззвания. И в таком виде оно действительно могло предназначаться для императоров.

Заключение

Таким образом, «Прошение о христианах» Афинагора Афинского было написано в первую очередь для внешней нехристианской аудитории. Афинагор видит своих читателей далеко не чуждыми классической культуре, способными к восприятию сложных философских аргументов. Вероятно, Афинагор предполагал, что среди таких читателей будут и императоры. Но его апология, несмотря на внешние признаки посольской и судебной речи, едва ли представлялась официально. В целом «Прошение» Афинагора имеет форму философского воззвания и, таким образом, её адресатом действительно могли выступать правители Римской империи.

Список литературы

- Бычков В.В. 1995. *Aestetica Patrum*. Эстетика Отцов Церкви. Москва, Ладомир, 593.
- Мироносицкий П.П. 1894. Афинагор, христианский апологет II века. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 276.
- Муравьёв А.В. 2000. «Этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа...». Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования. Москва, Ладомир: 39–44.
- Barnard L.W. 1972. *Athenagoras: A study of the Second Century Christian Apologetic*. Paris, Beauchesne Editeur, 198.
- Barnes T.D. 1968. Legislation against the Christians. *The Journal of Roman Studies*, 58: 32–50.
- Barnes T.D. 1975. The Embassy of Athenagoras. *The Journal of the Theological Studies*, 26: 111–114.
- Buck P.L. 1996. Athenagoras's Embassy: A Literary Fiction. *Harvard Theological Review*, 89, 3: 209–226.
- Buck P.L. 1997. *Second Century Greek Christian Apologies addressed to Emperors: Their Form and Function*. Dissertation PhD. Ottawa, University of Ottawa, 292.
- Danielou J. 1973. *Gospel Message and Hellenistic Culture*. London, Philadelphia, The Westminster Press, 541.
- Fiedrowicz M. 2000. *Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Ferdinand Schöningh, 366.
- Grant R.M. 1988. *Greek Apologists of the Second Century*. Philadelphia, Westminster Press, 254.

- Grant R.M. 1988a. Five Apologists and Marcus Aurelius. *Vigiliae Christianae*, 42, 1: 1–17.
- Jacobsen A.-C. 2014. Athenagoras. In: *In Defense of Christianity. Early Christian Apologists*. Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt am Mein, Peter Lang Edition: 81–100.
- MacMullen R. 1984. *Christianizing of the Roman Empire (A. D. 100–400)*. New Haven; London, Yale University Press, 184.
- Millar F. 1977. *The Emperor in the Roman World (31 B. C. – A. D. 337)*. London, Duckworth, 656.
- Pouderon B. 1989. *Athenagore d’Athenes philosophe Chretien*. Paris, Beauchesne Editeur, 354.
- Pouderon B. 2005: *Les Apologistes Grecs du II siècle*. Paris, Les Editions du Cerf, 355.
- Puech A. 1912. *Les Apologistes Grecs du II siècle de notre ere*. Paris, Librairie Hachette et Co, 344.
- Quasten J. 1986. *Patrology. Vol. 1. The Beginnings of Patristic Literature*. Westminster, Christian Classics, 349.
- Russel D.A, Wilson N.G. (eds.). 1981. *Menander Rhetor*. Oxford, Oxford University Press, 391.
- Schoedel W.R. (ed.). 1972. *Athenagoras. Legatio and De Resurrectione*. Oxford, Oxford University Press, 156.
- Schoedel W.R. 1989. *Apologetic Literature and Ambassadorial Activities*. *Harvard Theological Review*, 82, 1: 55–78.
- Sordi M. 1983. *The Christians and the Roman Empire*. London, Sydney, Croom Helm, 215.
- Ste Croix G.E. 1963. *Why were the Early Christians persecuted? Past and Present*, 26: 6–38.

References

- Bychkov V.V. 1995. *Aestetica Patrum. Estetika Ottsov Tserkvi [Aestetica Patrum. The aesthetics of the Church Fathers]*. Moskva, Ladimir, 593 (in Russian).
- Mironositskiy P.P. 1894. *Afinagor, hristianskiy apologet II veka [Athenagoras, Christian apologist of the Second Century]*. Kazan, Tipo-litografia Imperatorskogo Universiteta, 276 (in Russian).
- Murav'yev A.V. 2000. «Etot muzh propovedoval hristianstvo, sohranyaya mantiyu filosofa...» [«This man preached a Christianity keeping a mantle of Philosopher»]. *Rannehristianskie apologety II–IV vekov: Perevody i issledovaniya*. Moskva, Ladimir: 39–44 (in Russian).
- Barnard L.W. 1972. *Athenagoras: A study of the Second Century Christian Apologetic*. Paris, Beauchesne Editeur, 198.
- Barnes T.D. 1968. *Legislation against the Christians*. *The Journal of Roman Studies*, 58: 32–50.
- Barnes T.D. 1975. *The Embassy of Athenagoras*. *The Journal of the Theological Studies*, 26: 111–114.
- Buck P.L. 1996. *Athenagoras’s Embassy: A Literary Fiction*. *Harvard Theological Review*, 89, 3: 209–226.
- Buck P.L. 1997. *Second Century Greek Christian Apologies addressed to Emperors: Their Form and Function*. Dissertation PhD. Ottawa, University of Ottawa, 292.
- Danielou J. 1973. *Gospel Message and Hellenistic Culture*. London, Philadelphia, The Westminster Press, 541.
- Fiedrowicz M. 2000. *Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Ferdinand Schöningh, 366.
- Grant R.M. 1988. *Greek Apologists of the Second Century*. Philadelphia, Westminster Press, 254.
- Grant R.M. 1988a. Five Apologists and Marcus Aurelius. *Vigiliae Christianae*, 42, 1: 1–17.
- Jacobsen A.-C. 2014. Athenagoras. In: *In Defense of Christianity. Early Christian Apologists*. Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt am Mein, Peter Lang Edition: 81–100.
- MacMullen R. 1984. *Christianizing of the Roman Empire (A. D. 100–400)*. New Haven; London, Yale University Press, 184.
- Millar F. 1977. *The Emperor in the Roman World (31 B. C. – A. D. 337)*. London, Duckworth, 656.
- Pouderon B. 1989. *Athenagore d’Athenes philosophe Chretien*. Paris, Beauchesne Editeur, 354.
- Pouderon B. 2005: *Les Apologistes Grecs du II siècle*. Paris, Les Editions du Cerf, 355.
- Puech A. 1912. *Les Apologistes Grecs du II siècle de notre ere*. Paris, Librairie Hachette et Co, 344.
- Quasten J. 1986. *Patrology. Vol. 1. The Beginnings of Patristic Literature*. Westminster, Christian Classics, 349.
- Russel D.A, Wilson N.G. (eds.). 1981. *Menander Rhetor*. Oxford, Oxford University Press, 391.
- Schoedel W.R. (ed.). 1972. *Athenagoras. Legatio and De Resurrectione*. Oxford, Oxford University Press, 156.

Schoedel W.R. 1989. Apologetic Literature and Ambassadorial Activities. *Harvard Theological Review*, 82, 1: 55–78.

Sordi M. 1983. *The Christians and the Roman Empire*. London, Sydney, Croom Helm, 215.

Ste Croix G.E. 1963. Why were the Early Christians persecuted? *Past and Present*, 26: 6–38.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.03.2022

Received 07.03.2022

Поступила после рецензирования 01.06. 2022

Revised 01.06. 2022

Принята к публикации 01.06. 2022

Accepted 01.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Самойлов Дмитрий Александрович, аспирант кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Dmitriy A. Samoilov, PhD student of the Department of History of Ancient World of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1872-9206](https://orcid.org/0000-0003-1872-9206)

УДК 94.37

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-520-527

Оригинальное исследование

Общественные здания в Лаодикее Приморской по данным нумизматических источников

Кириллов В.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы 85
E-mail: vlmkir@yandex.ru

Аннотация. Цель данной работы – дополнить на основании нумизматических источников имеющиеся сведения об общественных зданиях Лаодикеи Приморской. Монетная чеканка города в I–III вв. позволяет проследить архитектурные особенности трёх построек и наметить основные этапы их существования. Первая из них – Лаодикейский маяк, являвшийся важным объектом инфраструктуры городского порта в римское время. Два других здания представляют собой храмовые комплексы, существовавшие в городе в сер. II – сер. III вв. Все рассматриваемые в статье постройки не упоминаются в письменных источниках, при проведении археологических исследований их остатки на текущий момент также не были обнаружены.

Ключевые слова: Лаодикея Приморская, нумизматика, Сирия, городская традиция, общественные здания

Для цитирования: Кириллов В.М. 2022. Общественные здания в Лаодикее Приморской по данным нумизматических источников. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 520–527. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-520-527

Public Buildings in Laodicea Maritima According to Numismatic Sources

Vladimir M. Kirillov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: vlmkir@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to supplement available information about public buildings in Laodicea in Syria using the numismatics. Coinage of the city in the first – third cent. A. D. makes it possible to trace architectural peculiarities and outline the main stages of existence of three constructions. The first of them is the lighthouse of Laodicea which was an important infrastructure facility of the port of the city during Roman time. Two other buildings represented remarkable temple complexes or separate religious constructions functioning in the city in the mid. second – mid. third cent. A. D. All buildings that described in the paper aren't mentioned in any written sources, construction remains from them haven't been yet found when conducting of archaeological research. The city coinage of Laodikeia provides information about the temple architecture of the city, which allows us to clarify our ideas about the public buildings of this city of Roman times in Syrian Region as a unit complex.

Key words: Laodicea in Syria, numismatics, Syria, urban tradition, public buildings

For citation: Kirillov V.M. 2022. Public Buildings in Laodicea Maritima According to Numismatic Sources. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 520–527 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-520-527

Введение

Сирия в узком смысле административной единицы римского провинциального аппарата и сирийский регион в более широком контексте протяжённой исторически сложившейся зоны, под которым его устойчиво понимали историографы античной традиции¹, дают впечатляющее количество доступных для исследования источников. Данное обстоятельство обусловлено значительной территорией региона, его важностью в политическом и экономическом контексте, высочайшей плотностью населения в отдельных зонах и заметным уровнем его хозяйственной активности. Однако корпус сирийских источников имеет определённую специфику, которая уже отмечалась в историографии [Грушевой, 2013, с. 29]. При значительном общем количестве имеющихся данных их плотность стремительно оскудевает применительно к отдельным районам Сирии, объектам изучения и хронологическим рамкам, что требует непрерывного поиска новых методов работы с ними для извлечения новых данных и составления адекватного представления об изучаемом вопросе.

Данный фактор с сожалением приходится учитывать и при изучении инфраструктуры сирийских городов приморской зоны, важной частью которой являются общественные здания и крупные индивидуальные архитектурные объекты, обеспечивающие функционирование городской среды. Письменные источники, даже на уровне эпитафики, в лучшем случае дают упоминание о наличии в городах того или иного сооружения, не вдаваясь в подробности о его внешнем облике и архитектурных особенностях. Трудности в данном контексте вызывает и археологическое изучение многих крупных античных центров региона, поскольку их культурные слои скрыты современной застройкой, как это происходит, например, с Лаодикеей Приморской или Бейрутом, поэтому обнаружить единичные объекты инфраструктуры в приемлемом для составления выводов состоянии не всегда представляется возможным. В этой связи необходимо обратиться к данным римской провинциальной нумизматики, которая является существенным информационным дополнением при изучении данного вопроса, при этом аналогичная методика работы показывает высокую эффективность при исследовании городов восточных провинций [Handler, 1971, p. 57–74].

Результаты и их обсуждение

В корпусе монетной чеканки Лаодикеи Приморской известны две эмиссии, монеты которых несут на реверсе изображение маяка. Впервые на них обратил серьёзное внимание Анри Сейринг, который в специальной статье предпринял попытку обобщить известные ему данные относительно этого сооружения.

Описывая монеты первой эмиссии, Сейринг публикует шесть подобных экземпляров, на трёх из которых обозначена дата 144 года антиохийской эры Цезаря, что соответствует 88/89 г. н. э. и с большой вероятностью может быть связано с датой строительства маяка [Seyring, 1952, p. 55]. Составитель BMC не заметил дату на известном ему экземпляре монеты [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 24] и датировал выпуск периодом от 47 г. до н. э. до начала правления Августа. При этом он провёл аналогию с изображением мессинского маяка на синхронном денарии Секста Помпея [BMCRR Sicily, 1910, № 18–19] и монетами александрийской чеканки, однако осторожно поместил данную мысль в комментарии [Wroth, 1899, p. 250]. Аверс первой эмиссии несёт на себе изображение профиля Диониса вправо с тирсом внизу. На реверсе помещена башня круглой в

¹ См.: Strab., XVI, 2, 1–2: Ἡ δὲ Συρία πρὸς ἄρκτον μὲν ἀφώρισται τῇ Κιλικίᾳ καὶ τῷ Ἀμανῶϊ ἀπὸ θαλάττης δ' ἐπὶ τὸ ζεύγμα τοῦ Εὐφράτου στάδιοι εἰσὶν οἱ τὸ λεχθὲν πλευρὸν ἀφορίζοντες οὐκ ἐλάττους τῶν [χιλίων καὶ] τετρακοσίων; Oros., Hist. Adv. Pag., I, 2, 24: In capite Syriae Cappadocia est, quae habet ab oriente Armeniam, ab occasu Asiam, ab aquilone Themiscyrios campos et mare Cimmericum, a meridie Taurum montem, cui subiacet Cilicia et Isauria usque ad Cilicium sinum, qui spectat contra insulam Cyprum.

плане формы, стоящая на низком широком постаменте. Над ней расположена аналогичная башня меньшего размера, в которой должен был располагаться огонь, сверху неё помещена статуя божества. В её левой руке помещён вытянутый предмет, который с одинаковой вероятностью может являться копьём, тирсом или трезубцем, что не даёт возможности точно идентифицировать божество.

Отметим, что монеты первой эмиссии известны уже с XVIII в. и были описаны Гаспаром Одериком в его работе, посвящённой античной нумизматике [Oderic, 1777, p. 9–10]. Несмотря на неверную датировку выпуска и имеющую мало общего с реальностью прорисовку изображения, автор сделал правильный вывод об отличии формы маяка в Лаодикее, имевшего радиальную планировку, от более знаменитой четырёхугольной в плане александрийской постройки. Сейринг же не просто не обратил внимание на данное обстоятельство, но и без каких-либо явных аргументов высказал прямо противоположное мнение [Seyring, 1952, p. 55].

Вторая эмиссия лаодикейских монет с изображением маяка относится ко времени Септимия Севера. Их аверс несёт обращённые друг к другу погрудные портреты одетых в доспехи Септимия и Геты. На реверсе монет этой серии изображено грузовое судно с гребцами, идущее вправо на фоне помещённого сзади маяка, на втором ярусе которого заметна подающая сигналы капитану корабля человеческая фигура. Изображение маяка аналогично изображению с монет 88/89 г. Сейринг публикует две монеты такого типа, отмечая и отдельную конструктивную особенность в виде вертикальной канавки, проходящей на всём протяжении башни первого яруса [Seyring, 1952, p. 57]. Он затрудняется дать объяснение этой детали, что может быть вызвано не самым лучшим состоянием обоих экземпляров.

Э. Майер в своём исследовании о бронзовой чеканке Лаодикее при Септимии Севере вдобавок к вышеупомянутым публикует две другие монеты такого типа [Meyer, 1991, № 95–5, 95–6] и датирует их выпуск 198/9 гг. [Meyer, 1991, S. 86].

В настоящее время известно ещё несколько подобных экземпляров, которые происходят с западных аукционных площадок и могут иметь высокую степень состояния [Roma Numismatics Ltd. E-live auction 4, 28 Nov. 2018. Lot 577]. Их совокупный анализ позволяет уточнить особенности внешнего вида маяка, отметив массивные карнизы первого и второго ярусов. На их же основе может быть предложено объяснение вертикальной канавки первого яруса, которая является изображением непривычно высокой арки входа. Следует отметить, что, создавая схематичную иллюстрацию лаодикейского маяка, Э. Галили также фиксирует эту архитектурную особенность конструкции [Rosen, Galili, Zviely, 2012, p. 172].

Контекст выпуска монет второй эмиссии не связан непосредственно с маяком, а посвящён богатым милостям общине Лаодикее, которые она получила со стороны императора за отказ поддержать Песценния Нигера в его выступлении, в особенности пожертвованиям зерна, о чём подробно рассказывает Малала [Malal. XII, O 388 D]. На это обстоятельство указывает помещённая на реверсе под судном надпись LIBERALITA AVG, которая в римской нумизматике служит обозначением императорской милости и щедрости [Fears, 1981, S. 904], в связи с чем можно представить сюжет реверса монеты как корабль с дарованным императором городу зерном, который заходит в порт Лаодикее, для ассоциации с которым и было выполнено изображение маяка. Также отметим, что данный контекст не принят единодушно, и Майер связывает эмиссию с новой отстройкой маяка в 194 г. [Meyer, 1991, S. 86], однако не приводит в пользу своего утверждения никаких аргументов.

В целом анализ нумизматических источников позволяет уточнить облик маяка в порту Лаодикее, определить вероятную дату его строительства. Сходство изображений на монетах 88/89 и 198/199 г. может говорить о том, что на протяжении данного временного отрезка маяк не перестраивался и не был разрушен в результате гражданской войны 193/195 гг. В пользу последнего тезиса говорит и отсутствие упоминания маяка Иоанном Малалой в перечне лаодикейских построек, пострадавших от войска Песценния Нигера и

заново отстроенных Севером [Malal. XII, O 388 A]. Более поздние упоминания источников о лаодикейском маяке отсутствуют, наиболее вероятно, что он погиб при одном из многочисленных землетрясений IV–V вв.

Остальные лаодикейские монеты с изображениями общественных зданий объединяются в одну серию, которую на основе сюжетов их реверса было бы закономерно назвать храмовой. В свою очередь, данная серия разбивается на два отдельных типа. Первый из них чеканился от имени Коммода [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 78–79], Септимия Севера и Элагабала [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 99–103]. На аверсе монет такого типа изображён развёрнутый вправо профиль императора, который обозначен соответствующей круговой легендой. На реверсе помещён дистиль с арочным перекрытием, в котором располагается бюст богини Тюхе, определяемый по характерному головному убору, составленному из узнаваемых зданий панорамы соответствующего города, что является типичным для многих сирийских центров ещё с эпохи эллинизма [BMC Phoenicia, 1910, № 181; RPC I, 1998, № 4365; RPC IV,4 № 6427; SNG Copenhagen (Vol. 36), 1959, № 337].

Особый интерес представляет эмиссия от имени Септимия Севера [SNG Hunterian (Vol. 2), 2008, № 3212], где на реверсе внутри дистиля в образе богини изображена Юлия Домна. Контекст её изображения может быть связан с получением городом в 195 г. статуса метрополии [Malal. XII. O 387 C], отобранного Септимием у Антиохии, и выражать попытку общины Лаодикеи сблизиться с императорской семьёй через Юлию Домну, которая, как известно, была именно сирийского происхождения. Отметим, что она изображена на монете без каких-либо узнаваемых атрибутов богини и сопоставляется с Тюхе исключительно на основании архитектурных особенностей помещённого на монетах храма.

Они становятся ясными при анализе различий в деталях реверса на монетах данного типа эмиссий более раннего и позднего времени. Во-первых, на выпусках от имени Коммода и Септимия изображено одно и то же здание с колоннами узнаваемой витой формы, они не несут на себе капителей, сразу переходя в кладку перекрытий здания. На монетах Элагабала колонны уже прямые, их конструкция завершается капителями дорического ордера. Во-вторых, в более раннем выпуске бюст Тюхе установлен на алтарь, украшенный венками и цветочными гирляндами; на отчеканенных при Септимии и Элагабале экземплярах подобная деталь отсутствует. Наконец, на монетах более поздней эмиссии можно заметить продолжение постройки в виде двух дополнительных арок, расходящихся вправо и влево от основного здания, что не нашло отражения на выпущенных в предыдущие периоды экземплярах. Важным является и обстоятельство, что данные различия характерны для всех штемпельных пар первой, второй и третьей эмиссий и могут быть выявлены при сравнении любых монет всех трёх выпусков. Такая закономерность затрудняет объяснение наличия подобной разницы в изображениях особенностями чувства стиля каждого резчика штемпеля и наводит на мысль, что за по меньшей мере тридцатилетний промежуток между двумя крайними эмиссиями здание могло быть подвергнуто серьёзной перестройке, в результате чего и изменило свой облик.

Следующая серия монет с изображением храмовой архитектуры Лаодикеи открывается достаточно крупным медным номиналом, который чеканился от имени молодого Каракаллы и бывшей на тот момент его женой Публии Плавциллы [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 95–96]. Их обращённые вправо профили помещены на аверсе внутри круговой легенды. Майер выделяет для данной серии пять вариантов реверса, на четырёх из которых изображена Артемида, и датирует весь выпуск промежуток с 202 по 205 гг. [Meyer, 1991, S. 87]. Пятый тип реверса [Meyer, 1991, № 99, 101, 104, 106, 108, 109, 110] несёт на себе изображение ещё одного дистиля, внутри которого сидит обращённый грудью к зрителю орёл с распростёртыми крыльями. Специфической чертой архитектуры данного сооружения выступает конструкция крыши. Она не воспроизводит типичный для классической монументальной архитектуры двускатный тип и относится к группе соору-

жений, в которых горизонтальное перекрытие увенчано меньшим по площади и напоминающим по форме линзу куполом. Самой известной постройкой, где крыша реконструируется подобным способом, может считаться храм Весты на римском форуме [D'Anna, 1987, p. 21]. Аналогия с ним и принципы пропорционирования классической архитектуры [Christiane, Joost-Gaugier, 2006, p. 166] позволяют предположить, что здание имело круглую или квадратную планировку.

Изображение сидящего с раскрытыми крыльями орла, аналогичное помещённому на монете, широко распространено в провинциальной нумизматике периода поздних Антонинов и Северов и встречается на всём пространстве римского мира от Мёзии [SNG Budapest Supp. I, 2007, № 38] и Египта [Dattari, 1901, № 2419] до Боспора [Анохин, 1986, № 618]. Дать однозначное объяснение смыслу данного сюжета не представляется возможным. Помещение орла внутри дистиля может служить намёком на посвящение постройки Юпитеру. По крайней мере, известны изображения на монетах зданий аналогичного масштаба, внутри которых помещена статуя этого бога [Mionnet, 1815, p. 203]. Также оно может быть связано с фигурой императора и известной традицией его обожествления [Herodian, IV, 2; Cass. Dio, LXXIV, 2] и культа, однако сопоставить данную постройку с каким-либо конкретным принципсом не представляется возможным. Следует лишь отметить, что, в случае состоятельности данной версии, сюжет должен относиться к любому из предшественников Септимия Севера, смерть и обожествление которого² произошли не ранее чем через шесть лет после выпуска монеты.

Последующие эмиссии с изображением описываемого здания на реверсе и портретом императора в круговой легенде на аверсе дополняют т. н. «дельта-эпсилон» группу, которая была распространена в Сирии в 1-й пол. III в., а исторический контекст её выпуска до сих пор носит дискуссионный характер [Lichocka, 2011, p. 287–323]. Наиболее ранние монеты такого типа относятся ко времени Элагабала [SNG Copenhagen (Vol. 36), 1959, № 371]. Не вдаваясь в анализ легенды реверса, отметим, что изображение дистиля выполнено в более художественной форме, чем на эмиссии периода Каракаллы. Благодаря этому мы можем уточнить такие детали его архитектуры, как наличие баз и капителей коринфского ордера на колоннах и состоящий из двух ступеней стереобат, который не поднимал пол здания слишком высоко над уровнем дневной поверхности современных ему городских улиц.

Наиболее массовый характер выпуск монеты такого типа приобрёл в период правления Филиппа I Араба [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 111]. Особенности и стиль изображения постройки в точности совпадают с экземплярами из предыдущей эмиссии.

Завершает серию лаодикейских монет с дистилем и сидящим внутри него орлом уникальный экземпляр, относящийся ко времени Трибониана Галла, который был описан в BMC [BMC Syria (Laodicea ad Mare), 1899, № 115], а сегодня также опубликован под номером в электронном каталоге коллекции Британского музея [G.2982]. Внешний вид здания на данной монете аналогичен изображениям на эмиссиях Элагабала и Филиппа I.

Итак, мы с уверенностью можем говорить о наличии в городе двух комплексов, имевших важность для его общины. Первый из них представлял собой дистиль в честь богини Тюхе, который впервые появляется на монетах от имени Коммода, затем изображается на медной чеканке Септимия Севера. В последний раз это здание изображено на монетах Элагабала, при этом отличия в архитектурных деталях позволяют прийти к мысли, что в 1-й четв. III в. комплекс мог быть перестроен и расширен.

² Это событие также нашло отражение в нумизматике, и среди четырёх вариантов реверса посмертных денариев, чеканенных от имени Севера Каракаллой, выделяется тип с изображением орла с распростёртыми крыльями, который возносит душу почившего от погребального костра в сонм богов [RIC 4a, 1936, № 191c].

Информация о втором дистиле ограничивается периодом с 205 по 251 гг. Особенности его конструкции и иконографии не дают возможности точно определить назначение этой постройки и её место в системе культовых сооружений города.

Заключение

Таким образом, помимо обозначения основных пунктов истории и особенностей внешнего облика Лаодикийского маяка, городская монетная чеканка этого центра сообщает нам некоторую информацию и о храмовой архитектуре города, что позволяет уточнить наши представления об общественных зданиях Лаодикеи римского времени.

Список литературы

- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова думка, 173.
- Грушевой А.Г. 2013. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). СПб., Нестор-история, 380.
- Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P. 1998. Roman provincial coinage (RPC), Volume 1. From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 B. C. – A. D. 69). London, British Museum press, 800.
- Christiane L., Joost-Gaugier C. 2006. Measuring Heaven: Pythagoras and His Influence on Thought and Art in Antiquity and the Middle Ages. New York, Cornell University Press, 376.
- D'Anna G. 1987. Leggende e tradizioni dell'antica Roma. In: Archeo dossier 31: 66.
- Dattari G. 1901. Monete imperiali Greche. Numi Augg. Alexandrini. Catalogo della collezione. Vol. 1. Cairo, Tipografia dell'Institute Francese, 472.
- Fears J.R. 1981. The Cult of Virtues and Roman Imperial Ideology. In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II 17: 827–948.
- Goddard J. 2008. Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. The Hunterian Museum, University of Glasgow (SNG Hunterian). Part II – Roman Provincial Coins: Cyprus – Egypt. Oxford, Oxford University Press, 380.
- Grueber H.A. 1910. Coins of the Roman Republic in The British Museum (BMCRR). Volume II: Coinage of Rome (continued), Roman Campania, Italy, the Social war and the provinces. London, The Trustees, 592.
- Handler S. 1971. Architecture of the Roman coins of Alexandria. In: American journal of archaeology 75: 57–74.
- Heuchert V. 2005. Roman provincial coinage (RPC), Volume 4.3. From Antoninus Pius to Commodus (A. D. 138–192): Lycia–Pamphylia to Arabia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/browse?volume_id=6 (accessed 20 November 2021).
- Hill G.F. 1910. Catalogue of the Greek coins of Phoenicia (British Museum Catalogue). London, The Trustee, 362 (XLV).
- Lichočka B. 2011. Delta-epsilon issues of Elagabalus and Severus Alexander. In: Classica Orientalia. Essays presented to Wiktor Andrzej Daszewski on his 75th Birthday. Warsaw, 287–323.
- Mattingly H., Sydenham E. 1936. Roman Imperial Coinage – Volume 4A: Pertinax–Geta VII and Caracalla (193–217). London, Spink & Son, XV+406.
- Meyer E. 1991. Die Bronzeprägung von Laodikeia in Syrien 194/217 In: Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte, Band XXXVII/XXXVIII: 57–92.
- Mionnet T.-E. 1815. De la rareté et du prix des médailles Romaines. Paris, Chez l'auteur, 568.
- Mørholm O. 1959. Sylloge nummorum graecorum [Denmark], the Royal collection of coins and medals, Danish national museum (SNG Copengagen). Part 36, Syria, Cities. Copenhagen, 26 (12).
- Oderic G. 1777. Numismata graeca non ante vulgata quae Antonius Benedictus e suo maxime et ex anicorum museis selegit. Roma, 144.
- Roma Numismatics Ltd. 29 Nov. 2018. E-live auction 4. Available at: <https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=2898> (accessed: 15 November 2021).
- Rosen B., Galili E., Zviely D. 2012. The Roman lighthouse at Akko, Israel. In: The international journal of nautical archaeology 41: 171–178.
- Seyring H. 1952. Antiquités syrienne (Le phare de Laodicée). In: Syria. Revue d'art Oriental et d'archéologie 29: 54–59.

- The British Museum. Explore the Collection. Department of coins and medals. G.2982 [Ruler: Trebonianus Gallus. 251-253. Minted in: Laodicea ad Mare. Diameter: 15 millimetres. Weight: 8,14 grammes]. At: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_G-2982 (accessed 25 November 2021).
- Vida I. 2007. Sylloge Nummorum Graecorum. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, Vol. III: Moesia Inferior, Supplement 1: Nicopolis ad Istrum. In: *Folia Archaeologica* LIII: 63–84.
- Wroth W. 1899. Catalogue of the Greek coins of Galatia, Cappadocia, and Syria (British Museum Catalogue). London, The Trustees, 512.

References

- Anokhin V.A. Monetnoye delo Bospora [Bosporus coin]. Kiyev, Naukova dumka, 183 (in Russian).
- Grushevoy A.G. Ocherky ekonomicheskoy istorii Sirii i Palestiny v drevnosty [Essays on economic history of ancient Syria and Palestine]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 380 (in Russian).
- Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P. 1998. Roman provincial coinage (RPC), Volume 1. From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 B. C. – A. D. 69). London, British Museum press, 800.
- Christiane L., Joost-Gaugier C. 2006. Measuring Heaven: Pythagoras and His Influence on Thought and Art in Antiquity and the Middle Ages. New York, Cornell University Press, 376.
- D'Anna G. 1987. Leggende e tradizioni dell'antica Roma. In: *Archeo dossier* 31: 66.
- Dattari G. 1901. Monete imperiali Greche. Numi Augg. Alexandrini. Catalogo della collezione. Vol. 1. Cairo, Tipografia dell'Institute Francese, 472.
- Fears J.R. 1981. The Cult of Virtues and Roman Imperial Ideology. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II 17: 827–948.
- Goddard J. 2008. Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. The Hunterian Museum, University of Glasgow (SNG Hunterian). Part II – Roman Provincial Coins: Cyprus – Egypt. Oxford, Oxford University Press, 380.
- Grueber H.A. 1910. Coins of the Roman Republic in The British Museum (BMCRR). Volume II: Coinage of Rome (continued), Roman Campania, Italy, the Social war and the provinces. London, The Trustees, 592.
- Handler S. 1971. Architecture of the Roman coins of Alexandria. In: *American journal of archaeology* 75: 57–74.
- Heuchert V. 2005. Roman provincial coinage (RPC), Volume 4.3. From Antoninus Pius to Commodus (A. D. 138–192): Lycia–Pamphylia to Arabia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/browse?volume_id=6 (accessed 20 November 2021).
- Hill G.F. 1910. Catalogue of the Greek coins of Phoenicia (British Museum Catalogue). London, The Trustee, 362 (XLV).
- Lichocka B. 2011. Delta-epsilon issues of Elagabalus and Severus Alexander. In: *Classica Orientalia. Essays presented to Wiktor Andrzej Daszewski on his 75th Birthday*. Warsaw, 287–323.
- Mattingly H., Sydenham E. 1936. Roman Imperial Coinage – Volume 4A: Pertinax–Geta VII and Caracalla (193–217). London, Spink & Son, XV+406.
- Meyer E. 1991. Die Bronzeprägung von Laodikeia in Syrien 194/217 In: *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*, Band XXXVII/XXXVIII: 57–92.
- Mionnet T.-E. 1815. De la rareté et du prix des médailles Romaines. Paris, Chez l'auteur, 568.
- Mørholm O. 1959. Sylloge nummorum graecorum [Denmark], the Royal collection of coins and medals, Danish national museum (SNG Copenaghen). Part 36, Syria, Cities. Copenhagen, 26 (12).
- Oderic G. 1777. Numismata graeca non ante vulgata quae Antonius Benedictus e suo maxime et ex anicorum museis selegit. Roma, 144.
- Roma Numismatics Ltd. 29 Nov. 2018. E-live auction 4. Available at: <https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=2898> (accessed: 15 November 2021).
- Rosen B., Galili E., Zviely D. 2012. The Roman lighthouse at Akko, Israel. In: *The international journal of nautical archaeology* 41: 171–178.
- Seyring H. 1952. Antiquités syrienne (Le phare de Laodicée). In: *Syria. Revue d'art Oriental et d'archéologie* 29: 54–59.
- The British Museum. Explore the Collection. Department of coins and medals. G.2982 [Ruler: Trebonianus Gallus. 251-253. Minted in: Laodicea ad Mare. Diameter: 15 millimetres. Weight:

8,14 grammes]. At: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_G-2982 (accessed 25 November 2021).

Vida I. 2007. Sylloge Nummorum Graecorum. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, Vol. III: Moesia Inferior, Supplement 1: Nicopolis ad Istrum. In: Folia Archaeologica LIII: 63–84.

Wroth W. 1899. Catalogue of the Greek coins of Galatia, Cappadocia, and Syria (British Museum Catalogue). London, The Trustees, 512.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.02.2022

Received 18.02.2022

Поступила после рецензирования 09.06. 2022

Revised 09.06. 2022

Принята к публикации 09.06. 2022

Accepted 09.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кириллов Владимир Михайлович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir M. Kirillov, PhD student of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3992-1934](https://orcid.org/0000-0003-3992-1934)

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-528-534

Оригинальное исследование

Император Маркиан – продолжатель Феодосия II или новатор?

Сапожникова М.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Император Маркиан имел высокую оценку своей деятельности в сочинениях византийских историков, таких как Эрмий Созомен, Сократ Схоластик, Феофан Исповедник и др. В их трудах он описывался как идеальный правитель, сопоставляемый с Константином Великим. Долгое время этого же мнения придерживались и многие последующие исследователи Поздней античности, которые считали эпоху Маркиана «золотым веком» Византии, а деятельность его предшественника Феодосия Младшего – безрезультатной. Однако в последнее время в историографии происходит обратный процесс – снижение оценки эпохи Маркиана, – который отражает прогресс и развитие изучения византийской истории за счёт расширения кругозора и анализа с более объективной и нейтральной точки зрения, насколько это возможно. В целом Маркиан не является правителем, оказавшим значительное влияние на историю Византийской империи, поскольку основы ее государственности были заложены Феодосием II. Эпоха последнего характеризуется первым продолжительным правлением императора, родившегося в Константинополе; первым режимом, осуществлявшимся оттуда (с учётом незначительных кампаний) непрерывно в течение четырёх десятилетий; царствованием, наиболее ярко отмеченным христианским благочестием; близкими отношениями между императором и грекоязычной Церковью.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Феодосий II, Маркиан I, Пульхерия, гунны

Для цитирования: Сапожникова М.Г. 2022. Император Маркиан – продолжатель Феодосия II или новатор? *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 528–534. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-528-534

Is Emperor Marcian a Successor of Theodosius II or an Innovator?

Maria G. Sapozhnikova

Belgorod National Research University,
14 Studencheskaja St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Abstract. Emperor Marcian was highly appreciated for his activity in the writings of Byzantine historians such as Hermias Sozomen, Socrates Scholasticus, Evagrius, etc. In their writings, he was described as an ideal ruler, compared with Constantine the Great. For a long time, the same opinion was held by many subsequent researchers of Late antiquity, who considered the era of Marcian as the «golden age» of Byzantium, and the activities of his predecessor Theodosius the Younger as the fruitless. However, recently the reverse process has been taking place in historiography – a decrease in the assessment of the Marcian era, which reflects the progress and development of the study of Byzantine history by expanding horizons and analysis from a more objective and neutral point of view, as far as possible. In general, Marcian is not a ruler who had a significant impact on the history of the Byzantine Empire, since the foundations of statehood were laid by Theodosius II. The era of the latter is characterized by the first long reign of an emperor born in Constantinople; the first regime carried out from there (taking into account

minor campaigns) continuously for four decades; kingship most marked by Christian piety; close relationship between the emperor and the Greek-speaking Church.

Key words: Early Byzantium, Theodosius II, Marcian I, Pulcheria, Huns

For citation: Sapozhnikova M.G. 2022. Is Emperor Marcian a Successor of Theodosius II or an Innovator? *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 528–534 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-528-534

Введение

Данная статья посвящена сравнению политики императоров Маркиана и Феодосия II. Многие отечественные и зарубежные историки считают правление последнего менее удачным, чем эпоху его преемника. Историческому значению императора Феодосия II необходимо переосмысление. Ведь если проанализировать всю его политическую деятельность, то можно сказать, что это было время относительной стабильности, процветания Восточной империи. Каковы же оценки правления Маркиана (в особенности в сравнении с правлением его предшественника)?

Результаты и их обсуждение

Согласно официальной версии Феодосий II умер 28 июля 450 г. от травмы, полученной при падении с лошади во время охоты. У него не осталось наследника мужского пола [Holum, 1989, p. 178], к тому же он не обнаружил никакого документа, в котором бы назывался его преемник. Почти месяц спустя, в августе, наконец был провозглашён новый император в лице 54-летнего бывшего полководца балканского происхождения по имени Маркиан. Длительная задержка между смертью Феодосия и восшествием на престол Маркиана опровергает сообщения, несомненно, инициированные сторонниками нового правителя, о том, что он был выбором Феодосия на смертном одре.

Но если Феодосий не продвигал Маркиана, то это должен был сделать кто-то другой. Западный император Валентиниан III был единственным человеком, который явно претендовал на роль арбитра в этом вопросе, но Маркиан, безусловно, не был его выбором, поскольку Валентиниан демонстративно отказывался признать его вступление на престол до марта 452 г. [Burgess, 1993–1994, p. 63].

Некоторые источники приписывают выбор Пульхерии, поскольку у неё появилась возможность стать официальной императрицей, благодаря её последующему браку с Маркианом, но на самом деле есть веские причины в этом сомневаться. Более приемлемым вариантом являлся Аспар: будущий император служил помощником Аспара и его отца в течение пятнадцати лет, а сын полководца Ардабур был назначен на должность магистра обоих войск вскоре после вступления Маркиана на престол. Однако сам Аспар не занимал высокое положение в последние годы правления Феодосия – в отличие от Флавия Зенона, который также извлёк выгоду из возвышения Маркиана [Lee, 2013, p. 93–94]. Каким бы странным ни казалось понятие сотрудничества между Аспаром и Зеноном, на самом деле император мог быть их совместным кандидатом [Zuckerman, 1994, p. 169–176].

Одним из первых дел нового правителя было смещение с должностей фаворитов Феодосия II. Так могущественный евнух Хрисафий был быстро устранён: «...обезглавил кувикулярия Хрисафия Цтумму, любимца прежнего императора, и конфисковал [его имущество] из-за того, что он причинил ущерб многим, которые теперь жаловались на него, и из-за того, что он был защитником и патроном прасинов» (Malal. XIV.32).

По сведениям Феофана Исповедника, по воцарении нового императора все опальные лица были возвращены: «В сем году благочестивый Маркиан, по воле Божией провозглашённый самодержцем, возвратил всех, сосланных в заточение» (Theoph. AM 5943). Са-

мым доверенным лицом императора стал Евфимий, магистр официий, чьим советам он постоянно следовал (Priscus, fr. 12).

Общеизвестен факт того, что император Феодосий II симпатизировал партии Зелёных, многие из которых занимали административные должности при дворе. После его смерти ситуация коренным образом изменилась – в фаворе теперь была фракция Голубых, что вызвало сильное недовольство среди Зелёных (Malal. XIV.34).

Вместе с этим исчезла и основная политика, с которой отождествляли Феодосия: Маркиан отказался от дальнейших ежегодных выплат Аттиле и вскоре предпринял шаги, чтобы отменить результаты недавнего второго Эфесского собора. Если бы Зенон сыграл ключевую роль в продвижении Маркиана, то это помогло бы объяснить изменение политики в отношении Аттилы, поскольку военный магистр был убеждённым критиком выплат в последние годы правления Феодосия. Однако этого недостаточно, чтобы объяснить изменение церковной политики, поскольку Зенон был язычником [Zuckerman, 1994, p. 176]. Пульхерия однако проявляла глубокий интерес к последней области, и отмена второго Эфесского собора, возможно, была её услугой за услугу за согласие выйти замуж за Маркиана, что стало важным шагом на пути к узакониванию его правления [Burgess, 1993–1994, p. 65].

Легитимизация нового незнатного правителя путем брака с императрицей была одной из распространенных практик в Ранней Византии [Чуева, 2017, с. 11].

Брак с Пульхерией однако не решил всех его проблем на этом фронте. Ничем не примечательное происхождение Маркиана было препятствием для получения поддержки сенаторов, и отказ Валентиниана признать его вступление на престол оставил тревожный знак вопроса о его праве царствовать. Изменения в политике Маркиана также можно рассматривать как стратегии преодоления этих непосредственных политических препятствий. Жёсткая линия по отношению к Аттиле, когда тот двинулся в Галлию, была хорошим способом выразить солидарность с Западом и надеждой заслужить благодарность и признание Валентиниана [Hohlfelder, 1984, p. 60], в то время как прекращение выплат дани гуннам позволяло предоставлять налоговые льготы и, таким образом, могло обеспечить новому императору столь необходимую внутреннюю поддержку, особенно со стороны сенаторской аристократии [Jones, 1980, p. 219], чьей доброй воле способствовала отмена налога на сенаторские земли – *collatio glebalis* или *follis* (CJ XII.2.2).

Ещё одним направлением светской политики Маркиана стало градостроительство. Так же, как и Феодосий Младший, новый император уделял особое внимание городам, пострадавшим от стихийных бедствий. Так, за время его правления были восстановлены в г. Триполи бани Икара, Факидий и другие постройки (Malal. XIV.29). Стоит отметить, что традиция возведения религиозных сооружений продолжилась благодаря всё той же Пульхерии: «Христу и многие другие храмы, особенно же во Влахернах храм Всепетой Владычице нашей Богородице, в самом начале царствования благочестивого Маркиана» (Theoph. AM 5943). Триумфальные колонны как символ имперского величия были характерной чертой как Константинополя, так и Рима. Феодосий Великий, Аркадий, Маркиан, Юстиниан – у всех этих императоров были свои мемориальные колонны, как у Траяна или Марка Аврелия [Bury, 1889, p. 75]. Памятник Маркиану, наименее помпезный из них, всё ещё возвышается в центре города и по сей день.

В целом же в столице бурная строительная деятельность, начатая при Феодосии II, была приостановлена. Возможно, по сравнению с предшественником Маркиан имел меньшие амбиции в этой области, но стоит учесть, что эпоха правления Маркиана длилась всего лишь семь лет.

Некоторому изменению подверглось и римское законодательство [Pharr C., Davidson, Pharr M., 2001]. В Кодексе Феодосия появились Новеллы Маркиана. Одно из его постановлений, возможно, является характерным. Константин Великий, чтобы сохранить чистоту сенаторского сословия [Bjornlie, 2016, p. 66], объявил незаконным брак сенатора с

рабыней, освобождённой женщиной, актрисой или женщиной без социального статуса (*humilis*). Маркиан постановил, что этот закон не должен запрещать брак с уважаемой свободной женщиной, какой бы бедной или какой бы низкой она ни была по происхождению, и заявил, что сам Константин одобрил бы такое толкование (*Nov. Marc. 4*).

Главной целью политики Феодосия Младшего было слияние Западной и Восточной Римской империи в единую державу под властью его внука [McEvoy, 2013, p. 280; Millar, 2006, p. 51–52]. В этом деле император использовал тактику выжидания и осмотрительности. Но он не смог принять каких-либо решительных мер по интеграции Запада, не вызвав противодействие западно-римской элиты. В таком же духе мыслил и его преемник: «Маркиан выдал также свою дочь от первой жены за Анфимия и сделал его императором в Риме...» (*Malal. XIV.33*).

Воплощением церковной политики Маркиана стал Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г. Это, пожалуй, наиболее важное событие недолгого правления этого императора. В Халкидоне Диоскор Александрийский, инициатор Второго Эфесского собора, был осуждён и низложен; те лица, в осуждении которых он сыграл важную роль в 449 г., – Флавиан Константинопольский и другие предполагаемые сторонники несторианства – были реабилитированы; и была утверждена формула, направленная на поиск точек соприкосновения между антиохийской и александрийской позициями относительно соотношения человеческого и божественного во Христе.

Собор принёс несомненную пользу Маркиану – его приветствовали как нового Константина, и отношения между Константинополем и Папой значительно улучшились, – но халкидонская формула не смогла объединить враждующие группировки и, во всяком случае, способствовала усилению расходящихся тенденций [Kelly, 2013, p. 272]. В глазах сторонников александрийской школы она всё ещё делала слишком много уступок неприемлемым антиохийским идеям, и отказ от Халкидона стал объединяющим призывом, который усилил их чувство отдельной идентичности и породил в последующие десятилетия так называемое монофизитское движение [Klein, 2018, S. 255]. В понимании природы Христа оно парадоксальным образом оказалось близко пониманию древних восточных (дохалкидонских) церквей.

Более того, хотя халкидонское определение было совместимо с антиохийским учением, собор также подтвердил осуждение Нестория как еретика, что побудило некоторых приверженцев антиохийской традиции также отвергнуть Халкидон и продолжило процесс, благодаря которому в конечном итоге возникла независимая несторианская церковь [Wessel, 2001, p. 307].

Маркиан, на первый взгляд, имел успех и во внешней политике. Его действия в отношении гуннов привели Атиллу в ярость [Elton, 2018, p. 172], но занятость последнего кампаниями в Галлии и Италии в 451–452 гг. исключала возможность воплотить в реальность новые страшные гуннские угрозы [Babcock, 2005, p. 293]. Без сомнения, неудача гуннского вождя на Западе и окончательное признание Валентинианом Маркиана как императора в 452 г. укрепили решимость последнего в следовании этому курсу. Нетрудно понять, почему этот путь стали считать удачным после неожиданной смерти Атиллы в 453 г. (*Jord. Rom. 333*). Важность личной власти вождя в поддержании единства империи гуннов вскоре стала очевидной, когда его сыновья вступили в борьбу за своё наследство, и различные подчинённые народы воспользовались возможностью утвердить независимость, кульминацией которой стала битва на реке Недао (454 г.) [Maenchen-Helfen, 1973]. Последствия всего этого должны были стать постоянным беспокойством для Константинополя в течение большей части оставшейся части столетия, но смерть Атиллы, несомненно, ознаменовала начало конца власти гуннов [Kelly, 2010, p. 267].

В первые годы правления Маркиана также наблюдались успехи на военном и дипломатическом поприще: нападения арабов на Востоке были отбиты в конце 451 – начале 452 г., в то время как нападения на Египет со стороны нобадов и блеммиев были более

успешны, но и они в итоге были разбиты в 453 г., чему способствовало и укрепление обороны границы Феодосием II, разделившим провинцию Фиваида на две части (верхнюю и нижнюю) и объединившим гражданскую и военную администрацию Верхней Фиваиды в одних руках.

Незадолго до смерти Маркиан планировал экспедицию против Карфагена; это была вполне понятная реакция на разграбление Рима вандалами в 455 г. и похищение императрицы Евдоксии и её дочерей – Евдокии и Галлы Плацидии. Однако смерть помешала ему осуществить этот замысел.

Выводы

Подводя черту всему вышесказанному, следует отметить, что император Маркиан унаследовал уже централизованное государство с относительно стабильной внутри- и внешнеполитической ситуацией. Его успехи (завершение несторианского спора, дополнение Кодекса, заключение союза с Западной империей путём брака своей дочери и Анфимия) обусловлены запущенными Феодосием II процессами. Что касается внешней политики, то если бы не внезапная смерть Атиллы, то возможно, что Восточная империя подверглась бы ещё более разрушительному, чем при Феодосии, вторжению гуннов, разгневанных отказом Маркиана от ежегодной дани. Избежав угрозы от дунайской границы, император теперь имел ресурсы для регулирования ситуации на юго-западной, южной границах [Thompson, 1950, p. 75]. В целом Маркиан оказывается как бы в тени длительного правления Феодосия Младшего, но им самим сделано немало, хотя это наследие несколько переоценено в историографии.

Referenses

- Чуева Ю.Ю. 2017. Знатные женщины Ранней Византии в контексте вертикальной социальной мобильности. Автореф. канд. дисс. Белгород, 28.
- Babcock M.A. 2005. *The Night Attila Died: Solving the Murder of Attila the Hun* (1st ed.). Ann Arbor, Michigan, University of Michigan, 324.
- Bjornlie M.S. 2016. *The Life and Legacy of Constantine: Traditions through the Ages*. New York, Taylor and Francis, 238.
- Burgess R.W. 1993–1994. The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift*, 86/87, 47–68.
- Bury J.B. 1889. *History of the Later Roman Empire*. Vol. 2. London, 579.
- Croke B. 1978. The Date and Circumstances of Marcian's Decease. *Byzantion*, 48: 5–9.
- Elton H. 2018. *The Roman Empire in Late Antiquity: A Political and Military History*. Cambridge, Cambridge University Press, 398.
- Hohlfelder R.L. 1984. Marcian's gamble: a reassessment of eastern imperial policy toward Attila A. D. 450–453, *AJAH* 9: 54–69.
- Holum K.G. 1989. *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Oakland, California, University of California Press, 276.
- Illski K. 2005. Der schwache Kaiser Theodosios? Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. *Beitrage zur Byzantinistischen Geschichte und Kultur*. Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik, 7. Wiesbaden: 3–6.
- Jones A.H.M., Martindale J. R., Morris J. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Volume 2, A. D. 395–527. Cambridge, Cambridge University Press, 1355.
- Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Vol. 1. Oklahoma, Johns Hopkins University Press, 766.
- Kelly C. 2010. *The End of Empire: Attila the Hun & the Fall of Rome*. New York, W. W. Norton & Company, 370.
- Kelly C. 2013. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge, Cambridge University Press, 324.
- Klein K. 2018. Kaiser Marcian und die Monophysiten. *Gymnasium*. 125 (3): 251–273.

- Lee A.D. 2013. *From Rome to Byzantium. A. D. 363–565. The Transformation of Ancient Rome.* Edinburgh, Edinburgh University Press, 338.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. *The world of the Huns.* Berkeley, Los Angeles, CUP, 602.
- McEvoy M.A. 2013. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, A. D. 367–455.* Oxford University Press, 367.
- Millar F. 2006. *Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450).* Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 274.
- Pharr C., Davidson T.S., Pharr M.B. 2001. *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions.* Union, Lawbook Exchange, 643.
- Thompson E.A. 1950. *The Foreign Policies of Theodosius II and Marcian.* *Hermathena*, 76: 58–75.
- Wessel S. 2001. *The ecclesiastical policy of Theodosius II.* *Annuaire Historiae Conciliorum*, 33, 285–308.
- Zuckerman C. 1994. *L'empire d'Orient et les Huns: notes sur Priscus.* *T&MByz*, 12: 159–182.

References

- Chueva Yu.Yu. 2017. *Znatnye zhenshchiny Rannej Vizantii v kontekste vertikal'noj social'noj mobil'nosti [Noble women of Early Byzantium in the context of vertical social mobility].* Avtoref. kand. diss. Belgorod, 28.
- Babcock M.A. 2005. *The Night Attila Died: Solving the Murder of Attila the Hun (1st ed.).* Ann Arbor, Michigan, University of Michigan, 324.
- Bjornlie M.S. 2016. *The Life and Legacy of Constantine: Traditions through the Ages.* New York, Taylor and Francis, 238.
- Burgess R.W. 1993–1994. *The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic.* *Byzantinische Zeitschrift*, 86/87, 47–68.
- Bury J.B. 1889. *History of the Later Roman Empire. Vol. 2.* London, 579.
- Croke B. 1978. *The Date and Circumstances of Marcian's Decease.* *Byzantion*, 48: 5–9.
- Elton H. 2018. *The Roman Empire in Late Antiquity: A Political and Military History.* Cambridge, Cambridge University Press, 398.
- Hohlfelder R.L. 1984. *Marcian's gamble: a reassessment of eastern imperial policy toward Attila A. D. 450–453.* *AJAH* 9: 54–69.
- Holum K.G. 1989. *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity.* Oakland, California, University of California Press, 276.
- Illski K. 2005. *Der schwache Kaiser Theodosios? Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beitrage zur Byzantinistischen Geschichte und Kultur. Mainzer Veroffentlichungen zur Byzantinistik*, 7. Wiesbaden: 3–6.
- Jones A.H.M., Martindale J. R., Morris J. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 2, A. D. 395–527.* Cambridge, Cambridge University Press, 1355.
- Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. 1.* Oklahoma, Johns Hopkins University Press, 766.
- Kelly C. 2010. *The End of Empire: Attila the Hun & the Fall of Rome.* New York, W. W. Norton & Company, 370.
- Kelly C. 2013. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity.* Cambridge, Cambridge University Press, 324.
- Klein K. 2018. *Kaiser Marcian und die Monophysiten.* *Gymnasium*. 125 (3): 251–273.
- Lee A.D. 2013. *From Rome to Byzantium. A. D. 363–565. The Transformation of Ancient Rome.* Edinburgh, Edinburgh University Press, 338.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. *The world of the Huns.* Berkeley, Los Angeles, CUP, 602.
- McEvoy M.A. 2013. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, A. D. 367–455.* Oxford University Press, 367.
- Millar F. 2006. *Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450).* Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 274.
- Pharr C., Davidson T.S., Pharr M.B. 2001. *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions.* Union, Lawbook Exchange, 643.
- Thompson E.A. 1950. *The Foreign Policies of Theodosius II and Marcian.* *Hermathena*, 76: 58–75.
- Wessel S. 2001. *The ecclesiastical policy of Theodosius II.* *Annuaire Historiae Conciliorum*, 33, 285–308.
- Zuckerman C. 1994. *L'empire d'Orient et les Huns: notes sur Priscus.* *T&MByz*, 12: 159–182.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.03.2022
Поступила после рецензирования 09.06. 2022
Принята к публикации 09.06. 2022

Received 14.03.2022
Revised 09.06. 2022
Accepted 09.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапожникова Мария Григорьевна, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1714-4281](https://orcid.org/0000-0003-1714-4281)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria G. Sapozhnikova, assistant of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(393)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-535-555

Оригинальное исследование

Саламин Кипрский: история и топография в римское и ранневизантийское время

Болгов Н.Н. , Шелудченко Ю.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Аннотация. Город Саламин (Констанция) – один из двух главных, наряду с Пафосом, городов античного и ранневизантийского Кипра. Он также является одним из наиболее важных археологических памятников острова. Его история в римский и ранневизантийский периоды (с общим введением), а также топография города и роль основных памятников являются предметом настоящей статьи, которая продолжает тематику исторической регионалистики и истории городов Кипра в римское и ранневизантийское время, начатую ранее статьей о Пафосе. После трагических событий 1974 г. и разделения острова городище Саламин оказалось на северной стороне под контролем непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра. После долгого перерыва раскопки Саламина были возобновлены турецкими археологами. Среди прочего были открыты новые памятники римского и ранневизантийского времени, уточнена планировка города (сетка улиц) и элементы его исторической топографии.

Ключевые слова: Кипр, Саламин, античность, римский период, ранневизантийское время, археология, город

Для цитирования: Болгов Н.Н., Шелудченко Ю.В. 2022. Саламин Кипрский: история и топография в римское и ранневизантийское время. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 535–555. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-535-555

Salamis of Cyprus: History and Topography in Roman and Early Byzantine Times

Nikolay N. Bolgov , Yulia V. Sheludchenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Annotation. The city of Salamis (Constance) is one of the two main cities, along with Paphos, of Ancient and Early Byzantine Cyprus. It is also one of the most important archaeological sites of the island. Its history in the ancient and early Byzantine periods, as well as the topography of the city and the role of the main monuments are the subject of this article, which continues the theme of the historical regionalism of the Eastern Mediterranean (and Cyprus) in Roman and Early Byzantine times. After the tragic events of 1974 and the division of the island, the settlement ended up on the northern side under the control of the unrecognized Turkish Republic of Northern Cyprus. After a long break, the excavations of Salamis were resumed by Turkish archaeologists. Among others, new monuments of the Roman and Early Byzantine times were discovered, the layout of the city and elements of its historical topography were refined. This article is intended to summarize and update the current ideas about Salamis in order to clarify the place and role of this city in the life of Cyprus and the Eastern Mediterranean.

Key words: Cyprus, Salamis, Antiquity, Roman period, Early Byzantine period, archeology, city

For citation: Bolgov N.N., Sheludchenko Yu.V. 2022. Salamis of Cyprus: History and Topography in Roman and Early Byzantine Times. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 535–555 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-535-555

Введение

Саламин – один из наиболее значимых городов античного и ранневизантийского Кипра. В историографии Саламин, как и весь античный Кипр, представлен крайне неравномерно. Если в мировой науке об этом городе есть монографические исследования [Karageorghis, 1969; Karageorghis, 1975] и публикации материалов археологических раскопок, начавшихся еще в XIX в., наиболее масштабные из которых велись в 1952–1974 гг. силами шведских, французских и кипрских археологов (новые турецкие раскопки начались с 1998–1999 гг.) [Özgünel, 2007, p. 1–8]³, то в отечественной науке делаются лишь первые шаги по его изучению (рис. 1).

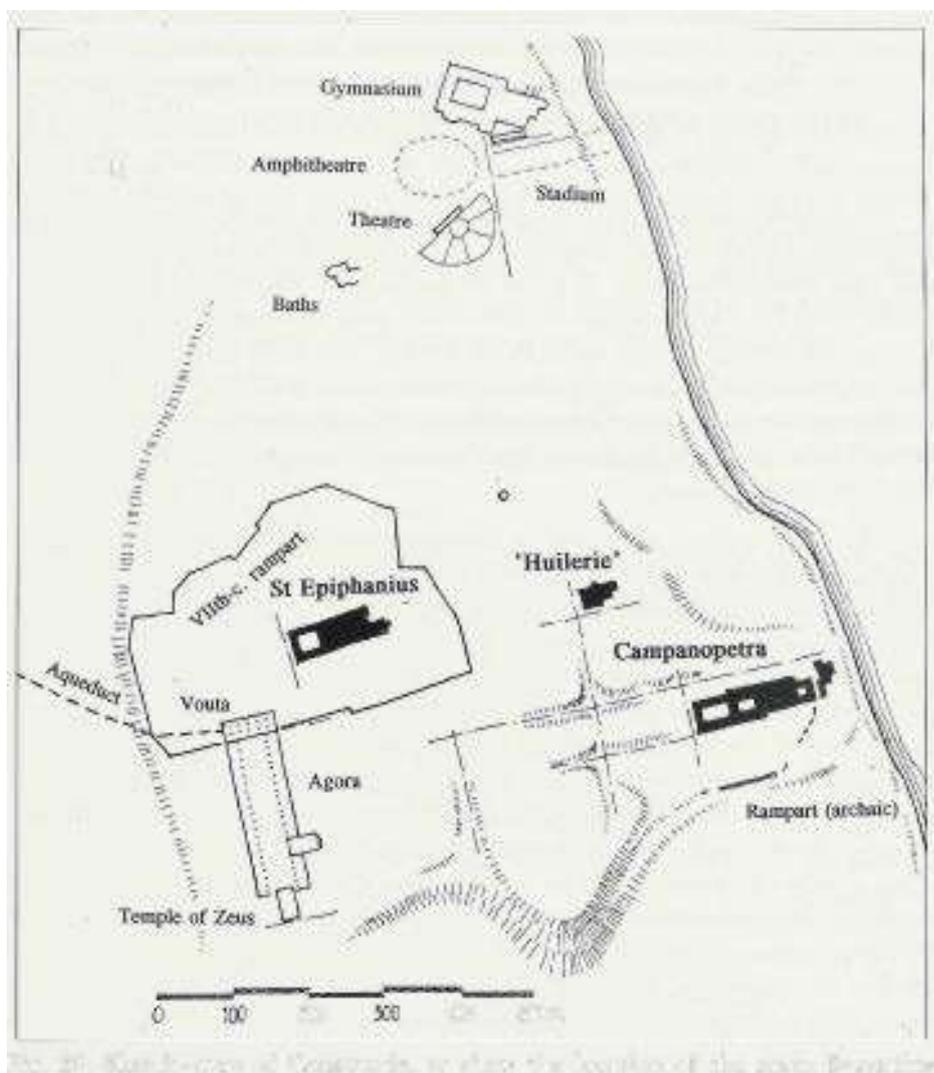

Рис. 1. План Саламина/Констанции по итогам раскопок на 1974 год [Metcalf, 2009, p. 270]
Fig. 1. Plan of Salamis/Constance based on the results of excavations for 1974

³ После перехода территории Саламина под турецкий контроль в 1974 г. городище было заброшено. В 1997 г. был создан Центр исследований археологии и культурного наследия в Восточно-Средиземноморском университете самопровозглашенной Турецкой Республики Северного Кипра. Совместно с Университетом Анкары вскоре был начат новый цикл раскопок.

И если о доримском периоде истории города уже есть отдельные исследования [Коровина, Сидорова, 1973; Петрова, 1975], то наша историография римского Саламина освещает пока лишь общее состояние памятников городища [Коровина, Сидорова, 1973, с. 77–78; Победимская, 2014]. В мировой историографии для римского периода истории Кипра и в частности Саламина в последние десятилетия важны преимущественно работы Т. Митфорда [Mitford, 1980, p. 275–288; Mitford, 1990, p. 2176–2211], а в 2021 г. вышло важное исследование Х. Эрсина [Ersin, 2021]. В целом место и роль Саламина в истории античного и ранневизантийского Кипра еще предстоит осмыслить отечественной исторической науке. Данная статья призвана обобщить и актуализировать имеющиеся на данный момент представления о Саламине, чтобы уточнить место и роль этого города в жизни Кипра и Восточного Средиземноморья. Работа такого рода в отношении Пафоса уже была начата нами ранее [Болгов, Болгова, 2019].

Результаты и их обсуждение

История древнего Кипра, как известно, уже с бронзового века представляет собой тесное переплетение и взаимодействие восточных и греческой культур. Остров издавна был перекрестком и фокусом пересечений самых разных контактов.

Основание Саламина в греческой традиции связано с героем Троянской войны Тевкром, сыном Теламона, царя острова Саламин близ Афин. С точки зрения материальной культуры этот памятник обитаем с XI в. до н. э. Саламин возник близ важнейшего центра Кипра бронзового века Энкоми (Алашия), где в XV–XIII вв. до н. э. уже жили ахейские греки и возник мощный дворец [Борухович, 1982, с. 4–20]. Археология Саламина X–VI вв. до н. э. демонстрирует преемственность по отношению к Энкоми и родство как с греческим миром, так и с традициями финикийцев. Считается, что город изначально был ограничен небольшой территорией вокруг гавани и постепенно расширился.

Важнейшим археологическим памятником раннего Саламина является Царский некрополь, существовавший в VIII–VII вв. до н. э. [Налимова, Савина, 2010, с. 30–44]. Он свидетельствует о возвышении этого города, ставшего центром одного из десяти царств Кипра. Первое письменное упоминание о городе появляется в VII в. до н. э. на ассирийской колонне Асархаддона в списке автономных городов острова, плативших дань.

Как и весь Кипр, Саламин в доэллинистическое время периодически находился под властью ассирийцев, персов, египтян, сохраняя автономию. В VI–IV вв. до н. э. царская власть и значение города достигли наивысшего могущества [Cannavò, 2010, p. 37–46]. С 538 г. до н. э. царь Эвельфонт начинает чеканить монету [Победимская, 2014, с. 136]. До конца IV в. до н. э. Саламину была подвластна территория, гораздо более обширная и плодородная, чем та, которой владел любой другой город на острове.

В эллинистический период город, как и весь остров, принадлежал Птолемаем. Установление власти Птолемеев сопровождалось разгромом и сожжением дворца царей Саламина [Победимская, 2014, с. 137].

В *римский период* Саламин снова стал важнейшим торговым центром, куда прибывали корабли со всего мира, несмотря на то, что официальной столицей (метрополией провинции) был Пафос. Саламин протянулся на два километра вдоль береговой линии и на километр вглубь острова. Превосходная гавань делала город морскими воротами острова. Большинство памятников материальной культуры на нынешнем городище принадлежит именно римскому времени [Vermeule, 1979, p. 189–193].

История Саламина, как и всего Кипра в римский период, почти лишена крупных событий. Отдельные сведения возникают эпизодически и связаны с локальными событиями.

В римский период на острове действовал союз городов Кипра – *koinon Kypriou*. Как видно из монетной чеканки, на реверсе большинства этих монет изображены основные религиозные места острова, в том числе культовая статуя Зевса Олимпийского в Саламине

[Ersin, 2021, p. 49]. Посольство, отправленное в Рим в 22 г., чтобы обеспечить право убежища для старейших святилищ острова – в том числе Саламина, – несомненно, возглавлялось койноном [Ersin, 2021, p. 54].

Эпиграфика показывает, что ряд местных семей Саламина доминировал на местной гражданской сцене. Надписи из Саламина сообщают нам о двух выдающихся семьях: Сервии Сульпиции Панкле Вераниане и его семье и Гилле и его потомках [Ersin, 2021, p. 70–80]. Сервий Сульпиций Панкл Вераниан был человеком невероятного богатства, оказавшим значительное влияние на свой родной город и весь остров. Он был гимнасиархом пожизненно [и] агонифетом, трижды архиереем Кипра; он также трижды служил послом к императорам. Интересно, что ряд памятников, установленных Сервию Сульпицию Панклу Вераниану, похоже, был посвящен негражданами – возможно, такова была стратегия личного возвышения благодаря своей связи с этим выдающимся местным деятелем.

Гилл был активным членом своей городской общины в начале I в., но его стремление получить гражданство реализовалось далеко не сразу. По крайней мере, четыре поколения этой семьи ревностно стремились к этому, поскольку они занимали такие должности, как первосвященство Кипра культа божественного Августа Цезаря, Зевса Олимпийского, и служили как послы к императору. Их полное гражданское полноправие во 2-й пол. I в., возможно, было связано также и с браками – Сергия Фи́ла (дочь Панкла Вераниана) названа женой Тиберия Клавдия Ментора (потомка Гилла). Этот брак также свидетельствует о стремлении к сохранению замкнутого характера муниципальной верхушки города.

Некоторые саламинцы были известны на имперском уровне. Так, надписи свидетельствуют о впечатляющей карьере игрока на авлосе Публия Элия Элиана из Саламина (FD, III, 1.547) [Ersin, 2021, p. 87]. Он выигрывал состязания в Риме, Неаполе, Никополе, Немее (трижды), Аргосе (дважды) и на Истме (дважды). Он также побеждал в Пифийских играх и Адрианиях в Афинах (трижды), среди прочего, и 166 раз получал серебро. Также известны эпитафии Деметрия, атлета из Саламина, и Тиберия Клавдия Протогена, флейтиста из Саламина, умершего и увековеченного в Спарте [Ersin, 2021, p. 88–89].

Из надписей известно, что император Траян, а затем Адриан помогали Саламину после землетрясений, происходивших в 76–77 гг., и что они были покровителями города.

Большой ущерб городу нанесло еврейское восстание 116 г. (Меред ha-Тфуцот), сопровождавшееся массовыми убийствами в городе, и его разгром полководцем Луцием (Dio Cass. LXVIII, 32).

Крупнейшие землетрясения в 332 и 342 гг., за которыми последовала серия приливных волн, в значительной мере разрушили город [Победимская, 2014, с. 137]⁴. В дополнение к этому в 334 г. на острове произошло восстание некоего «начальника стад верблюдов» Калокера (Aurel. Vict. De Caes. 41, 10–11), для подавления которого Константину пришлось отправить своего племянника Далмация с имперскими войсками. Все эти события, возможно, послужили катализатором начала новой эпохи для Кипра.

Новое основание города. Император Констанций II перестроил Саламин, охвативший теперь несколько меньшую территорию, назвав его Констанцией в честь себя⁵ [Deligiannakis, 2019, p. 761–768], и сделал его главным городом острова. Жители на 4 года были освобождены от налогов. По общепринятому мнению, это сопровождалось новым основанием города в 346 г. (название Констанция предполагает, что он должен был получать имперские субсидии). Либо непосредственно, либо в течение нескольких десятилетий

⁴ Даты землетрясений даны у Феофана Исповедника и более поздних хронистов, но вторая дата имеется только у него. Иоанн Малала сообщает о землетрясении на Кипре и разрушении Саламина во времена Констанция Хлора, но это считается ошибкой, речь должна идти о времени Констанция II.

⁵ Аналогичное переименование и преобразование в отдельную городскую общину претерпел в те же годы аванпорт Газы Палестинской Маюма (Констанция).

тий Саламин-Констанция заменил Пафос в качестве столицы (метрополии) Кипра. Вопрос о том, когда губернатор перенес свою резиденцию из Пафоса в Констанцию, является спорным, однако это произошло наверняка не позднее конца 360-х гг.

К основным постройкам эпохи Констанция относятся внутренняя стена и комплекс гимнасия (терм). Далее в городе возводятся первые базилики. В ходе восстановительных работ Констанция гимнасий был христианизирован, украшен крестами, языческие надписи и мозаики были стерты, а статуи языческих богов систематически удалялись или перемещались.

Реконструируя небольшие фрагменты надписей, найденных в гимнасии Саламина, по одному из предположений, епископ Саламина Офеллий, предшественник Епифания, исполнял поручение Констанция II по восстановлению разрушенного города около 346 г. Текст прославляет Констанция II и Константа. Некий Офел[лий] антист[эс] (= ἐπίσκοπος) отвечал за работу и возведение статуи-памятника императорам [Deligiannakis, 2019, p. 761]⁶.

Единственные надписи, относящиеся к общественным работам во время правления Констанция II, касаются не Саламина, а ремонта городских стен Сол и других неуказанных работ в Пафосе (358 г.). Надзор за обоими строительными проектами был поручен губернатору острова [Caula, 1997, 71–77]. Учитывая это, следует предположить возможность того, что уже Константин играл более активную роль в реконструкции Саламина, чем показывают наши источники.

На основании надписи префекта претория Востока Флавия Филиппа, найденной на Кипре, было высказано предположение о том, что 351/4 гг. – самая ранняя известная дата для получения вновь основанным Саламином/Констанцией статуса столицы провинции, в качестве которой город принимал посмертные почести указанного Филиппа.

Никаких дополнительных подробностей о переносе столицы провинции, а также о реакции на это событие старой столицы Пафоса неизвестно. Возможно, что одной из ключевых причин получения городом нового статуса в те времена была его приверженность к христианству в противовес влиятельному проязыческому конкуренту.

Констанция стала также и церковной столицей острова; но церковное превосходство Пафоса еще засвидетельствовано на соборе в Сердике (343 г.) (епископ Саламина занимает третье место в списке). Ссылка же Созомена на Епифания Саламинского как на епископа всего острова подразумевает, что, когда последний стал епископом Саламина в 367 г., город уже был митрополией.

Таким образом, обретение городом реального статуса гражданской и церковной столицы приходится на период 351–367 гг.

Констанция, по-видимому, первое время не пользовалась ни выдающимся положением среди других епископств острова, не славилась, ни, возможно, собором, ни даже крупным местом паломничества (нет упоминания о культе св. Варнавы в Саламине до 488 г.), по сравнению с тем, что мы уже прослеживаем в то время в других местах острова. Реальный авторитет Констанции рос постепенно, в течение конца IV–V вв.

Строительство эпохи Юстиниана. Второй известный период широкого общеимперского строительства приходится на время Юстиниана (527–565). Юстиниан в VI в. потратил очень большие суммы денег на многочисленные строительные работы по всей Империи, но Прокопий, который перечисляет их в своем *De Aedificiis*, почти ничего не говорит о Кипре. Тем не менее провинция или хотя бы ее столица, несомненно, выиграли от инвестиционного бума в империи.

⁶ По другой версии, эти фрагменты связываются с публичными почестями в театре и гимнасии Саламина, оказанными известным ранее президом Кипра Антистием Сабиним тетрархам Диоклетиану, Галерию, Максимиану и Констанцию Хлору (293–305).

Три надписи, обнаруженные во время раскопок Саламина-Констанции в 1950-е гг., позволяют предположить, что в 542–543 гг. здесь существовала значительная строительная инициатива консула (ипата) Иоанна. В найденной в 1958 г. надписи, относящейся к реконструкции терм (на северной окраине города), упоминается ипат, чье личное имя начинается с буквы I, возможно, консул Иоанн. В том же году рядом была обнаружена еще одна плита с надписью, в очень фрагментарном состоянии, но все фрагменты были найдены в один и тот же день, в районе парилки терм. Формы букв характерны для царствования Юстиниана. Надпись относится к восстановлению бассейна и терм под руководством консула Иоанна [Metcalf, 2009, p. 218]. Наконец, в центральной парилке (судатории) среди обломков стен была найдена плита с надписью превосходного качества с упоминанием «добрых царей, которые в своей любящей доброте [и своем благочестии] обновили [и украсили] этот город». Палеография характерна для VI вв. При этом «добрыми царями», скорее всего, будут здесь Юстиниан и Феодора (ум. в 548 г.).

По всей видимости, ко временам Юстиниана следует отнести завершение строительства или обновление внутренней городской стены, начатой Констанцием.

Город Констанция во времена Юстиниана был столицей епархии [Chrysos, 1993, p. 3–14], но все же по внешнему виду и общественному образу жизни он был во многом еще позднеимперским городом. Бани, которые были важным общественным местом, а также местом комфорта в жаркую погоду, были не только роскошными сооружениями из (привозного) мрамора, но и по-прежнему еще украшались статуями языческих богов и героев из старого гимназия. Некоторые статуи стояли там до арабских вторжений середины VII в. [Metcalf, 2009, p. 347].

Констанция в VI в. поразила паломника Антония из Пьяченцы, направлявшегося в Иерусалим около 570 г., как «прекрасный, восхитительный город, украшенный финиковыми пальмами» («*civitas pulchra, dehciosa, ornqta palmis dactalogum*») (Itinerarium Antonini Placenti 1), в котором была паломническая церковь не только местного значения и большая семинефная базилика св. Епифания, которая, без сомнения, также была кафедральным собором митрополита. С 490-х гг. близлежащее святилище апостола Варнавы добавило веса к превосходству на Кипре его главного города.

В первые годы правления Юстиниана гражданская администрация провинции все еще располагалась в Констанции. Это предполагало наличие всех вытекающих отсюда роскошных резиденций губернатора и помещений для секретариата, а также разнообразную городскую деятельность, вызванную функцией города как порта. Все это зафиксировано в археологических отчетах 2-й пол. XX в. Особо следует отметить комплекс, условно названный «маслобойней»: он был достаточно роскошным в VI веке, и французские археологи утверждают, что это была резиденция губернатора [Metcalf, 2009, p. 366–367].

В 647 г. город был окончательно разрушен в результате арабского вторжения. Следы пожара, уничтожившего город, были видны на песчаниковой поверхности стен общественных зданий, когда они были раскопаны, и толстые слои пепла были смешаны с руинами и упавшими обломками по всему городу [Metcalf, 2009, p. 276]. Зыбучие пески с течением времени покрыли большую часть города и защитили его от рук мародеров.

Религиозные культы. В городе обнаружены статуи и надписи, посвященные Артемиде Паралии (?), Дионису, Диоскурам (?), Гермесу, Исиде (?), Немезиде и Тихе [Ersin, 2021, p. 122].

Сохранилось, хотя и фрагментарно, большое количество памятников императоров в связи с императорским культом. Это надписи, обнаруженные в храме Зевса Олимпийского или рядом с ним, на монументальной агоре, в гимназии и театре – важнейших общественных местах полиса. Это также подтверждается сохранившимися фрагментарными статуями, в том числе статуей, изображающей Веспасиана или Тита, которая была обнаружена в театре Саламина.

Изображения императора и членов императорской семьи, найденные по всему городу, наряду с поклонением установленным местным божествам, указывают на то, что Саламин сохранял внешний пиетет по отношению к римским правителям, сохраняя при этом и свои местные традиции.

Памятники города. Топографический центр города с основными общественными зданиями, площадями и храмами, располагался в юго-западной части нынешнего городища. При этом, вероятно, что реальная южная граница города могла располагаться дальше, чем мы можем это предполагать сегодня.

Храм Зевса. Культ Зевса в Саламине, как считалось традицией, был основан самим Тевкром. Территория храма была обнаружена в конце XIX в., а в начале 1970-х гг. были предприняты ограниченные раскопки, при которых были найдены надписи, прославляющие Ливию, жену Августа [Коровина, Сидорова, 1973, с. 86], и посвящающие храм Зевсу Саламинию, что и доказывает отождествление храма.

Храм располагался к югу от Агоры. Первая фаза его строительства пришлась на позднеэллинистический период. К этому времени относится найденная на эспланаде огромная мраморная капитель с вырезанными по бокам фигурами кариатид, стоящими между передними частями крылатых быков.

В римский период теменос храма господствовал над городом в его центре (или юго-западной части современной археологической зоны) и возвышался на высоком стилобате размером примерно 28×22 м, построенном вокруг прямоугольной целлы с 12 коринфскими колоннами.

Попасть в храм можно было по ступенчатому пандусу (широкой лестнице) со стороны Агоры. Пандус был сооружен во время поздней Республики или Августа, а еще одна крупная реконструкция храма была проведена позднее, в имперский период. Перед входом был сооружен монументальный портик. Упавшие барабаны и капители колонн портика далеко превосходят по размеру колонны Агоры. Храм Зевса, несомненно, был одним из крупнейших римских храмов на Кипре [Коровина, Сидорова, 1973, с. 87].

Лишь одна надпись свидетельствует о его первосвященнике, а храмовые рабы упоминаются во фрагментарной описи, датированной эпохой Флавиев [Ersin, 2021, p. 121–122].

Культовая статуя Зевса Олимпийского была широко известна по всему острову, поскольку он был представлен (стоящим с чашей для возлияний в правой руке и орлом на скипетре) на местных монетах.

Находки среди руин храма Зевса Олимпийского включают статуи неопознанных императоров, статуи Аполлона, Мнемозины и муз, а также Диониса. Важна надпись, описывающая благодеяния эвергета Сервия Сульпиция Панкла Вераниана. Известно, что он установил позолоченные статуи в отреставрированном театре в Саламине, а также императорские статуи в гимнасии.

Первенство храма Зевса в городе и на острове было подтверждено тем, что в 22 г. до н. э. Август дал храму право убежища.

Поврежденные землетрясениями 332 и 342 гг., остатки классического здания были отремонтированы самое позднее во времена Юстиниана и превращены (почти наверняка) в церковь или епископские учреждения [Deligiannakis, 2018, p. 326–346]. Обнаружены следы гипсовой отделки религиозного (христианского) характера.

Предположительно в начале VII в. церковь была частично уничтожена пожаром. Следы пожара наблюдались на тротуарной плитке целлы и продрома, а также в доме, построенном юго-восточнее подиума. Впоследствии поврежденное здание использовалось как каменоломня для каменных блоков, из которых строилась новая внутренняя стена.

«Каменная агора» (коммерческая). Городской торговый рынок был расположен с северной стороны храма Зевса в центре города. Его название – «Каменная агора» – связано с тем, что две ее длинные стороны сопровождалась величественной колоннадой, от ко-

торой ныне сохранились отдельные коринфские капители, барабаны колонн высотой до 9 м и ряды рыночных лавок, размещенные в крытых портиках за колоннадой [Победимская, 2014, с. 141–142].

Строительство восходит к эллинистическим временам, но агора была восстановлена около 22 г. до н. э. во времена Августа, что определяется по надписи на найденном фризе из серого мрамора.

Агора представляла собой большое прямоугольное пространство размером 230×55 м, вытянутое почти ровно по линии север – юг. Она является одним из крупнейших известных в римском мире.

Парадный вход на агору – Пропилеи – располагался у северной стороны площади и был образован пятью арками [Коровина, Сидорова, 1973, с. 86]. В ранневизантийское время эти арки были частично включены в стену большой цистерны для хранения воды, расположенной рядом с ручьем Вута.

«Гранитная агора» (общественная). Как и во многих других городах римского Востока, в Саламине было две площади – коммерческая и общественная. Роль общественной выполняла так называемая «Гранитная агора». Это была центральная площадь города римского времени, названная так потому, что она была обрамлена колоннами из египетского гранита. Она располагалась северо-западнее коммерческой агоры. В настоящее время, к сожалению, от нее сохранились лишь остатки колонн серого цвета [Коровина, Сидорова, 1973, с. 86; Победимская, 2014, с. 142].

В 2000 г. турецкие археологи обследовали территорию этого памятника и выдвинули предположение, что он не являлся агорой [Özgül, 2007, р. 5]. Нужны дополнительные исследования для уточнения характера памятника.

Акведуки и византийская цистерна (Вута). Ручей Вута, начинавшийся в 58 км западнее города, стал начальной точкой акведука, заканчивавшегося у северного входа на Каменную агору (источник Китрея (совр. Дегирменлик) в предгорьях Пентадактиля (Бешбармак)). Остатки акведука прослеживаются почти на всем его пути, а в некоторых местах за городом (с. Енибогазичи) еще видны монументальные каменные арки, опирающиеся на массивные четырехгранные столбы [Коровина, Сидорова, 1973, с. 86].

Византийская цистерна, расположенная ныне в северной части Агоры, представляет собой впечатляющий памятник, который, как предполагают, был построен около 627–640 гг. Саламину требовался большой запас воды, хотя изначально хватало местных источников [du Plat Taylor, 1933, р. 97–108]. Этот огромный резервуар – один из самых больших каменных резервуаров на Кипре. Стены и остатки 36 квадратных столбов цистерны сохранились до наших дней.

Комплекс гимнасия-терм. Гимнасий. Наиболее грандиозное сооружение Саламина – гимнасий, расположенный у северной границы города. Там же находится и вход на территорию археологического комплекса [Коровина, Сидорова, 1973, с. 77–80; Победимская, 2014, с. 138–139]. Первое здание гимнасия было построено в эпоху эллинизма, оно не сохранилось.

В начале I в., как свидетельствует надпись на одной из южных ступеней, было построено новое огромное здание с монументальным восточным портиком и колоннадой перед ним. Восточный портик был более широким, не имел сводчатого перекрытия (плоское перекрытие), а его колонны имели каннелюры.

Важнейшим элементом комплекса была прямоугольная палестра (двор) перед зданием гимнасия, окружённая каменными колоннами. Портики палестры имели сводчатое перекрытие с каменными арками. Вход в палестру располагался в центре южного портика. В центре палестры, на месте небольшого круглого бассейна, была установлена колонна со статуей Августа, от которой сохранился лишь ступенчатый подиум из серого мрамора. В палестре частично сохранились фрагменты ранневизантийской вымостки с геометрическими узорами.

После землетрясения 76 г. комплекс был частично перестроен Траяном и Адрианом. После землетрясений IV в. каменные колонны палестры были заменены мраморными, несколько разного размера.

При раскопках были найдены мраморные статуи, которые украшали комплекс до христианизации, а потом были сняты и закопаны, многие при этом были лишены голов.

Портики гимнасия были окружены рядом сообщающихся помещений. На западном конце южного портика (в юго-западном углу комплекса) обнаружена хорошо сохранившаяся латрина (туалет) II в., расположенная полукругом, с максимальной вместимостью 44 чел., с хорошей канализацией. Трубопровод и резервуары для воды все еще видны, как и подлокотники с одной стороны. В противоположном углу есть еще один ряд туалетов, но он не так хорошо сохранился.

На полу у южного входа в этот район сохранилась надпись среднеэллинистического времени, свидетельствующая о существовании других гимнасиев на том же месте, в северной части города.

Термы. В середине IV в. комплекс гимнасия был перестроен в комплекс терм. С северной и южной сторон Восточного портика появились помещения с бассейнами – Северным и Южным. Северный бассейн был первоначально круглым, а в IV в. был перестроен в прямоугольный. Его стенки образуют три ступени, спускающиеся вниз, покрытые розовой штукатуркой. Южный бассейн также прямоугольный, несколько большего размера, с коринфскими колоннами [Коровина, Сидорова, 1973, с. 79–80].

Монументальный фасад терм сохранился на высоту 3,5 м. Он построен из споллий, в том числе фрагментов колонн гимнасия.

Из северного и южного бассейнов два прохода ведут в здание терм, начинающееся с двух «прихожих» с восьмигранными бассейнами, перекрытых куполами. Далее проходы ведут в большую парильню (судаторий) – «западный зал» с полом из мраморных плит, под которым находится мощный гипокауст.

Из судатория два узких прохода ведут в главные помещения из трех больших залов с полукруглыми апсидами; главный зал был кальдариумом, два других – судаториями. Этот комплекс существовал еще при гимнасии, но был перестроен в период перепрофилирования комплекса в термы. При перестройке был изменен декор и заделаны мозаики, изображавшие Ниобид, Эвроты и др.

Надпись на восточной колоннаде указывает на то, что этот комплекс использовался также и как общественный сад.

Театр. Театр Саламина был открыт в 1959 г. Построенный, вероятно, во времена Августа и законченный во II в., в отличие от большинства других римских театров, которые обращены к морю, этот однозначно «смотрит» на сушу. Кроме того, его структура необычна тем, что античные театры обычно строились на удобном холме, что значительно облегчало строительство, однако этот участок в Саламине является отдельно стоящим на ровном месте, что сближает его с западно-римской традицией, где такие театры более распространены.

Полукруглая орхестра диаметром в 27 м обрамлена скамьями для зрителей из известняка, поддерживаемыми арками. Ряды скамей лежали на мощных подпорных стенах до 20 м высотой. Внутренние части стен заполнены мелким бутом, а наружные контуры сложены блоками песчаника.

От 50 рядов сохранилось 8 рядов по 50 мест. На середине расстояния от театрона до сцены был устроен вымощенный каменными плитами проход. Широкие проходы между театроном и сценой вели к орхестре. Восемь радиальных лестниц разделяли театрон на девять секций. Всего комплекс мог вместить до 15 000 чел.

Сцена имела длину около 40 м и была украшена колоннами и статуями. Алтарь, посвященный древнегреческому богу вина Дионису, с круглыми основаниями, посвящен-

ными Марку Аврелию Коммоду, Цезарю Констанцию и Цезарю Максимиану, находится в центре сцены.

Театр Саламина значительно больше других театров Кипра, он один из самых больших в Восточном Средиземноморье.

В здании сцены есть различные комнаты и коридоры для оркестров и актеров, а также они служили фоном для выступлений.

На территории театра, как и на территории терм, были раскопаны обезглавленные мраморные статуи, которые также относятся к римской эпохе. Считается, что многие из этих статуй могли быть разбиты христианами.

В IV в. театр был заброшен, а некоторые его фрагменты были использованы при перестройке здания гимнасия. Ныне театр реставрирован.

Амфитеатр. Между палестрой (термами) и театром в непосредственной близости к ним был расположен амфитеатр, который пока не подвергался систематическим раскопкам.

Стадион. Восточнее амфитеатра открыты остатки стадиона, разобранного при строительстве дороги на юг, приблизительно в IV в. Новая дорога прошла прямо через стадион.

Малые римские термы. К юго-западу от театра расположен комплекс малых римских терм [Coşku, 2007, p. 25–41]. Он был раскопан турецкими археологами в 2000-е гг. От этого комплекса начиналась колонная улица кардо по направлению на юг и были расположены Северные ворота. В северо-восточном углу комплекса терм в VII в. существовал рыбный рынок.

Новое позднеантичное здание к юго-востоку от римских терм было обнаружено в 2002 г. и раскопано с 2004 г. К. Озгюнелем [Özcan, 2007, p. 79–100]. Это здание имеет прямоугольную форму в плане и состоит из трех помещений и прямоугольной платформы на южном краю. Здание имеет размеры около 13×33 м. Покрытие (тротуар) из водонепроницаемого раствора окружало здание по всему периметру. Помещения идут по оси север – юг, и между ними есть разделительные стены, сложенные из известняковых блоков. Никаких дверных проемов между комнатами или парадного входа в здание не найдено. Главный вход должен был быть на северной стороне. Открыто два параллельных ряда из 8 колонн каждый с клеймом каменщика EA. Выявлено как минимум две фазы использования здания. Массивные стены, изолированные водонепроницаемым раствором, система глиняных водопроводов, где с южной и юго-восточной стороны здания расположен водный канал, наводят на мысль, что на первом этапе бытования это должна быть цистерна или резервуар для воды. По находкам монет можно датировать вторую фазу постройки IV веком. Керамические находки – амфоры, горшки для приготовления пищи и ее хранения, а также ступы, базальтовый шлифовальный камень, известняковые бассейны, как и строительные технологии, наводят на мысль, что здание должно было использоваться как дом и/или мастерская. Также были обнаружены известняковые и мраморные детали, капитель позднеимперской колонны и три колонны, которые были перенесены с колонной улицы (кардо) и других зданий в ее окрестностях. Уровень пожара виден по всему зданию. Три серебряные монеты с арабскими надписями являются важным свидетельством последнего этапа его существования (VII в.).

Римская вилла. Значительно южнее театра были открыты остатки двухэтажной виллы. Она была раскопана в 1882 г., но сейчас находится вновь под землей. Вход по форме напоминал церковную апсиду, украшенную колоннами, центральный внутренний двор которой имел портик с колоннами. Жилые комнаты располагались по обе стороны двора, а при раскопках была обнаружена площадка с мозаичным полом, украшенным анималистическими мотивами, окружающими центральную фигуру.

В ранневизантийский период это здание использовалось как *маслобойня*. Была обнаружена большая каменная мельница, которая использовалась для измельчения оливок в приемном зале, а также мельничные камни и приспособления для давки.

Агиасма была открыта в 1930-х гг. недалеко от римской виллы, в 1,2 км к северу от южной гавани, близ берега. Первоначально агиасма была построена как цистерна для сбора дождевой воды, возможно, в I веке н. э. (на одной из фресок были обнаружены надписи 6 г.). Она была перестроена в IV в., предположительно после землетрясения, и в то время с ней могла быть связана какая-то христианская легенда. Над цистерной было возведено значительное здание, для которого есть параллель в чем-то похожем здании рядом с базиликой св. Варнавы, где сооружение было построено (позднее?) над известной пещерой святых, и воду вытаскивали из него ведром.

Святынище, очевидно, было своего рода общественным местом. Изображения проясняют его сакральный характер. Считалось, что вода обладает целебными и полезными свойствами. Люди мылись в ней, или окропляли им свои дома, или даже пили ее.

Ближе не известный донатор Никодим украсил стены агиасмы фресками. Его имя упоминается в одной из надписей: «Христе, Спаситель Боже, защити и сохрани раба Твоего Никодима и всех, кто [под его властью]». В надписях вокруг арки Никодим призывает к защите апостола Варнаву, св. Епифания и императора Константина. Первые два святых описываются как «наш защитник», в то время как о Константине мы читаем: «Помоги, о Константин, ты и твои знаки отличия». Никодим здесь явно говорит от имени общины Саламина, имея в виду двух святых покровителей города, которым также были посвящены две гигантские базилики/мартирии Саламина. Упоминание Константина здесь необычно. Г. Делигиннакис предполагает, что Константин мог быть новым ойкистом города Саламина после землетрясения 332 г. [Deligiannakis, 2019, p. 765].

Другие надписи, которые эпиграфически относятся к концу V или VI в., носят религиозный характер, цитируя Псалом 29 (28: 3): «Глас Господень на водах» и знамение пророка Елисей, положивший соль в источник: так говорит Господь: Я исцелил воды сии» (4 Цар. 2:21).

На главной панели цистерны (агиасмы) была изображена водная сцена с рыбами и растениями, над которой вписан образ Иисуса Христа.

Базилика св. Епифания. Когда-то самая большая базилика на Кипре [Jeffrey, 1928, p. 344–349], храм св. Епифания находится между Гранитной агорой и римской виллой, северо-восточнее Каменной агоры и цистерны. Открыта в 1924 г. Она была построена около 380–400 г. как столичная церковь города Констанции епископом Саламина 367–403 гг. Епифанием [Rapp, 1993, p. 169–188; Jacobs, 2016]⁷. Она считается самой древней и самой большой на острове.

После кончины Епифания в 403 г. его преемник Саввин довел работы до завершения. Решение о возведении такого величественного архитектурного сооружения было принято в то время, когда население Саламина состояло как из язычников, так и из христиан, согласно жизнеописанию святого, что приводит нас к неизбежному выводу о том, что ревностный архиепископ был убежден в том, что новая религия полностью победит [Foulias, 2019, p. 719].

Систематические раскопки храма провел Андреас Дикогоропулос в 1954–1959 гг. Первоначально на месте, где была построена большая базилика, существовала более ранняя меньшая церковь, что нередко встречается на Кипре (например, в Солах).

Впечатляющий памятник, базилика с деревянной крышей имеет длину 57×35 м, не считая притвора и атриума, последние еще предстоит раскопать (рис. 2).

⁷ Даже в V в. христианские источники называют Епифания епископом Саламина, а не Констанции; вероятно, ссылка на Саламин в Деяниях 13: 6 повлияла на использование этого традиционного названия. Иероним называет Епифания *Cypri Salaminae episcopus* (*De viris illustribus*, 114).

Рис. 2. Базилика св. Епифания, центральный неф [Foulias, 2019, p. 723]
Fig. 2. Basilica of St. Epiphany, central nave

Первоначально это было семинефное здание. Внешние нефы разграничены четырёхгранными столбами, а центральный обрамлён взятыми из разрушенных римских зданий коринфскими колоннами. Проходы по обе стороны от центрального нефа разделены двумя рядами каменных колонн.

На восточном конце находится трехарочная полукруглая апсида с местами для епископа и духовенства. Центральная апсида имеет хорду 10,30 м и радиус 5 м. Бема (приподнятая алтарная часть) была трехчастной, с выступающей центральной апсидой; две меньшие боковые апсиды были вписаны в восточную стену, что часто встречается на Кипре. Внутри стены были украшены мозаиками, имелась и богатая напольная мозаика с геометрическими узорами.

В VI в. после кардинальных перестроек базилика приняла форму пятинефной, средние колоннады были удалены и добавлен синтрон со сводчатым коридором (киклион), напоминающий, таким образом, близлежащие базилики св. Варнавы и Кампанопетра (конец V в.) и базилику в Солах (VI в.). Весьма вероятно, что капитальный ремонт церкви включал реставрационные работы, а также добавление привозного мрамора [Foulias, 2019, p. 722].

В 1959 г. был обнаружен *баптистерий* на востоке храма – это отдельная пристройка с комплексом залов типа аподитерия. Восточная сторона комплекса баптистерия остается нераскопанной. Баптистерий включает в себя крестообразную купель, вода в которой нагревается с помощью системы гипокауста, которая была совершенно уникальной на Кипре. Остатки гипокауста в баптистерии наводят на мысль о том, что крещения совершались здесь как зимой теплой водой, так и летом.

На восточном конце второго южного прохода раннехристианской базилики в 1956 г. найден пустой саркофаг, облицованный мрамором, с надписями. Считается, что это гробница епископа, так как, согласно житию святителя, Епифаний был похоронен в храме. Захоронение св. Епифания, возможно, является самым ранним из серии погребений внутри

храма на Кипре. Останки святого были перевезены в Константинополь императором Львом во время арабских набегов.

Церковь была разрушена во время арабских набегов в середине VII в., она была полностью уничтожена огнем, а стены и колонны подверглись обжигу под действием сильного жара.

Впоследствии на её месте, несколько южнее, была возведена базилика меньшего размера с деревянной крышей, в которой гробница находилась в притворе. В VIII в. эта базилика была перестроена в трехнефную церковь с тремя куполами.

Базилика Кампанопетра. Трехнефная базилика с нартексом и атриумом занимает великолепное место с видом на море, недалеко от гавани, в юго-восточной части города. Ее название означает «Камень-колокол», оно возникло от огромного валуна, найденного на территории при раскопках.

Датировка храма крайне дискуссионна – от IV в. до конца V в. с перестройками VI в. Возможно, что при строительстве базилики Кампанопетра выделялись имперские субсидии. Общий характер здания, его уникальное по тем временам великолепие были немыслимы без императорской инициативы и (несомненно) субсидий.

Она состояла из большого прямоугольного двора с колоннадой (западного атриума длиной 45 м) с колодцем или фонтаном посередине и портиков длиной 36 м со всех сторон, с 60 или более комнатами вокруг на двух уровнях. Было высказано предположение, что это были монашеские кельи.

В центральной апсиде – архиерейский аналой и место для остального духовенства. За апсидой находятся остатки парилки, которая предполагает баню. Еще одна комната имеет впечатляющие мозаики в технике *opus sectile*, где материалы вырезались и инкрустировались в стены и полы для создания рисунка или узора, обычно с использованием мрамора, перламутра и стекла. Полихромная напольная мозаика с геометрическим орнаментом в виде круга – один из лучших образцов мозаичного искусства [Победимская, 2014, с. 143].

Базилика также была связана с паломническими маршрутами. Эта большая паломническая церковь на южной окраине Констанции была самой роскошной из кипрских базилик. Она была богато украшена проконнесским мрамором. Ее напольные мозаики, если судить по тому немногому, что сохранилось, были впечатляющего качества. Расположенные над белыми мраморными колоннами коринфские капители были украшены сусальным золотом, положенным на слой красной грунтовки. Хотя нет никаких археологических свидетельств, вполне вероятно, что существовала община, которая была хранителями реликвии, совершала божественную литургию и соблюдала часы. Возможно, комнаты на верхнем уровне были монашескими кельями (как это было, например, в Махерасе), а уровень первого этажа был более общественным пространством.

Сама базилика имела 52 м в длину. Далее к морю был расположен восточный атриум (28 м) с балдахином, в котором хранилась реликвия первостепенной важности, возможно, фрагмент св. Креста. Планировка Кампанопетра включала коридоры шириной 3 м, обрамляющие церковь с обеих сторон и ведущие прямо к восточному атриуму. По этим широким проходам мог двигаться поток паломников в одностороннем порядке, чтобы поклониться реликвии.

Великолепие этой церкви, которая проектировалась и строилась для массового паломничества, и, несомненно, уже имея в виду особую реликвию, говорит об имперском покровительстве. Ее соперничество с базиликой св. Епифания подтверждается еще и тем, что Кампанопетра почти наверняка была уникальной на Кипре в использовании такого большого количества дорогого импортного мрамора.

Архитектурный замысел церкви космополитичен в своих решениях, элегантен и не скован правилами. Просторный западный входной двор и атриум напоминают храм Рож-

дства Христова в Вифлееме. Другие архитектурные детали также наводят на мысли о связи с великими церквями Святой Земли (базилика св. Епифания имеет такое же архитектурное сходство). Значение Кампанопетры больше, чем провинциальное.

Вряд ли этот комплекс был построен одновременно со строительством загородного центра паломничества св. Варнавы, который был более скромным и умеренным. Кампанопетра словно предвидит толпы паломников эпохи расцвета имперского великолепия. Поэтому возникает вопрос, не было ли оно инициировано, как и общественные работы на севере города, Юстинианом и Феодорой, хотя это означает, что оно произошло примерно на полвека позже, чем предполагают стилистические признаки, и на полвека позже, чем паломнический центр св. Варнавы [Metcalf, 2009, p. 368].

Стены. Стены защищали Саламин по внешнему контуру с севера, юга и запада. Остатки этих стен сохранились и были частично исследованы на северной стороне турецкими археологами в начале XXI в., открывшими Северные ворота. В районе за Северными воротами выделено платформенное пространство с участками, образованными кирпично-бутовыми стенами. Это место, вероятно, было устроено как общественное здание в поздний период истории Саламина.

Была также обнаружена еще одна, внутренняя, стена в центре древнего города, построенная первоначально Констанцием II и обновленная или перестроенная Юстинианом. Она закрывает относительно небольшую территорию в центре города (так, термы оказались далеко за её пределами). За неимением акрополя, она перекрывает территорию вокруг церкви св. Епифания и большой цистерны. Считается, что она сыграла важную роль в VII в. для защиты внутренней части города от арабских набегов. Эта стена сохранилась лучше внешних.

Гавань. К юго-востоку от города находится старейшая гавань Саламина, которая с севера и юга была защищена искусственными волнорезами. Вторая гавань, к северу от города, в позднеримскую эпоху обычно использовалась в военных целях. Длинный риф, идущий параллельно берегу и образующий лагуну на юге, разграничивает акватории двух гаваней. Они были раскопаны в 1971 и 1973 гг. и находились к северу и к югу от этой лагуны.

В ходе раскопок были обнаружены две дороги: одна – параллельная современному берегу, а другая – навстречу ему. К югу от лагуны были обнаружены архитектурные остатки, указывающие на то, что во время строительства уровень дневной поверхности был выше. Там же довольно большая территория была заилена, что привело к мнению, что в этой области еще многое предстоит открыть.

Есть также некоторые свидетельства того, что городская стена простиралась вдоль волнорезов двух гаваней и, возможно, естественного прибрежного (подводного) хребта, отделявшего лагуну от моря, образуя закрытую гавань.

Планировка улиц. До недавнего времени планировка города сколько-нибудь серьезно не была известна. Решению этой задачи были посвящены турецкие раскопки, начавшиеся в 1998 г. Две главные улицы города были обнаружены во время раскопок, проведенных К. Озтанером в 2002–2010 гг.

Одна из этих улиц – кардо, соединяющая северную часть города, где располагались общественные здания, такие как гимнасий, театр и римские бани, с южной частью города. Другая – декуманус, который пересекает кардо в центре города, соединяет восток и запад [Öztaner, 2010, p. 199–214]. С восточной стороны от центрального перекрестка обнаружены две башни.

В 2002 г. работы были начаты в районе, который находится примерно в 40 м к востоку от римских терм. Во время раскопок была обнаружена улица **кардо** с колоннадой шириной около 4,7 м, вытянутая в направлении север – юг (рис. 3) [Öztaner, 2007, p. 101–120].

Рис. 3. Вид на северную часть колонной улицы кардо [Öztaner, 2010, p. 212]

Fig. 3. View of the northern part of the columned cardo street

Когда были исследованы известняковые полы и границы улицы на разных уровнях и типах, были обнаружены два перекрывающих уровня, которые указывают на две разные фазы строительства. Улица была интегрирована с территорией, где расположены общественные здания – комплекс гимнасия и терм, амфитеатр и стадион, театр, римские термы, расположенные на севере города, и касается юго-восточного угла палестры терм. Она начинается от ворот и продолжается в южную часть города.

Ворота, обнаруженные в ходе исследований 2003 г., были названы **Северными воротами**. Это сооружение, которое с севера является окончанием улицы кардо, ориентированной с севера на юг, имеет проем 3,62 м, выходящий на улицу, и состоит из двух рядов стен, проходящих параллельно друг другу на расстоянии 5,65 м в направлении восток – запад. Общая длина 15,5 м, включая проем посередине, и толщина 0,73 м. Сохранилась с северной стороны на высоту 1,78 м. Установлено, что ворота обслуживали улицу с колоннадой 1-го строительного периода и что они были заложены перед строительством 2-й фазы в связи со строительством нового проема в северной стене.

Северные ворота находятся между римскими термами и театром. За ними к северу находится лишь поздняя часовня.

Примерно в 340 м к югу от Северных ворот, в центре города, в 1-й пол. VII в. улица была перерезана стеной позднего периода, построенной против арабских набегов.

Продолжение колонной улицы на юг было обнаружено в интерьере северо-восточной угловой башни новой внутренней городской стены в ходе исследований 2008 г. Было обнаружено, что городская стена конца VII в. продолжалась на юг от северо-восточного угла, параллельно восточной стороне улицы с колоннадой, и находилась на верхнем уровне 2-й фазы улицы. Это свидетельствует о том, что направление улицы при возведении стены определяло направление новой внутренней городской стены.

Северо-восточная угловая башня внутренней стены позднего периода, которая была построена в центре Саламина-Констанции, чтобы прикрыть небольшую часть города от арабских набегов в VII в., перерезала улицу с колоннами; найдена во время раскопок в 2005 г.

Ширина 4,6–4,7 м, выявленная в северной части кардо, увеличивалась до 4,8–4,85 м в северной части поздней внутренней городской стены, а в южной части внутренней городской стены она расширялась на 1 м и достигала 5,60 м. Увеличение ширины кардо в направлении на юг стало важным показателем приближения главного перекрестка в центре города.

В ходе исследований 2009 г. была найдена главная улица по направлению восток – запад (**декуманус**), которая перпендикулярно пересекает колонную улицу кардо, продолжаясь на протяжении 397 м от Северных ворот на юг.

Плиты из известняка толщиной 0,15–0,18 м улицы декуманус, ориентированной с востока на запад, вскрытые в месте пересечения с улицей кардо, перпендикулярны ориентации плит улицы кардо; установлено, что они находятся примерно на том же уровне, что и уровень 2-й фазы кардо.

При раскопках, проведенных на протяжении 20 м от главного перекрестка в западном направлении, было установлено, что на 16,5 м идет вымостка, а далее на запад она снята. То обстоятельство, что в этой части было очень мало поверхностной засыпки, не позволял защитить вымостку с течением времени и привело к ее удалению из-за сельскохозяйственных работ и других разрушений.

В восточной части декумануса при контрольном зондировании, проведенном примерно в 41 м к востоку от главного перекрестка, была найдена вымостка улицы, закрепленная вдоль северного и южного краев, и открыты стены, сложенные из щебня и тесаных камней. На первом этапе была вскрыта часть улицы длиной 51 м от точки зондирования на восток. Известняк шириной 0,4–0,8 м, мощностью 0,1–0,18 м, был уложен поперек улицы декуманус шириной 4,35–4,45 м. Плиты более раннего периода не найдены под грунтовым полом, на который укладывались плиты.

В поисках продолжения улицы на восток была раскопана часть улицы длиной 22 м; раскопки проводились примерно на 63 м восточнее на втором этапе. В этой части установлено, что улица отклоняется примерно на 1,3 м от существующей оси на юго-восток, с небольшими перепадами направления укладки плит вымостки. В связи с плотной песчаной засыпкой в районе были проведены исследования на участке шириной 3 м и длиной 16 м для изучения продолжения улицы в восточном направлении. На существующей оси улицы в контрольных шурфах, произведенных на востоке, улицы не обнаружено. Это говорит о возможности отклонения улицы на северо-восток. Этот участок покрыт песчаными дюнами.

В целом в результате исследований в 2010 г. общая длина улицы декуманус между самой западной и самой восточной точками достигла 273 м (рис. 4).

В исследованиях, проведенных на пересечении обеих улиц, открыты **две башни и въездные ворота**, построенные на кардо и декуманусе внутренней стены позднего периода. Башни были построены из вырезанных из известняка блоков, скрепленных друг с другом раствором. Видно, что строительные элементы – блоки из известняка и части колонн – использовались в качестве спойл при строительстве башен, как и в целом для стены позднего периода. Северная башня, которая выступает на 3,8 м к востоку от линии стены толщиной 1,9 м, идущей в направлении север – юг, имеет размеры 5,7×5,3 м, а Южная башня – 5,5×5,8 м.

На декуманусе были построены въездные ворота, защищаемые Северной и Южной башнями, на расстоянии 2,9 м друг от друга. Проем, образованный двумя противоположащими пилястрами, опирающимися в торцевые грани башен, имеет ширину 1,85 м, а в основании – укос толщиной 0,52 м, состоящий из двух поставленных вертикально рядом друг с другом белых мраморных блоков. К западу от склона на уровень пола декумануса ведет ступенька, сложенная из известняковых блоков шириной 0,6 м и высотой 0,2 м. С обеих сторон имеются проходы размером 0,18×0,22 м, где ступенька обрамлена пилястрами. Доступ к Северной и Южной башням осуществляется через проемы в кардо.

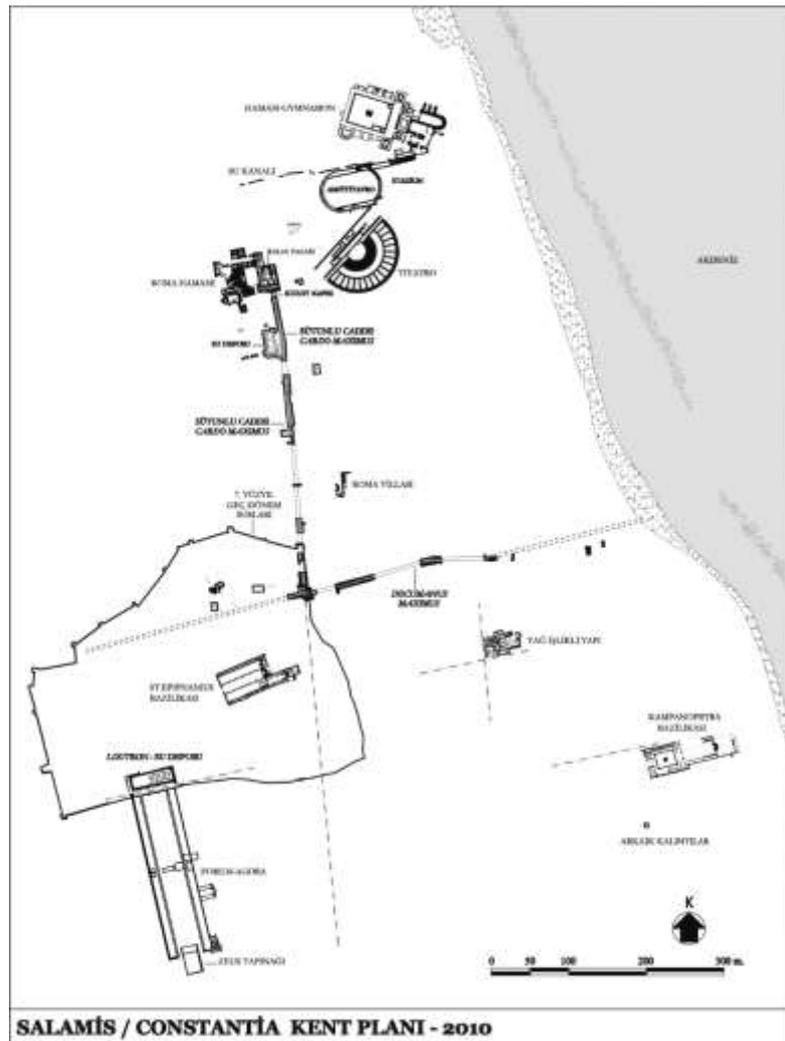

Рис. 3. План Саламина / Констанции по состоянию на 2010 г. [Öztaner, 2010, p. 209]

Fig. 3. Plan of Salamis/Constance as of 2010

Тот факт, что северо-восточный угол городской стены конца VII в. был построен путем разрезания кардо, указывает на то, что уличное сообщение между крупными общественными зданиями на севере города и юге было перерезано после строительства внутренней городской стены. Однако тот факт, что восточная сторона внутренней городской стены позднего периода была построена параллельно кардо, предполагает, что улица использовалась в качестве внутренней транспортной линии на оси север – юг в пределах поздней городской стены. В противоположность этому видно, что декуманус, выходящий к морю в направлении на восток, был перекрыт не стеной, а въездными воротами внутренней городской стены, которые были защищены башнями, на линии, где шла улица.

Тот факт, что декуманус, соединяющий город с морем, продолжали использовать при строительстве стены против арабских набегов, показывает стратегическое и жизненно важное значение этой улицы для города даже в поздний период.

Как портовый город Саламин-Констанция является одним из важных и крупных городов острова и Восточного Средиземноморья в целом благодаря морской торговле.

Декуманус, обнаруженный при раскопках 2009–2010 гг., по расположению и ориентации носит характер портовой улицы как главной улицы, соединяющей город с морем (в своей восточной части). Стало понятно, что древний берег в черте города сильно изменился.

Возможно, что в городе был еще один порт, помимо предполагаемого порта на юге города. Чтобы определить местонахождение этого порта, через который перевозили товары, важно исследовать продолжение декумануса в сторону моря. Видно, что нынешнее направление декумануса продолжается в сторону района, который можно назвать районом гавани между рифом (скалами, простирающимися параллельно берегу моря), и в сторону бухты, которую и сегодня можно увидеть в прибрежной полосе.

И декуманус, и кардо много лет использовались в городской жизни. Это видно по колее, образованной из-за движения транспорта. При осмотре следов колес на обеих улицах было установлено, что они принадлежали повозкам с расстоянием между осями примерно 1,3 м.

На кардо были выявлены две фазы строительства, а декуманус имел одну фазу строительства. Даты строительства и фаз улиц, которые мы можем отнести к римскому периоду на основании их архитектурных и технических особенностей, должны быть связаны с датами землетрясений, которые глубоко повлияли на жизнь в Саламине. В целом строительство общественных зданий в городе Саламин подводит нас к датировке кардо и декуманус.

Во II в., в контексте строительной деятельности в городе, должна была быть построена и колонная улица-кардо, имевшая важное место в планировке и жизни города. Во время землетрясений IV в. она была разрушена, как и другие постройки города, ее колонны рухнули, и она потеряла свою функцию, промежутки между колоннами были заполнены осколками колонн и бутом, пол был заново покрыт и отремонтирован во второй фазе [Öztaner, 2007, p. 101–120].

Декуманус подобен второй фазе кардо по своим архитектурным и техническим особенностям. Опираясь на эти данные, можно сказать, что кладка камней декумануса на точке пересечения была построена одновременно со 2-й фазой кардо. Но утверждать, что он был построен после землетрясений IV в., нельзя – это было бы слишком поздно с точки зрения градостроительства и истории. Поэтому не исключено, что он был построен в рамках застройки города во II в.

Монастырь св. Варнавы. К западу от Саламина недалеко расположен известный монастырь св. апостола Варнавы, возведенный архиепископом Анфемием. Строительство базилики св. Варнавы близ Констанции было начато в конце V в.: оно было рассчитано на значительное количество паломников, многие из которых останавливались на Кипре, предположительно, по дороге в Святую Землю или из нее. Паломничество, возможно, внесло существенный вклад в экономику Кипра и Саламина-Констанции.

Выводы

Таким образом, Саламин-Констанция является одним из важнейших городов Кипра, имеющим непрерывную историю, начиная с бронзового века и вплоть до средневековья. Особенно важное значение город приобретает в римское и ранневизантийское время, когда он становится столицей (метрополией) острова как провинции, а также церковным центром автокефальной епархии.

Во 2-й пол. XX в. город подробно изучался кипрскими археологами. В результате событий 1974 г. раскопки на четверть века были прерваны, и возобновились лишь на рубеже XX–XXI вв. силами турецких археологов.

На сегодняшний день известно уже многое об исторической топографии города, однако в значительной мере это лишь отдельные комплексы. Памятник нуждается в более систематических исследованиях.

Но прежде всего должен быть урегулирован международно-правовой статус территории, на которой он находится, что сделает новые раскопки легитимными, так как в Республике Кипр турецкие исследования таковыми не признаются.

Список литературы

- Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2019. Город Пафос на Кипре в римское время. В: *Via in tempore. История. Политология*. Т. 46 (3). 2019: 412–419.
- Борухович В.Г. 1982. Ахейская колонизация Кипра. В: *Проблемы античной государственности*. Л., ЛГУ: 4–20.
- Коровина А.К., Сидорова Н.А. 1973. *Города Кипра*. М., Искусство, 216.
- Налимова Н.А., Савина И.С. 2019. Специфика архитектурного решения гробниц Царского некрополя Саламина. О роли погребального обряда, прототипах и параллелях. В: *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 9. М.; СПб.: 30–44.
- Петрова Э.Б. 1975. Античный Кипр (основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени). Автореферат ... канд. ист. наук. Казань, 21.
- Победимская С. 2014. Северное побережье Кипра. Христианские и исторические памятники. Никосия, Yianel, 200.
- Cannavò A. 2010. The Cypriot Kingdoms in the Archaic Age: a Multicultural Experience in the Eastern Mediterranean. In: *XVII International Congress of Classical Archaeology: Meetings Between cultures in the Eastern Mediterranean*. Roma: 37–46.
- Cayla J.-B. 1997. Bassidios Lauricius gouverneur de Chypre? Une nouvelle hypothèse à propos de la restauration d'un monument incendié à Paphos. In: *Cahiers du Centre d'Études chypriotes* 27. 1997: 71–77.
- Chrysos E. 1993. Cyprus in Early Byzantine Times. In: *The Sweet Land of Cyprus. Papers Given at the Twenty-Fifth Jubilee Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1991*. Ed. A.A.M. Bryer, G.S. Georghallides. Nicosia: 3–14.
- Coşku A. 2007. Salamis Kenti Roma Hamamı [Salamis City Roman Bath]. In: *Anadolu/Anatolia* 33, 2007: 25–41.
- Deligiannakis G. 2019. Imperial and Ecclesiastical Patrons of Fourth-Century Salamis/Constantia. In: *Salamis of Cyprus. Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien*, vol. 13: 761–768.
- Deligiannakis G. 2018. From Aphrodite(s) to Sainly Bishops in Late Antique Cyprus. In: *Authority and Identity in Emerging Christianities in Asia Minor and Greece*. Ed. C. Breytenbach, J.M. Ogereau. Leiden: Brill: 326–346.
- du Plat Taylor J.M.F. 1933. A Water Cistern with Byzantine Paintings, Salamis, Cyprus. In: *The Antiquaries Journal*. 13, № 2: 97–108.
- Ersin H. 2021. Revaluating Roman Cyprus. Local Identity on an Island in Antiquity. Oxford: UP, 155, XXI.
- Foulias A. 2019. The Basilica of Saint Epiphanius: Architecture and Chronology. In: S. Rogge, Ch. Ioannou, Th. Mavrojannis (eds.). *Salamis of Cyprus. History and Archaeology from the Earliest Times to Late Antiquity*. Conference in Nicosia, 21–23 May 2015. *Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien*, vol. 13: 719–722.
- Jacobs A. 2016. *Epiphanius of Cyprus: A Cultural Biography of Late Antiquity*. Oakland: Univ. of California press, XIV, 335.
- Jeffrey G.E. 1928. The Basilica of Constantia, Cyprus. In: *The Antiquaries Journal*. 8: 344–349.
- Karageorghis V. 1975. *Salamis. Die zyprische Metropole des Altertums*. Bergisch Gladbach, Gustav Lübbe Verlag, 276.
- Karageorghis V. 1969. *Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman*. London, Thames & Hudson, 212.
- Metcalf D. 2009. *Byzantine Cyprus. 491–1191*. Nicosia, Cyprus Research Centre, 659.
- Mitford T.B. 1980. Roman Civitas in Salamis. In: M. Yon (ed.). *Salamine De Chypre, Histoire et Archéologie: état de recherché*. Paris: 275–288.
- Mitford T.B. 1990. The Cults of Roman Cyprus. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II. 18.3: 2176–2211.
- Özcan A. 2007. Salamis Antik Kentinden Bir Yapı Hakkında Düşünceler [Some Considerations on a Building at the Ancient City of Salamis]. In: *Anadolu/Anatolia* 33: 79–100.
- Özgünel C. 2007. Kibris Salamis Kazılarının Dünü ve Bugünü [The Past and Present of The Cyprus Salamis Excavations]. In: *Anadolu / Anatolia* 33: 1–8.
- Öztaner S.H. 2007. Colonnaded Street at Salamis. In: *Anadolu/Anatolia* 33: 101–120.

- Öztaner S.H. 2010. Salamis-Constanta kent planlamasi üzere yen aratirmalar: Cardo ve Decumanus [New Researches related to the City Planning of Salamis–Constantia: Cardo and Decumanus]. In: Anadolu/Anatolia 36: 199–214.
- Rapp C. 1993. Epiphanius of Salamis: The Church Father as Saint. In: The Sweet Land of Cyprus. Papers Given at the Twenty-Fifth Jubilee Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1991. Ed. A.A.M. Bryer, G.S. Georghallides. Nicosia: 169–188.
- Vermeule C.C. 1979. An Imperial Commemorative Monument Never Finished: A Possible Memorial of Trajan's Eastern «Conquests», at Salamis on Cyprus. In: V. Karageorghis, H.W. Catling et al. (eds.). Studies Presented in Memory of Porphyrios Dikaios. Nicosia: 189–193.

References

- Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2019. Gorod Pafos na Kipre v rimskoe vremya [Paphos city in Cyprus in Roman times]. In: Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political science]. Т. 46 (3). 2019: 412–419.
- Boruhovich V.G. 1982. Ahejskaya kolonizaciya Kipra [Achaean colonization of Cyprus]. In: Problemy antichnoj gosudarstvennosti [Problems of ancient statehood]. L., LGU: 4–20.
- Korovina A.K., Sidorova N.A. 1973. Goroda Kipra [Cities of Cyprus]. M., Iskusstvo, 216.
- Nalimova N.A., Savina I.S. 2019. Specifika arhitekturnogo resheniya grobnic Carskogo nekropolya Salamina. O roli pogrebal'nogo obryada, prototipah i parallelyah [The specificity of the architectural solution of the tombs of the Royal necropolis of Salamis. On the role of the funeral rite, prototypes and parallels]. In: Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva [Actual problems of the theory and history of art]. Vyp. 9. M.; SPb.: 30–44.
- Petrova E.B. 1975. Antichnyj Kipr (osnovnye cherty social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya dorimskogo vremeni) [Ancient Cyprus (the main features of the socio-economic and political development of pre-Roman times)]. Avtoreferat ... kand. ist. nauk. Kazan', 21.
- Pobedimskaya S. 2014. Severnoe poberezh'e Kipra. Hristianskie i istoricheskie pamyatniki [Northern coast of Cyprus. Christian and historical monuments]. Nikosiya, Yianel, 200.
- Cannavò A. 2010. The Cypriot Kingdoms in the Archaic Age: a Multicultural Experience in the Eastern Mediterranean. In: XVII International Congress of Classical Archaeology: Meetings Between cultures in the Eastern Mediterranean. Roma: 37–46.
- Cayla J.-B. 1997. Bassidius Lauricius gouverneur de Cypre? Une nouvelle hypothèse à propos de la restauration d'un monument incendié à Paphos. In: Cahiers du Centre d'Études chypriotes 27. 1997: 71–77.
- Chrysos E. 1993. Cyprus in Early Byzantine Times. In: The Sweet Land of Cyprus. Papers Given at the Twenty-Fifth Jubilee Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1991. Ed. A.A.M. Bryer, G.S. Georghallides. Nicosia: 3–14.
- Coşku A. 2007. Salamis Kenti Roma Hamamı [Salamis City Roman Bath]. In: Anadolu/Anatolia 33, 2007: 25–41.
- Deligiannakis G. 2019. Imperial and Ecclesiastical Patrons of Fourth-Century Salamis/Constantia. In: Salamis of Cyprus. Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien, vol. 13: 761–768.
- Deligiannakis G. 2018. From Aphrodite(s) to Saintly Bishops in Late Antique Cyprus. In: Authority and Identity in Emerging Christianities in Asia Minor and Greece. Ed. C. Breytenbach, J.M. Ogereau. Leiden: Brill: 326–346.
- du Plat Taylor J.M.F. 1933. A Water Cistern with Byzantine Paintings, Salamis, Cyprus. In: The Antiquaries Journal. 13, № 2: 97–108.
- Ersin H. 2021. Revaluing Roman Cyprus. Local Identity on an Island in Antiquity. Oxford: UP, 155, XXI.
- Foulias A. 2019. The Basilica of Saint Epiphanius: Architecture and Chronology. In: S. Rogge, Ch. Ioannou, Th. Mavrojannis (eds.). Salamis of Cyprus. History and Archaeology from the Earliest Times to Late Antiquity. Conference in Nicosia, 21–23 May 2015. Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien, vol. 13: 719–722.
- Jacobs A. 2016. Epiphanius of Cyprus: A Cultural Biography of Late Antiquity. Oakland: Univ. of California press, XIV, 335.
- Jeffrey G.E. 1928. The Basilica of Constantia, Cyprus. In: The Antiquaries Journal. 8: 344–349.

- Karageorghis V. 1975. *Salamis. Die zyprische Metropole des Altertums*. Bergisch Gladbach, Gustav Lübbe Verlag, 276.
- Karageorghis V. 1969. *Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman*. London, Thames & Hudson, 212.
- Metcalf D. 2009. *Byzantine Cyprus. 491–1191*. Nicosia, Cyprus Research Centre, 659.
- Mitford T.B. 1980. Roman Civitas in Salamis. In: M. Yon (ed.). *Salamine De Chypre, Histoire et Archéologie: état de recherché*. Paris: 275–288.
- Mitford T.B. 1990. The Cults of Roman Cyprus. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II. 18.3: 2176–2211.
- Özcan A. 2007. Salamis Antik Kentinden Bir Yapı Hakkında Düşünceler [Some Considerations on a Building at the Ancient City of Salamis]. In: *Anadolu/Anatolia* 33: 79–100.
- Özgünel C. 2007. Kibris Salamis Kazılarının Dünü ve Bugünü [The Past and Present of The Cyprus Salamis Excavations]. In: *Anadolu / Anatolia* 33: 1–8.
- Öztaner S.H. 2007. Colonnaded Street at Salamis. In: *Anadolu/Anatolia* 33: 101–120.
- Öztaner S.H. 2010. Salamis-Constanta kent planlaması üzerine yeni araştırmalar: Cardo ve Decumanus [New Researches related to the City Planning of Salamis–Constantia: Cardo and Decumanus]. In: *Anadolu/Anatolia* 36: 199–214.
- Rapp C. 1993. Epiphanius of Salamis: The Church Father as Saint. In: *The Sweet Land of Cyprus. Papers Given at the Twenty-Fifth Jubilee Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1991*. Ed. A.A.M. Bryer, G.S. Georghallides. Nicosia: 169–188.
- Vermeule C.C. 1979. An Imperial Commemorative Monument Never Finished: A Possible Memorial of Trajan's Eastern «Conquests», at Salamis on Cyprus. In: V. Karageorghis, H.W. Catling et al. (eds.). *Studies Presented in Memory of Porphyrios Dikaios*. Nicosia: 189–193.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022

Received 18.04.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Болгов Николай Николаевич, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доктор исторических наук, профессор, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Nikolai N. Bolgov, Professor of the Department of World History, Belgorod National Research University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Belgorod, Russia

Шелудченко Юлия Викторовна, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кандидат исторических наук, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2460-6149](https://orcid.org/0000-0003-2460-6149)

Yulia V. Sheludchenko, senior Lecturer of the Department of World History, Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-556-562
Оригинальное исследование

Специфика формы и содержания «Церковной истории» Захарии Митиленского

Дронова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика формы и содержания «Церковной истории» Захарии Митиленского. Данное произведение долгое время не попадало в поле зрения исследователей и было обнаружено в Ватиканской Апостольской библиотеке лишь в 70-е гг. XIX в. «История» Захарии заканчивается 491 годом и по своей структуре является логическим продолжением одноименного труда Сократа Схоластика. После смерти Захарии произведение было переработано неизвестным автором, переведшим «Церковную историю» с греческого языка на сирийский, и было доведено до 569 г., продолжение известно нам сегодня как «Хроника Псевдо-Захарии». Оригинальный греческий текст источника не сохранился. Работа Захарии является уникальным и информативным историческим источником, достаточно подробно отражающим события в истории церкви, происходившие в середине V в. и связанные с монофизитскими спорами; из этого сочинения мы также можем почерпнуть сведения нецерковного характера в указанный период.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Захария Митиленский, Церковная история

Для цитирования: Дронова Я.А. 2022. Специфика формы и содержания «Церковной истории» Захарии Митиленского. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 556–562. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-556-562

The Specifics of the Form and Content Features of the «Church History» of Zacharias of Mytilene

Yana A. Dronova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Annotation. The article examines the specifics of the form and content of the «Ecclesiastical History» of Zacharias of Mytilene. This work has not been in the field of vision of researchers for a long time and was discovered in the Vatican Apostolic Library only in the 70s of the 19th century. The «History» of Zacharias ends in 491 and, in its structure, is a logical continuation of the work of the same name by Socrates Scholasticus. After Zachariah's death, the work was revised by an unknown author, who translated the «Ecclesiastical History» from Greek into Aramaic and it was continued to 569. The continuance is known to us today under the name «Chronicle of Pseudo-Zachariah». The original Greek text of the source has not been preserved. Zachariah's work is a unique and informative historical source, reflecting in sufficient detail the events in the history of the Church that took place in the middle of the fifth century and related to Monophysite disputes; from the source we can also gather information of a non-Church nature during this period.

Keywords: Late Roman Empire, Early Byzantium, Zacharias of Mytilene, Ecclesiastical history

For citation: Dronova Ya.A. 2022. The Specifics of the Form and Content Features of the «Church History» of Zacharias of Mytilene. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 556–562 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-556-562

Введение

Захария Ритор Схоластик (Митиленский) – один из наиболее интересных авторов ранневизантийского времени. Ему принадлежит целый ряд разнообразных сочинений, так что его нельзя считать писателем одного жанра. Наиболее известны его «Аммоний» – христианское сочинение в форме платоновского диалога, памфлет «Жизнь Севера Антиохийского», антимианейские полемические трактаты. Но вместе с тем Захария является и важным церковным историком.

К сожалению, сложная источниковедческая история, сохранение большей части его произведений лишь на сирийском языке в большой мере затрудняли освоение его наследия. Неоднозначной выглядит и картина авторства некоторых его сочинений, как и собственно биография писателя.

Тем не менее «Церковная история» Захарии вполне достойна занять место в ряду аналогичных сочинений своей эпохи. Точная дата публикации сочинения не может быть определена, но существует общее мнение, что появилась она в начале 490-х гг. [Пигулевская, 1939], вскоре после переезда Захарии в Константинополь. Свой рассказ Захария начинает (в сохранившейся части) с Халкидонского Собора в 451 г. Работа написана в жанре церковной истории, но с отражением глубоких разделений, порожденных Халкидонским собором, и поэтому известный жанр принимает у Захарии новые обороты.

Составные элементы сочинения по большей части остались теми же самыми, как, например, частые ссылки на документы, случайные вставки чудесных элементов, перечисление патриархов, но все это теперь подчинено фракционным интересам. Восточная империя была свидетелем ожесточенной борьбы между соперничающими церковными партиями [Грау, 1979], у каждой из которых был свой кандидат на место конкретного патриархата, а также свои собственные традиции в отношении отдельных лиц и соборов. Поэтому церковные историки отражают эти традиции, цитируя документы, подтверждающие их точку зрения, и интерпретируя события таким образом, чтобы подтвердить свою доктринальную позицию. В полной мере все это относится и к сочинению Захарии.

Основные результаты

«Церковная история» [Greatrex, 1919–1924] состоит из двенадцати книг. Книги с первой по шестую можно рассматривать в отрыве от остального текста, так как они, особенно книги третья и шестая, подверглись минимальным изменениям со стороны сирийского писца. Так, в приложении ко второй книге сказано, что третья книга взята «главным образом из «Церковной истории» Захарии». Сходное замечание встречается и в приложении к книге шестой.

В работе Захарии мы можем обнаружить определенные тенденции, связанные с богословскими вопросами и с фракциями, которые стремились определить имперскую политику. Во-первых, его враждебность по отношению к Халкидонскому собору, ясно выраженная в его работе, который представлен как триумф Феодорита и несториан; во-вторых, его твердая поддержка и сосредоточенность на Александрийских патриархах и в частности на Тимофее Элуре и Петре Монге.

Анонимный автор-продолжатель использует «Церковную историю» Захарии Митиленского в сокращенном виде, не ссылаясь на другие источники по периоду, за исключением фрагмента в третьей книге, взятого из «Церковной истории» Иоанна Эфесского, списка византийских императоров, краткой хроники светских событий в конце той же

третьей книги, хронологического синопсиса в конце предисловия к четвертой книге и заметок о смерти императора Зенона и событий светской истории его правления в шестой книге.

Дата составления «Церковной истории» приводится в первой книге по сирийской эре: 880 г. (569 год н. э.). Отдельные части были написаны в 555 и 561 гг.; рассказ о событиях правления императора Юстиниана сделан при жизни императора (до 565 г.). Послание Симеона, епископа Бет-Аршамского, об истории химьаритских мучеников, включено в «Церковную историю» в том же виде, что и в «Церковной истории» Иоанна Эфесского (завершена после 585 г.). Время, в которое были написаны два произведения, указывает нам на то, что не Захария заимствовал письмо у Иоанна Эфесского, а Иоанн Эфесский у Захарии. Скорее всего, другие подобные фрагменты обоих произведений были написаны независимо друг от друга.

Информация о личности автора скудна. В книге седьмой автор рассказывает о своем знакомстве с участником боевых действий между Византией и Персией под Амидой (ныне Диярбакыр) в 503 г. В девятой книге автор упоминает, что знает человека, бежавшего в Константинополь из готской Италии (т. е. до 536 г.) [Die sogenannte Kirchengeschichte, 1899]. В любом случае, однако, невозможно сказать, авторское ли это замечание или оно было скопировано им из какого-то источника. Также однажды при сообщении о событии, происходившем в Амиде, автор употребляет местоименное наречие «здесь» – вероятно, он живет в Амиде.

«Церковная история» открывается вводной главой, излагающей общий план сочинения. В первой книге (полностью не сохранившейся) после вводной главы, в которой рассказывается, что цель написания работы состоит в том, чтобы дать историю в назидание своим читателям, автор продолжает свой рассказ там, где заканчиваются «Истории» Сократа и Феодорита. Однако прежде чем начать свой рассказ, Захария считает нужным исправить и дополнить их сочинения, а также труд Евсевия. Остальная часть книги содержит различные эпизоды, такие как обсуждение хронологии книги Бытия, история Иосифа и Асенеф, жизнь Сильвестра I, папы Римского, и истории обретения блаженным Лукианом мощей свв. Стефана, Гамалиила и Никодима (Zach. I). Глава заканчивается рассказом о двух ранних сирийских писателях [Филимонова, 2022].

Книги со второй по шестую почти полностью посвящены церковным делам. События истории Церкви находят наиболее полное отражение во второй книге. Она посвящена возникновению и развитию учения о евтихианстве, Поместному Константинопольскому собору 448 г., Разбойничьему собору в Эфесе 449 г., хронологии правления епископов ряда восточных поместных церквей, а также содержит Житие семи спящих Эфесских отроков (Zach. II).

В книге третьей мы находим информацию о событиях, связанных с Халкидонским Собором и о бедах, охвативших, по версии Захарии, государство после него (Zach. III). Четвертая книга освещает события, связанные с монофизитством, в период правления императора Льва (Zach. IV). Среди прочего, в книгах есть сведения и нецерковного характера [Кириллов, 2017].

Пятая книга рассказывает о Василиске и Зеноне. В ней также встречается информация о петиции, направленной епископами Азии, которые встретились в Эфесе и подписали Энциклику. И более того, в ней рассказывается о некоторых монахах-евтихианах, проживавших тогда в Константинополе, которые вместе с Зенайей, женой царя, подло сговорились против Тимофея, чтобы снова отправить его в изгнание. Здесь же мы можем найти информацию о деяниях Акакия в Константинополе и о том, как он поднял восстание против Василиска, в результате чего на престол вернулся Зенон (Zach. V).

Книга шестая, содержащая семь глав, в сирийской версии полностью взята из Захарии и повествует о Косме Спафарии, посланном Зеноном, и о сделках, имевших место в Александрии с отколовшимися монахами, о палестинских подвижниках Петре и Исайте

(Zach. VI. 3), об Арсение префекте, которого послали в Александрию, затем в пятой главе представлены письма Фравитты, который был епископом в Константинополе, к Петру (Zach. VI. 5). Также из данной книги мы узнаем о первосвященниках, которые были во времена Зенона, а также о продолжительности жизни Зенона (Zach. VI. 7).

Книга седьмая посвящена царствованию Анастасия и имеет заметный амидский контекст. Она открывается рассказом о некоем Иоанне Схоластике, брате Дифа, который был в Константинополе с миссией из Амиды, до воцарения Анастасия. У него были видения возвышения будущего императора, о чем он сообщил ему, но, когда Анастасий, вступив на престол, пожелал вознаградить визионера, Иоанн Схоластик отказался от вознаграждения, удовлетворившись документом, полученным от Зенона.

В «Церковной истории» мы встречаем и данные нецерковного характера, они разнообразны и неполны. Данные сведения наиболее представлены в книгах с седьмой по девятую. Здесь мы можем увидеть отражение событий ранневизантийской политической истории, отношения между Римом и Персией, историю стихийных бедствий, культурных и социальных процессов.

Восьмая книга содержит сведения о царствовании Юстина. В ней представлены сведения о переговорах на римско-персидской границе в 524/5 гг. (Zach. VIII. 5) и о набеге вождя Лахмидов Аль-Мундира.

Книга девятая охватывает приблизительно первое десятилетие правления Юстиниана. Она содержит множество подробных сведений о событиях в восточных провинциях (Zach. IX. 1–8), а также серию писем, которыми обменивались Север и Юлиан Галикарнасский (Zach. IX. 9–13) и другие ведущие монофизитские патриархи в середине 530-х гг. (Zach. IX. 20–26).

Во введении к десятой книге совершенно четко говорится, что она была написана во времена правления Юстиниана и охватывает период с 536/7 по 547/8 гг., но большинство глав утрачено. Содержание книги в основном имело светский характер и охватывало события на Востоке (включая Лазику) и в Италии.

Одиннадцатая книга полностью утеряна; из двенадцатой книги сохранились фрагменты. Глава четвертая касается образа Христа, созданного не человеческими руками Камулиана. Как описывает Захария, женщина из Дибудин (или, возможно, скорее – Диобулион), близ Амасии, заказала копию образа для своей деревни. Однако в 554/5 г. деревня подверглась разрушению со стороны варваров. Узнав об этом событии, Юстиниан выделил средства на восстановление деревни и по предложению одного из своих советников собрал дополнительные средства, после чего выставил первоначальный образ напоказ по городам Востока. Глава пятая рассказывает о ливне пепла, который обрушился на Восток весной 556 г. и был воспринят как знак неминуемой катастрофы (Zach. XII. 5). Глава шестая восходит к 553 г. и касается церковной политики (Zach. XII. 6). Последняя сохранившаяся глава представляет собой краткое изложение «Географии» Птолемея, за которой следует экскурс по народам Кавказа.

Точные контуры работы Захарии ускользают от окончательного анализа. Однако из того, что сохранилось у Псевдо-Захарии, и по намекам более поздних историков можно сделать несколько выводов.

Во-первых, работа Захарии была работой умеренного антихалкидонца, который вел в Энотикон как решение разногласий, которые раздирали империю; кроме того, она имеет заметный александрийский уклон [Kugener, 1916]. Его героями, мы видим, прежде всего, являются церковные лидеры. При этом всех их можно разделить на две категории: это сторонники Халкидонского собора и их противники [Krüger, 1908].

Характеристики монофизитов, за исключением Нестория и Евтихия, обычно крайне положительны и приближаются к образам святых. Но люди, которые боролись с новым учением, показаны с худшей стороны. Это связано с личной позицией и мировоззрением Захарии. Однако некоторые данные «Церковной истории» о фигурах христологических

споров не встречаются в других источниках и являются уникальными. Здесь следует отметить, что из всех группировок выделяются два человека – Папа Римский и император Восточной империи. Захария помещает их как противовес между воюющими сторонами или показывает их как авторитетных судей.

Говоря об историческом контексте написания «Церковной истории», следует обратить внимание на события христологического спора, которые произошли после Халкидонского собора, и какие события в этом контексте возникли в Сирии в 510-х гг. [Frend, 1972]. Непосредственные последствия Халкидонского собора привели к образованию среди епископата, духовенства и мирян двух противоборствующих лагерей, чьи открытые действия привели к кровавым последствиям и потребовали вмешательства императорской армии для усмирения сторон [The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor, 2011].

Далее речь шла о плетении интриг и попытках использовать точку зрения папы или императора. Постоянные изгнания иерархов, поместные соборы и бесчисленные споры показали, что энергия церковных деятелей была направлена на борьбу между собой. Это не соответствовало линии имперской политики, требовавшей церковного, а значит, и идейного единства в государстве [Allen, 1980].

Заключение

Таким образом, огромное количество использованных автором источников было призвано повысить степень достоверности его работы, но сделать однозначные выводы по данному аспекту современному исследователю достаточно сложно. Сам Захария гарантирует правдивость своих сведений (Zach. II. 1), но необходимо учитывать его личную субъективность, которая стала подвергаться критике вскоре после его работы. К этому добавляется тот факт, что исходная информация была искажена в результате сирийского перевода. В то же время источник является единственным, освещающим некоторые события церковной истории и представляющим данные, которых нет больше нигде. К этой категории относятся, например, рассказ о слепом самаритянине или описание беседы Тимофея Элуря с ритором Авксонием. Это обстоятельство ставит сочинение Захарии в ряд актуальных источников по истории ранневизантийской Церкви и повышает интерес к нему среди ученых [Trompf, 2000].

Список литературы

- Грацианский М.В. 2008. Захария Ритор. Православная энциклопедия. Т. 19. М., Православная энциклопедия: 702–703.
- Заболотный Е.А. 2020. Сирийское христианство. Между Византией и Ираном. СПб., Наука, 406.
- Кириллов В.М. 2017. Сведения нецерковного характера в III–IV книгах «Церковной истории» Захарии Митиленского. Эргастирий: сб. материалов всероссийской летней школы по византиноведению. Белгород: 119–125.
- Пигулевская Н.В. 1979. Культура сирийцев в средние века. М., Наука, 399.
- Пигулевская Н.В. 1939. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. Вестник древней истории. 1: 107.
- Филимонова Л.В. Святые Гамалиил и сын его Авив. Жития Святых Славных и Всехвальных Апостолов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru/17009> (дата обращения: 15 мая 2022).
- Allen P. 1980. Zachariah Scholasticus and the «Historia ecclesiastica» of Evagrius Scholasticus. Journal of Theological Studies. NS. Vol. 31: 471–488.
- Die sogenannte Kirchengeschichte des Zachari Rhetor. 1899. In deutscher Übers. Hrsg. v. K. Ahrens, G. Krüger. Lipsiae: 593–598.
- Frend W.H.C. 1972. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, Cambridge University Press, 400.
- Gray P.T.R. 1979. The Defense of Chalcedon in the East. Leiden, Brill, 191.
- Greatrex G. 2011. Pseudo-Zacharian of Mytilene the context and nature of his work. Liverpool University Press, 562.

- Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta 1919–1924. Ed. G. Greatrex. Louvain.
- Honigmann E. 1953. Zacharias of Melitene: 536 A. D. Patristic Studies. Vat. T. 21: 194–204.
- Kruger G. 1908. Zacharias Scholastikos. Realencyklopadie für Protestantische Theologie und Kirche № 21. Leipzig: 593–598.
- Kugener M.A. 1900. La compilation historique de Pseudo-Zacharie le Rhéteur. Paris, 480.
- Land J.P.N. 1870. Zachariae Episcopi Mitylenes aliorumque Scripta Historica Graece plerumque Deperdita. Leiden, Brill, 356.
- The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor. Church and War in Late Antiquity. 2011. Transl. R.R. Phenix, C.B. Horn. Liverpool, 562.
- The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene. 1899. Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, 362.
- Trompf W.G. 2000. Early Christian historiography: narratives of retribution. New York, 286.
- Zachariae Rhetori. Historia ecclesiastica vulgo adscripta. 1921. Ed. E.W. Brooks (CSCO). Louvain: Katholieke Universiteit Leuven, 131.

References

- Gracianskij M.V. 2008. Zahariya Ritor [Zechariah Rhetor]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 19. M., Pravoslavnaya enciklopediya: 702–703.
- Zabolotnyj E.A. 2020. Sirijskoe hristianstvo. Mezhdru Vizantiej i Iranom [Syrian Christianity. Between Byzantium and Iran]. SPb., Nauka, 406.
- Kirillov V.M. 2017. Svedeniya necerkovnogo haraktera v III–IV knigah «Cekovnoj istorii» Zaharii Mitilenskogo [Information of a non-church nature in the III–IV books of «Church History» by Zacharias of Mytilene]. Ergastirij: sb. materialov vsrossijskoj letnej shkoly po vizantinovedeniyu [Ergastiriya: Sat. Materials of the All-Russian Summer School on Byzantine Studies]. Belgorod: 119–125.
- Pigulevskaya N.V. 1939. Sirijskij istochnik VI v. o narodah Kavkaza [Syrian source of the 6th century. about the peoples of the Caucasus]. Vestnik drevnej istorii [Herald of ancient history]. 1: 107.
- Pigulevskaya N.V. 1979. Kul'tura sirijcev v srednie veka [Syrian culture in the Middle Ages]. I., Nauka, 399.
- Filimonova L.V. Svyatyje Gamaliil i syn ego Aviv. Zhitiya Svyatyh Slavnyh i Vsekhval'nyh Apostolov [Saints Gamaliel and his son Aviv. Lives of the Holy Glorious and All-Praised Apostles] [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://religion.wikireading.ru/17009> (data obrashcheniya: 15 maya 2022).
- Allen P. 1980. Zachariah Scholasticus and the «Historia ecclesiastica» of Evagrius Scholasticus. Journal of Theological Studies. NS. Vol. 31: 471–488.
- Die sogenannte Kirchengeschichte des Zachari Rhetor. 1899. In deutscher Übers. Hrsg. v. K. Ahrens, G. Krüger. Lipsiae: 593–598.
- Frend W.H.C. 1972. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, Cambridge University Press, 400.
- Gray P.T.R. 1979. The Defense of Chalcedon in the East. Leiden, Brill, 191.
- Greatrex G. 2011. Psevdo-Zacharian of Mytilene the context and nature of his work. Liverpool University Press, 562.
- Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta 1919–1924. Ed. G. Greatrex. Louvain.
- Honigmann E. 1953. Zacharias of Melitene: 536 A. D. Patristic Studies. Vat. T. 21: 194–204.
- Kruger G. 1908. Zacharias Scholastikos. Realencyklopadie für Protestantische Theologie und Kirche № 21. Leipzig: 593–598.
- Kugener M.A. 1900. La compilation historique de Pseudo-Zacharie le Rhéteur. Paris, 480.
- Land J.P.N. 1870. Zachariae Episcopi Mitylenes aliorumque Scripta Historica Graece plerumque Deperdita. Leiden, Brill, 356.
- The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor. Church and War in Late Antiquity. 2011. Transl. R.R. Phenix, C.B. Horn. Liverpool, 562.
- The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene. 1899. Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, 362.
- Trompf W.G. 2000. Early Christian historiography: narratives of retribution. New York, 286.
- Zachariae Rhetori. Historia ecclesiastica vulgo adscripta. 1921. Ed. E.W. Brooks (CSCO). Louvain: Katholieke Universiteit Leuven, 131.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.02.2022
Поступила после рецензирования 06.06. 2022
Принята к публикации 06.06. 2022

Received 17.02.2022
Revised 06.06. 2022
Accepted 06.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дронова Яна Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1518-9902](https://orcid.org/0000-0003-1518-9902)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana A. Dronova, PhD student of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (100)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-563-574

Оригинальное исследование

Причины поражения восстания Ната Тернера

Шумаков А.А.

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53
E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о Саутгемптонском восстании рабов 1831 г. в США под предводительством Ната Тернера. Последнего в западной историографии часто называют «черным Спартаком». Причем подобные сравнения можно встретить едва ли не в каждом серьезном академическом исследовании по данному вопросу. Опираясь на обширную источниковую базу в виде сохранившихся материалов следствия, первых газетных публикаций, ведущих западных исследований, а также продолжая указанную аналогию со знаменитым восстанием рабов 74–71 г. до н. э. в Римской республике, автор попытался разобраться в причинах провала Вирджинского бунта 1831 г. Анализируя каждую из гипотез, он сделал выводы о роли того или иного фактора. Помимо этого, в работе рассматриваются сходства и различия обоих восстаний, хотя особое внимание акцентируется именно на причинах поражения вооруженного выступления рабов в Саутгемптоне. Помимо историко-сравнительного анализа, в статье используются ретроспективный и каузальный методы исторического исследования. Особо стоит отметить, что на данный момент тема Саутгемптонского мятежа 21–23 августа 1831 г. совершенно не представлена в отечественной историографии, что делает эту работу особенно актуальной.

Ключевые слова: Нат Тернер, восстание в Саутгемптоне, Виргинское восстание, Спартак, рабство, аболиционизм, черная история (Black History), американская историография

Для цитирования: Шумаков А.А. 2022. Причины поражения восстания Ната Тернера. Via in tempore. История. Политология. 49 (3): 563–574. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-563-574

Reasons for the Defeat of the Nat Turner Uprising

Andrey A. Shumakov

Plekhanov Russian University of Economics in Tula,
53 Lenin Avenue, Tula 300000, Russia
E-mail: takamori@rambler.ru

Abstract. This article is about the 1831 Southampton Slave Rebellion led by Nat Turner. The latter is commonly called «black Spartacus» in Western historiography. Moreover, such comparisons can be found in almost every serious academic study on this issue. Relying on an extensive source base in the form of preserved investigation materials, the first newspaper publications, leading Western studies, as well as continuing this analogy with the famous slave uprising of 74–71 B. C. in the Roman Republic, the author tried to understand the reasons for the failure of the Virginia Riot of 1831. Analyzing each of the hypotheses, he draws conclusions about the role of one or another factor. In addition, the paper examines the similarities and differences of both uprisings. Although special attention is focused precisely on the reasons for the defeat of the armed uprising of slaves in Southampton. In addition to historical and comparative analysis, the author uses retrospective and causal research methods. It is particularly worth noting that at the moment the topic of the Southampton Mutiny on August 21–23, 1831 is not represented in Russian historiography at all, that makes this work especially relevant.

Keywords: Nat Turner, the Southampton uprising, the Virginia uprising, Spartacus, slavery, abolitionism, Black History, American historiography

For citation: Shumakov A.A. 2022. Reasons for the Defeat of the Nat Turner Uprising. Via in tempore. History and political science. 49 (3): 563-574 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-563-574

Введение

Восстание *Ната Тернера* называют одним из самых знаковых событий в истории США, а его лидера нередко сравнивают с легендарным *Спартак* [Conliffe]. Подобные сравнения в большинстве случаев носят обобщенный и достаточно поверхностный характер. Тем не менее от указанных параллелей все же нельзя полностью уклониться, особенно при проведении сравнительного анализа и рассмотрении вопроса о причинах поражения. Так что в каком-то смысле их можно назвать вынужденными.

Главным, что, несомненно, объединяет оба восстания, является то, что, несмотря на жестокое подавление, они все же оставили особый глубокий след в истории рабства, поставив под сомнение само существование данного института, а их лидерам была уготована роль главных символов вооруженной борьбы с этим явлением.

Главное же отличие заключается в том, что если в случае с восстанием Спартака 74–71 г. до н. э. все предельно ясно: причины его поражения довольно подробно проанализированы в целом ряде академических исследований, то причины провала Саутгемптонского бунта по-прежнему остаются малоизученными, особенно в российской исторической науке, до настоящего момента не уделявшей указанному событию никакого внимания.

Результаты и их обсуждение

В данной работе мы попытаемся представить собственный анализ причин поражения Вирджинского мятежа 1831 г., встречающихся в западных исследованиях, а также провести ряд исторических параллелей с восстанием Спартака.

1) Недостаток времени для подготовки выступления и низкий уровень конспирации

То, что восстание не было стихийным, не подлежит никакому сомнению. Сам Тернер открыто заявлял об этом в интервью адвокату *Томасу Грейю*, то же показывали на судебном заседании и ключевые участники заговора. Более подробно автор проанализировал данную проблему в своей работе «Вопросы ранней биографии Ната Тернера». В ходе исследования он пришел к однозначному выводу о том, что восстанию предшествовал длительный период подготовки, которая велась как минимум с 1825 г. [Шумаков, 2021]. Косвенным подтверждением этому могут служить высокий уровень конспирации и в то же время активная работа черного проповедника с местной афроамериканской общиной.

Непосредственная работа по подготовке восстания, по словам Тернера, началась после 12 февраля 1831, точнее – после увиденного им солнечного затмения [The Confessions of Nat Turner, 1831, p. 6–7]. «И сразу же после небесного знамения печать была снята с моих уст, и я рассказал о великой работе, которую мне предстояло выполнить, четырем рабам, к которым испытывал величайшее доверие (Генри, Харк, Нельсон и Сэм)», – заявлял Нат Тернер в своих «Признаниях» [The Confessions, 1831, p. 7].

О тщательной проработке всех вопросов говорит также и тот факт, что дата вооруженного выступления переносилась. Как известно из упомянутого интервью, первоначально начало восстания планировалось на 4 июля 1831 г. – День независимости США, наиболее почитаемый праздник, по всей видимости, имевший еще и некое символическое значение. Сам Тернер в интервью Т. Грейю говорил, что выступление пришлось перенести по причине его болезни, хотя нельзя исключать того, что истинные мотивы могли быть связаны именно с подготовкой.

Примечательно, что многие газеты в первые дни после начала восстания писали о его спонтанном характере. В частности, *Richmond Constitutional Whig* 29 августа опубликовал статью, в которой говорилось: «*Распространено мнение, что на прошлой неделе в воскресенье в церкви Барнса по соседству с Кросс-Кейс наблюдались волнения среди негров, которые обиделись на что-то. Именно там и именно тогда был задуман план восстания, созревший в течение следующей недели и приведенный в исполнение в ночь на воскресенье 21 августа*» [Richmond (Virginia) Constitutional Whig, August 29, 1831]. Впрочем, даже в той же статье подчеркивалось, что это всего лишь одно из предположений.

Тщательную проработку целей, задач, маршрута движения повстанцев и вопросов боевой тактики можно видеть на примере последующего развития событий. Все это опровергает тезис о недостатке времени на подготовку и стихийном характере самого восстания.

Таким образом, можно смело исключить данную причину из числа основных. Буквально все указывает на то, что план выступления был проработан Тернером довольно основательно и детально, а времени на подготовку было достаточно.

В этом отношении Нат находился даже в более выгодных условиях, чем Спартак, которому, по версии Плутарха, так и не удалось удержать в тайне подготовку восстания и организовать одновременный побег всем людям из школы гладиаторов *Лентула Батуата*. В результате доноса план был раскрыт, и заговорщикам пришлось действовать [Аппиан и Плутарх...]. В случае же с Тернером никакой спонтанности не наблюдалось. Многим американским историкам это даже дает повод предполагать, что такая осторожность связана с раскрытием плана *Габриэля Проссера* 30 августа 1800 г. Задуманное им восстание в Ричмонде, штат Вирджиния, провалилось в указанный день из-за предательства двух рабов, рассказавших обо всем своему господину. Тернер вполне мог слышать о неудаче своего земляка и, скорее всего, принял все необходимые меры предосторожности, чтобы избежать его участи. Однако прямых подтверждений данной гипотезы нет.

2) Малая численность

Небольшая численность отряда Ната Тернера, по общему мнению, на пике восстания достигавшая порядка 60 человек, – еще одна из часто приводимых причин провала бунта в Саутгемптоне. Действительно, если продолжать параллели с восстанием Спартака, то первое, что бросается в глаза – это поистине несравнимые масштабы событий и, конечно же, двух «повстанческих армий». По версии Плутарха, вместе с фракийцем из школы гладиаторов в Капуе бежало 78 рабов, по версии Аппиана – около 70 [Аппиан и Плутарх о восстании Спартака], которые в дальнейшем составили костяк 90–120-тысячной армии. В случае же с Тернером речь идет всего лишь о семи заговорщиках, к которым присоединились еще порядка 60 чел.

Впрочем, указанное сравнение не совсем правомерно. Во-первых, нужно понимать, что несопоставимыми являются не только масштабы рассматриваемых феноменов, но и временные рамки. Выступление Ната Тернера не успело набрать силу, т. к. практически полностью было подавлено спустя 28 часов, в то время как восстание Спартака продолжалось от полутора до двух с половиной лет. Во-вторых, в Римской республике выступление рабов разворачивалось на огромной территории, охватывавшей практически весь Апеннинский полуостров. Саутгемптонский же мятеж, несмотря на все усилия его руководителя, так и не смог выйти за рамки упомянутого округа и стать по-настоящему массовым. Для сравнения масштабов *Герберт Аптекер* в своем исследовании указывает, что все население данной административной единицы по данным на 1830 г. составляло 16 074 чел., из которых 7 756 являлись рабами, 1 745 – свободными неграми [Aptheker, 1966, p. 22].

Главной целью восставших являлся захват самого крупного поселения округа – города Иерусалим (ныне – Кортленд). В 1830 г. там постоянно проживал 251 человек [Allmendinger, 2014, p. 133]. Редактор *Richmond Whig* *Джон Плезантс* в представленном отчете 3 сентября 1831 г. заявлял, что по ощущениям в «деревне Иерусалим» проживало 12–15 семей [Allmendinger, 2014, p. 133]. Остальные же фермы были разбросаны на до-

вольно большой территории, что существенно затрудняло рекрутирование рабов в формирующуюся повстанческую армию и заставляло Тернера разделять силы.

Как можно видеть, утверждение о малой численности повстанческого отряда трудно принять в качестве аргумента, объясняющего причину поражения, особенно если учитывать, что масштабы обеих «противостоящих армий» были вполне сопоставимы. Так, на поле Паркера группе повстанцев нанес поражение отряд *Александра Пита*, насчитывавший от 16 до 20 чел., и отряд *Джеймса Паркера*, насчитывавший приблизительно 40 чел. [Oates, 1975, p. 85]. Это соотношение можно наблюдать и на примере незначительного количества потерь отряда Ната Тернера.

Таким образом, относительно малая численность «армии Тернера» едва ли сыграла заметную роль в провале восстания. Более того, есть продолжить выбранную аналогию, то армия Спартака находилась в куда более тяжелых условиях на момент первого серьезного столкновения у вулкана Везувий с заметно превосходящими силами претора *Клавдия Глабра*, состоявшими, к слову, также из милиции.

3) Отсутствие боевого опыта и недостаток вооружения у повстанцев

Эту причину действительно отмечают многие американские историки. В частности, первый исследователь восстания *Уильям Дрюри*, описывая бой на поле Паркера, особо подчеркивал, что ни один белый человек не погиб по причине того, что негры стреляли над головами ополченцев и использовали охотничьи ружья, заряженные птичьей дробью и гравием [Drewry, 1900, p. 66].

Как известно, сам Тернер в качестве главного оружия использовал тупой клинок, забранный им в доме своего фактического хозяина – *Джозефа Трэвиса*, который, по всей видимости, был совершенно непригоден для применения в качестве холодного оружия.

Судя по всему, Нат прекрасно понимал, что проблема вооружения может сыграть роковую роль в осуществлении задуманных планов, поэтому сделал ставку на быстрое и скрытое перемещение от дома к дому. Целью повстанцев являлось желание раздобыть как можно больше оружия и пороха, а также рекрутировать в свою армию как можно больше комбатантов. Разумеется, обучить их военному делу в столь сжатые сроки Тернер никакой возможности не имел.

В этом, пожалуй, кроется важное отличие от обстоятельств восстания Спартака, где костяк повстанческой армии изначально составляли гладиаторы, многие из которых имели не только опыт выступлений на арене, но и участия в боевых действиях. Например, лидер восстания по одной из версий служил во вспомогательных частях римской армии.

Любопытно, что, согласно более поздним свидетельствам, описанным *Уильямом Дрюри* и *Стивенном Уэтсом*, на критическую нехватку опыта и бойцов Тернеру указал чернокожий надзиратель *Аарон Харрис*, участвовавший в войне 1812–1814 г. в качестве телохранителя своего хозяина – капитана *Ньюита Харриса* [Drewry, 1900, p. 54]. В приведенной беседе можно также видеть непонимание Тернером реального соотношения сил. В частности, в полемике с Харрисом он утверждал, что во всей стране белых наберется не более 80 тыс. [Oates, 1975, p. 81]. Хотя нельзя исключать, что таким образом Нат просто пытался приободрить своих людей.

Кроме того, стоит отметить, что противостояли повстанцам тоже отнюдь не кадровые военные, а ополчение, наскоро собранное из местных жителей и слабо вооруженное. О низком уровне моральной и боевой подготовки последнего довольно красноречиво свидетельствует описанный Тернером эпизод вооруженного столкновения на поле Паркера. Отряд резервистов не сумел даже подобраться на расстояние 30 ярдов для первого залпа, а открыл огонь с 50, чем предоставил повстанцам прекрасную возможность перейти в контратаку и опрокинуть их ряды [Allmendinger, 2014, p. 158].

Если продолжать проведение параллелей с восстанием Спартака, то можно увидеть, что у беглых гладиаторов *Лентула Батиата* наблюдались те же проблемы с вооружени-

ем, которые на первых порах решались посредством нападений на повозки, виллы Кампании и небольшие отряды римских солдат.

4) Низкий уровень дисциплины и субординации

Данный фактор отмечают фактически все авторы исследований и ранних газетных публикаций. Отмечал его и сам Тернер. Согласно «Признаниям», первое, что он сделал после массового убийства в доме Трэвисов, это собрал своих людей в сарае, где приказал им выстроиться в ряд и маршировать [The Confessions, 1831, p. 8]. По мнению подавляющего большинства авторов, целью столь странных и несвоевременных маневров как раз являлось придание своему отряду вида воинского подразделения и пояснение текущих тактических задач.

Опираясь на некие устные свидетельства, У. Дрюри даже утверждал, что в том самом сарае повстанцы пытались сделать себе отличительные знаки в виде красных полос и перьев [Drewry, 1900, p. 37]. Еще один исследователь *Патрик Брин* утверждал, что в амбаре повстанцам, возможно, были присвоены воинские звания [Breen, 2005, p. 53]. Известно, что в первых газетных публикациях Ната Тернера часто называли генералом [American Beacon, August 29, 1831, Richmond Constitutional Whig, August 29, 1831] и капитаном [American Beacon, August 30, 1831]. То же самое было зафиксировано и в показаниях свидетелей и обвиняемых. Примечательно, что звание носил не только Тернер, но и его ближайшие сподвижники. В частности, Харка Мура называли капитаном [Trial of Hark Moore. September 3, 1831], а Нельсона – генералом [American Beacon, August 29, 1831].

Статус Ната Тернера как непосредственного руководителя восстания не ставится под сомнение никем из исследователей. В «Признаниях...» и показаниях свидетелей есть немало эпизодов, которые прямо указывают на это. «*Я должен был пролить первую кровь*» [The Confessions, 1831, p. 8], – так Тернер описывал убийство Джозефа Трэвиса; «*Я являлся хозяином*» [The Confessions, 1831, p. 8], – маневры в сарае; «*Я приказал им подняться и немедленно продолжить путь*», – привал в усадьбе Ньюита Харриса. В ходе дальнейшего повествования неоднократно подчеркивалось, что именно Тернер направлял своих людей и поднимал в атаку во время боя на поле Паркера.

Тем не менее в тех же «Признаниях» приводится ряд эпизодов, из которых можно заключить, что первенство Тернера являлось чисто номинальным, а уровень субординации – достаточно низким. Так, несмотря на все усилия, ему не удалось убедить своих людей двигаться стремительным маршем к Иерусалиму, не останавливаясь в усадьбах.

Таким образом, можно прийти к однозначному выводу о том, что, несмотря на несомненный авторитет и влияние, Нат Тернер для повстанцев являлся лишь первым среди равных. Историк С. Уэтс утверждал, что Тернер несколько раз держал совет со своими приближенными [Oates, 1975, p. 76]. Однако можно предположить, что здесь американский автор больше полагался на историческую аналогию с другими восстаниями. Например, распространено мнение, что на Везувии Спартак создал совет, куда, помимо фракийца, вошли Крикс и Эномай [Горончаровский, 2011, с. 48]. Если допустить существование совета восставших рабов в Саутгемптоне, то в него должны были входить *Харк Мур*, *Генри Портер*, *Нельсон Эдвардс*, *Сэм* и *Уилл Фрэнсис*, которые присоединились к заговору на стадии его разработки. В любом случае если подобная форма руководства и имела место, то о ней ничего не известно.

5) Повальное пьянство

Данная проблема в принципе вытекает из предыдущей. Восстанавливая хронику событий Саутгемптонского мятежа, нельзя не отметить, что большую часть пути многие его участники проделали в состоянии опьянения. Некоторые даже были задержаны в нетрезвом виде. К примеру, согласно показаниям свидетелей, отряд *Александра Пута* обнаружил *Альфреда Уоллера* совершенно пьяным на дороге.

Уже на этапе подготовки восстания можно видеть, что Тернер вполне допускал распитие алкоголя своими людьми, хотя сам он спиртного никогда не употреблял. С 15-00 до 22-00

заговорщики активно предавались пьянству, употребляя яблочный бренди, принесенный *Генри Портером* [The Confessions, 1831, p. 7]. По словам самого Тернера, прибыв на ферму *Джозефа Трэвиса*, они первым делом отправились на винокурню к яблочному прессу, где продолжили начатое несколькими часами ранее возлияние, и только после этого перешли к осуществлению задуманной расправы. В каждом доме повстанцы искали спиртное. Это отмечали почти все свидетели и задержанные рабы. К примеру, сам Тернер говорил о том, что, прибыв к дому *Ньюита Харриса*, он увидел, как одни во дворе загружали ружья, остальные же пили [The Confessions, 1831, p. 10]. У. Дрюри отмечает, что после разграбления фермы *Леви Уоллера* все негры, кроме Тернера, находились в состоянии сильного алкогольного опьянения [Drewry, 1900, p. 59]. Именно поэтому Нат и требовал от своих людей не останавливаться на ферме Паркера, где, помимо всего прочего, находился большой винный погреб, по всей видимости, прекрасно понимая, чем все закончится.

В итоге чтобы образумить своих людей, Тернеру потребовалось время. Пребывание повстанцев на ферме Паркера У. Дрюри, опираясь на свидетельства, описывает следующим образом: «*Бочки с бренди выкатили во двор, разлили по кадкам и подсластили сахаром высшего качества. Чернокожие пили это до тех пор, пока их губы не покрылись сахарной коркой, а затем улеглись в тени деревьев, чтобы вздремнуть, прежде чем вернуться к своему вождю*» [Drewry, 1900, p. 63].

И все же, справедливости ради, необходимо отметить, что сам Тернер практически никак не препятствовал пьянству своих людей. Возможно, это было продиктовано пониманием того, что, оказавшись в стрессовой ситуации, многие из них могут попросту отказаться от осуществления задуманного. Все-таки боевого опыта у рабов не было, а состояние алкогольного опьянения не только избавляло от неизбежных душевных терзаний, но и способствовало большей внушаемости, а также придавало уверенности в успехе затеи. Тернер просто не мог этого не понимать, и, скорее всего, использовал данное обстоятельство.

б) Потеря фактора внезапности и слабая степень координации

Третьей смежной причиной является слабое взаимодействие между отрядами «повстанческой армии» и низкая управляемость, а также раскрытие передвижения группы после инцидента на ферме *Элизабет Тернер*, где Остин выстрелил в надзирателя *Хартвелла Пиблза*, подняв тем самым тревогу в первый раз.

Очевидно, это в значительной мере нарушило планы Тернера и заставило ускорить продвижение и увеличить его охват, а именно – принять решение о разделении своих людей на пешую и конную группы. Первую возглавил Харк Мур, а вторую – сам Тернер. Причиной разделения было обеспечение скорости продвижения к Иерусалиму, вызванное возможной потерей фактора скрытности и внезапности, а также желанием охватить как можно большую площадь, освободив и рекрутировав как можно больше рабов. На первом этапе маневр казался вполне оправданным: отряд Харка разграбил ферму *Генри Брайанта*, в то время как основные силы устроили резню в усадьбе *Кэтрин Уайтхэд*. Там же Тернер принял решение повторить маневр, направив одну группу на запад к домам *Хауэлла Харриса* и *Траджана Дойла*, а сам с основными силами отправился на север с целью захвата имений *Ричарда Портера* и *Натаниэля Фрэнсиса*.

Уже вскоре Тернеру, по его собственным словам, пришлось срочно пересмотреть стратегию, после того, как он увидел, что ферма Портера была заблаговременно покинута белыми, предупрежденными кем-то об опасности. «*Там я понял, что сигнал тревоги уже распространился, и немедленно вернулся, чтобы сообщить тем, кто был отправлен к мистеру Дойлу и мистеру Хауэллу Харрису; группа же, которую я оставил, продолжила двигаться к мистеру Фрэнсису. Я сказал, что присоединюсь к ним в этом районе*» [The Confessions, 1831, p. 10], – говорил Нат Тернер в интервью Т. Грею.

Данное решение было продиктовано необходимостью собрать людей в единый кулак перед неизбежным вооруженным столкновением с отрядами белых. Тернер, очевидно, по-

нимал, что, как только весть о восстании распространится по фермам белых, их хозяева подготовятся к нападению.

Здесь и выявились сложности с координацией действий и общей управляемостью. На обнаружение группы Харка, которая, по всей видимости, к тому же еще и отклонилась от заданного плана, разграбив ферму Уильямса, Тернеру потребовалось значительное время.

Отряд Уилла также не стал ждать Ната в указанном месте и двинулся на ферму *Питера Эдвардса*, оставленную владельцами, затем вступил в бой с *Джоном Бэрроу* и разграбил имение *Ньюита Харриса*. Только там Тернеру и Харку удалось догнать основные силы и воссоединить «повстанческую армию». Тем не менее ни о каком скрытом передвижении речи уже не шло. Чтобы не терять скорости, на ферме *Леви Уоллера* Тернер успешно использовал тактику стремительной кавалерийской атаки. Но дальше продвижение вновь замедлилось. И это действительно стало одним из определяющих обстоятельств провала восстания.

7) Отпугивающее насилие

Размах насилия во время восстания действительно можно назвать поистине беспрецедентным. Это подчеркивали буквально все участники событий и авторы газетных публикаций и отчетов. Восставшие рабы убивали всех белых вне зависимости от пола и возраста. Очевидно, что все это было частью плана Тернера и его группы, который оговаривался до начала восстания. В своих «Признаниях» Нат подчеркивает, что все убийства осуществлялись целенаправленно – хладнокровно и методично.

Но далеко не все его люди оказались морально готовы к кровопролитию. Так, например, *Джек Риз*, приведенный своим зятем Харком Муром и вошедший в число основных участников заговора, согласно показаниям свидетелей, с самого начала пытался уклониться от участия и хотел вернуться домой, сетуя на неважное самочувствие [Trial of Jack. September 5, 1831].

Впоследствии многие освобожденные негры не соглашались идти вместе с восставшими из-за категорического неприятия их методов и пребывали в ужасе от происходящего. Например, в интервью Грею Тернер говорил, что по приезду на ферму *Кэтрин Уайтхед* он погнался за убегающей черной служанкой, ошибочно приняв ее за члена белой семьи [The Confessions, 1831, p. 9]. Согласно сведениям У. Дрюри, миссис *Гарриет Уайтхед* удалось спастись благодаря вмешательству своего раба Хаббарда, который не только спас свою хозяйку, но и после дал показания на участников налета [Allmendinger, 2014, p. 145]. Причем, согласно показаниям Хаббарда, еще двое рабов на плантации, Эндрю и Джек, сбежали от повстанцев в момент их прибытия, но затем вернулись и попытались догнать отряд Тернера. Еще двое рабов, Натан и Уоллес, отказались идти с восставшими. А Уоллес, согласно отчету, буквально умолял бунтующих негров пощадить жизнь его госпожи [Breen, 2005, p. 74]. У. Дрюри пишет, что семейство Портеров предупредила некая мулатка, которая прибежала издалека [Drewry, 1900, p. 45]. Профессор *Дэвид Аллмендинджер* предположил, что речь идет о рабыне *Элизабет Тернер* по имени Мэри или Молли, которая была крайне напугана убийствами на ферме ее госпожи [Allmendinger, 2014, p. 147].

Аналогичную историю спасения рабом *Салатиэля Фрэнсиса Рэдом Нельсоном* своей госпожи *Лавинии Фрэнсис У. Дрюри* приводит на следующей странице своего исследования [Drewry, 1900, p. 46]. На ферме капитана *Ньюита Харриса*, по словам американского профессора, раб Бен не только предупредил, но и унес своего господина на болото, чтобы спасти инвалида от приближающихся повстанцев [Drewry, 1900, p. 52]. И пусть многие ставят данную историю под сомнение, неоспоримым фактом остается то, что на ферме Харриса ни один раб не присоединился к восстанию.

Сохранилась также история У. Дрюри о *Дэйви Уоллере*, спасшем своего господина от преследования повстанцев после неудачного боя. Правда историк *Томас Паррамор* и

последующие авторы позднее утверждали, что звали этого раба Альфред и работал он кузнецом у *Леви Уоллера* [Greenberg, 2003, p. 63–64].

Здесь можно видеть уже разительный контраст с восстанием Спартака, где основная группа повстанцев в силу особенностей занятий и наличия боевого опыта была готова к кровопролитию и не испытывала никаких терзаний при нападении на виллы и гражданских.

8) Различная степень мотивации и отсутствие единой цели

Еще самые первые газетные публикации и отчеты, посвященные теме восстания в Саутгемптоне, задавались вопросом, какими мотивами руководствовались восставшие рабы? Условно все эти материалы можно разделить на две большие группы: «официальные» и аболиционистские. Первые, отвечая на вопрос о причинах, мотивах и целях восстания, заявляли о религиозном фанатизме его руководителя [Tragle, 1971, p. 90–95], жажде грабежа и насилия со стороны рабов [Tragle, 1971, p. 35–96], а также о подрывной аболиционистской, религиозной и эгалитаристской пропаганде [Tragle, 1971, p. 90–95]. Аболиционистские издания отвечали встречными обвинениями в игнорировании такого явления, как рабство, рассматриваемого в качестве главной причины произошедшего. Выбор такой формы сопротивления они считали закономерным итогом двухвекового угнетения. В дальнейшем оба этих подхода лягут в основу бинарного восприятия проблемы Саутгемптонского мятежа в академической науке, представленного У. Дрюри и Г. Аптекером.

Возвращаясь непосредственно к событиям 22–23 августа 1831 г., можно практически с уверенностью констатировать, что единой цели у восставших не было и не могло быть, учитывая, что о планах готовящегося вооруженного выступления изначально знали только семь заговорщиков, включая Тернера. Остальные же присоединялись к восстанию, что называется, уже на стадии реализации. Едва ли у них имелась возможность не только задаться данным вопросом, но и услышать мнение руководителей восстания по поводу конечных целей выступления.

Именно поэтому среди исследователей наблюдаются серьезные расхождения в определении мотивов: одни, как У. Дрюри, на первое место ставят эгоистические побуждения рабов, присоединившихся к восстанию ради мести, грабежа и пьянства; П. Брин, Г. Аптекер – политические; С. Уэтс, К. Лэмпли – религиозные. Конечно, для кого-то из рабов это было прекрасной возможностью сведения личных счетов. Но то, что многие не знали конечной цели, является вполне очевидным.

Достаточно отметить, что некоторые примкнувшие еще до столкновения на поле Паркера попытались самостоятельно покинуть ряды восставших и вернуться домой. К слову, многие из них затем предстали перед судом и были казнены.

Тернер, по всей видимости, учитывал невысокий уровень мотивации некоторых рабов. Согласно показаниям, полученным в ходе судебного заседания, как минимум 10 человек были принуждены к участию в восстании [Allmendinger, 2014, p. 230]. Некоторые, как например *Стивен Белл*, даже были оправданы по этой причине [Trial of Stephen. September 21, 1831].

9) Дезертирство

Прямым следствием отсутствия единой цели стало массовое дезертирство из рядов повстанческой армии. Первые случаи, по всей видимости, были зафиксированы примерно в 7:30, когда повстанцы достигли дома *Траджана Дойла*. Именно тогда ряды восставших покинул один из главных заговорщиков Джек Риз, а также Дэйви и Джо Тернеры [Allmendinger, 2014, p. 145]. Примечательно, что все трое впоследствии были осуждены и повешены. Позже дезертировали Альфред Уоллер и Стивен Белл [Allmendinger, 2014, p. 154].

Однако повальное дезертирство началось после перестрелки на поле Паркера. После рассеивания отряда у Тернера оставалось не больше 20 человек, что существенно ограничивало возможность для любых наступательных действий.

По собственному признанию, Нат попытался совершить обходной маневр и пересечь реку по Кипарисовому мосту, чтобы атаковать Иерусалим с тыла, пока заслон белых (по

всей видимости, имеется в виду отряд Джеймса Паркера) будет ждать его на другой дороге [The Confessions, 1831, p. 12]. Впрочем, воплотить свою смелую задумку Тернер не смог. Причины остаются неизвестными, но можно предположить, что она заключается в отказе оставшихся бойцов атаковать заслон на Кипарисовом мосту. Поражение на поле Паркера, очевидно, основательно подорвало моральный дух восставших, не желавших после столь серьезного разгрома вновь вступать в бой.

Разворот на север был обусловлен желанием собрать разбежавшихся людей и пополнить ряды в кварталах Ридли и Бакхорн, после чего повторить попытку прорыва к Иерусалиму. Автор этих строк также предполагает, что причиной разворота стало желание Тернера предотвратить дезертирство и увести своих людей как можно дальше от Великого мрачного болота на юго-востоке.

По прибытию в квартал Бакхорн отряд Тернера насчитывал уже 40 бойцов, но белые оказались готовы к обороне, поэтому вступать с ними в схватку никто не спешил, было решено переночевать неподалеку [Allmendinger, 2014, p. 160].

Фактически это решение имело фатальные последствия. Отряд оказался полностью деморализован. Ложная тревога, поднятая одним из часовых, привела к дезертированию половины людей. Вот как описывает этот эпизод сам Тернер в интервью Т. Грею: *«После расставления наших часовых я лег спать, но был вскоре разбужен громким шумом. Поднявшись, я нашел одних верхом, других же пребывавших в большом смятении. Один из часовых подал сигнал, что мы можем быть атакованы. Я приказал кому-то объехать во круг и разведать обстановку. По возвращении некоторые оказались встревожены еще больше, не зная, кто это был, и разбежались в разные стороны. Так что нас снова осталось около двадцати. С этим я решил попытаться набрать новых бойцов и пройти по окрестностям»* [The Confessions, 1831, p. 12–13].

Объяснением происходящему может быть отсутствие успеха на поле боя. Фактически повстанческая армия была рассеяна в первом же столкновении, что не могло не сказаться на потере боеспособности. В этом отношении сравнение с восстанием Спартака особенно показательно, т. к. там рабы одерживали победу за победой, и каждая из них укрепляла их решимость и привлекала в ряды повстанцев новых сторонников.

10) Отсутствие массовой поддержки среди рабов

Главным просчетом Ната Тернера, безусловно, стала переоценка уровня поддержки со стороны рабов на местных фермах. Это можно видеть уже по тому, как разворачивались события на первой захваченной усадьбе Джозефа Трэвиса.

Дальше скепсис со стороны рабов только нарастал. Так, на ферме Салатиэля Фрэнсиса Рэд Нельсон и свободный черный работник Эмори Эванс отказались идти с восставшими, в поместье Элизабет Тернер из 18 рабов только трое продолжили путь с повстанцами, причем Дэйви Тернер, судя по показаниям Мозеса Мура, был принужден к участию [Allmendinger, 2014, p. 142]; в поместье Кэтрин Уайтхед из 27 рабов, 6 из которых были мужчинами старше 12 лет, к восстанию присоединились только трое [Breen, 2005, p. 71]; на ферме Натаниэля Фрэнсиса из 10 – шестеро [Breen, 2005, p. 83]; на ферме Питера Эдвардса из 17 – двое [Allmendinger, 2014, p. 154]; в доме Джона Бэрроу из 4 – один [Breen, 2005, p. 86]; на ферме Ньюита Харриса из 31 не присоединился никто, большая часть и вовсе сбежала на болото вместе со своим хозяином [Allmendinger, 2014, p. 150]; на ферме Леви Уоллера из 10 – двое [Breen, 2005, p. 97]; в усадьбе Джейкоба Уильямса из 4 – один [Breen, 2005, p. 99]; в доме Ребекки Воан из 8 – двое [Allmendinger, 2014, p. 154]; на ферме Джеймса Паркера из 13 – ни одного [Breen, 2005, p. 106].

После разгрома на поле Паркера вербовка и вовсе фактически прекратилась. Маневр Тернера, повернувшего свой отряд на север, где располагались самые крупные рабовладельческие хозяйства Саутгемптона Уильяма Аллена (179 рабов), Джона Уркарта (147 рабов) и Томаса Ридли (145 рабов) [Allmendinger, 2014, p. 130], совершенный с целью восполнить потери, обернулся полным провалом. Там к повстанцам присоединились всего 4 человека.

Более того, если верить сведениям У. Дрюри, то многие негры не только не спешили присоединиться к восстанию, но и брали в руки оружие, чтобы противостоять «черным бунтарям». По словам историка, нечто подобное произошло в доме доктора *Саймона Бланта*, вооружившего своих рабов [Drewry, 1900, p. 70].

Конечно, особо стоит отметить, что во всех случаях речь идет исключительно о мужчинах от 13 до 47 лет. Именно столько было самым юным участникам восстания (Дэйви Фрэнсису и Мозесу Муру) и самым возрастным (Аарону и Даниэлю Портерам) [Allmendinger, 2014, p. 225]. При этом стоит отметить, что женщин повстанцы не рекрутировали [Breen, 2005, p. 71], также не брали и детей, и мужчин в преклонном возрасте. Можно предположить, что причиной этого являлась необходимость поддерживать высокий темп продвижения.

О серьезном просчете говорит и тот факт, что, по собственным словам и свидетельским показаниям, Тернер лично занимался вербовкой, выступая с речами перед освобожденными, но не встречал должного отклика. Некоторых рабов приходилось принуждать. Профессор Д. Аллмендинджер насчитал 10 лиц, которые присоединились к восстанию не по своей воле [Allmendinger, 2014, p. 230]. Но можно предположить, что это было всего лишь попыткой уйти от ответственности.

Отсутствие массовой поддержки среди рабов уже на первом этапе восстания, безусловно, стало основной причиной провала. Но не стоит абсолютизировать этот фактор, все-таки нужно понимать, что речь идет о мятеже, который начался с поражения. Спартак и его сподвижники на первых порах едва ли могли рассчитывать на повсеместную поддержку. И только после первых побед войско мятежников стало расти за счет постоянно прибывающих, в том числе женщин и детей. Армия же Ната Тернера не имела такой возможности. Центром восстания должен был стать Иерусалим, но добраться до указанного города не вышло.

Выводы

Таким образом, рассмотрев и проанализировав все причины провала вооруженного выступления рабов в Саутгемптоне, можно заключить, что главными из них являлись отсутствие боевого опыта, единой цели и массовой поддержки со стороны рабов. Это то, что отличает мятеж Ната Тернера от восстания Спартака. Низкий уровень дисциплины и субординации, отпугивающее насилие, дезертирство и пьянство являлись, скорее, производными, а именно – следствием отсутствия боевого опыта у восставших.

В то же время, мы категорически отрицаем тезис о том, что восстание носило стихийный характер. Что касается недостатка вооружения, то эту причину можно принять лишь со значительными оговорками. Во-первых, Нат Тернер учитывал данный фактор, надеясь вооружиться по ходу продвижения, и, нужно признать, что отчасти у него это получилось. Во-вторых, восставшие рабы имели дело не с хорошо вооруженными и обученными армейскими частями, а с местным ополчением. В-третьих, после обнаружения и первых столкновений Нат Тернер изменил тактику ведения боя, сделав ставку на быстрое продвижение и кавалерийские атаки. Это говорит о том, что рабы предпочитали сражаться в основном холодным оружием, а значит, возможная нехватка патронов являлась не столь критичной. По крайней мере, нигде Тернер не ссылается на данное обстоятельство.

К субъективным причинам провала восстания, несомненно, следует отнести раннее раскрытие группы, заставившее Ната пересмотреть свой план. Тем не менее, очевидно, что он был готов к такому повороту событий и предпринял ряд важных мер по разделению сил, а затем по объединению их в единый ударный кулак. Все это может указывать как на то, что план прорабатывался Тернером на протяжении длительного времени, так и на то, что сам он вполне мог быть знаком с военной литературой.

Список литературы

- Аппиан и Плутарх о восстании Спартака. Электронный ресурс. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/spar/bunt08app.htm> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Горончаровский В.А. 2011. Спартаковская война: восставшие рабы против римских легионов. СПб., Петербургское Востоковедение, 176.
- Шумаков А.А. 2021. Вопросы ранней биографии Ната Тернера. Вестник Брянского государственного университета. 4 (50): 133–144.
- American Beacon (Norfolk, Virginia), August 29, 1831. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/american-beacon-aug-29> (дата обращения: 10 марта 2022).
- American Beacon (Norfolk, Virginia), August 30, 1831. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/american-beacon-aug-30> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Allmendinger D.F. 2014. Nat Turner and the Rising in Southampton County. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 416.
- Aptheker H. 1966. Nat Turner's slave rebellion: including the 1831 «Confessions». New York, Humanities Press, 176.
- Breen P.H. 2005. Nat Turner's Revolt: Rebellion and Response in Southampton County, Virginia Ph.D. dissertation, University of Georgia, 329.
- Conliffe C. Nat Turner. The Bloody American Spartacus. Электронный ресурс. URL: <https://headstuff.org/culture/history/terrible-people-from-history/nat-turner-bloody-american-spartacus/> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Drewry W.S. 1900. Southampton Insurrection. Washington, d. c.: The neale company, 240.
- Greenberg K.S., ed. 2003. Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory. New York, Oxford University Press, 289.
- Richmond (Virginia) Constitutional Whig, August 29, 183. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/whig-aug-29> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Oates S. 1975. The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. New York: Harper & Row, 187.
- The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. 1831. Baltimore, published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 18.
- Tragle H.I. 1971. The Southampton Slave Revolt of 1831: A Compilation of Source Material. Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 489.
- Trial of Hark Moore (slave of Joseph Travis estate). September 3, 1831 – Executed. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-hark> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Trial of Jack (slave of William Reese estate). September 5, 1831 – Executed. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-jack-2> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Trial of Stephen (slave of James Bell). September 21, 1831 – Discharged. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-stephen-2> (дата обращения: 10 марта 2022).

References

- Appian i Plutarkh o vosstanii Spartaka [Appian and Plutarch on the uprising of Spartacus]. Elektronnyj resurs. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/spar/bunt08app.htm> (data obrashcheniya: 10 marta 2022).
- Goroncharovskij V. A. 2011. Spartakovskaya vojna: vosstavshie raby protiv rimskih legionov [Spartacus war: rebellious slaves against the Roman legions]. SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 176.
- Shumakov A.A. 2021. Voprosy rannej biografii Nata Ternera [Early biography questions for Nat Turner]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. 4 (50): 133–144.

- American Beacon (Norfolk, Virginia), August 29, 1831. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/american-beacon-aug-29> (дата обращения: 10 марта 2022).
- American Beacon (Norfolk, Virginia), August 30, 1831. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/american-beacon-aug-30> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Allmendinger D.F. 2014. *Nat Turner and the Rising in Southampton County*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 416.
- Aptheker H. 1966. *Nat Turner's slave rebellion: including the 1831 «Confessions»*. New York, Humanities Press, 176.
- Breen P.H. 2005. *Nat Turner's Revolt: Rebellion and Response in Southampton County, Virginia* Ph.D. dissertation, University of Georgia, 329.
- Conliffe C. *Nat Turner. The Bloody American Spartacus*. Электронный ресурс. URL: <https://headstuff.org/culture/history/terrible-people-from-history/nat-turner-bloody-american-spartacus/> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Drewry W.S. 1900. *Southampton Insurrection*. Washington, d. c.: The neale company, 240.
- Greenberg K.S., ed. 2003. *Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory*. New York, Oxford University Press, 289.
- Richmond (Virginia) Constitutional Whig, August 29, 183. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/whig-aug-29> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Oates S. 1975. *The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion*. New York: Harper & Row, 187.
- The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. 1831. Baltimore, published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 18.
- Tragle H.I. 1971. *The Southampton Slave Revolt of 1831: A Compilation of Source Material*. Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 489.
- Trial of Hark Moore (slave of Joseph Travis estate). September 3, 1831 – Executed. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-hark> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Trial of Jack (slave of William Reese estate). September 5, 1831 – Executed. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-jack-2> (дата обращения: 10 марта 2022).
- Trial of Stephen (slave of James Bell). September 21, 1831 – Discharged. Электронный ресурс. URL: <https://www.natturnerproject.org/southampton-ot--trial-of-stephen-2> (дата обращения: 10 марта 2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.03.2022

Received 16.03.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Тула, Россия

Andrey A. Shumakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities Sciences, Tula Branch of the Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4184-6232](https://orcid.org/0000-0003-4184-6232)

УДК 94(5)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-575-585

Оригинальное исследование

Специальная сессия Индийского национального конгресса в Дели 1923 г. и роль Абул Калам Азада в сохранении единства партии

Гепалов А.С.

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
E-mail: museum48@mail.ru

Аннотация. История Индии 1-й пол. XX в. – это пример героической борьбы за независимость против британского владычества, пример поиска и нахождения компромисса между различными политическими течениями в целях сохранения единого антиколониального фронта. Примером такого компромисса явилась специальная Делийская сессия Индийского национального конгресса, прошедшая в сентябре 1923 г. Её главным достижением являлось то, что удалось избежать раскола и найти компромиссное решение, позволившее продолжать борьбу за обретение независимости, используя новые методы. История борьбы за независимость Индии 20-х гг. XX в. в отечественной историографии изучена достаточно хорошо. Это время проведения компании несотрудничества, разделения Конгресса на «сторонников перемен» и «противников перемен», образование Партии сварадж и изменения тактики политической борьбы. Однако в отечественной науке отсутствуют работы, которые подробно описывают события Делийской сессии 1923 г. Практически нет трудов, освещающих деятельность одного из виднейших участников национально-освободительной борьбы в Индии 1-й пол. XX в. – маулану Абул Калам Азада. Именно он был избран председателем Конгресса в это время и сыграл весомую роль в нахождении компромиссного решения между сторонниками участия в законодательных собраниях и их противниками.

Ключевые слова: Британская Индия, Партия свараджа, независимость, самоуправление

Для цитирования: Гепалов А.С. 2022. Специальная сессия Индийского национального конгресса в Дели 1923 г. и роль Абул Калам Азада в сохранении единства партии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 575–585. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-575-585

The Special Session of the Indian National Congress in Delhi in 1923 and the Role of Abul Kalam Azad in Preserving the Unity of the Party

Alexander S. Gepalov

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russia
E-mail: museum48@mail.ru

Abstract. History of India of the first half of the XXth century is an example of the heroic struggle for independence against British rule, an example of searching and finding a compromise between various political currents in order to preserve a united anti-colonial front. An example of such a compromise was the special Delhi session of the Indian National Congress, held in September of 1923. Its main achievement was that it had managed to avoid a split and find a compromise solution that allowed to continue the struggle for independence using new methods. The history of the struggle for independence of India in the 20s of the XX century has been studied quite well in Russian historiography. This is the

time of the non-cooperation campaign, the division of the Congress into «supporters of change» and «opponents of change», the formation of the Swaraj Party and changes in the tactics of political struggle. However, there are no works in Russian science that describe in detail the events of the Delhi session of 1923. There are practically no works covering the activities of one of the most prominent participants in the national liberation struggle in India of the 1st half of the XX century – maulana Abul Kalam Azad. It was he who was elected chairman of the Congress at that time and played a significant role in finding a compromise solution between supporters of participation in legislative assemblies and their opponents.

Key words: British India, the Swaraj Party, independence, self-government

For citation: Gepalov A.S. 2022. The Special Session of the Indian National Congress in Delhi in 1923 and the Role of Abul Kalam Azad in Preserving the Unity of the Party. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 575–585 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-575-585

Введение

В отечественной литературе отсутствуют труды, посвящённые специальной сессии Индийского национального конгресса 1923 г. в Дели. В советский период истории национально-освободительное движение стран Азии находилось в приоритете изучения востоковедения. Повышенное внимание уделялось исследованию левых сил. Согласно установкам марксистско-ленинской теории, революционное движение рассматривалось как более прогрессивное по отношению к парламентским формам деятельности. Наблюдался большой интерес к массовому движению в период подъёма, чем к политической деятельности буржуазных партий в период затухания борьбы за независимость. В современной исторической науке парламентская борьба рассматривается с позиции её воздействия на формирование демократической системы современной Индии. К настоящему времени в отечественной историографии имеются следующие общие работы, посвящённые событиям того периода: «История Индии» К.А. Антоновой, Г.М. Бонгард-Левина, Г.Г. Котовского [Антонова, 1973]; 5 том «Истории Востока» под ред. Р.Г. Ланда [История Востока, 2006]; «История Индии. XX век» Ф.Н. Юрлова и Е.С. Юрловой [Юрлов, 2010]; «История Индии» Л.Б. Алаева, А.А. Вигасина, А.Л. Сафроновой [Алаев, 2018].

В «Истории Индии» Л.Б. Алаева, А.А. Вигасина, А.Л. Сафроновой и 5 томе «Истории Востока» не упоминается о Делийской сессии. В «Истории Индии» К.А. Антоновой, Г.М. Бонгард-Левина, Г.Г. Котовского коротко говорится о «чрезвычайном съезде в Дели», на котором «была принята резолюция, разрешавшая свараджистам выставить кандидатуры на выборах» [Антонова, 1973, с. 401]. У Ф.Н. и Е.С. Юрловых упоминается, что на этой сессии «председательствовал Абул Калам Азад» [Юрлов, 2010, с. 127].

Отдельного внимания заслуживает монография И.Б. Бочкарёвой «Свараджистская партия и формирование парламентских институтов в Индии в 1920-е гг.» [Бочкарёва, 2004]. Характеризуя работу Бочкарёвой, Алаев в «Историографии истории Индии» называет её «крайне интересной», содержащей «новые материалы» и «новые оценки» [Алаев, 2013, с. 439]. Однако несмотря на то, что работа Бочкарёвой полностью посвящена свараджистской партии и её деятельности в 20-е годы, в ней крайне мало говорится о Делийской сессии и роли Абул Калам Азада в политических процессах того периода.

В индийской историографии долгое время преобладало мнение, что ключевое место в обретении Индией независимости принадлежит авторитетному лидеру Конгресса Мохандасу Карамачанду Ганди, его теории и политической практике ненасилия. Действия свараджистов рассматривались как «мятеж против методов Ганди» [Бочкарёва, 2004, с. 7]. Индийские исследователи, анализируя события того периода, достаточно подробно характеризуют специальную сессию Конгресса в Дели 1923 г. [Desai, 1946; Das Gupta, 1960; Majumdar, 1963; Majumdar, 2003; Nanda, 2011]. В работах западных учёных история сва-

раджистов «не получила всестороннего освещения» и рассматривалась в контексте конституционного развития Британской Индии [Бочкарёва, 2004, с. 10].

Таким образом, настоящая статья нацелена на заполнение определенной лакуны, имеющейся в отечественной индологии, в изучении фигуры Азада и Делийской сессии ИНК.

Результаты и их обсуждение

В 1920–1922 гг. Индийский национальный конгресс под началом Ганди провёл кампанию несотрудничества, целью которой было достижение самоуправления в составе Британской империи. В ходе кампании многие лидеры национально-освободительного движения подверглись арестам. Движение было прекращено, причем в тот самый момент, когда оно приобрело наибольший размах. Поводом послужили события, произошедшие в деревне Чаури-Чаура Соединенных провинций, где мирный митинг закончился поджогом полицейского участка и гибелью 21 полицейского. Ганди обосновал прекращение кампании несотрудничества тем, что народ ещё не готов «для ведения ненасильственной войны против колонизаторов» [Горев, 1984, с. 133].

В результате прекращения кампании многие участники и руководители движения были деморализованы. Они были не согласны с решением Ганди и считали, что движение «вскоре должно было победить» [История Востока, 2006, с. 330]. На сессии Индийского национального конгресса в Гае в декабре 1922 г. между лидерами возникли разногласия, касающиеся дальнейших методов политической борьбы. Конгресс разделился на «сторонников перемен» и «противников перемен». Противники перемен считали необходимым продолжать программу несотрудничества, намеченную Ганди. Сторонники перемен выступали за участие в выборах и вступление в Законодательный совет при вице-короле.

Ранее, в 1919 г., англичанами была проведена реформа законодательной власти (реформа Монтегю – Челмсфорда). Вместо Центрального законодательного совета создавался двухпалатный орган, включавший в себя Государственный совет и Законодательное собрание. В Государственный совет избиралось 33 из 60 членов, в Законодательное собрание – 103 из 145, остальные назначались генерал-губернатором. Выборы проводились прямым голосованием. Сохранялась и расширялась система курий. К мусульманской и общей (индусской) добавились: сикхская, индийских христиан, англо-индийцев, европейцев. По сравнению с реформой Морли – Минто 1909 г., был снижен имущественный ценз, и состав избирателей в законодательные собрания расширился. При этом он по-прежнему ограничивал число избирателей 1 % от взрослого населения в Центральное законодательное собрание и 3 % – в провинциальные. Право голоса получили женщины. Центральная легислатура могла разрабатывать, изменять и отменять законы, действующие в Британской Индии, обсуждать и принимать бюджет. Генерал-губернатор сохранял право вето на законы, принятые палатами, и право издавать указы, равнозначные законам. Исполнительный совет назначался генерал-губернатором и был ответственен перед британским правительством в Лондоне [Юрлов, 2010, с. 84; Бочкарёва, 2004, с. 27].

Полномочия между центром и провинциями были разделены. В ведении центра находились вопросы армии, внешней политики, доходы Индии и связь. Провинции отвечали за местное самоуправление, образование, здравоохранение и сельское хозяйство. Создавалась новая двойственная система управления – диархия. Она предполагала, что часть вопросов губернатор будет решать напрямую с помощью исполнительного совета, а часть – с помощью министров из числа избранных в законодательный совет. Наиболее важные вопросы, связанные с судопроизводством, полицией, налогами, сельским хозяйством находились в непосредственном ведении губернатора провинции. Работа местного самоуправления, здравоохранения, образования переходила под контроль министров. При этом губернатор обладал правом отменять распоряжения министров [Юрлов, 2010, с. 85].

Большинство Конгресса было не удовлетворено реформой 1919 г., считая, что Индия своим вкладом в победу в Первой мировой войне заслужила большего. Другая часть конгрессистов была убеждена в необходимости воспользоваться плодами реформы и принять участие в законодательных собраниях. Англичане объясняли малые уступки неготовностью индийской политической элиты к управлению своей страной. Министр по делам Индии Уильям Пиль, представитель консерваторов, 2 ноября 1922 г. писал генерал-губернатору Айзексу Руфусу, отвечая на его критику реформы 1919 г.: «Характерной чертой перемены, совершённой актом 1919 г., было то, что он давал Британской Индии взамен неэластичной системы правления прогрессивную конституцию. Условия этой конституции дают возможность законодательным советам свободно развиваться и существовать внутри неё в соответствии с духом акта». Далее он добавлял, что «заслуги и способности этих выборных органов не подкреплены ни временем, ни опытом» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99].

Сторонников перемен возглавил «один из лидеров буржуазных националистов в Соединенных провинциях» Мотилал Неру и «лидер бенгальской организации Конгресса» Читтаранджан Дас [Алаев, 2013, с. 401]. В декабре 1922 г. состоялась Гайская конференция Конгресса, на которой председателем был избран Дас. Главными темами заседания были «вопрос о вхождении в законодательные советы» и вопрос о «совместной работе с англо-индийской администрацией» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 11]. Дас заявил «о необходимости прекращения бойкота и вхождения в советы для того, чтобы либо изменить структуру, либо взорвать их ... изнутри» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 14]. Предложения Даса не поддержали, и он ушёл в отставку. Уже 1 января Дас и Неру объявили о создании Конгресс-халифатистской партии свараджа. 20 февраля 1923 г. в Аллахабаде состоялось общее собрание партии, где название было изменено на «Партию сварадж».

Согласно уставу ИНК 1915 г., любая общественная организация могла действовать от имени Конгресса и избирать делегатов на ежегодные съезды при условии согласия с необходимостью достижения самоуправления мирными, конституционными средствами [Девяткина, 1970, с. 40]. Благодаря этому под эгидой Конгресса было возможно сосуществование различных политических сил – от умеренных до радикальных, что делало его не просто политической партией, а широким движением, своего рода народным фронтом.

Реакция части политических лидеров Индийского национального конгресса на отмену кампании несотрудничества и запрет на участие в выборах в Законодательный совет стали главными причинами рождения Партии сварадж. Её цели заключались в следующем: 1) достижение доминиона для Индии в рамках Британской империи; 2) вступление в парламент, «чтобы либо уничтожить его, либо уличить»; 3) развитие национального образования; 4) организация пропаганды за границей; 5) создание рабочих организаций; 6) развитие деревни; 7) охрана частной собственности и права отдельных лиц увеличивать своё богатство [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 102]. При этом свараджисты принимали Конструктивную программу Ганди, направленную на решение внутренних проблем индийского общества. Программа предполагала развитие ручного ткачества, укрепление индуко-мусульманского единства и борьбу с дискриминацией неприкасаемых. Индийский исследователь В.Р. Нанда в статье «Интерлюдия свараджистов» пишет, что «реальной программой партии было участие во всеобщих выборах, которые должны были состояться в ноябре 1923 г. Они планировали после избрания в советы выдвинуть свои требования, а в случае отказа их удовлетворить саботировать их изнутри» [Nanda, 2011, p. 116–117].

В краткой сводке о политическом положении в Индии за этот период, хранящейся в архивах Коминтерна, говорилось, что «после декабрьского конгресса в Гайе индийское национальное движение продолжало переживать глубокий кризис». Разделение социально-политических устремлений в разнородной среде Конгресса привела в Гайе к расколу. Однако ни одна из группировок не решалась нарушить единство Конгресса. Несмотря на

это, «обе партии повели борьбу за преобладание в самом Конгрессе» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 11].

1 января 1923 г. из тюрьмы был освобождён Абул Калам Азад. Он был одним из лидеров халифатского движения. После Первой мировой войны страны-победительницы проводили политику, направленную на расчленение Османской империи и ликвидацию института халифата, верховной духовной роли султана для всех мусульман-суннитов мира. Это вызывало недовольство мусульман не только в самой Османской империи, но и в других странах. В Индии развернулось мощное движение против политики Великобритании, оставшееся в истории как халифатистское. Именно на конференции халифатистов в Мируте в феврале 1920 г. Ганди впервые представил общественности программу несотрудничества [Desai, 1946, p. 43]. В сентябре того же года состоялась специальная сессия Конгресса, где была принята программа Ганди. Национальный конгресс поддержал халифатистское движение. Ганди с Азадом совершали совместные поездки, чтобы подготовить страну к началу кампании несотрудничества. Принимая ведущее участие в движении халифатистов и отказе от сотрудничества в Бенгалии, Азад был осужден и приговорен к одному году лишения свободы в феврале 1922 г. [The Selected Works, 1991, p. 18].

В период с февраля 1922 по январь 1923 г. Азад находился в заключении в Центральной Алипурской тюрьме, где вместе с ним были и другие лидеры национально-освободительного движения: Читтарнджан Дас, Субхас Чандра Бос и Биренда Натх Сасмал. По воспоминаниям Азада, «европейское отделение Центральной Алипурской тюрьмы ... сделалось центром политических дискуссий» [Азад, 1961, с. 45]. Он был освобождён 1 января 1923 г. Дас был освобождён раньше и председательствовал на сессии Конгресса в Гайе. Освободившись из тюрьмы, Азад обнаружил, «что Конгресс стоял перед лицом серьёзного кризиса. Вместо того, чтобы вести совместную политическую борьбу против англичан, все члены Конгресса растрачивали свои силы на междоусобную войну». Он попытался примирить обе группы, заявив, что «никакая политическая программа ... не может считаться священной. О ней нужно судить по её достоинствам» [Desai, 1946, p. 88]. В складывающейся ситуации он отказался открыто принимать чью-либо сторону.

Индийский историк Дас Гупта пишет, что «к счастью для Конгресса, маулана Абул Калам Азад был освобожден вскоре после конгресса в Гайе» [Das Gupta, 1960, p. 87]. С начала февраля Азад пытался добиться компромисса между двумя секциями Конгресса. После неоднократных неудач ему удалось достичь перемирия сторон до 30 августа [Majumdar, 1963, p. 220]. Он несколько раз встречался с Читтаранджаном Дасом и просил его воздержаться от активных действий до 30 августа. Азад заверил его, что, если в течение этого времени противники перемен не начнут массовую сатьяграху, он сам возьмет на себя инициативу по созыву специальной сессии Конгресса для утверждения новой программы, предполагающей участие в советах [Das Gupta, 1960, p. 87–88].

27 февраля 1923 г. в Аллахабаде состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. На этой встрече присутствовали Читтаранджан Дас, Мотилал Неру и другие свараджисты. Дас был единогласно избран председателем собрания, на котором были согласованы следующие условия компромисса между свараджистами и противниками перемен. Компромисс предполагал следующее:

1. Пропаганда за и против участия в советах приостанавливалась с обеих сторон до 30 апреля 1923 года.

2. Обе стороны могли свободно работать над своими программами без вмешательства в дела друг друга.

3. Группа меньшинства соглашалась сотрудничать с группой большинства в сборе средств для реализации конструктивной программы Ганди [Majumdar, 1963, p. 88].

24 апреля в Дели состоялась конференция, на которой лидеры двух групп встретились, чтобы выработать общую программу. В течение нескольких дней велись споры. Противники перемен «не желали уступить ни в чём» [Majumdar, 1963, p. 88]. Выборы прибли-

жались, и сторонникам перемен необходимо было начинать вести политическую агитацию. В мае 1923 г. на заседании Всеиндийского комитета Конгресса была принята резолюция, приостанавливающая бойкот пропаганды против вступления в советы. В знак несогласия лидеры противников перемен (Ч. Раджагопалачари, В. Патель и Р. Прасад) вышли из состава Рабочего комитета ИНК. В новый комитет под председательством М.А. Ансари вошли политики, не примыкавшие ни к одному из течений (Дж. Неру, С. Найду, А.К. Азад). Не сумев разрешить сложившиеся противоречия, комитет был вынужден уйти в отставку. Он не пользовался серьёзной поддержкой, а его решения саботировались отдельными провинциальными комитетами [Бочкарёва, 2004, с. 50]. Попытка обеспечить единство между двумя крыльями Конгресса потерпело неудачу. Дас призвал членов свараджистской партии начать интенсивную пропаганду, поскольку приближались выборы [Majumdar, 1963, p. 88–89]. В результате назревшего политического кризиса и невозможности найти компромисс было решено рассмотреть вопрос о дальнейшей программе действий на Чрезвычайной сессии Индийского национального конгресса в сентябре.

15 сентября 1923 г. в Дели открылась специальная сессия Комитета национального конгресса. Газета «Манчестер Гардиан» писала, что целью сессии «было устранение разногласий, возникших в национальном движении со времени ареста Ганди» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 8а] (Ганди был арестован 10 марта 1920 г. и находился в заключении до 4 февраля 1924 г. – А.Г.). Председателем был избран «магометанский лидер Бенгала» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 8а], «ярый сторонник Конгресса и последователь пандита Мотилала Неру» [Brief History, 1991, p. 18] маулана Абул Калам Азад.

Председатель Азад сказал в своей речи, что «для проведения свараджа в жизнь и спасения Конгресса от разложения необходимо политическое и общественное единение. Самоуправление может быть основано только на индусско-мусульманском согласии» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 8а]. Анализируя политику Конгресса, он ещё раз подтвердил решение последнего покончить с настоящей системой администрации, основанной на несправедливости. Далее он приветствовал «поведение» консервативного крыла Конгресса в отношении налога на соль и вопроса о Кении. Он высказывал надежду, что они присоединятся к националистам и поддержат ту часть Индии, что отказалась быть «заодно с англичанами». При этом он заявил, что «опыт турецкого народа в 1918–1923 гг. доказал, что Великобритания склоняется только перед волей народа, решившего во что бы то ни стало добиться свободы. Индия всегда будет сочувствовать странам Среднего Востока и их борьбе за свободу» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 8а].

Специальная сессия Конгресса первоначально планировалась к проведению в Бомбее, но была перенесена в Дели. Мухтар Ахмед Ансари, занимавший должность генерального секретаря Индийского национального конгресса, призвал к единому фронту. Ознакомившись со всеми точками зрения, Азад изложил свою позицию. Он считал, что бойкотировать советы бесполезно и в сложившихся условиях Конгрессу выгодно, напротив, занять в них как можно больше мест [Das Gupta, 1960, p. 93].

Резолюция, разрешавшая конгрессистам входить в законодательные органы, была выдвинута мауланой Мохаммадом Али. Предполагалось, что Ганди частным образом уполномочил его изменить программу Конгресса, в случае если этого потребуют интересы страны [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 8а]. Ранее Мохаммад Али просил Девадаса Ганди (четвёртого сына Махатма Ганди), когда тот будет встречаться с отцом, находившимся в заключении, передать ему сведения о текущей ситуации в партии. Ответное послание Ганди оказалось следующим: «Я не могу послать вам никакого сообщения, потому что нахожусь в тюрьме. Я всегда не одобрял людей, отправляющих сообщения из тюрьмы. Но могу сказать, что я глубоко тронут вашей преданностью мне. Однако я бы попросил вас не позволять вашей преданности мне влиять на вашу преданность стране. Мои взгляды хорошо известны. Я высказал их до того, как попал в тюрьму, и с этих пор ничего не изменилось. Я могу заверить вас, что, если ваше мнение станет отличаться от моего,

это ни на сколько не повлияет на теплоту наших отношений» [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 102, р. 175–176].

Магомед Али истолковал слова Ганди как разрешение на изменение программы Конгресса. Многие конгрессисты поверили ему. В действительности же Ганди оставался при своей точке зрения: «Никакой поддержки правительству, никакого сотрудничества с ним» [Message, 1967, р. 154].

На Делийской специальной сессии было принято несколько резолюций:

1. Резолюция об участии в предстоящих выборах в законодательные советы.
2. Резолюция о необходимости неповиновения властям.
3. Резолюция о бойкоте имперских товаров.

4. Резолюция о создании индо-мусульманской охраны для предотвращения погромов [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99, л. 17].

Резолюция об участии в предстоящих выборах в законодательные советы и резолюция о необходимости неповиновения властям предполагала, что каждая из групп Конгресса («сторонники перемен» и «противники перемен») будет следовать той программе, которую считает нужной. Маулана Абул Калам Азад в своём выступлении предложил компромиссную формулу: «Те, кто считают нужным избираться в Совет, должны быть допущены до выборов, чтобы захватить эти органы и бойкотировать их изнутри; те, кто не согласен с этим, должны следовать конструктивной программе Конгресса». Эта формула была принята, в результате чего возникла Парламентская программа. Позже Азад будет вспоминать: «Я знал, что программа вступления в Совет не продвинет нас далеко, ... но у меня был свой взгляд на будущее. Парламентское мышление захватило значительную и влиятельную часть конгрессистов. Я чувствовал, что в отсутствие программы прямых действий Парламентская программа могла бы быть полезной» [Desai, 1946, р. 89]. В.Р. Нанда писал: «К счастью для свараджистов, на Специальном конгрессе в Дели председательствовал степенный Абул Калам Азад, который советовал проявлять умеренность с обеих сторон» [Nanda, 2011, р. 118].

В это время в Индии нарастали индусско-мусульманские противоречия. В 1915–1916 гг. произошло пятнадцать крупных столкновений, сопровождавшихся убийствами и массовыми погромами. В городе Шаранпуре убытки после погрома исчислялись в 1 000 000 рупий. Ни одно распоряжение Конгресса не выполнялось на севере Индии – районе наиболее сильных индусско-мусульманских столкновений. Работа партийных организаций Конгресса там была крайне затруднена [РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 68. Д. 99., л. 12–13]. Поэтому на конференции в Дели было принято решение о создании индусско-мусульманской охраны для предотвращения погромов.

Азад говорил о том, что конфликта между индусами и мусульманами можно было бы избежать, если бы перед людьми стояла программа совместной работы. Ненасильственный отказ от сотрудничества основан на всеобщей вере в то, что мы не должны сотрудничать со злом. Но очевидно, что такое нежелание сотрудничать не должно отождествляться с бездействием. Кроме того, существовали возможности и даже необходимость в изменении тактики в соответствии с изменениями обстоятельств. Именно тогда, выступая на специальной сессии Конгресса в Дели, Азад произнёс свои знаменитые слова: «Если бы ангел спустился с небес и с высоты Кутб-минара провозгласил, что Индия достигнет свараджа в течение 24 часов за счёт раскола индусско-мусульманского единства, я бы отказался от такой независимости и ни на шаг не сошел с моей позиции. Если независимость отсрочится, то страдает только Индия, тогда как утрата индусско-мусульманского единства нанесет урон всему человечеству» [Kumar, 2003, р. 1].

Свараджисты вышли на избирательную арену с некоторыми трудностями. Конфликт с противниками перемен был отвлекающим фактором и закончился лишь за два месяца до выборов, только после Специальной сессии Конгресса в Дели. Им не хватило времени для того, чтобы организовать выборную кампанию партии на прочной основе, наладить функ-

ционирование эффективной прессы. Наконец, их было легко представить обществу как отступников политики Ганди.

При этом на выборах 1923 г. свараджисты выступили достаточно удачно, завоевав 45 мест из 105 в центральном Законодательном собрании. «Заметная победа», – так вице-король оценил результаты выборов свараджистов в письме Государственному секретарю виконту Пилу 14 декабря 1923 г.: «Совершенно ясно, что свараджисты добились исключительно хороших результатов. Они полностью разгромили либералов и умеренных в большинстве схваток и будут грозной оппозицией правительству как в провинциальных советах, так и в Центральном законодательном органе» [Nanda, 2011, p. 119].

В Центральные провинции свараджисты заняли 41 из 73 мест, в Бенгалии – 47 из 140, в Бомбее, Мадрасе, Пенджабе и Бихаре – около 12 % [Бочкарёва, 2013, с. 54]. Таким образом, в одной провинции свараджистам принадлежало большинство мест. В Центральные провинции они могли беспрепятственно проводить любую политику, не считаясь с другими партиями. В Центральном законодательном собрании свараджисты образовали коалицию с независимыми кандидатами, возглавляемыми М.А. Джинной. Мохамед Али Джинна – видный деятель национального движения, до 1920 г. состоял в Конгрессе, вышел из него будучи несогласным с принятой программой несотрудничества. Первоначально, несмотря на то, что многие независимые и Джинна не разделяли тактики тотальной обструкции, они согласились сотрудничать со свараджистами. Но с 1925 г. тактика независимых изменилась, они стали рассматривать каждый законопроект с точки зрения полезности. Свараджисты были вынуждены перейти от политики полного бойкота к ограниченному сотрудничеству. Отсутствие фракционного большинства в Центральном законодательном собрании создало для англичан возможность играть на противоречиях политических сил. В результате они сохраняли основные рычаги власти, создавая видимость парламентаризма в Индии.

Параллельно с работой в законодательных собраниях не прекращалась политическая борьба в ИНК. В ноябре 1924 г. в Калькутте Ганди, Дас и Неру заключили соглашение, в результате которого свараджистская партия стала действовать в законодательных собраниях от имени Конгресса. В марте 1926 г. свараджисты вышли из Центрального и провинциальных законодательных советов в знак протеста против нежелания англичан обсуждать вопрос о «возможности введения ответственного правительства» [Бочкарёва, 2013, с. 98].

В ноябре 1926 г. состоялись новые выборы в законодательные советы. На этот раз успехи свараджистов были скромнее. В Законодательном собрании они заняли 38 мест из 100, в Бенгалии и Центральные провинции остались самой крупной партией, но не располагали большинством голосов. Не имея возможности влиять на политические процессы посредством бойкотов и ослабленные разногласиями, свараджисты постепенно стали приобретать вид умеренной оппозиции. В 1929 г. на конференции ИНК в Лахоре было принято решение о роспуске свараджистской партии и начале подготовке к очередной кампании неповиновения.

Ряд отечественных и индийских историков положительно оценивают роль свараджистов в национально-освободительной борьбе [История Востока, 2006, с. 432; Юрлов, 2010, с. 128, Бочкарёва, 2013, с. 136; Das Gupta, 1960, p. 96; Majumdar, 1963, p. 232–232]. Среди наиболее значимых результатов их деятельности можно выделить:

1. Отмену системы диархии в Бенгалии и Центральные провинции.
2. Освобождение политических заключенных.
3. Получение политической элитой опыта работы в институтах парламентского типа.
4. Активизацию политической активности населения после упадка, вызванного прекращением кампании несотрудничества.

Другая часть исследователей более критично относится к действиям свараджистов. Десаи предполагает, что участие в выборах и вступление в советы могло замедлить «осуществление прямой программы действий» Ганди, к которой он намеревался перейти после

прекращения беспорядков [Desai, 1946, p. 89]. Г.Г. Котовский пишет, что в законосовещательных органах сварджистам не удалось «вырвать хотя бы одну существенную уступку от английской колониальной администрации». Их неудачи «вызвали падение их влияния в буржуазно-помещичьих кругах» и привели к поражению на выборах 1926 г. [Антонова, 1973, с. 402].

Английский исследователь Р. Пальм Датт, рассматривая историю Индии с марксистских позиций, выделяет три стадии национально-освободительной борьбы: первый этап – с 1905 по 1910 гг., второй этап – с 1919 по 1922 гг., третий этап – с 1930 по 1934 гг. Следовательно, период с 1923 по 1929 гг. вообще не рассматривается в рамках борьбы за независимость. По мнению Датта, «партия сварджистов была партией прогрессивной буржуазии», а их надежды на мирное сотрудничество с империализмом окончились разочарованием» [Датт, 1948, с. 363–364].

Заключение

Делийская сессия является одним из ключевых эпизодов национально-освободительной борьбы в Индии в межвоенный период. Она сыграла большую роль в сохранении единства Конгресса, которое положительно сказалось в борьбе индийского народа за независимость. История неоднократно демонстрировала опасность размежевания политических сил в борьбе за свободу. Дальнейшее противостояние Мусульманской Лиги и Индийского национального конгресса ярко продемонстрировало опасность дробления антиколониального фронта, в итоге приведя к разделу Британской Индии и многочисленным человеческим жертвам. Индуско-мусульманское противостояние получило новый импульс в результате прекращения компании несотрудничества 1921–1922 гг. Смена направления политической борьбы способствовала активизации людей после разочарования, вызванного прекращением движения. Участие в выборах и политической борьбе в Центральном и провинциальных советах помогло направить энергию масс в более мирное русло. Джавахарлал Неру – сын Мотилала Неру, будущий лидер Конгресса и первый премьер независимой Индии, – в своей «Автобиографии» пишет: «Новой вехой, знаменовавшей дальнейшее усиление сварджистов, явилась чрезвычайная сессия Конгресса, состоявшаяся в Дели осенью 1923 г.» [Неру, 1955, с. 125].

Огромная роль в сохранении единства Конгресса принадлежит маулане Абул Калам Азаду, который был председателем специальной сессии в Дели в сентябре 1923 г. Не будучи связанным с сварджистской партией, Маулана Азад сыграл важную роль в обеспечении ее успеха. Отказавшись открыто принимать чью-либо сторону, он попытался примирить обе группы. Азад предложил компромиссную формулу, предполагавшую одновременно и участие в выборах в Законодательный совет, и следование конструктивной программе Ганди. Благодаря этой формуле возникла Парламентская программа Конгресса. Политическая прозорливость, которую Азад продемонстрировал в тот момент, не только спасла Конгресс от раскола и позволила сохранить единство, но помогла преодолеть последствия, вызванные прекращением кампании несотрудничества. По мнению Махадева Десаи, действия Азада «спасли Конгресс от раскола на два враждующих лагеря, а массы – от деморализации». Результатом его действий стало то, что он «проложил путь к последнему шагу Гандиджи (почтительное обращение. – А.Г.), который, сохраняя принцип отказа от сотрудничества, превратил то, что было политическим компромиссом, в живое единство» [Desai, 1946, p. 88–89].

Делийская сессия являлась одним из рубежей, который позволил сохранить единство Конгресса с учётом многообразия политических течений внутри него. ИНК сохранил многовариантность политических методов в борьбе за независимость. Умение политических элит договариваться для достижения общенациональной цели – независимости страны – способствовало тому, что в дальнейшем в Индии будет установлен демократический строй.

Список литературы

- Азад А.К. 1961. Индия добивается свободы. Москва, Издательство иностранной литературы, 348.
- Алаев Л.Б. 2013. Историография истории Индии. Москва, Институт востоковедения РАН, 472.
- Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. 2018. История Индии. Москва, ГАУГН-Пресс, 542.
- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. 1973. История Индии. Москва, Мысль, 558.
- Бочкарева И.Б. 2013. Свараджистская партия и формирование парламентских институтов в Индии в 1920-е гг. Барнаул, Издательство Алтайского государственного университета, 147.
- Горев А.В. 1984. Махатма Ганди. Москва, Международные отношения, 319.
- Датт П. 1948. Индия сегодня. Москва, Государственное издательство иностранной литературы, 684.
- Девяткина Т.Ф. 1970. Индийский национальный конгресс. Москва, Наука, 200.
- История Востока. Т. 5. 2006. Ответственный редактор Р.Г. Ланда. Москва, Восточная литература, 717.
- Неру Д. 1955. Автобиография. Москва, Издательство иностранной литературы, 656.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 68. Д. 99.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 68. Д. 102.
- Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. 2010. История Индии. XX век. Москва, ИВ РАН, 910.
- Das Gupta N. 1960. Deshbandhu Chittaranjan Das. Delhi, 234.
- Desai M. 1946. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. Agra, Shiva Lal Agarwala and Co., LTD, 146.
- Kumar R. 1991. Introduction. The Selected Works of Maulana Abut Kalam Azad. Volume I (1936–42). New Delhi, Atlantic Publishers & Distributors: 1–6.
- Majumdar R.C. 2003. History and Culture of the Indian People. Vol. XI. Struggle for Freedom. Bombay, Bharatiya Vidya Bhavan, 1202.
- Majumdar R.C. 1963. The History of the Freedom Movement in India. Calcutta, Firma K.L. Mukhopadhaya, Vol. III, 902.
- Message to Mahomed Ali. 1967. The Collected Works of Mahatma Gandhi. Vol. XXIII. Ahmedabad, Navajivan Trust, 175–176.
- Nanda B.R. 2011. The Swarajist Interlude. A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. II, 1919–1935. Ed. by B. N. Pande, R. Kumar. New Delhi, Academic Foundation: 111–160.
- The Selected Works of Maulana Abut Kalam Azad. Volume I (1936–42). 1991. Brief History of Maulana Azad Prepared by the Government of India, Home Department Political, in 1936. New Delhi, Atlantic Publishers & Distributors: 18–19.

References

- Azad A.K. 1961. Indiya dobivaetsya svobody [India seeks freedom]. Moskva, Izdatel'stvo inostranoj literatury [Moscow, Publishing House of Foreign Literature], 348 (in Russian).
- Alaev L.B. 2013. Istoriografiya istorii Indii [Historiography of the history of India]. Moskva, Institut vostokovedeniya RAN [Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 472 (in Russian).
- Alaev L.B., Vigin A.A., Safronova A.L. 2018. Istoriya Indii [History of India]. Moskva, GAUGN-Press [Moscow, State Academic University of Humanities-Press], 542 (in Russian).
- Antonova K.A., Bongard-Levin G.M., Kotovskij G.G. 1973. Istoriya Indii [History of India]. Moskva, Mysl' [Moscow, Thought], 558.
- Bochkareva I.B. 2013. Svaradzhistskaya partiya i formirovanie parla-mentskix institutov v Indii v 1920-e gg. [The Swaraj Party and the Formation of Parliamentary Institutions in India in the 1920s.] Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Barnaul, Altai State University Publishing House], 147.
- Gorev A.V. 1984. Mahatma Gandhi [Mahatma Gandhi]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya [Moscow, International Relations], 319.
- Datt P. 1948. Indiya segodnya [India today]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranoj literatury [Moscow, State Publishing House of Foreign Literature], 684.

- Devyatkina T.F. 1970. Indijskij nacional'nyj congress [Indian National Congress]. Moskva, Nauka [Moscow, Science], 200.
- Istoriya Vostoka. T. 5. 2006. [Istory of the East. Vol. 5]. Otvetstvennyj redaktor R.G. Landa. Moskva, Vostochnaya literatura [The responsible editor is R.G. Landa. Moscow, Oriental Literature], 717.
- Neru D. 1955. Avtobiografiya [Autobiography]. Moskva, Izdatel'stvo inostranoj literatury [Moscow, Publishing House of Foreign Literature], 656.
- Rossijskij gosudarstvennyj arxiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 495. Op. 68. D. 99.
- Rossijskij gosudarstvennyj arxiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 495. Op. 68. D. 102.
- Yurlov F.N., Yurlova E.S. 2010. Istoriya Indii. XX vek [History of India]. Moskva, IV RAN [Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 910.
- Das Gupta H. 1960. Deshbandhu Chittaranjan Das. Delhi, 234.
- Desai M. 1946. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. Agra, Shiva Lal Agarwala and Co., LTD, 146.
- Kumar R. 1991. Introduction. The Selected Works of Maulana Abut Kalam Azad. Volume I (1936–42). New Delhi, Atlantic Publishers & Distributors: 1–6.
- Majumdar R.C. 2003. History and Culture of the Indian People. Vol. XI. Struggle for Freedom. Bombay, Bharatiya Vidya Bhavan, 1202.
- Majumdar R.C. 1963. The History of the Freedom Movement in India. Calcutta, Firma K.L. Mukhopadhaya, Vol. III, 902.
- Message to Mahomed Ali. 1967. The Collected Works of Mahatma Gandhi. Vol. XXIII. Ahmedabad, Navajivan Trust, 175–176.
- Nanda B.R. 2011. The Swarajist Interlude. A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. II, 1919–1935. Ed. by B. N. Pande, R. Kumar. New Delhi, Academic Foundation: 111–160.
- The Selected Works of Maulana Abut Kalam Azad. Volume I (1936–42). 1991. Brief History of Maulana Azad Prepared by the Government of India, Home Department Political, in 1936. New Delhi, Atlantic Publishers & Distributors: 18–19.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Received 17.03.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гепалов Александр Сергеевич, аспирант института истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Alexander S. Gepalov, PhD student of the Institute of History, Law and Social Sciences Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7416-2120](https://orcid.org/0000-0002-7416-2120)

УДК 94 (100)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594
Оригинальное исследование

Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны

Гофман А.В.

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика ближневосточного региона как подсистемы международных отношений. Отмечается, что Ближний Восток длительное время рассматривался в качестве периферии противостояния между СССР и США. При помощи историко-сравнительного подхода показано, что многочисленные конфликты внутри региона были вызваны его самобытностью, уникальностью исторического процесса. Советский Союз и Соединённые Штаты не являлись первопричиной данных конфликтов, но пытались использовать их в своих интересах. Окончание холодной войны привело лишь к закреплению США как единственного гегемона, но не внесло решающих изменений в структуру ближневосточного региона.

Ключевые слова: СССР, США, Ближний Восток, холодная война, международные отношения

Для цитирования: Гофман А.В. 2022. Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 586–594. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594

The Middle East Region Specificity as International Relations Subsystem in the End of the Cold War

Artyom V. Gofman

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the Middle East specificity study as international relations subsystem in the end of the XX century. This region was a periphery for the US-USSR clash. After the World War Two the Middle East faced the collapse of colonial empires, many countries gained independence. Alongside that, this region slowly entered the bipolar clash system; many countries had to choose either the United States or the Soviet Union's sides. Started with the Arab-Israeli conflict in 1948, the Middle Eastern region suffered from many internal and external conflicts, based on religious ethnic, political or ideological grievances. Using the historical-comparative approach it was proved, that many conflicts in the Middle East were caused by its unique historical process and authenticity. The Soviet Union and the United States did not cause these conflicts, but both superpowers tried to use these in their interests. The end of the Cold War didn't lead to crucial changes across the region, but reinforced the United States as the only post-Cold War superpower.

Keywords: USSR, USA, Middle East, Cold War, international relations

For citation: Gofman A.V. 2022. The Middle East Region Specificity as International Relations Subsystem in the End of the Cold War. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 586–594 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594

Введение

Международные отношения на Ближнем Востоке во 2-й половине XX в. отличались высоким уровнем конфронтационности. Вторая мировая война сделала падение колониальных империй вместе с их политико-территориальной инженерией неизбежным. Переход от старых порядков к новым не был мирным, породив череду войн, революций и государственных переворотов. Разрастание холодной войны привело к усугублению региональных противоречий, которые стали более подвержены вмешательству США или СССР. В ряде стран прошла целая череда гражданских войн [Harb, 2019, p. 20].

Особенности ближневосточной подсистемы международных отношений

С изменением глобальной системы международных отношений происходила и переконфигурация региональных подсистем. Р. Хиннебуш, используя структуралистский анализ, пришёл к выводу, что ближневосточный регион является частью отношений «центр – периферия», где, собственно, Ближний Восток – это периферия, а центр – доминирующий Запад [Hinnebusch, 2003, p. 3]. Ключевое понятие Вестфальской системы – суверенитет – обычно подразумевает жёсткую связь между идентичностью и территорией, но из-за вмешательства колониальных империй эта связь была нарушена, ставя под сомнение сам принцип суверенитета [Hinnebusch, 2003, p. 5].

Это можно было бы трактовать как относительную «отсталость» ближневосточной региональной подсистемы международных отношений, носящую «довестфальский» характер. В научном сообществе существует консенсус по поводу деления истории международных отношений на эпохи начиная с 1648 г., однако такой раздел носит больше теоретический, чем историко-прикладной характер. А.В. Куприянов в своей статье «Опасный миф Вестфалья» утверждает, что ряд базовых принципов Вестфальской системы, таких как «суверенитет», «национальный интерес» и др., начал формироваться лишь с середины XVIII в., а современная система международных отношений, зародившаяся по итогам Венского конгресса в 1815 г., сформировалась лишь ко 2-й половине XX в. [Куприянов, 2019]. Говоря об имевшей место подгонке истории под теорию, он заключает, что «мы имеем дело не с «упадком традиционных государств» и нынешней системы международных отношений в целом, а с их трансформацией, в ходе которой они приспособляются к изменившимся условиям» [Куприянов, 2019].

Эти слова, сказанные про современный период, справедливы и для 2-й половины XX в. Исходя из этого, ближневосточную подсистему было бы правильнее назвать самобытной, нежели отсталой. То, что анархичность ей свойственна в большей степени, чем, например, европейской подсистеме, вызвано уникальностью развития исторического процесса в данной части мира, подверженной заметному влиянию внерегиональных акторов.

Хотя ближневосточная региональная подсистема и обладает своими специфическими чертами, она всё же испытала на себе заметное влияние глобального биполярного противостояния. Считается, что «система международных отношений эпохи «холодной войны», как и вестфальская, была основана на идеологической и организационной легитимности суверенного национального государства даже в том случае, если оно находилось в союзе с США или с СССР» [Наумкин, 2008, с. 710]. Стоит уточнить, что речь идёт в первую очередь о провозглашаемом суверенитете, не затрагивая вопроса о его соблюдении другими акторами мировой политики. Проще говоря, покровительство одной из сверхдержав усиливало состояние легитимности той или иной страны, причём усиление исходило не столько из исторических предпосылок, сколько из идеологических и геополитических целей СССР или США.

Советский Союз и Соединённые Штаты обладали значительным влиянием на региональные дела, но его не стоит преувеличивать. Две сверхдержавы далеко не всегда

могли контролировать положение дел в регионе. Наиболее ярко это проявлялось в череде арабо-израильских войн. СССР и США опасались разрастания локального конфликта на межрегиональный уровень и предпринимали усилия по его сдерживанию и урегулированию. Более того, Москва даже заявляла о том, что Ближний Восток «близок к советским границам» [Blank, 2018, p. 30–31], подразумевая важность сохранения там своей сферы влияния.

Противоречия в арабском мире

Как справедливо отметил В.В. Наумкин, «попыток переворотов – удачных и неудачных – в новейшей истории на Ближнем Востоке было так много, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц» [Наумкин, 2018, с. 111]. По мнению отечественных исследователей, крушение колониализма в середине XX в. дало толчок новому развитию стран ближневосточного региона, которое не всегда было мирным [Наумкин, Кузнецов, 2021, с. 5–7].

Помимо этого, внутри самого арабского мира происходило столкновение между идеями панарабизма и панисламизма, символами которых были Египет и Саудовская Аравия соответственно. Данная линия разлома мешала американским и советским планам укрепления в регионе, а панисламизм даже больше, чем панарабизм был направлен одновременно против капиталистической и коммунистической систем. Ввиду этого период с 1960 по 1978 гг. иногда характеризуется как «внутриарабская холодная война» [Кризис на Ближнем Востоке, 2018, с. 6], закончившаяся победой исламской революции в Иране и поражением идеи панарабизма. Хотя Иран не относится к арабскому миру, последствия революции и рост исламизма нашли своё отражение далеко за пределами этой страны.

Стоит отметить, что вопрос о периодизации данного противостояния по-прежнему остаётся открытым. М.Н. Барнетт считает, что падение панарабизма произошло позже, на исходе холодной войны. Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. означало подрыв сложившегося порядка, который он именуется «хартумским», основывавшемся на антиизраилизме и панарабизме [Barnett, 1998, p. 173–178]. Действия иракского президента С. Хусейна нанесли существенный репутационный урон арабскому национализму, приведя к расколу в арабском мире. «Ввиду того, что арабизм, казалось бы, вызывал только враждебность и подозрения, – пишет профессор, – арабские представители начали публично признавать свою усталость от его положений и не оправдавших себя обещаний» [Barnett, 1998, p. 213–214].

Данная точка зрения не лишена смысла, однако при её дальнейшем осмыслении возникают сложности в плане интерпретации исторических событий. Во-первых, если падение панарабизма произошло в начале 1990-х гг., то как тогда объяснить неудачные эксперименты по объединению нескольких арабских государств в одно, проводившиеся ещё в 1950–1970-е гг.? Неоднократно повторявшиеся попытки создать такие образования на примере Арабской Федерации из Иордании и Ирака, Объединённой Арабской Республики из Египта, Сирии и позже Ирака, Федерации Арабских Республик на основе Египта, Сирии и Ливии и т. д. оказывались недолговечны, либо существовали больше в формальной плоскости. При этом национальные границы многих арабских государств оказались более устойчивыми, чем национальные границы в ряде стран Африки, Азии и даже на Балканах [Samtack et al., 2017, p. 64].

Во-вторых, одним из столпов арабского национализма была борьба с колониализмом, под которым понималось и израильское присутствие в регионе, нашедшее своё отражение в Хартумской резолюции 1967 г. [Lukacs, 1992, p. 454–455]. Мирное соглашение Израиля с Египтом, секретные израильско-иорданские переговоры в 1980-е гг. уже сами по себе представляли как отход от «хартумской линии».

Исходя из этого, было бы правильнее сказать, что Кувейтский кризис 1990–1991 гг. ознаменовал собой окончательное поражение идеи панарабизма как альтернативы развития арабских стран. Проще говоря, произошла победа политики государственного национализма («*Nation State*») в отдельных арабских странах.

Подходы Москвы и Вашингтона к Ближнему Востоку

Эти процессы не были инсценированы в Москве или Вашингтоне, но оказали заметное влияние на политику двух сверхдержав в регионе. В отличие от Соединённых Штатов, подход Советского Союза к Ближнему Востоку являлся более прямолинейным. Уровень идеологической заданности советской внешней политики был на порядок выше американской. Жёсткость и прямолинейность, свойственные советскому внешнеполитическому курсу, оставляли мало пространства для манёвра на дипломатической сцене.

Советский подход к региональным проблемам носил преимущественно классовый характер, в соответствии с марксистско-ленинскими догмами. Классическим клише можно считать, например, высказывание советского востоковеда В.И. Киселёва о том, что «подход Советского Союза к проблемам обеспечения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке... вытекает из основных принципов советской внешней политики, сформулированных В.И. Лениным. Это – братская, интернациональная солидарность и поддержка народов, ведущих свою борьбу за своё освобождение и независимость, равноправие, уважение национальных прав и интересов всех народов» [Киселёв, 1988, с. 207].

На деле этно-конфессиональные и территориальные, ценностные факторы либо опускались, либо рассматривались как незначительные. Результатом этого на фоне межблокового противостояния стала неспособность советской дипломатии эффективно разрешать ближневосточные конфликты. Израильско-египетское примирение, как и попытка реализации «иорданского варианта» урегулирования палестино-израильского конфликта, прошли без официального участия советских представителей. В отношениях СССР со своими региональными союзниками центральной темой переговоров часто была поставка современных видов оружия, модернизация и перевооружение дружественных арабских сил. Особенно настойчивыми на этих встречах были сирийцы [Горбачёв, 1995, с. 232–234].

Возможности Советского Союза на Ближнем Востоке строго детерминировались его внешнеполитической доктриной, точно так же, как и возможности Соединённых Штатов. Самоограничение, вызванное неспособностью подняться выше идеологических догм, привело к тому, что советские позиции в регионе уступали американским.

Для большей наглядности воспользуемся статистическими данными [The World Economy, 2006, p. 270–275, 295–296, 301–302, 317; The Military balance, 1989, p. 16–27, 32–42, 76–78, 96–118]. Сравнение будет вестись по трём категориям по состоянию на 1990 г. до вторжения Ирака в Кувейт: демография, уровень ВВП и размер вооружённых сил (ВС). Страны Ближнего Востока, СССР и США разделим на две категории: просоветские, проамериканские. К просоветским отнесём Ирак, Сирию и объединённый Йемен. К проамериканским – все остальные страны региона, кроме Ирана, см. таблицу 1.

Таблица 1

Table 1

Сравнение потенциалов просоветского и проамериканского блоков по следующим категориям:

ВВП (в млн долл. США), ВС и населения (в млн чел.)

Comparison of potentials of the pro-Soviet and pro-American camps in GDP (in US dollars), military capacity and demography (in millions of people)

	ВВП	ВС	Население
<i>Просоветский блок</i>	2 131 684	5 726 000	332 128 000
<i>Проамериканский блок</i>	6 499 434	3 614 900	394 725 000

На основе табл. 1 видно, что в демографическом плане проамериканский блок стран незначительно превосходил просоветский, примерно на 8 % от общего числа народонаселения. Однако если переведем проценты в численность людей, то увидим, что проамериканский блок превосходил просоветский на 62 597 000 чел. Таким образом, в демографическом плане преимущество было за США и их союзниками. Если условно приравнять уровень ВВП к размеру экономики, то можно наблюдать значительное превосходство стран с проамериканской ориентацией над странами с просоветской. В плане численности вооружённых сил крупный перевес был на стороне стран с просоветской ориентацией.

Также нужно сделать несколько важных замечаний во избежание ошибочной интерпретации. На качество вооружённых сил сильное влияние оказывает уровень материально-технического обеспечения – чем он современнее, тем эффективнее. Не менее важным влиянием обладает военная выучка личного состава, проще говоря, сочетание опыта и боевого духа, не говоря о других параметрах. Так, согласно вышеприведённой статистике, израильскую армию, в силу своей компактности, можно было бы ошибочно отнести к «второсортным» силам, однако итоги арабо-израильских войн свидетельствуют об обратном.

Исходя из этого, можно сказать о наличии *относительного* превосходства стран прозападного блока над просоветскими. Их преимущество в демографическом плане и в экономическом особенно, не считая лучший уровень материально-технического обеспечения, серьёзно нивелировало перевес в численности вооружённых сил просоветской коалиции.

О том, что добиться вытеснения Вашингтона из ближневосточного региона военным путём нереалистично, в Москве понимали. Одним из следствий данной рефлексии стало «позиционное» противостояние с США. Даже с началом перестройки советский внешнеполитический курс не сразу претерпел изменения, оставаясь в инерционном русле предыдущих лет. Лишь спустя некоторое время были предприняты попытки изменить сложившуюся ситуацию. Советский Союз начал постепенно сокращать поставки вооружения в дружественные страны, а в переговорах с арабскими представителями стала активно продвигаться идея организации диалога между арабами и израильтянами. Изменился подход к единой арабской политике, которую решили переориентировать с противостояния Израилю и США на достижение компромисса.

В соответствии с политикой нового мышления перед советской дипломатией ставились следующие задачи: во-первых, достичь сплочения арабских стран, во-вторых, снизить остроту палестино-сирийских противоречий, в-третьих, добиться созыва международной конференции. Примечательно, что в вопросе урегулирования арабо-израильского противостояния и формирования общеарабской позиции СССР делал ставку на Сирию, считая её авторитет в арабском мире достаточным для реализации данного сценария. Его М.С. Горбачёв неоднократно продвигал в своих личных беседах с Я. Арафатом и Х. Асадом [Горбачёв, 1995, с. 234–235]. Однако по мере отхода Советского Союза от линии жёсткой конфронтации с Западом политика генерального секретаря сделала бессмысленной борьбу за сохранение «левых квазисоциалистических режимов, из которых к концу 1990-х гг. осталась одна Сирия» [Мирский, 2012, с. 77].

Идея организации конференции по урегулированию заняла особое место в рамках новой советской политики. «Самое главное здесь – учитывать интересы всех сторон» [Горбачёв, 1988, с. 181], – писал М.С. Горбачёв. Однако созыв конференции имел даже большее значение для самой Москвы, чем для ближневосточных столиц. «Участие в урегулировании, – отмечают Т.В. Носенко и Н.А. Семенченко, – являлось своего рода международным пропуском, удостоверявшим легитимность ин-

тересов Советского Союза в регионе и его присутствия там» [Носенко, Семенченко, 2015, с. 191].

Говоря о советско-израильских отношениях, следует помнить о большом влиянии на них американского фактора. В условиях отсутствия дипломатических отношений между СССР и Израилем, США, в какой-то степени, взяли на себя обязанность защиты израильских интересов перед Советским Союзом. Принятие Конгрессом Соединённых Штатов в 1974 г. поправки Джексона – Вэника, например, было отчасти вызвано ограничением на эмиграцию советских граждан из Советского Союза, которое затрагивало и евреев [Носенко, 2011, с. 37]. Данная поправка наносила урон экономике и имиджу СССР за рубежом. Снятие барьеров на пути к эмиграции советских евреев смягчило позицию израильтян и американцев по отношению к Москве, но одновременно вызвало возражения арабской стороны.

Ввиду этого, используя тему международной конференции по Ближнему Востоку, СССР пытался сохранить за собой сферы влияния в регионе на фоне тяжёлых внутренних проблем и неспособности поддерживать своих союзников в прежнем объёме. Конференция состоялась в конце 1991 г., однако для Советского Союза, находившегося тогда в состоянии полураспада, она стала последним крупным международным мероприятием, в котором он принял участие.

Концепция нового политического мышления, выдвинутая СССР, в некоторой степени перехватывала у США пальму первенства в деле идеологической пропаганды. Трудно называть страну «империей зла», если она не только словом, но и делом подтверждала свой переход на новый постконфликтный уровень взаимодействия. Понимая это, Дж. Буш-старший предпринял попытку выдвинуть альтернативу в качестве ответа.

29 января 1991 г. он выступил перед Конгрессом, где сообщил о начале подготовки к новому американскому веку. «На карту поставлена не одна маленькая страна; это большая идея: новый мировой порядок, в котором различные страны объединяются для достижения общих целей человечества – мира и безопасности, свободы и верховенства закона» [George H.W. Bush, 1991], – заявил американский президент.

Значительная часть выступления была посвящена внутренним проблемам и агрессии С. Хусейна в Кувейте. Касательно мировой политики было подчёркнуто, что лидерство Соединённых Штатов незаменимо, а сами США являются «вдохновляющим примером свободы и демократии» [George H.W. Bush, 1991].

С одной стороны, США самостоятельно провозгласили себя лидером нового мирового порядка, с другой – это заявление отражало сложившуюся к началу 1990-х гг. новую картину мира. Более того, Соединённые Штаты, в отличие от Советского Союза, обладали гораздо большими экономическими и военно-политическими возможностями для обеспечения своего глобального доминирования. Таким образом, «новый мировой порядок» Дж. Буша-старшего не только стал своеобразным ответом на «новое политическое мышление» М.С. Горбачёва [Лукиянов, 2007]. Концепция американского лидера фактически подменила собой идею советского руководителя, связав интересы Соединённых Штатов с интересами мирового сообщества.

Заключение

Окончание холодной войны в значительной степени повлияло на ближневосточную региональную подсистему международных отношений. Отношения между сверхдержавами, с одной стороны, и их региональными союзниками – с другой, способствовавшие утверждению Ближнего Востока как периферии и как территории опосредованного, непрямого столкновения СССР и США, подверглись изменению. Соединённые Штаты остались единственной доминирующей силой в регионе. Пользуясь монопольным положени-

ем, Вашингтон приступил к его трансформации, в соответствии со своим видением нового мирового порядка. Данная политика, преследуя благие цели, стала началом новой эпохи пост-биполярного интервенционизма [Наумкин, 2008, с. 712]. Но роль Ближнего Востока как периферии западного мира осталась в целом неизменной. Вместо советского влияния США и их союзники занялись здесь сдерживанием исламистской угрозы.

Список литературы

- Горбачёв М.С. 1995. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., Новости, 656.
- Горбачёв М.С. 1988. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 270.
- Киселёв В.И. 1988. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М., Наука, 239.
- Кризис на Ближнем Востоке: истоки и проявления. Центр изучения кризисного общества. 2018. М., Научный эксперт, 71.
- Куприянов А. Опасный миф Вестфалия. Российский совет по международным делам. 25.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?fbclid=IwAR0iPY8RWPVsSF80GzJjbkTaEeOFcg2arJ4eA6985BXwk_OIEnNX5pKNUdQ (дата обращения: 15 января 2022).
- Лукьянов Ф.А. Игра в мировой порядок. Россия в глобальной политике. 4.07.2007. URL: http://globalaffairs.ru/redcol/n_8898 (дата обращения: 12 февраля 2022).
- Мирский Г.И. 2012. Международные отношения на Ближнем Востоке. Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей. Отв. ред. Д.Б. Малышева, А.А. Рогожин. М., ИМЭМО РАН: 77–95.
- Наумкин В.В. 2008. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.-Н. Новгород, ИД «Медина», 721.
- Наумкин В.В. 2018. Становление и кризис наций-государств. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: (Коллективная монография); отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М., ИВ РАН: 111.
- Наумкин В.В., Кузнецов В.А. 2021. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», март 2021: 5–7.
- Носенко Т.В. 2011. Внешнеполитические интересы Советского Союза и восстановление отношений с Израилем (1985–1991). Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. III. М.: 31–47.
- Носенко Т.В., Семенченко Н.А. 2015. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., ИВ РАН, 260.
- Barnett M.N. 1998. Dialogues in Arab Politics. Negotiations in Regional Order. New York, Columbia University Press, 370.
- Blank S. 2018. The Foundations of Russian policy in the Middle East. Russia in the Middle East. T. Karasik and S. Blank (ed.). Washington, DC, The Jamestown Foundation: 30–31.
- Cammack P., Dunne M., Hamzawy A., Lynch M., Muasher M., Sayigh Y., Yahya M. 2017. Arab Fractures: Citizens, States, and Social Contracts. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department: 64.
- George H.W. Bush. State of the Union Address, January 29, 1991. Miller Center, University of Virginia. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/January-29-1991-state-union-address> (accessed: 27 February 2022).
- Harb I.K. 2019. Foreword: Conflict in the Arab World and the Way Forward. The Arab World Beyond Conflict. Washington, DC, Arab Center Washington, DC Inc.: 20.
- Hinnebusch R. 2003. The International Politics of the Middle East. Manchester, New York, Manchester University Press, 262.
- Lukacs Y. 1992. The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge, Cambridge University Press, 549.

- The Military balance 1989–1990. 1989. The International Institute for Strategic Studies. London, Brassey's, 255.
- The World Economy. 2006. Vol. 1–2. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 655.

References

- Gorbachyov M.S. 1995. Zhizn' i reformy [Life and reforms]. Kn. 2. M., Novosti, 656 (in Russian).
- Gorbachyov M.S. 1988. Perestrojka i novoe myshlenie dlya nashej strany i dlya vsego mira [Perestroika and new thinking for our country and for the whole world]. M., Politizdat, 270 (in Russian).
- Kiselyov V.I. 1988. Palestinskaya problema v mezhdunarodnyh otnosheniyah: regional'nyj aspekt [The Palestinian problem in international relations: a regional aspect]. M., Nauka, 239 (in Russian).
- Krizis na Blizhnem Vostoke: istoki i proyavleniya. Centr izucheniya krizisnogo obshchestva [Crisis in the Middle East: origins and manifestations. Center for the Study of Crisis Society]. 2018. M., Nauchnyj ekspert, 71 (in Russian).
- Kupriyanov A. Opasnyj mif Vestfalya. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 25.04.2019. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyj-mif-vestfalya/?fbclid=IwAR0iPY8RWPVsSF80GzJjkbTaEeOFcg2arJ4eA6985BXwk_OIEnNX5pKNuDQ (accessed: 15 January 2022) (in Russian).
- Luk'yanov F.A. Igra v mirovoj poryadok. Rossiya v global'noj politike [Game in the world order. Russia in global politics]. 4.07.2007. Available at: http://globalaffairs.ru/redcol/n_8898 (accessed: 12 February 2022) (in Russian).
- Mirskij G.I. 2012. Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke. Aziya i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej [International Relations in the Middle East. Asia and Africa in modern world politics. Digest of articles]. Otv. Red. D.B. Malysheva, A.A. Rogozhin. M., IMEMO RAN: 77–95 (in Russian).
- Naumkin V.V. 2008. Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznyh let) [Islam and Muslims: culture and politics (articles, essays and reports of different years)]. M.-N. Novgorod, ID «Medina», 721 (in Russian).
- Naumkin V.V. Stanovlenie i krizis nacij-gosudarstv. Blizhnij Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: (Kollektivnaya monografiya) [Formation and crisis of nation-states. The Middle East in a Changing Global Context: (Collective monograph)]; otv. red. V.G. Baranovskij, V.V. Naumkin. M., IV RAN: 111 (in Russian).
- Naumkin V.V., Kuznecov V.A. 2021. Blizhnij Vostok v poiskah utrachennogo vozrozhdeniya. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», mart 2021 [The Middle East in search of a lost renaissance. Report of the Valdai International Discussion Club, March 2021]: 5–7 (in Russian).
- Nosenko T.V. 2011. Vneshnepoliticheskie interesy Sovetskogo Soyuza i vosstanovlenie otnoshenij s Izrailem (1985–1991) [Foreign policy interests of the Soviet Union and restoration of relations with Israel (1985–1991)]. Izrail', Rossiya i russkoyazychnoe evrejstvo v kontekste mezhdunarodnoj politiki. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike [Israel, Russia and Russian-speaking Jews in the context of international politics. Proceedings of the XVIII International Annual Conference on Jewish Studies]. T. III. M.: 31–47 (in Russian).
- Nosenko T.V., Semenchenko N.A. 2015. Naprasnaya vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skih otnoshenij 1948–1991 gg. [Useless hostility. Essays on Soviet-Israeli Relations 1948–1991.]. M., IV RAN, 260 (in Russian).
- Barnett M.N. 1998. Dialogues in Arab Politics. Negotiations in Regional Order. New York, Columbia University Press, 370.
- Blank S. 2018. The Foundations of Russian policy in the Middle East. Russia in the Middle East. T. Karasik and S. Blank (ed.). Washington, DC, The Jamestown Foundation: 30–31.
- Cammack P., Dunne M., Hamzawy A., Lynch M., Muasher M., Sayigh Y., Yahya M. 2017. Arab Fractures: Citizens, States, and Social Contracts. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department: 64.
- George H.W. Bush. State of the Union Address, January 29, 1991. Miller Center, University of Virginia. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/January-29-1991-state-union-address> (accessed: 27 February 2022).

- Harb I.K. 2019. Foreword: Conflict in the Arab World and the Way Forward. The Arab World Beyond Conflict. Washington, DC, Arab Center Washington, DC Inc.: 20.
- Hinnebusch R. 2003. The International Politics of the Middle East. Manchester, New York, Manchester University Press, 262.
- Lukacs Y. 1992. The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge, Cambridge University Press, 549.
- The Military balance 1989–1990. 1989. The International Institute for Strategic Studies. London, Brassey's, 255.
- The World Economy. 2006. Vol. 1–2. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 655.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Received 17.03.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гофман Артём Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Artyom V. Gofman, Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow, Department for the Study of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8918-1746](https://orcid.org/0000-0002-8918-1746)

УДК: 94(430)+94(73)087

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-595-604

Оригинальное исследование

1990 и 1994 годы – важнейшие вехи на пути к расширению НАТО на Восток

Родович Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125
E-mail: tgpu@tula.net

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать обстоятельства, при которых события 1990 и 1994 годов стали рубежными на пути к расширению Североатлантического блока на восток. В публикации показано, почему именно 1990 год стал отправной точкой на пути к продвижению Североатлантического альянса в сторону российских границ, а 1994 год открыл дорогу к реализации этого процесса. В связи с этим отмечаются роковая ошибка советского лидера М.С. Горбачева, допущенная при объединении Германии и упущенная им и президентом России Б.Н. Ельциным возможность при решении вопроса о выводе российских войск с территории Восточной Германии добиться приемлемых для страны условий и остановить продвижение НАТО в восточном направлении.

Ключевые слова: НАТО, США, Германия, Великобритания, Франция, Россия

Для цитирования: Родович Ю.В. 2022. 1990 и 1994 годы – важнейшие вехи на пути к расширению НАТО на Восток. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 595–604. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-595-604

1990 and 1994 as the Most Important Milestones on the Way to NATO's Expansion to the East

Yury V. Rodovich

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula 300026, Russia
E-mail: tgpu@tula.net

Abstract. The purpose of this article is to analyze the circumstances under which the events of 1990 and 1994 became milestones on the way to the expansion of the North Atlantic Bloc to the East. The publication shows why 1990 became the starting point on the way to advancing the North Atlantic towards the Russian borders, and 1994 opened the way to the implementation of this process. In this regard, the fatal mistake made by Soviet leader Mikhail Gorbachev during the unification of Germany and the opportunity missed by him and Russian President Boris Yeltsin when deciding on the withdrawal of Russian troops from the territory of East Germany to achieve acceptable conditions for the country and stop the advance of NATO in the eastern direction is noted. The urgency of the problem of NATO expansion to the East is connected with the approach of this aggressive western bloc to the borders of Russia. The author of this article tried to find out why exactly these years became milestones on the way of bringing the bloc's political and military infrastructures closer to the Russian borders.

Key words: NATO, USA, Germany, Great Britain, France, Russia

For citations: Rodovich Yu.V. 2022. 1990 and 1994 as the Most Important Milestones on the Way to NATO's Expansion to the East. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 595–604 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-595-604

Введение

Актуальность проблемы расширения НАТО на восток связана с приближением этого агрессивного западного блока к границам России. Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства обороны России 21 декабря 2021 г., президент РФ В.В. Путин заявил о крайней обеспокоенности руководства страной развёртыванием пусковых установок глобальной системы противоракетной обороны США, адаптированных к применению ударных систем «Томагавк» в Румынии и планами по размещению их в Польше. В случае дальнейшего продвижения этой инфраструктуры и появления ракетных комплексов США и НАТО на Украине их подлётное время до Москвы сократится до семи-десяти минут, а при размещении гиперзвукового оружия – до пяти. В.В. Путин подчеркнул, что для России это серьёзнейший вызов – «вызов нашей безопасности» [Расширенное заседание коллегии..., 2021]. А пресс-секретарь президента Д.С. Песков назвал расширение НАТО на Украину, в Грузию и Молдавию вопросом «жизни и смерти» для России [В Кремле назвали расширение НАТО..., 2021].

По теме расширения НАТО в восточном направлении написано немало работ. Российские и зарубежные ученые и публицисты рассмотрели различные аспекты стратегии расширения альянса, дискуссии относительно выработки политики в США и России по поводу расширения НАТО на восток, предпосылки, основные этапы расширения НАТО в сторону российских рубежей и отношение к этому руководителей РФ [Саймс, 1994; Глинский-Васильев, 2000; 2003; Иванов, 2017; Sarotte, 2014; Kramer, 2017], исследовали указанную проблему в контексте геополитической ситуации на пространстве бывшего СССР [Алиев, 2009], выявили сторонников и противников продвижения альянса к границам России [Жихарев, 1995], рассмотрели последствия этого процесса [Уткин, 1998; Братерский, 2019].

В процессе расширения Североатлантического союза на восток особое место занимают события 1990 и 1994 годов. Автор данной статьи попытался выяснить, почему именно эти годы стали рубежными на пути приближения политических и военных инфраструктур блока к российским границам.

Результаты и их обсуждение

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. СССР и страны Центрально-Восточной Европы переживали период глубокого системного кризиса. Политика «перестройки» в Советском Союзе терпела провал, наблюдался «парад суверенитетов». Страны ЦВЕ совершили антикоммунистические революции и стали все больше ориентироваться на Запад. Этой ситуацией не преминули воспользоваться США и их западноевропейские союзники. Возникла идея расширить зону влияния Североатлантического блока в восточном направлении. При этом Вашингтон ставил перед собой три задачи. Во-первых, исключение стран ЦВЕ из сферы российских интересов и обеспечение влияния США, во-вторых, установление здесь «санитарного кордона» в случае свертывания демократических преобразований в России, в-третьих, создание плацдарма для «сдерживания» этой страны в случае ее «агрессивного поведения».

Проблема расширения НАТО на восток во многом оказалась связана с вопросом об объединении Германии. К началу 1990 г. два германских государства входили в противостоящие друг другу блоки: ФРГ – в Североатлантический союз, а ГДР – в Организацию Варшавского Договора (ОВД). Посольство США в Бонне проинформировало Вашингтон о том, что глава МИД ФРГ Г.-Д. Геншер 31 января 1990 г. в Тутцинге заявил: изменения в Восточной Европе и процесс объединения Германии не должны приводить к «ущемлению интересов советской безопасности». Поэтому НАТО должно исключить «расширение своей территории на восток, то есть приближение ее к советским границам». В Боннской телеграмме также содержалось предложение Геншера оставить территорию Восточной Германии вне военных структур НАТО даже в объединенной Германии [Elb, p. 33–46]. В феврале того же года Г.-Д. Геншер в беседе с британским коллегой Д. Хердом сказал:

«У русских должны быть какие-то гарантии того, что, если, например, польское правительство в один прекрасный день выйдет из ОВД, оно на следующий день не вступит в НАТО» [Mr. Hurd to Sir C. Mallaby..., 1990]. Он считал, что объединение Германии может быть достигнуто только в общеевропейском контексте.

Лидеры США и стран Западной Европы стремились заверить тогдашнего руководителя СССР М.С. Горбачева в том, что продвижения структур НАТО на восток не будет. Госсекретарь США Дж. Бейкер 9 февраля 1990 г. заявил Генеральному секретарю ЦК КПСС: «Если бы мы сохраняли присутствие в Германии, которая является частью НАТО, не было бы расширения юрисдикции НАТО для сил НАТО ни на дюйм на восток» [Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and James Baker..., 1990]. Дж. Бейкер убеждал главу советского МИД Э.А. Шеварднадзе, что организация НАТО является в гораздо большей степени политической, чем военной, и заявил о необходимости «железных гарантий» того, что юрисдикция или силы НАТО не будут продвигаться на восток [Memorandum of conversation between James Baker and Eduard Shevardnadze..., 1990]. В таком же духе высказался и канцлер ФРГ Г. Коль в беседе с М.С. Горбачевым 10 февраля того же года [Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and Helmut Kohl..., 1990].

Генеральный секретарь ЦК КПСС в беседе с министром иностранных дел Великобритании Д. Хёрдом 11 апреля отметил, что «британцы признали важность ничего не делать для ущерба советских интересов и достоинств» [Sir R. Braithwaite..., 1990].

Президент Франции Ф. Миттеран 25 мая сообщил М.С. Горбачеву, что всегда советовал своим партнерам НАТО не перемещать военные формирования НАТО из Западной в Восточную Германию [Record of conversation between Mikhail Gorbachev and Francois Mitterrand, 1990].

В беседе с советским лидером в Вашингтоне 31 мая президент США Дж. Буш-ст. также заверил его об отсутствии намерения «навредить Советскому Союзу любым способом» [Record of conversation between Mikhail Gorbachev and George Bush..., 1990].

На этой встрече с Дж. Бушем М.С. Горбачев согласился на участии объединенной Германии в Североатлантическом блоке. Эта позиция была подтверждена им в ходе переговоров в Архизе с канцлером ФРГ Г. Коелем в июле 1990 г.

Роковой ошибкой М.С. Горбачева было то, что данные советской стороне обещания об отсутствии намерений продвижения НАТО на восток были устными и не были оформлены в виде какого-либо имеющего обязательную юридическую силу соглашения. М.С. Горбачев согласился и на завершение начатого в одностороннем порядке в 1989 г. вывода советских войск с территории Восточной Германии к концу 1994 г.

В Лондонской декларации, принятой на саммите НАТО 5–6 июля 1990 г., о дальнейшем расширении или прекращении экспансии НАТО не было сказано ни слова [Declaration on a transformed North Atlantic Alliance..., 1990].

Вместе с тем в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. было зафиксировано, что после завершения вывода советских войск с территории тогдашней ГДР и Берлина в данной части Германии могут размещаться формирования немецких вооруженных сил, но без носителей ядерного оружия. Иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться в данной части Германии и развертываться там [Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии..., 1990]. Таким образом, размещение войск НАТО и ядерных средств в Восточной Германии юридически исключалось.

Посол Великобритании в СССР (а затем и России) в 1988–1992 гг. Р. Брайтуайт вспоминал, что в марте 1991 г. британский премьер-министр Дж. Мэйджор, отвечая на вопрос министра обороны СССР Д.Т. Язова о возможном вступлении в альянс восточноевропейских государств, заверял его, что «ничего подобного не случится». Об этом же премьер-министр заявил и М.С. Горбачеву [Смотряев, 2017].

После самороспуска ОВД и распада СССР в 1991 г. соотношение сил на международной арене коренным образом изменилось. США стали считать себя победителями в «холодной войне».

Хотя в условиях ликвидации «советской угрозы» Западу необходимость существования НАТО отпала, тем не менее этот блок сохранился. А члены «Вышеградской группы» (Польша, Чехословакия и Венгрия) в 1991 г. договорились координировать усилия относительно вступления в НАТО. В то же время альянс начал создавать различные механизмы консультаций с бывшими странами Варшавского договора. Так, в 1991 г. был учрежден Совет североатлантического сотрудничества (ССАС). По словам близким к официальным властям США политологов Дж. Голдгейра М. Макфола, администрация Дж. Буша-ст. оставила вопрос о расширении НАТО нерешенным: в Вашингтоне еще шли дискуссии по этому поводу.

В конце лета – начале осени 1993 г. некоторые деятели администрации нового главы Белого дома Б. Клинтона, прежде всего, советник по национальной безопасности Э. Лэйк, предложили президенту провести в январе 1994 г. встречу НАТО на высшем уровне для выработки критериев и графика расширения альянса в Центральной Европе и, возможно, предложения варианта ассоциированного членства для ведущих претендентов [Голдгейр, Макфол, 2009, с. 227]).

Б. Клинтон, с одной стороны, считал необходимым поддержать проведение в России политических и экономических реформ. В то же время президент и его окружение были обеспокоены нестабильной ситуацией в России и дальнейшей судьбой российской демократии, так как на выборах 12 декабря 1993 г. в Государственную Думу России гайдаровская партия «Выбор России» получила всего 15 % голосов [Голдгейр, Макфол, 2009, с. 165]. После провала на выборах активные проводники реформ Е.Т. Гайдар и Б.Г. Федоров вышли из состава правительства. Покинули занимаемые должности и два самых видных западных советника российского правительства – А. Аслунд и Дж. Сакс. Последний предсказывал российским экономическим реформам очень мрачное будущее [Голдгейр, Макфол, 2009, с. 169].

В условиях, когда перспектива продолжения реформ в России для Вашингтона казалась неопределенной, Б. Клинтон считал необходимым решить вопрос о расширении НАТО. В январе 1994 г., после саммита НАТО в Брюсселе, в ходе визита в Прагу для встречи с лидерами Центральной Европы по настоянию Э. Лэйка Б. Клинтон отметил, что «вопрос уже больше не в том, примет ли НАТО новых членов, а в том, когда и как это произойдет». «Политика расширения» была подтверждена в июле 1994 г. в ходе визита Б. Клинтона в Варшаву [Голдгейр, Макфол, 2009, с. 230].

У. Бёрнс, посол США в Иордании в 1998–2001 гг., в своих мемуарах отмечал, что в вопросе о расширении НАТО посольство США призывало к осторожному и взвешенному подходу: прежде чем обсуждать возможность официального принятия в НАТО Польши и других стран Центральной Европы, рекомендовалось подумать о других формах сотрудничества с бывшими странами – членами ОВД, а также о новых договорных отношениях между НАТО и Россией [Бёрнс, 2020, с. 150].

Ответом американских военных ведомств на ситуацию, создавшуюся после заявления Б. Ельцина в августе 1993 г. в Варшаве о допустимости вступления Польши в НАТО и начала массовой публичной кампании Польско-американского конгресса совместно с З. Бжезинским и Г. Киссинджером за скорейшее расширение альянса, стала программа «Партнерство ради мира» (ПРМ) [Глинский-Васильев, 2003].

Согласование национальных интересов США и России посредством ССАС и ПРМ представлялось для Вашингтона крайне важным, как и расширение НАТО. США, с одной стороны, стремились защитить страны ЦВЕ от распространения на них сферы российских интересов, приближая военный альянс к границам России, а с другой стороны, не желали тогда изолировать и «потерять» ее в европейской системе безопасности из-за расширения

НАТО на восток [Иванов, 2017, с. 42]. ПРМ, как и СССАС, в какой-то степени должны были успокоить руководство РФ.

В январе 1994 г. было решено, что расширение Североатлантического блока пойдет путем дифференциации среди участников ПРМ (ведущую роль в разрешении этого вопроса сыграл бывший посол США в Германии Р. Холбрук). Так как решения фактически принимались в Вашингтоне в одностороннем порядке, это вызывало недовольство представителей ряда союзников, в частности представителя ФРГ в НАТО Г. фон Рихтхофена [Глинский-Васильев, 2003].

Дифференциация между участниками ПРМ и кандидатами в альянс завершилась в октябре 1994 г., когда американский Конгресс назвал Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию получателями целевой финансовой помощи для подготовки к вступлению в НАТО. Россия подписала документ о присоединении к ПРМ в июне 1994 г.

Первым из ведущих западных официальных лиц публично потребовал экспансии НАТО на восток министр обороны ФРГ Ф. Рюэ. В Бонне считали, что будет полезно параллельно с расширением ЕС интегрировать его новых членов и в военный союз, чтобы сделать их переход с одной стороны на другую более полным. С другой стороны, по мнению Рюэ, со стратегической точки зрения для Германии было выгодно изменить свое крайнее положение на востоке НАТО на более безопасное центральное, а роль потенциального фронтового государства навязать другим, например, Польше [Kronauer, 2019].

Расширение НАТО на восток было невозможным, пока мощная группировка российских войск оставалась на территории Восточной Германии. В Бонне решили форсировать перемещение этих войск в Россию. В марте 1994 г. министр обороны ФРГ Ф. Рюэ обусловил скорейший вывод российского контингента необходимостью дальнейшего политического развития Германии и стремлением проводить более независимый внешнеполитический курс [Presse- und Informationsamt der Bundesregierung... Bulletin. 1994, Nr. 28, S. 255].

По мнению вице-президента академии геополитических проблем, бывшего начальника главного управления международного военного сотрудничества Генштаба Вооруженных Сил РФ Л.Г. Ивашова, руководство России, когда ее войска покидали Германию, имело хорошие шансы добиться приемлемых для себя условий и остановить продвижение НАТО на восток [При выводе войск из Германии РФ могла остановить расширение НАТО, 2009].

Но лидерам ФРГ удалось добиться от российского президента Б.Н. Ельцина согласия на досрочный отвод Западной группы войск с территории Германии. Руководство РФ, как прежде и руководство СССР, даже не попыталось обусловить вывод военного контингента требованием не расширять структуры НАТО в сторону российских границ.

31 августа 1994 г. войска ЗГВ, 207 тыс. членов их семей, 115 тыс. единиц боевой техники, в том числе более 4 тыс. танков, 691 самолет, 638 вертолетов и 2,6 млн тонн материально-технических средств покинули немецкую землю [25 Jahre nach Abzug der Sowjettruppen].

Сразу после этого Запад развернул усилия по включению Центрально-Восточной Европы в Североатлантический блок. 1 декабря 1994 г. Совет НАТО в Брюсселе опубликовал коммюнике о начале переговорного процесса по расширению НАТО на восток. В документе, в частности, отмечалось, что расширение НАТО «дополнит расширение Европейского союза» [Communiqué NATO..., 1994].

Последовавшая серия протестов со стороны российского руководства и представителей общественности не смогли остановить процесс подготовки к расширению Североатлантического альянса на восток: Россия к этому времени уже не имела мощных рычагов для того, чтобы предотвратить или остановить неблагоприятное для себя развитие событий.

В марте 1999 г. Польша, Чехия и Венгрия были приняты в НАТО. За этим последовало еще четыре «волны» расширения блока. В его состав были включены не только страны Центрально-Восточной, но и Прибалтики. Число членов альянса достигло 30. В статье ежедневного американского консервативного интернет-издания *American Thinker* (2021 г.) была

дана оценка продвижению НАТО на восток с позиции России: «Эта экспансия может рассматриваться из Москвы только как стратегия окружения России и превращения её соседей во враждебные страны. Пока Россия была экономически и в военном отношении слаба, этот процесс шёл безостановочно» [Markovsky, Belman, 2021].

В связи с высказываниями некоторых политиков и военных о включении Украины, Грузии и Молдавии в Североатлантический блок и военным освоением Украины с учетом допущенных в начале 1990-х гг. ошибок, Россия направила США и руководству НАТО проекты документов по обеспечению правовых гарантий безопасности [Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки..., 2021; Соглашение о мерах обеспечения безопасности..., 2021], которые исключили бы дальнейшее расширение НАТО в восточном направлении и размещение в сопредельных с нами странах ударных наступательных систем вооружений.

На российско-американских переговорах и переговорах в рамках Совета Россия – НАТО и ОБСЕ относительно выдвинутых предложений представители России твердо отстаивают интересы безопасности страны.

Выводы

1990 год стал отправной точкой на пути к расширению Североатлантического блока на Восток, а 1994 год открыл дорогу к реализации этого процесса.

Для этого сложились определенные условия: при объединении Германии данные советской стороне обещания об отсутствии намерений продвижения НАТО на восток не были оформлены в виде какого-либо имеющего обязательную юридическую силу соглашения; наблюдались ослабление позиций России на международной арене после распада Организации Варшавского Договора и СССР, нестабильность в стране, пугающая Вашингтон ситуация после выборов в Государственную Думу России, в которой реформаторские силы потерпели поражение, что ставило под сомнение будущее российской демократии, в поддержку которой выступали лидеры США; острые проблемы в проведении экономических реформ.

В 1994 г. последовали заявления президента США Б. Клинтона о том, как и когда произойдет расширение НАТО. Для нейтрализации озабоченности России возможным продвижением альянса на восток ее включили в программу «Партнерство ради мира». Выступление германского министра обороны Ф. Рюэ за скорейший вывод российского контингента с территории Восточной Германии, поддержанное канцлером Г. Колем, привело к тому, что лидерам ФРГ удалось добиться от российского президента Б.Н. Ельцина согласия на досрочный вывод Западной группы войск из страны. Руководство РФ не попыталось обусловить вывод военного контингента требованием не расширять структуры НАТО в сторону российских границ. Возможность добиться приемлемых для России условий и остановить продвижение НАТО на восток была упущена.

Сразу после завершения вывода Россией своих войск с германской территории Запад предпринял усилия по включению Центрально-Восточной Европы в Североатлантический блок и, по сути дела, отказался от своих обязательств, тем самым совершив обман в отношении советских и российских партнеров.

Брюссельское коммюнике Совета НАТО 1 декабря 1994 г. возвестило о начале переговорного процесса по расширению НАТО на восток, что привело в дальнейшем к реальному приближению военных структур блока к границам России, создав в конечном итоге прямую угрозу ее безопасности и вынудив ее принимать адекватные меры.

Список литературы

- Алиев В.Р. 2009. Расширение НАТО на восток в контексте геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 5: 67–73.

- Бёрнс У. 2020. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия = William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. М., Альпина Паблишер, 780.
- Братерский А. 12.03.2019. «Унижение для России»: зачем расширяли НАТО. 20 лет первому расширению НАТО на Восток. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/03/12_a_12237643.shtml (дата обращения: 27.12. 2021).
- В Кремле назвали расширение НАТО вопросом жизни и смерти для России 26.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211226/nato-1765541099.html> URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67402> (дата обращения: 26.12. 2021).
- Глинский-Васильев Д.Ю. 2000. Проблема расширения НАТО во внутривосточном процессе в США и России (1990–1998 гг.): диссертация ... канд. Ист. наук: 07.00.03. М., 286.
- Глинский-Васильев Д.Ю. 28.02.2003. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности. URL: <http://viperson.ru/articles/rasshirenie-nato-na-vostok-kak-problema-rossiyskoj-i-evropeyskoj-bezopasnosti> (дата обращения: 27.12. 2021).
- Голдгейр Дж., Макфол М. 2009. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., Междунар. отношения. 520.
- Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. 17 декабря 2021 г. (проект). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/ (дата обращения: 27. 12. 2021).
- Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. 12 сентября 1990 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736368> (дата обращения: 27.12. 2021).
- Жихарев С. 8.08.1995. Запад о расширении НАТО. Россия останется партнером. Но изолированным. Коммерсант. № 142 (860).
- Иванов О.П. 2017. Американская официальная концепция по расширению НАТО на восток: к истокам вопроса. Современная Европа. 6: 34–46.
- При выводе войск из Германии РФ могла остановить расширение НАТО. 04.11. 2009. URL: <https://ria.ru/20091104/191872208.html> (дата обращения: 27.12. 2021).
- Расширенное заседание коллегии Минобороны. 21.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67402> (дата обращения: 26.12. 2021).
- Саймс Д. 1994. 1–8 мая. Каким будет партнерство, зависит от Москвы (Об отношении России к расширению НАТО). Московские новости: 12.
- Смотряев М. Расширение НАТО: обманул ли Запад Горбачева? 26.12.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42483896> (дата обращения: 27.12. 2021).
- Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора. 17 декабря 2021 г. (проект). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1790803/> (дата обращения: 27. 12. 2021).
- Уткин А.И. 1998. Осмысление геополитического сдвига. США & Канада: экономика, политика, идеология. 4: 15–32.
- Communiqué NATO M-NAC-2(94)116 (Final Communiqué). URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c941201a.htm> (accessed: 30. 12. 2021).
- Declaration on a transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council («The London Declaration»). London. 6 July 1990. URL: <https://web.archive.org/web/20090212164756/http://www.nato.int/docu/basicxt/b900706a.htm> (accessed: 27.12 2021).
- Elbe F. Spring 2010, The Diplomatic Path to Germany Unity. Bulletin of the German Historical Institute. 46: 33–46.
- Kramer M., Shiffrinson J.R. Itzkowitz A. 2017. NATO Enlargement–Was There a Promise? International Security. Vol. 42, iss. 1: 186–192.
- Kronauer J. 12.03.2019. Aggressiv gen Osten. Militärbündnis auf Expansionskurs: Vor 20 Jahren traten Polen, Tschechien und Ungarn der NATO bei. Junge Welt. URL: <https://www.jungewelt.de/loginFailed.php?ref=/artikel/350790.aggressiv-gen-osten.html> (accessed: 27.12. 2021).
- Mandelbaum M. 2016. Mission failure: America and the world in the post-Cold War era. New York, Oxford University Press, 504.

- Markovsky A., Belman T. Ukraine, NATO, and the Most Fateful Error of American Policy. 20.12. 2021. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2021/12/ukraine_nato_and_the_most_fateful_error_of_a_merican_policy.html (accessed: 28.12.2021).
- Memorandum of conversation between James Baker and Eduard Shevardnadze in Moscow. Feb 9, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and Helmut Kohl Feb 10, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and James Baker in Moscow. Feb 9, 1990 // NATO Expansion: What Gorbachev Heard /National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Mr. Hurd to Sir C. Mallaby (Bonn). Telegraphic N. 85: Secretary of State's Call on Herr Genscher: German Unification. Feb 6, 1990. NATO Expansion: What Gorbachev Heard /National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Presse- und Informationsamt der Bundesregierung Bulletin. 28. 28 März 1994. Bonn, 255.
- Record of conversation between Mikhail Gorbachev and George Bush. White House, Washington D.C. May 31, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Record of conversation between Mikhail Gorbachev and Francois Mitterrand (excerpts). May 25, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Sarotte M.E. 2014. A Broken Promise? What the West Really Told Moscow About NATO Expansion. Foreign Affairs. Vol. 93. 5: 90–97.
- Sir R. Braithwaite (Moscow). Telegraphic N. 667: «Secretary of State's Meeting with President Gorbachev». Apr 11, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- 25 Jahre nach Abzug der Sowjettruppen: Was ist seitdem schiefgelaufen? 15.09. 2019. URL: <https://de.rt.com/europa/92321-25-jahre-nach-abzug-sowjettruppen>. URL: <https://ria.ru/20091104/191872208.html> (accessed: 27.12. 2021).

References

- Aliyev V.R. 2009. Rasshireniye NATO na vostok v kontekste geopoliticheskoy situatsii na postsovetskom prostranstve [NATO expansion to the east in the context of the geopolitical situation in the post-Soviet space]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskiiye nauki [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science]. 5: 67–73.
- Bërns U. 2020. Nevidimaya sila. Kak rabotayet amerikanskaya diplomatiya [Invisible power. How American Diplomacy Works] = William J. Burns. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. M., Al'pina Pablsher. 780.
- Braterskiy A. 12.03.2019. «Unizheniye dlya Rossii»: zachem rasshiryali NATO. 20 let pervomu rasshireniyu NATO na Vostok [«Humiliation for Russia»: why NATO was expanded. 20 years of NATO's first expansion to the East]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/03/12_a_12237643.shtml (accessed: 27.12. 2021).
- V Kremle nazvali rasshireniye NATO voprosom zhizni i smerti dlya Rossii [The Kremlin called NATO expansion a matter of life and death for Russia] 26.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211226/nato-1765541099.html> URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67402> (data obrashcheniya: 26.12. 2021)
- Glinskiy-Vasil'yev D.Yu. 2000. Problema rasshireniya NATO vo vnutripoliticheskom protsesse v SSHA i Rossii (1990–1998 gg.) [The problem of NATO expansion in the internal political process in the USA and Russia (1990–1998)]: dissertatsiya ... kand. ist. nauk: 07.00.03. M., 286.

- Glinskiy-Vasil'yev D.Yu. 28.02.2003. Rasshireniye NATO na vostok kak problema rossiyskoy i yevropeyskoy bezopasnosti [NATO expansion to the east as a problem of Russian and European security]. URL: <http://viperson.ru/articles/rasshirenie-nato-na-vostok-kak-problema-rossiyskoy-i-evropeyskoy-bezopasnosti> (data obrashcheniya: 27.12. 2021).
- Goldgeyr Dzh., Makfol M. 2009. Tsel' i sredstva. Politika SSHA v otnoshenii Rossii posle «kholodnoy voyny» [Purpose and means. US policy toward Russia after the Cold War]. M.: Mezhdunar. otnosheniya. 520.
- Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Soyedinennymi Shtatami Ameriki o garantiyakh bezopasnosti. 17 dekabrya 2021 g. (proyekt) [Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Security Guarantees. December 17, 2021 (draft)]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/ (accessed: 27. 12. 2021).
- Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii. 12 sentyabrya 1990 g. [Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany. September 12, 1990]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736368> (data obrashcheniya: 27.12. 2021).
- Zhikharev S. 8.08.1995. Zapad o rasshirenii NATO.Rossiia ostanetsya partnerom. No izolirovannym [West on NATO expansion. Russia will remain a partner. But isolated]. Kommersant. № 142 (860).
- Ivanov O.P. 2017. Amerikanskaya ofitsial'naya kontseptsiya po rasshireniyu NATO na vostok: k istokam voprosa [The American official concept for NATO expansion to the east: to the origins of the issue]. Sovremennaya Yevropa [Modern Europe]. 6: 34–46.
- Pri vyvode voysk iz Germanii RF mogla ostanovit' rasshireniye NATO [With the withdrawal of troops from Germany, the Russian Federation could stop the expansion of NATO]. 04.11. 2009. URL:<https://ria.ru/20091104/191872208.html> (accessed: 27.12. 2021).
- Rasshirennoye zasedaniye kollegii Minoborony [Expanded meeting of the Collegium of the Ministry of Defense]. 21.12. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67402> (data obrashcheniya: 26.12. 2021).
- Sayms D. 1994. 1–8 maya. Kakim budet partnerstvo, zavisit ot Moskvyy (Ob otnoshenii Rossii k rasshireniyu NATO) [What kind of partnership will be depends on Moscow (On Russia's attitude towards NATO expansion)]. Moskovskiye novosti [Moscow news]: 12.
- Smotryayev M. Rasshireniye NATO: obmanul li Zapad Gorbacheva? [NATO expansion: did the West deceive Gorbachev?] 26.12. 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42483896> (accessed: 27.12. 2021).
- Soglasheniye o merakh obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv-chlenov Organizatsii Severoatlanticheskogo dogovora. 17 dekabrya 2021 g. (proyekt) [Agreement on Security Measures for the Russian Federation and the Member States of the North Atlantic Treaty Organization. December 17, 2021 (draft)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1790803/> (accessed: 27. 12. 2021).
- Utkin A.I. 1998. Osmysleniye geopoliticheskogo sdviga [Making sense of the geopolitical shift]. SSHA & Kanada: ekonomika, politika, ideologiya [USA & Canada: economics, politics, ideology]. 4: 15–32.
- Communiqué NATO M-NAC-2(94)116 (Final Communiqué). URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c941201a.htm> (accessed: 30. 12. 2021).
- Declaration on a transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council («The London Declaration»). London. 6 July 1990. URL: <https://web.archive.org/web/20090212164756/http://www.nato.int/docu/basicxt/b900706a.htm> (accessed: 27.12 2021).
- Elbe F. Spring 2010, The Diplomatic Path to Germany Unity.Bulletin of the German Historical Institute. 46: 33–46.
- Kramer M., Shifrinson J.R. Itzkowitz A. 2017. NATO Enlargement–Was There a Promise? International Security. Vol. 42, iss. 1: 186–192.
- Kronauer J. 12.03.2019. Aggressiv gen Osten. Militärbündnis auf Expansionskurs: Vor 20 Jahren traten Polen, Tschechien und Ungarn der NATO bei. Junge Welt. URL: <https://www.jungewelt.de/loginFailed.php?ref=/artikel/350790.aggressiv-gen-osten.html> (accessed: 27.12. 2021).
- Mandelbaum M. 2016. Mission failure: America and the world in the post-Cold War era. New York, Oxford University Press, 504.

- Markovsky A., Belman T. Ukraine, NATO, and the Most Fateful Error of American Policy. 20.12. 2021. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2021/12/ukraine_nato_and_the_most_fateful_error_of_a_merican_policy.html (accessed: 28.12.2021).
- Memorandum of conversation between James Baker and Eduard Shevardnadze in Moscow. Feb 9, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and Helmut Kohl Feb 10, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and James Baker in Moscow. Feb 9, 1990 // NATO Expansion: What Gorbachev Heard /National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Mr. Hurd to Sir C. Mallaby (Bonn). Telegraphic N. 85: Secretary of State's Call on Herr Genscher: German Unification. Feb 6, 1990. NATO Expansion: What Gorbachev Heard /National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Presse- und Informationsamt der Bundesregierung Bulletin. 28. 28 März 1994. Bonn, 255.
- Record of conversation between Mikhail Gorbachev and George Bush. White House, Washington D.C. May 31, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Record of conversation between Mikhail Gorbachev and Francois Mitterrand (excerpts). May 25, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- Sarotte M.E. 2014. A Broken Promise? What the West Really Told Moscow About NATO Expansion. Foreign Affairs. Vol. 93. 5: 90–97.
- Sir R. Braithwaite (Moscow). Telegraphic N. 667: «Secretary of State's Meeting with President Gorbachev». Apr 11, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 10.12.2021).
- 25 Jahre nach Abzug der Sowjettruppen: Was ist seitdem schiefgelaufen? 15.09. 2019. URL: <https://de.rt.com/europa/92321-25-jahre-nach-abzug-sowjettruppen>. URL: <https://ria.ru/20091104/191872208.html> (accessed: 27.12. 2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.02.2022

Received 16.02.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Родович Юрий Владиславович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Yury V. Rodovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Archeology of the Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4551-908X](https://orcid.org/0000-0002-4551-908X)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47)(470.56)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-605-618

Оригинальное исследование

Подвижность однодворческих родов Центрального Черноземья в XVII–XIX веках

Кудланов К.Б.

Курское отделение Российского общества историков-архивистов,
Россия, 305005, г. Курск, ул. Ленина, 57
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Аннотация. На примере отдельных служилых родов Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) автор выявляет уровень подвижности однодворческого сословия в XVII–XIX веках. Статья базируется на массе нарративных источников и крупной источниковой базе, включающей в себя 14 различных фондов Государственного архива Курской области и 3 – Российского государственного архива древних актов. В исследовании предпринято рассмотрение такого явления в среде однодворцев, как родство их однофамильцев. После анализа автор приходит к выводу, что такое явление реально существовало, особенно ярко у потомков родовитых детей боярских. Этот процесс географически подчинялся общей траектории заселения ЦЧ и включал в свой ареал как однодворцев, так и мелкопоместных дворян. Далее исследователь проложил по различным уездам маршруты распространения трёх служилых родов (Долженковых, Бояренцевых и Князевых). Все фамилии автор, по своей подвижности, подразделил на 3 группы: сверхподвижные в губернских масштабах, а в уездных – среднеподвижные и замкнутые. Последняя группа обязательно имела веские причины своей статичности (религиозный фактор, низкая рождаемость, менталитет и т. д.). Большая часть родов относилась к среднеподвижным. Фамилии с высокой подвижностью имели глубокое взаимовлияние с высоким естественным приростом. В итоге автор заключает, что благодаря особенностям однодворцев (правам, менталитету, незначительному имущественному положению и др.) это сословие по сравнению с другими являлось одним из самых подвижных в России.

Ключевые слова: служилые люди, однодворцы, род, фамилия, однофамильцы, уезд, Центральное Черноземье

Для цитирования: Кудланов К.Б. 2022. Подвижность однодворческих родов Центрального Черноземья в XVII–XIX веках. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 605–618. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-605-618

Mobility of the Smallholders Genuses in the Central Chernozem Region in XVII-th – XIX-th Centuries

Konstantin B. Kudlanov

Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists,
57 Lenin St., Kursk 305005, Russia
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Abstract. On the example of some military service clans of the Central Chernozem region (hereinafter – CC), the author reveals the level of mobility of one-courtyard people in the XVII-th – XIX-th centuries.

The article based on a lot of narrative sources as well as a large source base, which includes 14 different funds of State archive of the Kursk region and 3 – Russian State Archive of Ancient Acts. The article considers such a phenomenon in the environment of the smallholders as the relationship of their namesakes. After analysis, the researcher comes to the conclusion that such a phenomenon really existed, especially among the descendants of well-born boyar children. This process was geographically subordinate to the general trajectory of the settlement of the CC, and included in its area as one-courtyard people as small-scale nobles. Further, the author laid out routes for the distribution of 3 military service clans in various counties (Dolzhenkovs, Boyarentsevs and Knyazevs). The author, according to their mobility, divided all the surnames into 3 groups: super-mobile in the provincial scale, and in the county – moderately mobile and sedentary. The last group necessarily had good reasons for being static (religious factor, low birth rate, mentality, etc.). Most of the genus were classified as moderately mobile. Surnames with high mobility had a deep mutual influence with a high natural increase. The author concludes that, due to their peculiarities (rights, mentality, insignificant property status, etc.), in comparison with other estates the one-courtyard people were among the most mobile in Russia.

Key words: military service people, one-courtyard people, smallholders, clan, genus, family name, namesakes, county, Central Chernozem region

For citation: Kudlanov K.B. 2022. Mobility of the Smallholders Genuses in the Central Chernozem Region in XVII-th – XIX-th Centuries. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 605–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-605-618

Введение

Дореволюционный специалист по движению населения Н.Г. Серповский заявлял, что способность к колонизации и склонность к перемене своего местожительства является общей национальной чертой русского народа. По мнению указанного автора, эта особенность проходит красной нитью через всю нашу историю [Серповский, 1885, с. 37–39]. Примерно об этом же писал и великий русский историк С.М. Соловьёв: «Русская история есть история страны, которая колонизируется» [Соловьёв, 1913, с. 1335].

Объект и методы исследования

Настоящее исследование направлено на выявление уровня переселенческой активности однодворцев в XVII–XIX вв. и определения, насколько он соответствовал упомянутой национальной черте русского народа. Установить этот уровень лучше всего, на наш взгляд, возможно на примере отдельных служилых фамилий.

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении родства однофамильцев в среде служилых людей и их общей траектории движения в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретные служилые фамилии) в широкий исторический контекст.

Сравнительно-исторические и статистические методы мы использовали для выявления уровня подвижности тех или иных родов. Картографический метод исследования позволил сопоставить территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX в. в изучаемой нами местности. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности подвижности отдельных фамилий служилых людей.

Результаты и их обсуждение

Тема подвижности родов тесно связана с распространённой тенденцией среди потомков служилых людей – родством однофамильцев. Однодворцы, как и дворяне, в отличие от большинства крестьян имели стабильные фамилии, уходящие своими истоками к XVI–XVII векам [Зиборов, 2002, с. 478]. По свидетельству академика Б.Д. Грекова, устойчиво существовавшие родовитые боярские фамилии, в основном происходящие от гео-

графических названий, прослеживались еще раньше [Греков, 1952, с. 397]. Однако для большинства однодворцев ЦЧ эта стабильность фамилий приобрелась в XVII веке [Мезенцев, 2019, с. 307]. Благодаря этому обстоятельству и их родовой замкнутости они во время частых переселений не теряли своей фамилии, а также родственных связей в прежних местах выхода. Следовательно, многие однофамильцы однодворцев, проживающие по траектории движения русских с севера на юг при заселении земель в XVI–XVII вв. из Тульской в Орловскую, затем Курскую и потом в Харьковскую губ. – являются родственниками [Зиборов, 2002, с. 477].

В связи с этим специалист по четвертному землевладению Н.А. Благовещенский утверждает, что некоторые однодворцы, например, Мценского уезда имеют однофамильцев в южных уездах, т. е. Кромском, Ливенском и Елецком, а также в более южных губерниях Курской и Воронежской – и все они связаны близким или дальним кровным родством [Благовещенский, 1899, с. 231]. Ярким примером написанному может служить фамилия Зиборовых. Она очень распространена среди однодворцев ЦЧ (Ефремов, Орёл, Ливны, Елец, Курск, Обоянь, Белгород и т. д.) [Зиборов, 2002, с. 475], где её представители встречаются первозаимщиками и основателями одноимённых им Зиборовок [Зиборов, 2002, с. 477]. Ещё мы видим, что орловские, кромские, рыльские и, возможно, даже харьковские Шевелёвы являлись одним родом [Могильников, 2002, с. 46–47].

Подобную тенденцию только на примере уездов Центрального Черноземья определил Н.А. Благовещенский. Сопоставляя писцовые книги Неполоцкого стана Орловского у. он выявил, что половина обитавших там фамилий служилых людей (52 из 104) наблюдалась в ближайшем Фатежском уезде. В этом же источнике в других станах Орловского у. упомянутый автор смог найти буквально все фамилии фатежских однодворцев, причём они являлись не общеупотребительными.

Обратим внимание ещё на подобные факты. Недалеко от Мценска расположены две деревни Толмачёвки четвертного владения, где обитали однодворцы Толмачёвы. С тем же названием в 8 км от г. Курска расположено селение, жители которого к концу XIX в. были известны под общим названием Толмачёвских дворян (все Толмачёвы) [Благовещенский, 1899, с. 317]. Подобен и следующий пример. Так, в 1622 г. сын И.Г. Кузовлева имел жительство в Тульском у., в сельце Кузовлево [Шабаев, 2019, с. 333]. Оттуда впоследствии один из его потомков Е.Е. Кузовлев сошёл на жительство южнее в село Успенское (Кузовлево) Липецкой округи [Шабаев, 2019, с. 326]. Потомки последнего в конце XVIII в. вошли в состав Тамбовского дворянства. Следовательно, тульские однодворцы и тамбовские дворяне Кузовлевы являются одним родом [Шабаев, 2019, с. 329].

В рамках же одной губернии или уезда родство однодворцев с их дворянскими однофамильцами тем более возможно. Например, Шевелёвы из д. Орлянки и их однофамильцы-помещики в сельце Мармыж того же Рыльского уезда являлись недалёкими родственниками [Могильников, 2002, с. 46–47]. И действительно трудно найти в Курской губернии какую-либо дворянскую фамилию, которая не имела бы своих представителей в лице однодворцев, и притом зачастую целой деревни поголовно⁸. Однодворцы Курского у. в своих наказах в Уложенную Комиссию 1767–1768 гг. это явление объясняли так: «мы, нижайшие, имеем дворянское право, ибо некоторые дворяне, ныне находящиеся по Курскому уезду, нам, нижайшим, состоят одних фамилий, в ближних и дальних родствах» [Белявский, 1984, с. 167–182]. Не изменилось это мнение и позже. Так, земским статистикам курские однодворцы и в кон. XIX в. говорили, что их однофамильцы и родственники, не перестававшие служить, сохранили своё дворянское достоинство [Колупаев, 2020, с. 147–148].

Родство однофамильцев среди однодворцев в рамках уже одной губернии Н.А. Благовещенский доказал документально. Так, Павловы и Сидоровы, найденные им в одно-

⁸ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 45. Л. 23.

дворческой среде около Карпова, являлись близкими родственниками фатежским Павловым и Сидоровым [Благовещенский, 1899, с. 231]. Тем более это явление было несомненным в рамках одного уезда. Так, И. Голубок, основатель путивльского рода Голубковых, после 1646 г. бежал от своего помещика Путилова из с. Муратово Свяжского у. и до 1667 г. со всеми своими детьми записался на солдатскую службу в г. Путивле⁹. В конце XVIII в. в связи с перепланировкой города их выселяют в пригород, где они основывают три хутора (1-й, 2-й, 3-й хут. Голубковы)¹⁰, все жители которых были родственниками – потомками Ивашки Голубка.

Неоспоримым явлением было родство однофамильцев в рамках одного селения. Даже когда маститый харьковский историк-критик Г.Н. Шмелев подвергал сомнению вывод Н.А. Благовещенского о том, что в селениях, состоящих из однофамильцев, все жители произошли от одного заимщика, тогда он не стал отрицать их родство, предполагая в подобных селениях несколько заимщиков, которые могли быть близкими родственниками [Шмелев, 1901, с. 39]. Аналогичное явление встретили земские статистики в Шацком у., где в однодворческих селениях имелось по одной или две фамилии произошедших от одного-двух родичей дворян (татарских мурз) [Сборник ..., 1898, с. 37–38].

Знание о родстве однофамильцев из одного селения находило среди однодворцев и практическое применение. Информация о степенях этого родства от перводатчика представляла четвертным владельцам возможность вычислить законный размер своего земельного надела [Благовещенский, 1899, с. 363]. Такое явление в с. Репном Воронежского у. обнаружил выдающийся земской статистик Ф.А. Щербина. В упомянутом селе он выявил три земельные родовые общины, сохранившие старинное название служб – Смагинных, Оукочевых и Деревских. Каждая община состояла из однофамильцев, имеющих отдельных родоначальников, которые и были первыми собственниками той общинной земли: у одного из этих крестьян даже к концу XIX в. хранился старинный акт на землю и «родословное дерево» [Щербина, 1886, с. 475]. Подобное явление прослеживалось не только в Воронежской губернии. Курские земские статистики тоже во время переписи замечали, что у однодворцев почти в каждой деревне к 80-м гг. XIX в. сохранялись старинные документы, определяющие их происхождение и право на землю. Хранились они обыкновенно у старшего в роду, завёрнутые в чистую тряпку и положенные в большом сундуке [Колупаев, 2020, с. 146]. Очевидно, что, как и у воронежских однодворцев, знание своей родословной как минимум до этого перводатчика тоже было обязанностью старшего в роду. Недаром при каждом земельном споре у четвертных крестьян поднимался вопрос об их родословных.

Анализ привлеченных исторических источников показал, что среди однодворцев, в своём большинстве, однофамильцы были родственниками. Такое явление прослеживалось особенно у родовитых или редких фамилий, а также в рамках сел и уездов. Не мешало этой тенденции даже рассредоточение родственников в разных уездах и губерниях и даже в различных сословиях. Это умозаключение объяснялось общей траекторией движения служилых людей с севера на юг. Однако с подобной методологией к распространённым фамилиям служилых людей по прибору нужно относиться аккуратней. Ведь множество бывших беглых при верстании их в служилые люди брали себе фамилии, происходящие либо от имён основателя служилого рода (т. е. того, кого первого верстали), или места прихода [Важинский, 1974, с. 153].

Смена фамилий была тоже распространена среди предков однодворцев. Известно, что детям боярским украинских городов, редко приходилось верстаться по отчеству «выше деда», т.е. смотря на прадеда или более отдалённого предка. Это обстоятельство порождало частые передвижения и попытки смены социального статуса, в том числе пу-

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 6. Д. 65. Л. 770.

¹⁰ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 208. Л. 84.

тём смены неродовитой фамилии. Такие фамилии, напоминая о казацком, черкасском происхождении, сменялись чаще всего упоминанием имени деда, или местом прихода человека, или его личным прозвищем. Например, такими путями произошли некоторые елецкие фамилии Петров из д. Мягкой, Самойлов из Барановки, а также Дмитриевы, Васильевы, Трофимовы и т. д. Сюда же нужно отнести Богданова и Воропаева, произошедших от русских имён Богдана и Воропая [Благовещенский, 1899, с. 364]. У таких не очень родовитых фамилий детей боярских не все однофамильцы – родственники. Правда, в локальных рамках селения или даже одного уезда их родство вполне допустимо.

Базируясь на написанном выше, далее рассмотрим вопрос подвижности отдельных однодворческих родов. На эту тему в рамках одного Фатежского уезда Курской губернии важное исследование проделал Н.А. Благовещенский. Этот исследователь установил там высокую дифференциацию подвижности, т. е. одни фамилии были совсем неподвижные (располагаясь в 1 или 2 селениях), а другие – сверхподвижные (от 3 вплоть до 23). Статистически итоги этого исследования выглядят так. Одна треть, т. е. 33,6 % или 139 всех однодворческих фамилий уезда, обнаружены только в 1 населённом пункте, а 92 – в двух селениях в уезде. Следовательно, общее количество неподвижных родов в Фатежском у., по подсчётам упомянутого автора, составляло более половины, а именно 55,6 % или 231 фамилия [Благовещенский, 1899, с. 158]. Важно отметить и то, что эти роды были неподвижны только в уездных географических рамках, в других же уездах губернии и по Центральному Черноземью положение могло быть иным. Следовательно, для установления уровня их подвижности в губернских масштабах нужно проводить отдельное исследование. Статистически фамилий, размещённых в более чем 3 селениях, насчитывалось 44,4 %, т. е. менее половины. Весьма значительного распространения в Фатежском у. достигли Волобуевы, которые встречаются в 16 селениях, Дьяконовы – в 20, а Чаплыгины – совсем в 23 [Благовещенский, 1899, с. 158].

Отметим и то, что численность представителей одного рода не всегда соответствует его географическому распределению. Например, 112 дворов Зубковых разместились в 12 селениях, напротив, 77 дв. Золотухиных – в 11, а 100 дв. Умеренковых – только в 3 смежных деревнях [Благовещенский, 1899, с. 158–159]. Таким образом, подвижность родов напрямую вытекала из переселенческого менталитета однодворцев. В целом у них были распространены 2 противоположные тенденции: консервативность (однодворческая лень) и особая склонность к переселениям. Московское правительство в свою бытность призывало низшее служилое сословие «с службы на службу», не давая им засиживаться на одном месте [Благовещенский, 1899, с. 159]. Например, черниговских детей боярских с 1613 по 1647 г. в основном по политическим причинам переселяли как минимум 5 раз [Сухотин, 1915, с. 200]. У одних от этого выработался этот оседлый закостенелый менталитет, являвшийся следствием насыщенности в движении и внутренним противодействием принудительности. Других же это непрестанное движение устраивало и вырабатывало внутреннюю привычку. Однако в целом, по замечанию исследователя подвижности однодворцев М.А. Германова, представители изучаемого им сословия были очень склонны к переселениям [Германов, 1857, с. 224].

Служилые люди привыкли жить в постоянном движении и опасности, покидая жилища, ища убежища в лесах и укреплённых городах, значительную часть времени посвящая на разъезды вдаль от домов и семейств [Колесников, 2000, с. 43]. Это постоянное движение избаловало их так, что как только у них появлялся какой-либо незначительный повод, то многие однодворцы уходили в новые необжитые места. Для такого населения требовалось время, чтобы изменить менталитет и осесть на одном месте. По свидетельству Н.А. Благовещенского, в Курском крае ещё в пер. чет. XVIII в. почти весь прирост уходил из старой деревни в ближние и далёкие места, а иногда и «безвестно» куда [Благовещенский, 1899, с. 96]. Кстати, об этой же черте, только как об особенностях русского человека писал С.М. Соловьёв [Соловьёв, 1913, с. 1336].

Специалист по движению населения, профессор ОГПУ, д-р ист. наук М.К. Чуркин всех переселенцев классифицировал по внутренней предрасположенности и по успешности их предприятия на три вида [Чуркин, 2007, с. 341]. Подобную классификацию можно применить и на примере родов: высокоактивных в общегубернских масштабах, а в уездных – среднеактивных и малоактивных (замкнутых).

Теперь по отдельности рассмотрим эти группы, а начнём со сверхподвижной, к которой мы отнесём род Долженковых. В источниках первой пол. XVII в. эта фамилия в рукописи пишется «Должонок» и только позже закрепилось окончательно «Должонков»¹¹. На наш взгляд, в Курском крае очагом расселения представителей этого рода по окрестным и отдалённым селениям являлось с. Большое Долженково. Как и среди всех однодворческих родов, все Долженковы из упомянутого селения имели одного первопретка. Предположительно, что одним из первых выселков явилась д. Малая Долженкова¹². Курский очаг расселения настолько окреп к 1650 г., что смог безболезненно выслать 8 членов своего рода в Обоянский у.¹³, ставших там первозаимщиками в селениях Долженково, Кривицкое¹⁴, Любостань и Любач того же уезда¹⁵. Точно известно, что из обоянских мест Долженковы попали в с. Кривицкие Буды Суджанского уезда¹⁶. Скорее всего, из последнего представители этого рода выселились в нач. XX в. в селения Кривицкие Буды и Долженково Томской губернии [Алфавит ...]. Возможно, обоянская ветвь Долженковых распространилась в д. Купину Корочанского у., где мы их встречаем в 1886 году¹⁷.

Из с. Большое Долженково происходило расселение членов этого рода как минимум по 4 селениям Суджанского уезда. Так, в 1666 г. двое Долженковых выселились в с. Саморядовку, а в 1667 г. один – в с. Скородное¹⁸. Возможно, потомки этих выселенцев впоследствии распространились в д. Косторную, где мы их встречаем в конце XVIII века¹⁹. В 1805 г. одно семейство этого рода выселилось в с. Белый Колодезь Суджанского уезда²⁰.

Из с. Большое Долженково в феврале 1782 г. подканцелярист Т. Долженков прибыл на жительство в г. Фатеж для службы в Фатежском уездном суде²¹. А в 1811 г. 2 двора Долженковых этой ветви в количестве 5 душ переехали в Херсонскую губернию²². К 1794 г. имелись Долженковы и в близлежащей д. Михайловке²³, а к сер. XIX в. – в окрестных селениях Тутово, Ванина, Хардиково²⁴ и Гнездилово²⁵ Курского уезда. Вероятнее всего, сюда представители этого рода попали до 1718 г. из своего главного очага расселения.

Точно известно, что из Малого Долженкова вышли мещане Долженковы г. Осса одноимённого уезда Пермской губ., которые в 1888 г. поддерживали связь со своей малой Родиной²⁶. Очень вероятно, что из д. Малой Долженковой представители этого рода попали в с. Любимовку, где мы их заметили в конце XVIII века. Учитывая, что к тому времени эта ветвь уже смогла выслать своих представителей в д. Даманино Курского у. и

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 228. Л. 53.

¹² ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 531. Л. 48.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 258. Л. 35–73.

¹⁴ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1283. Л. 4.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 101. Л. 15; Д. 646. Л. 5.

¹⁶ ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2344. Л. 6.

¹⁷ ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1356. Л. 11.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 661. Л. 63, 12.

¹⁹ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1368. Л. 3; Д. 2815. Л. 7.

²⁰ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 305. Л. 434–435.

²¹ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 327. Л. 2.

²² ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 305. Л. 440.

²³ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 2850. Л. 2; Д. 2300. Л. 7.

²⁴ ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 79. Л. 1186; Д. 77. Л. 65; Д. 531. Л. 132; Д. 531. Л. 135.

²⁵ ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2491. Л. 7.

²⁶ ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2235. Л. 4.

с. Тарасово Суджанского у., можно заключить, что проживали они там издавна. Кстати, из Любимовки в 1788 г. был дворянин-прапорщик И.П. Долженков²⁷.

Таким образом, мы видим, что представители этого рода также переходили и в другие сословия. Пример, представленный выше, не единичный. Курского помещика из д. Большой Долженковой прапорщика И.П. Долженкова мы встречаем в 1790 году²⁸. Своё дворянское происхождение в августе 1795 г. доказал и В.И. Долженков из д. Луновой. Кстати, последняя ветвь владела землёй в хут. Лебедеве Суджанской округи в конце XVIII века²⁹. Помимо этого, в том же уезде встречается в 1901 г. помещица из с. Сула М.К. Долженкова³⁰. В качестве канцелярских служащих во Льгове мы встречаем в 1829 г. сына прапорщика К.С. Долженкова, а также в г. Курске – дворянина И.В. Долженкова³¹. Кстати, в последнем месте обитания в 1795 г. мы обнаружили купца А. Долженкова³².

Итак, в беглом исследовании подвижности рода Долженковых мы обнаружили представителей этой фамилии как минимум в 4-х губерниях (Курской, Херсонской, Пермской и Томской). Только в Курской губ. мы встречаем Долженковых в 6 различных уездах: в 9 селениях Курского у. однодворцев и ещё в 2 – помещиков; в 6 селениях Суджанского у. однодворцев и ещё в 2 – помещиков; однодворцев в 2 селениях Обоянского у. и в 1 – Корочанского у., а также дворян в качестве канцелярских служащих в городах: Фатеже, Льгове и Курске. Очагами расселения этого рода являлись Большое и Малое Долженковы, вместе с Любимовкой Курского у., а также селения Обоянского и Суджанского уезда. Траектория движения этого рода простиралась сначала по окрестным селениям Курского у., затем в принудительном порядке – на юг в Обоянский у. и в добровольном – на запад в Суджанский уезд. Затем уже малоземельные представители этого рода начали заполнять пустые лакуны в этих уездах и расселяться вне губернии. В целом нужно отметить, что род Долженковых в губернских масштабах был очень плодовитым и подвижным.

Теперь перейдём к следующей группе среднеподвижных родов. Такой же подвижный, но в рамках одного Рыльского уезда, более элитарный и менее плодовитый был род Бояринцевых. Известно, что в 1779–1793 гг. в д. Жговить располагалось владение помещицы А.Г. Бояринцовой³³, пустоши Садыковская – корнета Ф.И. Бояринцева³⁴, сл. Новая Чупахина – заседателя Рыльского нижнего земского суда И.Я. Бояринцова³⁵. Мы видим в 1821–1839 гг. Бояринцевых в качестве помещиков в с-це Бояринцево³⁶, д. Зварыгино³⁷, а также помещика М. Бояринцева – сл. Кулемзина и с. Ломакино³⁸, помещицу Е.Т. Бояринцеву – в с. Поповка, а также помещиков штабс-капитана Ф.И. Бояринцова, поручика С.И. Бояринцова и штабс-капитана И.И. Бояринцова – в с-це Жговить³⁹.

В сер. XIX в. в Рыльском уезде в с-це Константиновке (Щекина) имелись владения служащего канцелярии И.Н. Бояринцева; в пустоши Кобылинская (Самойловская), с-це Переступлино и д. Янькова (Горбунова), д. Горелуховой – поручика Е.Ф. Бояринцева; в пустошах Заварыкина и Кулига, а также с-це Ходейково – титулярного советника В.С. Бояринцева; а в д. Брысина Дмитриевском у. – дворян В.Ф. Бояринцевой и вышеупомянутого Е.Ф. Бояринцева. В 1874 г. с. Коренское (Семице Княжье, Орлово) были владе-

²⁷ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1518. Л. 3; Д. 2473. Л. 9; Д. 2391. Л. 5; Д. 1184. Л. 2.

²⁸ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1491. Л. 6.

²⁹ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 2408. Л. 4; Д. 726. Л. 7.

³⁰ ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 161. Л. 45.

³¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1825. Л. 8; Д. 2145. Л. 5.

³² ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 2267. Л. 3.

³³ ГАКО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 8. Л. 52–53.

³⁴ ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 7430. Л. 7.

³⁵ ГАКО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.

³⁶ ГАКО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

³⁷ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 50. Л. 240.

³⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1010. Л. 4.

³⁹ ГАКО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 843. Л. 3; Д. 1077. Л. 5; Д. 1080. Л. 4; Д. 1079. Л. 7; Д. 1078. Л. 8.

ния дворянки Д.И. Бояринцевой, а в 1881 г. Голодневский луг являлся владением поручика В.И. Бояринцева⁴⁰. Таким образом, мы видим, что много детей боярских Бояренцевых перешло в состав шляхты при Петре I, а другая часть благоприятно воспользовалась последующей нобилитацией однодворцев. Мы видим, что земельные владения перешедших в дворяне постоянно увеличивались от пустошей до дач в крупных селениях, плавно разрастаясь по всему уезду.

На наш взгляд, в Рыльском у. имелось два основных очага расселения однодворческого рода Бояренцевых. Больше всего их представителей проживало в д. Нижняя Воегоща. Видимо, из этого основного очага расселения вышли все вышеперечисленные Бояренцевы, перешедшие в дворяне. Предположительно отсюда же они распространились в г. Рыльск⁴¹, где мы их встречаем в 1782 г. на ул. Ильинской. Возможно, из Нижней Воегощи Бояренцевы распространились и в с. Гнеушево (Плоское) и с-цо Бояренцево Рыльского уезда. Видимо, из тех мест они расселились в д. Городище и с-це Шустовку, где Бояренцевы точно проживали уже в сер. XIX века. К этому же времени у однодворца С.Д. Бояринцева имелась земля в пустоши Подволодино Поле (Голупинское)⁴².

Вторым очагом расселения рода Бояренцевых являлось с. Турка (Знаменское), где они точно проживали уже в нач. XVIII века. Их близкое родство с Бояренцевыми из д. Яньково болото⁴³ Рыльского у. в этот же период свидетельствует о недавнем выселении последних из с. Турка (Знаменское). Кстати, в то время, когда в последнем уже жили Бояренцевы, туда подселился один из представителей этого рода из д. Ястребщины Глуховского уезда⁴⁴. Известно точно, что к 1762 г. из с. Турка (Знаменское) Бояренцевы распространились в д. Переступино⁴⁵ и д. Малаховку⁴⁶ Рыльского уезда. В кон. XVIII в. они уже выселили часть своих представителей в д. Старая-Сафронова Рыльского у. и д. Брысино⁴⁷ Дмитриевского уезда. В целом же относительно всех Бояренцевых отметим, что мы видим представителей этого подвижного рода как минимум в 3 различных уездах (Рыльский, Дмитриевский и Глуховский) с абсолютным доминированием первого. Имения помещиков Бояренцевых располагались в 19 населённых пунктах, а однодворцы той же фамилии проживали в 13 селениях и в одном другом, у них ещё имелась земля.

Черета принудительных переселений, перспектива наследственной пожизненной службы, наличие множества необработанной земли и другие факторы выработали у однодворцев противоположность особой подвижности – оседлый менталитет. Он являлся следствием насыщенности и внутренним противодействием принудительности. По мнению Н.А. Благовещенского, счастье, состоявшее в неподвижности, – черта чисто однодворческая. Её можно назвать «однодворческая лень» или «однодворческой традиционностью», т. е. им ничего не нужно – сидят они в своей деревне, как сидели их отцы и деды, не нужна им даже наследница в соседнем селе, куда бы можно было «пристать в зятя». Такая неподвижность вскармливалась на многоземелье и на полном отсутствии стремления к чему бы то ни было новому.

Казалось бы, можно связать неподвижность родов с низкими демографическими показателями, т. е. посылать в другие селения некоего и многоземелье у курских однодворцев к сер. XIX уже было следствием малой плодовитости. Однако многие фамилии при всей своей неподвижности разродились до значительных пределов. При составлении владен-

⁴⁰ ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6432. Л. 1; Д. 6384. Л. 3; Д. 7851. Л. 5; Д. 6986. Л. 2; Д. 6072. Л. 11; Д. 6246. Л. 2; Д. 6586. Л. 4; Д. 7695. Л. 2; Д. 158. Л. 4; Д. 6448. Л. 7; 6066. Л. 2.

⁴¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2853. Л. 156, 169, 156.

⁴² ГАКО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 7186. Л. 9; Д. 6043. Л. 10; Д. 6100. Л. 3; Д. 7760. Л. 7; Д. 7007. Л. 3.

⁴³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2844. Л. 2 об – 3.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2844. Л. 770.

⁴⁵ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 50. Л. 240; Д. 174. Л. 634–648; Ф. 39. Оп. 1. Д. 724. Л. 246.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 642. Л. 185 об – 186.

⁴⁷ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 50. Л. 240; Ф. 39. Оп. 1. Д. 756. Л. 75.

ных записей род Комординых состоял из 20 дв. в одном селении, роды Голодниковых, Хлыниных, Шепелевых – из 21 дв., Непочатых – из 23 дв., Баниных – из 25 дв., Потаповых – 27 дв., а Рязанцевых – даже 47 дворов. Господин Благовещенский тут же удивляется: «и как это расплодиться на 47 дворов и всем жить на одном и том же месте!». Другим примером является 100 дв. Умеренковых, проживавших в 3 смежных деревнях [Благовещенский, 1899, с. 158–159]. Таким образом, неподвижность родов является их внутренним качеством, а не каким-то внешним условием.

Родовая замкнутость однодворцев вытекала из их обычаев в земельной собственности, которые исключали вторжение неродственных элементов в однодворческую среду. От этого вся жизнь потомков служилых людей, по словам Н.А. Благовещенского, имела «кровную родовую исключительность». Правда, тот же автор на основе изучения приложений к владенным записям нечасто встречал в Фатежском у. селения, состоящие целиком только из одной фамилии [Благовещенский, 1899, с. 161].

Важным будет отметить и то, что, помимо внутреннего качества, одной из причин неподвижности рода являлось их малая плодовитость. Такие не «семьянистые» роды имели мало мест выхода, потому что им некого было высылать. Примером этому может служить туго плодящийся род Ворониных из с. Никольское под Княжими, который выслал своего заимщика только в д. Позднякову [Благовещенский, 1899, с. 184–185]. Нередко уделом таких родов было прекращение мужской линии рода и поэтевщина.

Другой причиной замкнутости рода являлся религиозный фактор, а примером этому являются представители следующей фамилии. Известно, что в 1625–1626 гг., воротника Т. Князева, родоначальника северских Князевых, испоместили в д. Груня Львовского уезда⁴⁸. В конце XVII в. его потомков переместили ближе к Рыльску, где они стали первозаимщиками новообразованной д. Пушкарной Рыльского уезда⁴⁹. В 1780 г. один из представителей этого рода владел землёй в д. Секерина, однако нам точно неизвестно, проживал ли он там⁵⁰. Из д. Пушкарной после 1782 г. часть Князевых выселилась в близлежащую старообрядческую д. Жадино⁵¹. Между 1811 и 1834 гг. одна семья этой фамилии из д. Пушкарной выселилась в Херсонскую губернию⁵². В 1814 г. мы встречаем отставного солдата Ф. Князева, жившего в с. Березники Рыльского уезда⁵³. Есть предположение, что одного из Князевых, проживавших в д. Груни, испоместили в Путивле, откуда его потомков в кон. XVIII в. после перепланировки города [Кудланов, 2022, с. 11] свели в принадлежащий к пригородной слободе хутор Князево, который в 1862 г. был преобразован в село [Орлов, 2011, с. 145].

В 1796 г. мы встречаем крестьянина из вотчины графа Н.П. Шереметьева в Московском наместничестве А.С. Князева⁵⁴, в 1861 г. – помещицу Е.А. Князеву из д. Титова Щигровского у.⁵⁵, а в 1906 г. – крестьянина А.Н. Князева в с. Красный Клин Дмитриевского уезда⁵⁶. Однако в связи со старообрядческим вероисповеданием Князевых из д. Пушкарной Рыльского у. мы вопрос об их родстве оставляем открытым.

Таким образом, мы точно встречаем родственных Князевых в 8 населённых пунктах, в их числе из д. Груни и г. Путивля, возможно, они выселились окончательно. Следовательно, география их расселения точно распространилась в Львовском, Рыльском и Путивльском у. Курской губ., а также 1 населённом пункте Херсонской губернии. Требуется

⁴⁸ ГАКО. Ф. 1555. Оп.1. Д. 155. Л. 16.

⁴⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9284. Л. 812.

⁵⁰ ГАКО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁵¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 184. Л. 830.

⁵² ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 324. Л. 634.

⁵³ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 624. Л. 1.

⁵⁴ ГАКО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 2392. Л. 5.

⁵⁵ ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 148. Л. 4.

⁵⁶ ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 706. Л. 24.

дальнейшего уточнения родство с Князевыми из Дмитриевского и Тимского уездов Курской губ. вместе с 1 селением из Московской губернии. Таким образом, род Князевых нельзя считать особо подвижным, несмотря на его многочисленность, видимо, по причине его старообрядческого вероисповедания и однодворческой традиционностью.

Резюмируя подвижность рассмотренных фамилий, отметим, что чем родовитее были служилые люди и их фамилия была оригинальнее, тем большая была вероятность встретить среди них родственников. Однако в подобных исследованиях необходим критический подход. В целом из представленного выше видно, что география подвижности однодворческих родов зависела от взаимовлияния внешних и внутренних факторов движения населения. К внешним относились: различное время заселения, неоднородный состав служилых людей, различные этносы формирующее это сословие, экономические факторы разных местностей, благополучие, наделённость землёй, плодовитость однодворческой линии и др. К внутренним: воспитание, различный духовный уровень, вероисповедание и другие.

Заключение

Подводя итог данной статьи, отметим следующее. Такое явление, как родство значительной части однофамильцев, у однодворцев реально существовало, особенно ярко оно проявлялось у потомков родовитых детей боярских. Для последних это родство было свойственно в рамках всего ЦЧ, включая в свой ареал как однодворцев, так и мелкопоместных дворян. Однако с подобной методологией к распространённым фамилиям служилых людей по прибору нужно относиться значительно критичнее. Правда, в локальных рамках селения или даже одного уезда их родство вполне допустимо. В более широких географических рамках родство однофамильцев служилых по прибору требует более точного изучения. В целом же на примере уже изученных родов видно, что география размещения однофамильцев подчинялась закономерностям траектории движения служилых людей при заселении и расселении в ЦЧ.

Подвижность каждого рода была разной. Основная часть родов являлась среднеподвижными. Малоподвижные роды обязательно имели веские причины своей статичности (религиозный фактор, низкая рождаемость, менталитет и т. д.). Фамилии с высокой подвижностью имели глубокое взаимовлияние с высоким естественным приростом. И если относительно влияния высокой плодовитости, высылающей свои излишки в поисках новых земель, всё ясно, то нужно пояснить относительно обратного влияния. Об этом вопросе Н.А. Благовещенский заметил, что на новых местах однодворческие роды часто плодились быстрее, чем на старых. В пример этот автор привёл д. Малую Анненкову Фатежского уезда [Благовещенский, 1899, с. 211]. Кстати, ещё правительством древней Византии было замечено, что при переселении на новое место жительства население испытывало усиленные демографические темпы прироста на протяжении 2–3 поколений, а иногда и больше [Архим. Тихон ...]. Таким образом, у подвижных родов из-за их эмоциональной напряжённости появлялось больше поводов для усиленного естественного прироста, позволявших доминировать в численности над неподвижными родами. Совокупность этой особенности с общей траекторией заселения и расселения служилых людей в ЦЧ имело взаимовлияние с численностью разных ветвей однофамильцев. Причём по лавинообразному методу, т. е. в основном южные ветви одного рода были плодовитее северных. Во-первых, по указанной выше причине, а во-вторых, из-за оскудения северных очагов расселения. Последнее, кстати, и являлось фактором, влияющим на всю географию расположения однодворцев в ЦЧ.

В связи с этим географическая подвижность родов – вещь относительная, и по каждому роду её нужно изучать отдельно. В одном уезде род мог быть сверхподвижным, а в другом – нет, и наоборот. Высокоподвижными родами являлись те, которые распростра-

нились до губернских масштабов, т. е. подвижны во многих уездах, пусть даже и в средних объёмах. Так, если высокая распространённость касается только одного уезда, например, Бояренцевых в Рыльском у., то эти роды относятся к среднеподвижным из-за своих ограниченных географических рамок.

В целом нужно отметить, что география переселений однодворческих родов зависела от взаимовлияния внешних и внутренних факторов движения населения. К внешним относились: разное время заселения, неоднородный состав служилых людей, многообразные этносы, формирующее это сословие, экономические факторы разных местностей, благополучие, наделённость землёй, плодovitость однодворческой линии и др. К внутренним: воспитание, неодинаковый духовный уровень, вероисповедание и другие. Подвижность потомков служилых людей благодаря их особенностям (правам, менталитету, незначительному имущественному положению и др.) была колоссальной. По сравнению же с другими сословиями однодворцы являлись одними из самых подвижных в России.

Список литературы

- Алфавит переселенцев в Томскую губернию на букву «Д» (период 1890–1924 гг.). URL: <https://gen-tomica.jimdofree.com/%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%84%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%84%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B8-%D0%B4/> (дата обращения: 11 июля 2022).
- Архим. Тихон (Шевкунов). 2008. Гибель империи: Византийский урок. Мастерская. Мин.: 42:26–42:50. URL: <https://yandex.ru//video/touch/search?filmlid=10536095628613396397&text=%> (дата обращения: 19 октября 2020).
- Белявский М.Т. 1984. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М., Изд-во Московского университета, 268.
- Благовещенский Н.А. 1899. Четвертное право. М., Тип-я Тов. Кушнерев и Ко, 538.
- Быканов А.Н. 2001. Воспроизводство сельского населения Курской губернии в конце XVIII – начале XX веков. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 249.
- Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк облтипография, 1974. 237 с.
- Германов М.А. 1857. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии. Записки императорского русского географического общества. кн. XII. СПб., Тип. Имп. Акад. Наук: 183–327.
- Греков Б.Д. 1952. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века. Кн. 1. Изд. 2-е, исп. и доп. М., Из-во Академии наук СССР, 532.
- Животов Н.Н. 1892. Детство отца Иоанна Ильича Сергиева, Кронштадского, протоиерей Андреевского собора. М., Тип. И.Д. Сытина и Ко, 18.
- Зиборов В.А. 2002. Из родословной русского однодворца. В кн.: Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвящённый 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева / Отв. Ред. А.П. Павлов. СПб., Дмитрий Буланин: 474–483.
- Колесников В.А. 2000. Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб., ВИНИГ им. Б.Е. Веденеева, 319.
- Колупаев А.А. 2020. Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Курск, 10 (3): 138–152.
- Кудланов К.Б. 2022. Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII–XIX в. В кн.: Региональные историко-культурные исследования. Сборник статей. Т. 2. Курск, Инвестсфера: 9–16.
- Кудланов К.Б. 2020. Шкала родовой наследственности в Православии (историко-теологическое исследование). Курск, ИП Бабкина Г.П., 205.

- Мезенцев С.Д. 2019. Культурное наследие однодворцев Курской губернии. В кн.: Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 29 марта 2019 г.: в 2 ч. / Под ред. С.В Соловьевой. Самара, Самар. гос. ин-т культуры, I: 307–311.
- Миклашевский И.Н. 1894. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., Тип-я Д.И. Иноземцева, 310.
- Могильников В. 2002. Рыльские однодворцы Швелёвы. В кн.: Генеалогический вестник. Отв. ред. В.Н. Рыхляков. Выпуск 8. СПб., Издательство ВИРД: 45–49.
- Орлов В.Н. 2011. Ойконимы Курщины и прилегающих земель (1719–1999). Издание 4-е, исправленное и дополненное. М., 392.
- Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Шацкий уезд. Т. 6. Тамбов, 1898.
- Серповский Н. 1885. Переселения в России в древнее и новое время и их значения в хозяйстве страны. Ярославль, Типо-Литография Г.В. Фальк, 182.
- Соловьев С.М. 1913. История России с древнейших времён. Кн. 1. Т. I–V. Изд. 2-е. СПб., «Общественная польза», 1726.
- Сухотин Л.В. 1915. Первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича: (Столбцы Печатного приказа). М., Имп. Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 238.
- Чуркин М.К. 2007. Переселения крестьян чернозёмного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Дис. ... докт. ист. наук. Омск, 446.
- Шабаев Л.Е. 2019. Дворяне и однодворцы Кузовлевы. В кн.: Сборник статей по Русской истории в честь А.И. Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., Древохранилище: 325–341.
- Щербина Ф.А. 1886. Четвертное землевладение в Воронежской губернии. В кн.: Воронежский сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж, Типо-Литография Губернского Правления: 465–481.
- Шмелев Г.Н. 1901. Несколько замечаний об однодворцах (Разбор исследования Н.А. Благовещенского «Четвертное право»). В кн.: Отчёт комитета о присуждении премий, учреждённых Харьковским земельным банком в память 25-летия царствования императора Александра II при Харьковском университете. Харьков, Тип-я Харьковского университета: 1–41.

References

- Alfavit pereselentsev v Tomskuyu guberniyu na bukvu «D» (period 1890–1924 gg.) [The alphabet of immigrants to the Tomsk province with the letter «D» (period 1890–1924)]. URL: <https://gentomica.jimdofree.com/%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85/%D0%B0%D0%BB%D1%84%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82/%D1%84%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B8-%D0%B4/> (accessed 11 July 2022) (in Russian).
- Archim. Tikhon (Shevkunov). 2008. Gibel' imperii: Vizantiyskiy urok [The Fall of an Empire: A Byzantine Lesson]. Workshop. Min: 42:26–42:50. URL: <https://yandex.ru/video/touch/search?filmlid=10536095628613396397&text=%> (accessed October 19, 2020) (in Russian).
- Belyavsky M.T. 1984. Odnodvortsy Chernozemye (po ix nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.) [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their instructions to the Legislative Commission 1767–1768)]. M., Publishing House of Moscow University, 268 (in Russian).
- Blagoveshchensky N.A. 1899. Chetvertnoe parvo [Quarter right]. M., Print. Tov. Kushnerev & Co, 538 (in Russian).
- Bykanov A.N. 2001. Vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Kurskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vekov [Reproduction of the rural population of the Kursk province in the late XVIII – early XX centuries]. Diss. ... cand. ist. sciences. Kursk, 249 (in Russian).
- Vazhinskij V.M. 1974. Zemlevladenie i skladyvanie obshhiny` odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhny`x uezdov Rossii). Uchebnoe posobie k speczkursu dlya studentov istoricheskix fakul'tetov pedagogicheskix institutov [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia)].

- Textbook for a special course for students of historical faculties of pedagogical institutes]. Voronezh: Lipeczk obltipografiya. 237 (in Russian).
- Germanov M.A. 1857. Postепенное rasprostranenie odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii [Gradual spread of the one-courtyard population in the Voronezh province]. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Book. XII. SPb., Imperial Academy of Sciences Press: 183–327 (in Russian).
- Grekov B.D. 1952. Krest`yane na Rusi s drevnejshix vremen do XVII veka [Peasants in Russia from ancient times to the XVII-th century]. Book. 1. Ed. 2nd, Spanish and additional M., Academy of Sciences USSR Press, 532 (in Russian).
- Zhivotov N.N. 1892. Detstvo otca Ioanna Il`icha Sergieva, Kronshtadskogo, protoierej Andreevskogo sobora [Childhood of Father John Ilyich Sergiev, of Kronstadt, archpriest of St. Andrew's Cathedral]. M., Print. House I.D. Sy`tina & Co, 18 (in Russian).
- Ziborov V.A. 2002. Iz rodoslovnoj russkogo odnodvorcza [From the genealogy of a Russian smallholders]. In: Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv. sbornik statej, posvyashhennyj 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.G. Alekseeva. Rep. Ed. A.P. Pavlov. St. Petersburg, Dmitry Bulanin: 474–483 (in Russian).
- Kolesnikov V.A. 2000. Odnodvorcy-kazaki. K 200-letiyu so dnya osnovaniya Rozhdestvenskoj, Kamennobrodskoj, Sengileevskoj i Novotroiczkoj stanicz [One-courtyard people – Cossacks. To the 200th anniversary of the founding of Rozhdestvenskaya, Kamennobrodskaya, Sengileevskaya and Novotroitskaya villages]. SPb., VINIG im. B.E. Vedeneeva Publ., 319 (in Russian).
- Kolupaev A.A. 2020. Formirovanie i razvitie odnodvorcheskogo sosloviya na territorii Kurskogo kraja [Formation and development of the one-courtyard people on the territory of the Kursk Territory]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. Kursk, 10 (3): 138–152 (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2022. Rasselenie odnodvorcev ot ix gorodskix ochagov na territorii Central`nogo Chernozem`ya v XVII–XIX vv. [Settlement of one-courtyard people from their urban centers on the territory of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries]. In: Regional`ny`e istoriko-kul`turny`e issledovaniya. Sbornik statej. Vol. 2. Kursk, Investsfera Publ.: 9–16 (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2020. Shkala rodovoj nasledstvennosti v Pravoslavii (istoriko-teologicheskoe issledovanie) [Scale of family inheritance in Orthodoxy (historical and theological study)]. Kursk, IP Babkina G. P. Publ., 205 (in Russian).
- Mezentsev S.D. 2019. Kul`turnoe nasledie odnodvorcev Kurskoj gubernii [Cultural heritage of the one-courtyard people of the Kursk province]. In: Nacional`noe kul`turnoe nasledie Rossii: regional`nyj aspekt: materialy` VII Vseros. nauch.- prakt. konf., Samara, 29 marta 2019 g.: v 2 ch. Ed. S.V. Solovieva. Samara, Samara State Institute of Culture Press, I: 307–311 (in Russian).
- Miklashevsky I.N. 1894. K istorii xozyajstvennogo by`ta Moskovskogo gosudarstva [On the history of the economic life of the Moscow government]. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century. M., Print. House D.I. Inozemceva, 310 (in Russian).
- Mogilnikov V. 2002. Ry`l'skie odnodvorcy Shevelyovy` [Smallholders from Rylsk Shevelevs]. In: Genealogicheskij vestnik. Rep. ed. V.N. Rykhlyakov. Issue 8. St. Petersburg, VIRD Publishing House: 45–49 (in Russian).
- Orlov V.N. 2011. Ojkonimy` Kurshhiny` i prilegayushhix zemel` (1719–1999) [Oikonyms of Kurshchina and adjacent lands (1719–1999)]. 4th edition, corrected and enlarged. M., 392.
- Sbornik statisticheskikh dannykh po Tambovskoy gubernii. Shatskiy uyezd [Collection of statistical information on the Tambov province. Shatsky county]. T. 6. Tambov, 1898 (in Russian).
- Serpovsky N. 1885. Pereseleniya v Rossii v drevnee i novoe vremya i ix znacheniya v xozyajstve strany` [Migration in Russia in ancient and modern times and their significance in the economy of the country]. Yaroslavl, Print. House G.V. Fal`k, 182 (in Russian).
- Soloviev S.M. 1913. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [History of Russia since ancient times]. Book. 1. T. I – V. Ed. 2nd. SPb., Obshhestvennaya pol`za Publ., 1726 (in Russian).
- Sukhotin L.V. 1915. Pervy`e mesyacy czarstvovaniya Mixaila Fedorovicha: (Stolbcy Pечатnogo prikaza) [The first months of the reign of Mikhail Fedorovich: (Columns of the Printed Order)]. M., Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow Institute Press, 238 (in Russian).

- Churkin M.K. 2007. Pereseleniya krest`yan chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii v Zapadnuyu Sibir` vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushhie faktory` migracionnoj mobil`nosti i adaptacii [Resettlement of Peasants from the Chernozem Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the XIX-th – Early XX-th Centuries: Determining Factors of Migration Mobility and Adaptation]. Diss. ... doc. ist. sciences. Omsk, 446 (in Russian).
- Shabaev L.E. 2019. Dvoryane i odnodvorcy Kuzovlevy` [Nobles and one-courtyard people Kuzovlevs] In: Sbornik statej po Russkoj istorii v chest` A.I. Gamayunova k ego 60-letiyu ot druzej i kolleg. M., Drevoxraniishhe Publ: 325–341 (in Russian).
- Shcherbina F.A. 1886. Chetvertnoe zemlevladienie v Voronezhskoj gubernii [Quarter land ownership in the Voronezh province]. In: Voronezhskij sbornik v pamyat` trexstotletiya g. Voronezha. T. 1. Voronezh, Print. House Gubernskogo Pravleniya: 465–481 (in Russian).
- Shmelev G.N. 1901. Neskol`ko zamechanij ob odnodvorczax (Razbor issledovaniya N.A. Blagoveshhenskogo «Chetvertnoe pravo») [A few remarks about one-courtyard people (Analysis of N.A. Blagoveshchensky's study «The Quarter right»)]. In: Otchet komiteta o prisuzhdenii premij, uchrezhdenny`x Har`kovskim zemel`ny`m bankom v pamyat` 25-letiya czarstvovaniya imperatora Aleksandra II pri Har`kovskom universitete. Kharkiv, Print. House of Harkov Imperial University: 1–41 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.08.2022

Received 21.08.2022

Поступила после рецензирования 31.08.2022

Revised 31.08.2022

Принята к публикации 31.08.2022

Accepted 31.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения Российского общества историков-архивистов, Курск, Россия

Konstantin B. Kudlanov, candidate of historical sciences, Chairman of the Youth Section of the Kursk Branch of the Russian Society of Historians and Archivists, Kursk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9734-3178](https://orcid.org/0000-0002-9734-3178)

УДК 930

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

Обзорная статья

Религиозная политика императора Павла I в современной историографии

Никишин Б.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена отражению религиозной политики императора Павла I (1796–1801) в современной историографии. Автор последовательно обращается к различным направлениям религиозной политики императора. Особое внимание уделяется религиозным взглядам Павла I, вступлению на престол и коронационным торжествам, церковному управлению, положению духовенства, отношению к конфессиям и различным религиозно-философским учениям в России. Делается вывод, что в царствование императора Павла I церковный вопрос занимал важное место. Заметно улучшилось положение духовенства, но вместе с этим церковь окончательно становится институтом самодержавной власти. Император возлагал большие надежды на воспитательную и охранительную функции церкви. Вместе с тем Павел I был терпим в вопросах, связанных с чужой верой. Защищая православие и проводя лояльную политику по отношению к другим конфессиям и религиозным течениям, император всегда руководствовался государственными интересами.

Ключевые слова: Павел I, государство, церковь, духовенство, религиозная политика, конфессии, веротерпимость

Для цитирования: Никишин Б.А. 2022. Религиозная политика императора Павла I в современной историографии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 619–629. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

The Religious Policy of Emperor Paul I in Modern Historiography

Boris A. Nikishin

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection of the religious policy of Emperor Paul I (1796–1801) in modern historiography. The author consistently addresses various areas of the emperor's religious policy. Special attention is paid to the religious views of Paul I, accession to the throne and coronation celebrations, church administration, the position of the clergy, attitudes towards confessions and various religious and philosophical teachings in Russia. The author concludes that during the reign of Emperor Paul I, the church question occupied an important place. The situation of the clergy has noticeably improved, but at the same time, the church finally becomes an institution of autocratic power. The Emperor had high hopes for the educational and protective functions of the church. At the same time, Paul I was tolerant in matters related to someone else's faith. Defending Orthodoxy and pursuing a loyal policy towards other confessions and religious movements, the emperor has always been guided by state interests.

Keywords: Paul I, state, church, the clergy, religious policy, confessions, religious tolerance

For citation: Nikishin B.A. 2022. The Religious Policy of Emperor Paul I in Modern Historiography. Via in tempore. History and political science. 49 (3): 619–629 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

Введение

На протяжении XIX и первой половины XX века религиозная политика императора Павла I в трудах отечественных историков рассматривалась фрагментарно и не получила целостного освещения и осмысления. За последние три десятилетия в отечественной историографии заметно повысился интерес к религиозным взглядам и религиозной политике Павла I.

Под религиозной политикой в широком смысле слова следует понимать совокупность церковно-государственных и церковно-общественных мероприятий, проводимых как во внутренней, так и во внешней политике государства. Во внутренней политике России при Павле I можно выделить следующие направления: церковное управление, положение духовенства, отношение к конфессиям и различным религиозно-философским учениям; во внешней политике – выстраивание отношений с католиками и униатами за пределами России.

На протяжении всего XVIII века самодержавная власть небезуспешно боролась за подчинение церкви светской власти и включение её в государственный аппарат. Достаточно вспомнить ликвидацию патриаршества и учреждение Синода Петром I, секуляризацию церковного землевладения и определение для монашества жалования из казны Екатериной II. При этом монархия не собиралась уничтожить церковную организацию, поскольку нуждалась в идеологической опоре своей власти. В этой связи особенно привлекательным для исследователей является непродолжительное царствование Павла I, которое приходится на рубеж XVIII–XIX веков.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является религиозная политика Павла I на основе комплексного анализа публикаций в современной историографии. Рассматриваются работы историков, посвящённые различным направлениям религиозной политики императора Павла I и вышедшие за последние три десятилетия (1991–2021).

В процессе научного исследования проблемы были использованы хронологический и историко-сравнительный методы. Данные методы позволили рассмотреть все события в их развитии и взаимной связи, а также выявить общее и особенное во взглядах историков на различные аспекты религиозной политики Павла I. Историко-сравнительный метод позволил доказать, что подавляющее большинство исследователей считают преобразования императора в церковной сфере важными и своевременными. Охраняя православие и руководствуясь государственными интересами, Павел I активно выстраивал отношения с Римско-католической церковью, католическими рыцарскими орденами и различными религиозно-философскими учениями XVIII века.

Результаты и их обсуждение

В центре внимания исследователей последних десятилетий находятся различные аспекты религиозной политики императора Павла I: религиозные взгляды Павла I [Хайкина, 2000; Григорьев, 2004; Скоробогатов, 2015; Граур, 2019]; религиозные взгляды митрополита Платона (Левшина) и его отношение к католичеству [Галанов, 2006; Бессарабова, 2008; Глазева, 2009, 2010]; нормативно-правовые акты в отношении церкви и духовенства [Семашко, 2013; Абрамова, 2015; Момотова, 2018]; взаимоотношения императора с католической церковью [Сафонов, 1995; Сорокин, 1999]; взаимоотношения Павла I с Маль-

тийским орденом [Шалдунова, 2006; Асварищ, 2012]; деятельность Станислава Сестренича по созданию централизованного управления римско-католической церковью в России [Галанов, 2012]; конфессиональная политика на примере Западных губерний и униатская проблема [Петрова, 2006; Галанов, 2011, 2012; Шевкун, 2011, 2018; Семашко, 2013; Чуль, 2017; Романчук, 2020]; отечественная и зарубежная историография проблемы [Григорьев, 2004; Галанов, 2010, 2011].

Религиозная политика Павла I получила освещение в целом ряде диссертационных исследований [Григорьев, 2004; Лушин, 2004; Шалдунова, 2006; Момотова, 2021].

Обращаясь к детству Павла, исследователи пытаются рассмотреть, как формировалось мировоззрение цесаревича, и найти в его личности те черты, которые отчётливо проявятся при восшествии на престол.

А.С. Глазева отмечает огромное влияние митрополита Платона (Левшина) на духовное становление цесаревича [Глазева, 2010, с. 7]. Благодаря стараниям Платона Павел познакомился с русской православной философией, что, по мнению С.Л. Григорьева, способствовало формированию представлений наследника о том, как выстраиваются взаимоотношения между царём и церковью [Григорьев, 2004, с. 13]. Вместе с тем Платон в своих проповедях резко осуждал философию французских просветителей и масонство [Глазева, 2009, с. 106; Глазева, 2010, с. 7].

Другой знаковой личностью, повлиявшей на нравственное становление цесаревича, был учитель С.А. Порошин, который познакомил десятилетнего Павла с историей Мальтийского ордена и нравственными идеалами рыцарства [Григорьев, 2004, с. 16].

Отдельным сюжетом является увлечение Павла Петровича идеями масонства. Л.В. Хайкина и С.Л. Григорьев отвергают документально неподтверждённую версию о вступлении Павла в масонскую ложу, но при этом отмечают влияние философии масонства на Павла, которому явно импонировал библейский образ «царя-первосвященника» [Хайкина, 2000, с. 167; Григорьев, 2004, с. 15–16].

А.Н. Лушин подчёркивает, что на рубеже XVIII–XIX веков российские масоны занимали видные государственные посты (братья Н.И. и П.И. Панины, И.В. Лопухин) и активно проявляли себя в культуре и общественной жизни (И.П. Елагин, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин) [Лушин, 2004, с. 12–13]. Цесаревича привлекала масонская литература и ритуалы, из которых он извлёк идею о том, что истинный самодержец должен быть не только светским, но и духовным лидером [Хайкина, 2000, с. 166–167; Григорьев, 2004, с. 15].

Религиозно-философские идеи XVIII века были запечатлены в величественном памятнике павловского царствования – Михайловском замке. Занимаясь изучением Михайловского замка, С.О. Кузнецов впервые высказал мысль о том, что в концепции замка была заложена идея храма [Кузнецов, 1996]. Л.В. Хайкина обращает внимание на образ «царя-первосвященника» в сакральной топонимике Михайловского замка [Хайкина, 2000, с. 167]. На фасаде замка над Воскресенскими воротами располагается надпись: «Дому Твоему подобает Святыня Господня в долготу дней» [Хайкина, 2000, с. 164]. Эта перефразированная цитата из Псалтыри может свидетельствовать о том, что Павел I ощущал себя не только Земным Царём, но и преемником Царя Небесного [Хайкина, 2000, с. 168]. Михайловский замок как архитектурное сооружение (квадрат с вписанным в него восьмигранником), по мнению Л.В. Хайкиной, представляет собой воплощение двух фундаментальных идей – богоустановленности царской власти и мессианской роли России [Хайкина, 2000, с. 169].

Итак, многие исследователи, опираясь на воспоминания современников, считают Павла I глубоко религиозным человеком. При этом С.Л. Григорьев указывает на эклектичность мировоззрения Павла I [Григорьев, 2004, с. 13]. В сознании императора нашлось место как для православного мировоззрения, так и для мистического восприятия религии. Последнее нашло отражение в тяге Павла Петровича к романтической идее о рыцарстве, определённой заинтересованности по отношению к масонам и символизму, присущем

всему царствованию монарха [Григорьев, 2004, с. 14; Семашко, 2013, с. 200; Граур, 2019, с. 34–35].

Вступление на престол и коронация Павла I рассматриваются А.В. Скоробогатовым как «возвращение к традиционной, византийско-самодержавной модели власти» [Скоробогатов, 2015, с. 16]. В качестве подтверждения своей точки зрения историк приводит манифест о вступлении на престол от 6 ноября 1796 г. и манифест о предстоящем коронавании от 18 декабря 1796 г. Первый манифест закреплял приоритетность принципа наследственности над принципом общественной выгоды, а второй манифест обращался к византийско-православной традиции венчания на царство [Там же].

В пасхальное воскресенье 5 апреля 1797 г. на коронации в Успенском соборе Павел I окончательно оформил обряд «русского чина священного коронавания», в соответствии с которым монарх сам возлагал на себя царские регалии [Высочков, 2017, с. 74]. Время и место проведения коронации придавали торжеству сакральный характер.

Вслед за И.Ф. Токмаковым, А.В. Скоробогатов считает, что коронация Павла I соединяла в себе три церемонии – государственную, военную (у И.Ф. Токмакова – царскую) и религиозную (у И.Ф. Токмакова – церковную) [Токмаков, 1896, с. 100; Скоробогатов, 2015, с. 17]. Л.В. Хайкина замечает, что Павел I ориентировался на византийскую модель власти, в основе которой лежала идея о симфонии (согласии) между светской и церковной властью [Хайкина, 2000, с. 166].

Подчинение церкви императорской власти нашло отражение в новом статусе русского императора, который официально стал именоваться главой церкви [Хайкина, 2000, с. 164]. В связи с этим в Акте о престолонаследии обговаривалось важное условие, согласно которому наследник должен был исповедовать православие. Опираясь на это условие, А.Г. Семашко и Е.Д. Граур считают, что для Павла I религиозные воззрения были важнее государственно-политических [Семашко, 2013, с. 201; Граур, 2019, с. 34–35].

Важное место в религиозной политике Павла I занимал вопрос церковного управления. Е.П. Момотова отмечает, что за неполные пять лет правления Павла I было издано 2 248 нормативных правовых актов, из которых 127 непосредственно затрагивали церковную сферу. По подсчётам Е.П. Момотовой, наиболее распространёнными нормативными актами в церковной сфере были Сенатские и Синодские указы, а также Именные указы, данные Сенату [Момотова, 2018, с. 155]. А.Г. Семашко обращает внимание на противоречие церковного и государственного права, которое возникло в царствование Павла I. Несмотря на то, что законодательство всячески подчёркивало господствующее положение православия в России, данный факт не нашёл отражения в церковном вероучении [Семашко, 2013, с. 200].

В царствование Павла I впервые было решено допускать крепостных крестьян к присяге императору. Нововведение привело к тому, что в некоторых губерниях вспыхнули волнения (1796–1798). Крестьяне считали, что государь освободил их от крепостной зависимости [Каменский, 2001, с. 496]. Императору пришлось послать войска для усмирения взбунтовавшихся крестьян. Следствие показало, что в крестьянских волнениях участвовало сельское духовенство. Данный факт, как считает И.Л. Абрамова, способствовал тому, что император обратил внимание на положение священников [Абрамова, 2015, с. 2].

В XVIII в. престиж и нравственный авторитет духовного сословия стремительно снижался. В царствование императрицы Екатерины II сельское и городское духовенство находилось в тяжёлом материальном положении, уровень образования священников был довольно низким.

Взойдя на престол, Павел I попытался качественно изменить сложившуюся ситуацию. Императором был издан ряд указов, которые освобождали священников от налогов, увеличивали их земельные участки и освобождали от уплаты многих повинностей. И.Л. Абрамова указывает, что увеличенные церковные надель предписывалось обрабатывать прихожанам, которые негативно восприняли данное предписание и не собирались ра-

ботать [Абрамова, 2015, с. 2–3]. Для решения этой проблемы государству пришлось пойти на некоторые уступки. Было решено передать церковные земли в собственность прихожан при условии последующей платы священникам натурой. Как замечает И.Л. Абрамова, данный императорский указ выполнялся крестьянами неохотно [Абрамова, 2015, с. 3].

При Павле I заметно улучшилось материальное положение вдов и сирот священнослужителей. Теперь детей духовенства позволялось назначать как в духовные должности, так и в светские. Это изменение, по мнению И.Л. Абрамовой, было продиктовано нуждами постоянно растущего государственного аппарата, который слишком медленно пополнялся за счёт дворянства [Абрамова, 2015, с. 4–5]. Таким образом, государство стремилось уменьшить количественный состав духовенства. При этом заметного сокращения численности клира не наблюдалось. Церковь всячески пыталась не допустить выхода из духовного сословия.

По мнению Е.П. Момотовой, православная церковь была «одной из самых богатых структур государства», поскольку она контролировала значительные людские, земельные и денежные ресурсы [Момотова, 2018, с. 154]. Церковь выполняла целый ряд важных социальных функций: регулировала брачно-семейные отношения, оповещала население о важных событиях и чрезвычайных ситуациях, занималась просвещением [Момотова, 2018, с. 155].

Р.В. Чуль обращает внимание, что император заботился о поднятии морального престижа духовенства [Чуль, 2017, с. 47]. С 1796 г. духовные лица освобождались от телесных наказаний за уголовные преступления до момента лишения сана. Однако уже в 1800 г. для приходского духовенства вновь были введены телесные наказания.

Учреждались специальные знаки отличия для духовенства – драгоценный наперстный крест, дорогая митра, бархатная камилавка и малиновая скуфья [Абрамова, 2015, с. 3; Выскочков, 2017, с. 74]. Так же, как и дворяне, священники стали награждаться знаками орденов, лентами и аксельбантами. В этом отношении духовенство как привилегированное сословие было уравнено с дворянством. Данное нововведение императора было неоднозначно воспринято в среде высшего духовенства. В частности, как отмечает А.С. Глазева, против награждения светскими орденами русского православного духовенства выступал митрополит Платон [Глазева, 2010, с. 13–14].

В царствование Павла I пристальное внимание уделялось развитию духовного образования, которое выступало не только гарантом общественного спокойствия, но и идеологической основой власти. По мнению И.Л. Абрамовой, в отношении духовенства Павел I воплотил в жизнь «принцип служения обществу согласно сословной принадлежности» [Абрамова, 2015, с. 4]. Духовенству отводилась почётная роль, которая заключалась в поддержании нравственного состояния общества. В этом прагматичный подход в церковной политике Павла I перекликался с задачами и целями, которые ставила перед собой Екатерина II. Главное отличие заключалось лишь в том, что Павел I предпринял шаги к комплексному реформированию духовного образования.

Огромный вклад в развитие духовного образования внесли митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Платон (Левшин). А.В. Карташёв считает, что именно благодаря их стараниям было увеличено ассигнование на духовные школы. Появилось восемь новых семинарий (Каменец-Подольская, Вифанская, Тульская, Калужская, Пензенская, Пермская, Оренбургская, Армейская), а общее количество семинарий к концу XVIII в. возросло до 46. В епархиях открывались «русские начальные школы» (прототипы духовных училищ), которые занимались подготовкой псаломщиков. В 1797 г. Петербургская и Казанская семинарии стали именоваться академиями. В результате преобразований сформировались четыре духовные академии (Киевская, Московская, Петербургская, Казанская), которые просуществовали до революции [Карташёв, 1992, с. 555; Абрамова, 2015, с. 5].

Согласно А.А. Назарову, в царствование императрицы Екатерины II была создана «общенациональная поликонфессиональная система религиозного управления» [Назаров,

2020, с. 18]. Павел I продолжил начинания императрицы, связанные с выстраиванием отношений с представителями других вероисповеданий.

В отношениях с католичеством С.Л. Григорьев выделяет два направления павловской политики – внутривластное (проблема католиков и униатов, рыцарско-католические ордена в России) и внешнеполитическое (отношения с Римской католической церковью и Мальтийским орденом) [Григорьев, 2004, с. 21].

Западные губернии Российской империи состояли из литовских, белорусских и украинских земель, которые были присоединены к России в результате трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). П.В. Шевкун обращает внимание, что на новоприсоединённых территориях конфессиональная структура существенно отличалась от остальной территории России. «Наиболее острую конкуренцию православию здесь составляли католичество и униатство» – подчёркивает П.В. Шевкун [Шевкун, 2018, с. 35]. Конфессиональная картина была следующая: аристократия (меньшинство) исповедовала католичество, а податное население (большинство) исповедовало униатство. Кроме того, в западных губерниях были также лютеранские и мусульманские общины. Всё это способствовало возникновению межконфессиональных противоречий, которые необходимо было решать.

Решение противоречий было найдено в создании добровольных православно-униатских общин, которые должны были препятствовать переходу основной части населения в католичество [Шевкун, 2018, с. 40–41]. П.В. Шевкун отмечает, что конкретизация перехода и методов агитации позволили сгладить возникшие противоречия и достичь компромисса. Подтверждением этому служит заметный рост в 1797–1798 гг. числа «присоединённых». По данным, которые приводит П.В. Шевкун, в 1797 г. в Минской губернии присоединили 6 церквей, 4 священника, 2 причетника и 3 254 прихожанина; в 1798 г. – 22 церкви, 12 священников, 10 причетников и 14804 прихожанина [Шевкун, 2018, с. 42]. Посредством усиления православия в регионе планировалось решить католическую и униатскую проблему.

Рассматривая униатскую проблему в западных губерниях, А. Романчук отмечал благосклонное отношение Павла I к католичеством. Подтверждением этого служит отказ Павла от создания самостоятельной униатской церкви и подчинение униатов власти главы католических церквей в России [Романчук, 2020, с. 295]. Благодаря деятельности могилёвского архиепископа С. Сестренцевича-Богуша, была создана стройная система управления и функционирования Римско-католической церкви в России [Галанов, 2012, с. 187].

И.Л. Абрамова обращает внимание на важный момент – «предоставление свободы вероисповедания не означало признания равноправия вер» [Абрамова, 2015, с. 8]. Православие по-прежнему оставалось господствующей религией. Павловские указы запрещали пропаганду иноверия среди православных и напротив поощряли переход в православие. Р.В. Чуль также считает, что политика правительства на западных окраинах, как и на всей территории России, была направлена на укрепление православия [Чуль, 2017, с. 49].

Примечательно, что к концу 1800 г. рассматривалась идея объединения христианских церквей [Высочков, 2017, с. 76]. Император приглашал Папу римского переселиться в Россию. По мнению С.Л. Григорьева, проект Павла I о соединении христианских церквей являлся одним из вариантов решения сложной конфессиональной проблемы в России, которая обострилась на рубеже веков [Григорьев, 2004, с. 3]. Вместе с тем Папа воспринимался Павлом I в качестве союзника против революционной Франции [Григорьев, 2004, с. 22]. По мнению М.М. Галанова, виновниками срыва этого уникального проекта были внешние (интриги испанского и австрийского двора) и внутренние (убийство Павла I) обстоятельства [Галанов, 2009, с. 99].

С.Л. Григорьев справедливо заметил, что рыцарская направленность присутствовала как во внутренней, так и во внешней политике Павла I [Григорьев, 2004, с. 17]. В 1798 г. император, руководствуясь государственными интересами, взял под своё покровительство Мальтийский орден. Ещё через два года в 1800 г. Павел I стал Великим магистром Маль-

тийского ордена. «Статус Великого Магистра давал Павлу огромные возможности на совершенно разных уровнях: политическом, военном, религиозном, этническом», – подчёркивал М.Б. Асварищ [Асварищ, 2012, с. 65]. Данный политический шаг императора был недооценён современниками [Шалдунова, 2006, с. 25–26]. Т.Н. Шалдунова на основе документальных источников убедительно доказала, что политический союз русского самодержца и рыцарей Мальтийского ордена был выгоден обеим сторонам. Рыцари искали союзников на континенте и хотели поправить своё финансовое положение, а император искал союзников в Европе против Англии, хотел создать постоянную базу русского флота в Средиземном море и стремился оградить Россию от нарастающих революционных настроений [Шалдунова, 2006, с. 18]. Несмотря на поставленные цели и предпринятые действия, воспользоваться результатами этого союза в полной мере не смогла ни одна из сторон [Шалдунова, 2006, с. 27].

Относительно взаимоотношений с иезуитами исследователи отмечают тот факт, что император приютил изгнанный Наполеоном иезуитский орден [Глазева, 2010; Галанов, 2012; Выскочков, 2017]. Иезуитам была доверена просветительская деятельность в западных губерниях [Выскочков, 2017, с. 76]. По мнению М.М. Галанова, «для эффективной работы иезуитов в России император и самодержец Всероссийский Павел I сделал гораздо больше, чем Ватикан» [Галанов, 2012, с. 165]. А.С. Глазьева, ссылаясь на данные М. Морошкина, упоминает, что за короткое царствование Павла I численность иезуитов в России увеличилась с 200 до 244 человек [Глазева, 2010, с. 15].

Начавшееся ещё в царствование Екатерины II «единоверческое движение» в полном цвете расцвело при Павле I. Суть этого движения заключалась в следующем: старообрядцы не подвергались гонениям за старые обряды при условии воссоединения с Русской Православной Церковью. «Единоверческое движение» привело к тому, что старообрядцы сохранили обряд, но утратили церковную иерархию.

Проблема выстраивания взаимоотношений со старообрядцами на протяжении всего XVIII века, по мнению С.Л. Григорьева, заключалась в двух аспектах: первый относился к чистоте православной веры, а второй ввиду значительного числа приверженцев «старой веры» являлся частью социальной политики [Григорьев, 2004, с. 19]. А.А. Назаров заметил, что Екатерина II поддерживала свободу вероисповедования и придерживалась идеи, что каждый подданный должен обладать равными правами вне зависимости от своей веры [Назаров, 2020, с. 16]. Этому постулата придерживался и Павел I. И.Л. Абрамова обращает внимание на целенаправленную политику Павла I, направленную на признание старообрядцев (разрешение старообрядцам иметь церковные надель, устройство единоверческих церквей) и использование их для укрепления своей власти [Абрамова, 2015, с. 7].

Заключение

Таким образом, анализ взглядов исследователей на различные направления религиозной политики Павла I позволил выяснить, что император был глубоко религиозным человеком, высоко ценил церковь и возлагал на неё большие надежды в деле воспитания подданных и сохранения государственного порядка. Церковь окончательно становится институтом самодержавной власти. В этом отношении император ориентировался на византийскую модель, в основе которой лежала идея о согласии между светской и церковной властью.

В царствование Павла I духовенство оформилось в привилегированное замкнутое сословие. Заметно улучшилось материальное положение духовенства, но вместе с тем повысились и требования к принимаемым духовным саном (огромная роль отводилась образованию и моральным качествам будущего представителя духовенства). Среди всех сословий духовенство имело все основания быть довольным политикой императора.

Отношение императора к конфессиям и религиозным течениям отличалось веротерпимостью при условии поддержки личной власти монарха. Взаимоотношения с Римской католической церковью и рыцарями Мальтийского ордена выстраивались на взаимовыгодной основе. В конфессиональной политике Павел I руководствовался государственными интересами.

Список литературы

- Абрамова И.Л. 2015. Церковь и государство в правление Павла I. Гуманитарный вестник, 9 (35): 1–11.
- Асварищ М.Б. 2012. Мальтийский орден в России (1797–1810). Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 11: 52–65.
- Бессарабова Н.В. 2008. Мировоззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина). Вопросы истории, 1: 141–147.
- Высочков Л.В. 2017. Россия на грани веков. Царствование Павла I. 1796–1801. Учебное пособие. СПб., Серебряный век, 164 с.
- Галанов М.М. 2009. Император Павел I и проблема объединения православной и католической церкви (к постановке вопроса). Вестник ЧелГУ, 38: 96–100.
- Галанов М.М. 2006. Митрополит Московский Платон и Павел I. Вопросы истории, 7: 150–155.
- Галанов М.М. 2012. Политика российского самодержавия в отношении католиков в годы царствования Павла I. СПб., СПбГИЭУ, 196 с.
- Галанов М.М. 2011. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в царствование Павла I как предмет изучения зарубежной историографии. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 4–1 (10): 42–46.
- Галанов М.М. 2010. Российская историография проблемы взаимоотношений российского самодержавия и римско-католической церкви в годы царствования Павла I. Научные ведомости, 1 (72): 121–127.
- Галанов М.М. 2012. Создание руководящих документов Римско-католической церкви в России и проект С. Сестрэнцевича «Иерархия католической церкви в империи»: сравнительный анализ. Проблемы истории, филологии, культуры, 2 (36): 178–188.
- Глазева А.С. 2009. Жизнь и взгляды московского митрополита Платона (Левшина). Via in tempore. История. Политология, 15 (70): 104–110.
- Глазева А.С. 2010. Отношение Московского митрополита Платона (Левшина) к католицизму и к Католической Церкви. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 36: 7–20.
- Граур Е.Д. 2019. Социально-правовой статус Русской Православной Церкви в период перехода от централизованного Московского государства XVII в. к Российской империи XVIII в. Право и практика, 4: 30–35.
- Григорьев С.Л. 2004. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 24 с.
- Каменский А.Б. 2001. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). М., РГГУ, 575 с.
- Карташёв А.В. 1992. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., Терра, 569 с.
- Кузнецов С.О. 1996. Центр петербургского мира (О плане создания Михайловского замка). Архитектура мира. Материалы конференции «Запад-Восток: Искусство композиции в истории архитектуры». М., 5: 63–66.
- Лушин А.Н. 2004. Государственно-правовые воззрения российских масонов на рубеже XVIII–XIX веков. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 29 с.
- Момотова Е.П. 2021. Законодательство Павла I: структура, специфика, значение. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 26 с.
- Момотова Е.П. 2018. Нормативные правовые акты в церковной сфере, изданные в период правления Павла I: структура и общая характеристика. Новый ракурс, 4: 154–160.
- Назаров А.А. 2020. Религиозная политика Екатерины II как фактор формирования первого в Европе толерантного многоконфессионального общества. Вестник РМАТ, 3: 13–19.

- Петрова М.А. 2006. Иезуиты в церковной политике Павла I. В кн.: Россия и иезуиты 1772–1820. М., Наука: 161–180.
- Романчук А. 2020. Причины возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века. Тетради по консерватизму, 2: 293–317.
- Сафонов М.М. 1995. Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., РИЦ Культ-информ-пресс, 142 с.
- Семашко А.Г. 2013. Правовое регулирование взаимоотношений Русской Православной Церкви с иными конфессиями в Российской империи XIX века. Образование и право, 5–6: 199–205.
- Скоробогатов А.В. 2015. Коронация императора Павла I: образ монарха в церемониальной культуре эпохи просвещения. КНЖ, 1 (10): 16–20.
- Сорокин Ю.А. 1999. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, ОмГУ, 320 с.
- Токмаков И.Ф. 1896. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М., изд. К.И. Тихомирова: 100.
- Чуль Р.В. 2017. Политика российского правительства в отношении православной конфессии на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX века. Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки, 5: 46–50.
- Шалдунова Т.Н. 2006. Польские земли во взаимоотношениях Мальтийского ордена и Российской империи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 29 с.
- Шевкун П.В. 2018. Западные губернии Российской империи: эволюция свободы вероисповеданий (1772–1855). Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2: 34–51.
- Шевкун П.В. 2011. Основные направления деятельности православной иерархии белорусских земель в 1796–1825 годах. Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук, 2: 26–31.
- Хайкина Л.В. 2000. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I. Отечественная история, 2: 164–170.

References

- Abramova I.L. 2015. Tserkov' i gosudarstvo v pravlenie Pavla I [Church and State in the reign of Paul I]. Gumanitarnyy vestnik, 9 (35): 1–11 (in Russian).
- Asvarishch M.B. 2012. Mal'tiyskiy orden v Rossii (1797–1810) [Order of Malta in Russia (1797–1810)]. Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, 11: 52–65 (in Russian).
- Bessarabova N.V. 2008. Mirovozzrenie i deyatel'nost' mitropolita Platona (Levshina) [The worldview and activities of Metropolitan Platon (Levshin)]. Voprosy istorii, 1: 141–147 (in Russian).
- Vyskochkov L.V. 2017. Rossiya na grani vekov. Tsarstvovanie Pavla I. 1796–1801 [Russia is on the verge of centuries. The Reign of Paul I. 1796–1801]. Uchebnoe posobie. SPb., Serebryanyy vek, 164 p. (in Russian).
- Galanov M.M. 2009. Imperator Pavel I i problema ob"edineniya pravoslavnoy i katolicheskoy tserkvey (k postanovke voprosa) [Emperor Paul I and the problem of unification of the Orthodox and Catholic Churches (to raise the question)]. Vestnik ChelGU, 38: 96–100 (in Russian).
- Galanov M.M. 2006. Mitropolit Moskovskiy Platon i Pavel I [Metropolitan Platon and Paul I of Moscow]. Voprosy istorii, 7: 150–155 (in Russian).
- Galanov M.M. 2012. Politika rossiyskogo samodержaviya v otnoshenii katolikov v gody tsarstvovaniya Pavla I [The policy of the Russian autocracy towards Catholics during the reign of Paul I]. SPb., SPbGIEU, 196 p (in Russian).
- Galanov M.M. 2011. Politika rossiyskogo samodержaviya i pozitsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v otnoshenii katolikov i uniatov v tsarstvovanie Pavla I kak predmet izucheniya zarubezhnoy istoriografii [The Policy of the Russian Autocracy and the Position of the Russian Orthodox Church in relation to Catholics and Uniates in the Reign of Paul I as a subject of study of foreign Historiography]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki, 4–1 (10): 42–46 (in Russian).
- Galanov M.M. 2010. Rossiyskaya istoriografiya problemy vzaimootnosheniy rossiyskogo samodержaviya i rimsko-katolicheskoy tserkvi v gody tsarstvovaniya Pavla I [Russian Historiography problems of the relationship between the Russian autocracy and the Roman Catholic Church during the reign of Paul I]. Nauchnye vedomosti, 1 (72): 121–127 (in Russian).

- Galanov M.M. 2012. Sozdanie rukovodyashchikh dokumentov Rimsko-katolicheskoy tserkvi v Rossii i proekt S. Sestrentsevicha «Ierarkhiya katolicheskoy tserkvi v imperii»: sravnitel'nyy analiz [Creation of the governing documents of the Roman Catholic Church in Russia and S. Sestrentsevich's project «Hierarchy of the Catholic Church in the Empire»: comparative analysis]. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2 (36): 178–188 (in Russian).
- Glazeva A.S. 2009. Zhizn' i vzglyady moskovskogo mitropolita Platona (Levshina) [The Life and Views of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 15 (70): 104–110 (in Russian).
- Glazeva A.S. 2010. Otnoshenie Moskovskogo mitropolita Platona (Levshina) k katolichestvu i k Katolicheskoy Tserkvi [The attitude of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow to Catholicism and to the Catholic Church]. Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTs, 36: 7–20 (in Russian).
- Graur E.D. 2019. Sotsial'no-pravovoy status Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period perekhoda ot tsentralizovannogo Moskovskogo gosudarstva XVII v. k Rossiyskoy imperii XVIII v. [The social and legal status of the Russian Orthodox Church during the transition from the centralized Moscow state of the XVII century to the Russian Empire of the XVIII century]. Pravo i praktika, 4: 30–35 (in Russian).
- Grigor'ev S.L. 2004. Religioznye vzglyady i religioznaya politika Pavla I [Religious views and religious policy of Paul I]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 24 p. (in Russian).
- Kamenskiy A.B. 2001. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka (Opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIII century (Experience of holistic analysis)]. M., RGGU, 575 p. (in Russian).
- Kartashev A.V. 1992. Ocherki po istorii russkoy tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]. T. 2. M., Terra, 569 p. (in Russian).
- Kuznetsov S.O. 1996. Tsentr peterburgskogo mira (O plane sozdaniya Mikhaylovskogo zamka) [The Center of the Petersburg World (About the plan for the creation of the Mikhailovsky Castle)]. Arkhitektura mira. Materialy konferentsii «Zapad-Vostok: Iskusstvo kompozitsii v istorii arkhitektury». M., 5: 63–66 (in Russian).
- Lushin A.N. 2004. Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya rossiyskikh masonov na rubezhe XVIII–XIX vekov [State-legal views of Russian Freemasons at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Avtoref. dis. ... kand. iur. nauk. Nizhniy Novgorod, 29 p. (in Russian).
- Momotova E.P. 2021. Zakonodatel'stvo Pavla I: struktura, spetsifika, znachenie [The legislation of Paul I: structure, specifics, meaning]. Avtoref. dis. ... kand. iur. nauk. Nizhniy Novgorod, 26 p. (in Russian).
- Momotova E.P. 2018. Normativnye pravovye akty v tserkovnoy sfere, izdannye v period pravleniya Pavla I: struktura i obshchaya kharakteristika [Normative legal acts in the Church sphere issued during the reign of Paul I: structure and general characteristics]. Novyy rakurs, 4: 154–160 (in Russian).
- Nazarov A.A. 2020. Religioznaya politika Ekateriny II kak faktor formirovaniya pervogo v Evrope tolerantnogo mnogokonfessional'nogo obshchestva [The Religious policy of Catherine II as a factor in the formation of the first tolerant multi-confessional society in Europe]. Vestnik RMAT, 3: 13–19 (in Russian).
- Petrova M.A. 2006. Iezuity v tserkovnoy politike Pavla I. V kn.: Rossiya i iezuity 1772–1820 [The Jesuits in the Church Policy of Paul I. In: Russia and the Jesuits 1772–1820]. M., Nauka: 161–180 (in Russian).
- Romanchuk A. 2020. Prichiny vozniknoveniya dvizheniya k pravoslavliyu uniatskogo dukhovenstva v Rossiyskoy imperii v pervoy treti XIX veka [The causes of the movement towards Orthodoxy of the Uniate clergy in the Russian Empire in the first third of the XIX century]. Tetradi po konservatizmu, 2: 293–317 (in Russian).
- Safonov M.M. 1995. Imperator Pavel I i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii [Emperor Paul I and the Order of St. St. John of Jerusalem in Russia]. SPb., RITs Kul't-inform-press, 142 p. (in Russian).
- Semashko A.G. 2013. Pravovoe regulirovanie vzaimootnosheniy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s inymi konfessiyami v Rossiyskoy imperii XIX veka [Legal regulation of the relationship of the Russian Orthodox Church with other confessions in the Russian Empire of the XIX century]. Obrazovanie i pravo, 5–6: 199–205 (in Russian).

- Skorobogatov A.V. 2015. Koronatsiya imperatora Pavla I: obraz monarkha v tseremonial'noy kul'ture epokhi prosveshcheniya [Coronation of Emperor Paul I: the image of the monarch in the ceremonial culture of the Enlightenment]. *KNZh*, 1 (10): 16–20 (in Russian).
- Sorokin Yu.A. 1999. Rossiyskiy absolyutizm v posledney treti XVIII veka [Russian Absolutism in the last third of the XVIII century]. Omsk, OmGU, 320 p. (in Russian).
- Tokmakov I.F. 1896. Istoricheskoe opisanie vsekh koronatsiy rossiyskikh tsarey, imperatorov i imperatrits [Historical description of all coronations of Russian tsars, emperors and empresses]. M., izd. K.I. Tikhomirova: 100 (in Russian).
- Chul' R.V. 2017. Politika rossiyskogo pravitel'stva v otnoshenii pravoslavnoy konfessii na territorii Belarusi v kontse XVIII – nachale XX veka [The policy of the Russian government towards the Orthodox denomination on the territory of Belarus in the late XVIII – early XX century]. *Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiiya, ekonomicheskie nauki, yuridicheskie nauki*, 5: 46–50 (in Russian).
- Shaldunova T.N. 2006. Pol'skie zemli vo vzaimootnosheniyakh Mal'tiyskogo ordena i Rossiyskoy imperii [Polish Lands in the relationship of the Order of Malta and the Russian Empire]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Armavir, 29 p. (in Russian).
- Shevkun P.V. 2018. Zapadnye gubernii Rossiyskoy imperii: evolyutsiya svobody veroispovedaniy (1772–1855) [Western Provinces of the Russian Empire: the Evolution of Religious Freedom (1772–1855)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 2: 34–51 (in Russian).
- Shevkun P.V. 2011. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti pravoslavnoy ierarkhii belorusskikh zemel' v 1796–1825 godakh [The main activities of the Orthodox hierarchy of the Belarusian lands in 1796–1825]. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 2: 26–31 (in Russian).
- Khaykina L.V. 2000. Mikhaylovskiy zamok i nekotorye aspekty religiozno-filosofskikh vozzreniy Pavla I [Mikhailovsky Castle and some aspects of the religious and philosophical views of Paul I]. *Otechestvennaya istoriya*, 2: 164–170 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.09.2022

Received 09.09.2022

Поступила после рецензирования 13.09.2022

Revised 13.09.2022

Принята к публикации 13.09.2022

Accepted 13.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никишин Борис Андреевич, магистрант кафедры истории России с древнейших времён до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Boris A. Nikishin, MA student of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9804-8058](https://orcid.org/0000-0002-9804-8058)

УДК 656.12:94

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-630-639

Оригинальное исследование

Путевой извозный промысел в России в XIX – начале XX в.: работники, правила, лексикон

Логинова Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186 Санкт-Петербург, Большая Морская, 18
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Аннотация. Извозный промысел представлял собой повсеместное занятие в русских городах и селениях, принося разные, часто совсем небольшие, доходы его участникам, зависевшие от количества выполненных заказов, погодных условий, здоровья и выносливости подвижной силы – лошади, многих других ситуаций и, конечно, от щедрости пассажиров, которые могли сполна отблагодарить за трудную, но успешную поездку. Множество условий, на которые уповал извозчик, позволили появиться в процессе развития извозного вида промысла большому количеству специальных терминов, пословиц и поговорок, применяемых извозчиками, перевозившими и грузы, и пассажиров. Эти слова с большой точностью описывали и указывали на то, с какими трудностями мог встретиться извозчик в пути, будь то трудная дорога, поломка в пути, ослабевшая или больная лошадь, грабежи, дороговизна придорожных ночлежек. Вместе с тем терминология и пословицы и поговорки позволяют понять механизм договорных отношений между заказчиком и артелью извозчиков, что позволяло свести к минимуму конфликтные ситуации при извозе. Артельный извоз выделял наиболее уважаемого извозчика среди своих, на которого возлагалась особая роль посредничества с заказчиком. Также меткими словами обозначалась и ожидаемая от извозного промысла прибыль и, вместе с тем, желание приобрести небольшие подарки для домочадцев, планы расходования этой прибыли. Все это создает неповторимый яркий, колоритный образ путевых извозчиков XIX – начала XX века, бесконечным потоком везущих грузы и пассажиров по бескрайним российским дорогам.

Ключевые слова: путевой извоз, лошадь, извозчик, десятник, артель, дужнина, пряжа, дебавый, лапотное, обоз

Благодарности: Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук, профессору НИУ БелГУ Шаповалову Владимиру Анатольевичу за предложенную идею исследования.

Для цитирования: Логинова Д.В. 2022. Путевой извозный промысел в России в XIX – начале XX в.: работники, правила, лексикон. Via in tempore. История. Политология. 49 (3): 630–639. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-630-639

Road Hauling in Russia in the XIX – Beginning of XX Centuries: Workers, Rules, Lexicon

Diana V. Loginova

Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, Russia, 191186
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Abstract. Carrying was a widespread occupation in Russian cities and villages, bringing various, often very small, incomes to its participants, depending on the number of orders completed, weather conditions, the health and endurance of the moving force – the horse, many other situations and, of course, on the

generosity of the passengers who could fully thank for the difficult but successful trip. The many conditions that the cab driver relied on made it possible to appear in the process of developing the cab type of craft, a large number of special terms, proverbs and sayings used by cab drivers who transported both goods and passengers. These words described with great accuracy and indicated what difficulties the cabman could encounter on the way, whether it was a difficult road, a breakdown on the way, a weakened or sick horse, robberies, and the high cost of roadside lodging houses. At the same time, the terminology, proverbs, and sayings make it possible to understand the mechanism of contractual relations between the customer and the team of cab drivers, which made it possible to minimize conflict situations during transportation. The artel cab singled out the most respected cab driver among his own, who was assigned the special role of mediation with the customer. In addition, apt words denoted the profit expected from the export trade and, at the same time, the desire to purchase small gifts for the household, plans for spending this profit. All this creates a unique bright, colorful image of traveling cabs of the 19th – early 20th centuries, carrying cargo and passengers along endless Russian roads in an endless stream.

Keywords: traveling cart, horse, driver, foreman, artel, duzhnina (contractor fee), yarn, debavy, homespun, convoy

Acknowledgements: The author expresses his deep gratitude to the Doctor of Historical Sciences, Professor of Belgorod National Research University Vladimir Anatolyevich Shapovalov for the idea of the study.

For citation: Loginova D.V. 2022. Road Hauling in Russia in the XIX – Beginning of XX Centuries: Workers, Rules, Lexicon. Via in tempore. History and political science. 49 (3): 630–639 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-630-639

Введение

Извозный промысел, которым занимались многие, дал хороший материал филологам, изучающим русскую словесность, и историкам, исследующим быт и культуру извозчиков. Тяжелый и изнурительный, не всегда прибыльный труд способствовал появлению на свет большого количества пословиц и поговорок, позволявших точно и метко охарактеризовать событие или ситуацию, а также профессиональных терминов, применявшихся только извозчиками.

В толковом словаре В.И. Даля под извозным промыслом понимается промысел гужевой доставки. Он подразделялся на *путевой* извоз, называющийся также дорожный, обозный, служивший для межпоселенческих поездок, и *городской* извоз, заключавшийся в перевозке по городу. Городские извозчики делились на ломовых, которые перевозили различного рода грузы, и на легковых, перевозивших пассажиров. Последние в свою очередь делились на биржевых, или стоичных, и шатущих, т. е. безместных, или ванек. В числе биржевых особо выделялись ухорские, лихачи со щегольской закладкой [6, с. 369].

Извозчики – народ словоохотливый: причиной тому являлась большая протяженность пути, а в разговоре и дорога короче; также играло роль желание расположить к себе седока, который, удовлетворившись беседой, мог заплатить значительно больше оговоренной суммы. Конечно, каждая группа извозчиков пользовалась своим профессиональным понятийным аппаратом, пословицами, поговорками, анекдотами, с полуслова понятными только им. Исследованию именно этого направления жизни *путевых извозчиков* посвящена данная статья.

Объекты и методы исследования

В данной статье историографический обзор материалов, посвященных извозному промыслу, начинается с общих работ, которые показывают развитие гужевого промысла. Среди них следует выделить статью Барановой Е.В., посвященную быту городских извозчиков XIX – начала XX века в контексте изучения влияния гужевого транспорта на фор-

мирование особой городской провинциальной культуры [Баранова]. В исследовании Самариной Л.А. рассмотрен извозный промысел в городах Российской империи и создано понимание о едином правовом пространстве извозного промысла, описан социальный образ извозчика на основании литературных источников и материалов периодической печати [Самарина]. Гужевому транспорту, создавшему коммуникационное пространство для развития всех сфер жизнедеятельности России, посвящен исторический очерк Гольца Г.А. [Гольц].

Вторую группу работ объединяет региональный аспект исследования гужевого промысла. Состоянию извозного промысла – легкового и ломового – в Санкт-Петербургской губернии, его условиям и поездным особенностям, размерам заработка крестьян, вовлеченных в промысел, особенностям менталитета извозчиков посвящена работа Никулина В.Н. [Никулин]. Внутригородской гужевой транспорт как важная подсистема создававшейся городской базы юга России рассматриваются в статье Сидякиной А.Г. [Сидякина]. Статья Алексушина Г.В. посвящена гужевым перевозкам в дореволюционной Самаре: рассматриваются правила передвижения и штрафы за их несоблюдение, а также форма извозчиков и виды гужевых повозок [Алексушин]. Значению транспортной системы в жизни населения Костромы и Ярославля в конце XIX – начале XX века посвящена статья Бушуева И.А. [Бушуев]. Исследованию извозного промысла в Сибири посвящены работы Катионова О.Н. [Катионов], Захарова В.П. [Захаров] и др.

В третью группу исследований объединены работы филологов, которые анализируют языковые особенности работников извозного промысла. В статье Шейдаевой С.Г. на материале памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв. рассматриваются семантические и словообразовательные особенности лексики ямского и извозного промыслов [Шейдаева]. В исследовании Трубицыной В.В. показывается специфика взаимодействия авторской «ямщицкой» песни и фольклора на общественно-историческом, функционально-стилевом, технологически-стилевом уровнях [Трубицына]. В работе Ермаковой О.П. «Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века» показана жизнь и языковые особенности в провинциальных российских городах в 30–40-е годы XX века, в том числе и применительно к гужевому транспорту [Ермакова]. В исследовании Камлевич Г.А. исследуется транспортная лексика, описанная в книге Гиляровского В.А. «Москва и москвичи», указана специфика семантики и функционирования изучаемых лексем [Камлевич]. Лингвопоэтический анализ стихотворения Н. Заболоцкого «Движение» проведен в статье Лошакова А.Г. [Лошаков].

В отдельную группу выделены словари, в которых представлены не только термины, но и городской фольклор Москвы [Муравьев], Санкт-Петербурга [Синдаловский] и т. д.

Таким образом, изучению различных аспектов извозного дела посвящено значительное количество исследований, в которых рассмотрены особенности этого важного вида промысла, а также значение грузового и пассажирского извоза в транспортной системе страны.

Источниковую базу данного исследования составили «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля В.И., сборники русских пословиц и поговорок Коринфского А.А., Иллюстрова И.И., материалы из художественных произведений Лейкина Н.А., Лескова Н.С., Стахеева Д.И., Кокорева И.Т., Мельникова П.И.

Актуальность данного исследования продиктована наличием существенного пробела в исторических трудах: они большей частью посвящены социально-экономическому аспекту развития всех видов гужевого промысла и в значительно меньшей степени обращены к своеобразной профессиональной терминологии и фольклору, которые, находясь на стыке интересов филологии и истории, позволяют всесторонне охарактеризовать извозный вид промысла.

Результаты и их обсуждение

Поскольку по большей части извозчики являлись крестьянами, приехавшими в города, прежде всего в Москву и Петербург, на заработки, постольку они объясняли свое занятие пословицей: *«Дома сидеть, ни гроша не высидишь»* [19, с. 7] и четверостишием:

*«Мужик я простой,
вырос на морозе;
Летом ходил за сохой,
Зимой ездил на извозе...»* [Кокорев, с. 74].

Извозный сезон для крестьян начинался 7 декабря (24 ноября по старому стилю), когда Русская православная церковь поминала св. великомученицу Екатерину: *«Катеринин день пришел, катанье привел; катаясь, у кого лошадь да сани есть, на санях, а нет ни сани, ни лошади – садись на ледянку, с горы катись!»* или *«Прокоп дорожку прокопает, а Катерина укатает!»* [Коринфский, с. 466].

Большинство извозчиков имели лошадей, малопригодных для перевозок, поэтому пословицы и поговорки свидетельствовали о том, что с «подвижным составом», т. е. с лошастью, нужно обращаться бережно и ласково, а то можно ничего не заработать: *«На ретивую лошадь не кнут, а возжи»* [Тимошенко, с. 167]. В рассказе «Извозчик» Н.А. Лейкина, русского писателя, журналиста и издателя, дано подтверждение этой поговорки, когда опытный извозчик давал наставления молодому извозчику: *«С этой, брат, лошастью иногда-то трафится (везет. – прим. Л.Д.), что просто хоть зарежь – не идет. Так ты ее норови за другими лошадьми, так она лучше... а то ее ничем не возьмешь: к кнуту смерть не ласкова»* [Лейкин, с. 201].

Проблемы со слабыми, измученными тяжелой работой лошадьми были у многих извозчиков, ср.: *«Ты ее кнутом, а она хвостом!»* или *«Двое из конюшни ведут, да двое ноги переставляют»* [Лейкин, с. 131]. Иногда извозчики шутливо объясняли, казалось бы, беспричинную остановку лошади поговоркой *«Сани заартачились, оттого и лошадь встала»* [Даль, с. 205].

Чтобы лошадь была послушной, опытные извозчики советовали чаще поить ее, при этом приговаривая: *«Пей воду, пей, брюха не жалей; напою опять, только на ноги не сядь»* [Лейкин, с. 132]. Занимавшийся извозом должен был кормить лошадь овсом и сеном не только тогда, когда он в пути, но и дома. *«Кормежкой»* называлась станция, а *«пряжкой»* – расстояние от станции до станции, которое равнялось 25 верстам. *«Лошадь следует кормить в разуме, – говорил извозчик, – а то дорогой опардонит»*, что означало, что дальше не повезет. *«Лошадь задымится, ее на пятую станцию не хватит»*, – объяснял другой [Трирогов, с. 276–279]. Таким образом, большинство извозчиков с большой любовью относились к лошади как к своей кормилице. Покровительствовали лошадям святые Флор и Лавр: их день отмечается 18 августа, и его всегда почитали крестьяне-извозчики. Но некоторые, нанимаясь в извозчики и используя хозяйскую лошадь и извозный инвентарь, не считали нужным бережно обращаться с животным, говоря: *«Лошади чужие, кнут не свой – погоняй, не стой»* [Даль, с. 43].

Извозчики, особенно те, кто возил между городами и селениями, придавали огромное значение разным приметам, предметам, погодным условиям. По народному поверью верстовой столб *«сам не видит, а другим указывает; нем и глух, а счет знает»*. Про поддужного колокольчика, веселящего и подбадривающего извозчика, и седока сочинили загадку: *«Кричит без языка, поет без горла, радуется и бедует, а сердце не чувствует»*. Дорога понималась русским ямщиком как «брус» («бревно»), которое растянулось через всю Русь: *«Кабы встал, я бы до неба достал, руки да ноги, я бы вора связал, рот да глаза, я бы все увидал, все рассказал!»* – рассказывал извозчик о дороге. Извозчики и люди, выезжающие

в дорогу, надеялись на защиту св. Николая-чудотворца, приговаривая: «*Призывай Бога на помощь, а Николу в путь!*» [Коринфский, с. 466].

Опытному извозчику фактически не было преграды в пути. «*Где дорога – там и путь, – приговаривал мужик, – где торно (наезжено, укатано. – Прим. Л.Д.), там и просторно!*» [Коринфский, с. 230]. Лошадь и дорога были для извозчика самыми главными, ср.: «*Не лошадь едет, а дорога*» (т. е. важны гладкая дорога да сытый конь) [Даль, с. 679].

Извозчики, занимавшиеся дальним грузовым извозом, организовывались в артели и получали груз для перевозки через посредников: *подрядчика*, который вступал в договор с хозяином груза, и своего *десятника* или *артельщика*, которые договаривались с подрядчиком. Подрядчик принимал на себя ответственность перед заказчиком в том, что груз будет доставлен в назначенное место в целостности и сохранности и к известному сроку. Десятником был один из извозчиков, благонадежный, состоятельный и известный подрядчику. Последний вел все расчеты с артелью извозчиков через десятника. Десятник получал на руки деньги за извоз и рассчитывался ими за всю артель с хозяевами постоянных дворов на всех станциях. Имущественную ответственность перед подрядчиком нес не десятник лично, а вся артель извозчиков. В сущности, вся ответственность за доставку груза лежала на самих извозчиках. Подрядчик, как человек богатый и известный купцам и фабрикантам, пользовался у них доверием и денежным кредитом и мог предоставить залог. Сам подрядчик был защищен от убытков коллективной состоятельностью целой артели извозчиков. Посредничество подрядчика, разумеется, не обходилось извозчикам даром: было установлено, что они на каждом возу или на каждой своей лошади везли по одному пуду груза бесплатно, отказываясь от денег за перевозку этого пуда в пользу подрядчика. Такая плата извозчиков подрядчику называлась «*пряжа*» или «*дужнина*». Десятник от извозчиков своей артели большею частью никаким вознаграждением не пользовался. Но если он находил для своей артели какой-нибудь груз для перевозки за выгодную цену, то извозчики иногда уступали незначительную часть этой цены в его пользу: это называлось давать своему десятнику «*лапотное*». Иногда десятники получали деньги от содержателей постоянных дворов. При отъезде из каждого постоянного двора десятник, как уже было сказано выше, рассчитывался с хозяином за купленные овес и сено, за пищу, и хозяин, положив на счетах всю следующую с артели сумму, как говорится, из уважения, скидывал со счетов несколько копеек, например, 3 копейки в пользу десятника. Это называлось получать от хозяина постоянного двора «*на карандашик*» [Романов, с. 213–214].

Занимающиеся извозом всегда отправлялись в путь по несколько человек – это объяснялось элементарной безопасностью. Поговаривая: «*Тише едешь – дальше будешь*», они предвидели трудности, часто от них не зависящие: скользкий путь, рытвины, метели и т. п. Если опрокидывался воз, то товарищи его живо поднимали и оправляли. Извозчики охотно делали это потому, что каждого из них мог ждать такой же случай.

Когда возы еще не были построены в ряд при выезде из села, все участвовавшие в обозе тянули жребий, кому как становиться. Число жребиев соответствовало числу станций. Тот, у которого жребий вылетал первым, становился вперед: он обязан был следить за всем, что могло встретиться на пути (этот жребий назывался *резвым*); второй по жребию становился вторым и т. д. Тот, кому доставался последний жребий, становился замыкающим и следил за тем, как бы что-нибудь не случилось позади обоза. Последний жребий назывался *дебавым*. «*Я в дебах*», – говорил этот извозчик (таким образом, пословица «*что с возу упало, то пропало*» относится к одиночным извозчикам и не применялась к обозу). На второй станции он делался уже вторым с конца и т. д. По этому описанию видно, что крестьяне извоз причисляли к делам артельным [Даль, 514].

«*Ну, братцы, один от одного не отставай – смерть одна*», – приговаривали артельщики в непогоду. Несколько человек шли вперед и разглядывали дорогу, а остальные шли сзади, чтобы не потеряться; передовая лошадь, хотя и чувствовала под ногами твердость грунта, но могла сбиться и попасть на полевые дороги: «*Много народу гибнет в пур-*

гу по одному и по паре, а про обоз не слышать», – говорили извозчики. На каждом возу одноконным непременно лежал груз в 25 пудов – это был так называемый *четвертной воз*, т. е. четверть сотни пудов. Груз в 50 пудов был навален на два отдельных воза – такое количество груза называлось *парным возом* [Тимошенко, с. 276–279].

Артельное начало в этом промысле спасало крестьян от многих несчастий не только в пути, но и на постоянных дворах, ср.: *«К обозу не подкачнется, не пододвинется»* говорили про злого человека. Монотонная дорога могла притупить бдительность артельщиков, поэтому передовой извозчик в обозе периодически громко кричал: *«Задник, не спать!»* чтобы не подрезали (*украли*. – прим Л. Д.) товар [Даль, 514].

«Междугородние пассажирские перевозки» гужевым транспортом были весьма популярны. Они также осуществлялись артельно. *«Извозчик не огурицик (праздный шатун, упрямый лентяй, неслух*. – прим. Л. Д.), *всякого возит»* [Иллюстров, с. 349]. Извозчик-троечники, перевозившие пассажиров на дальние расстояния, внимательно высматривали претендентов на поездку, подходя всей толпой к желающему ехать. Один из извозчиков, уговаривавших потенциального пассажира, – *рядчик*, торгуясь, запрашивал невероятно высокую цену, постепенно сбавляя ее. Когда цена за перевозку устраивала обе стороны, начиналось «соревнование» между самими извозчиками. Сам рядчик не ездил – он только устанавливал цену по общему закону во всех сделках подобного рода, ср.: *«Торговаться одному, а конаться (метать жребий*. – прим. Л. Д.) *всем»*. Ехал с пассажирами тот, кто ухватился последним за самый конец палки или веревки, а всем остальным приходилось «слазить» с козел, т. е. уступать свое место, и получать за это отступное, «слаз», которое давалось деньгами. Последняя сделка уже не была отступным, а звалась «срывом», впоследствии переименованная в *магарыч*. Магарычи обычно пропивались, и после этого не могло быть и речи о новой торговле. Если же кто-то из извозчиков сомневался в чистоте сделки, то это в расчет уже не принималось, ср.: *«Кто о барышах, а кто о магарычах»; «Барыш барышом, а магарычи даром»*. Выигравший извозчик мог и отдать поездку другому, если тому надо было ехать уже в обратном направлении. Выгоднее в этом случае было «дать слазу», т. е. оставить себе хоть что-нибудь, ср.: *«Маленькая рыбка лучше большого таракана»* [Максимов, с. 398–399]. Оба случая получения заказа на извоз можно охарактеризовать пословицей: *«Ямщик – в дороге пайщик»* [Иллюстров, с. 112], поскольку товарищеская артельная выручка в дороге всегда очень важна.

Каждый извозчик, конечно, надеялся на заработок, который позволил бы ему расплатиться за налоги, привезти своим родным небольшие подарки – и об этом тоже имела своя поговорка: *«То не извоз, коли в пугину на кнут не заработаешь»* [Иллюстров, с. 349]. Если в обратный путь груза не оказывалось, то у извозчика всегда были припасены свои деньги: он покупал на них, смотря по времени года, арбузы, рыбу весовую, муку пшеничную, а если не было ничего подходящего, то брал соль, которая по мелочам разойдется у него в селе или у себя дома. Вообще извоз в один путь и обратно называется *поездкой*: *«Ну, в эту поездку купит извозчик домашним – пришло маленько»*. [Тимошенко, с. 276–279].

Заключение

Таким образом, в профессиональный лексикон обозных извозчиков входило довольно большое количество специальных терминов, шуток и прибауток, пословиц и поговорок, которые показывают отношение человека к извозному промыслу, в частности, какое внимание он придавал дороге, верстовым столбам, погодным условиям. Особое внимание извозчики уделяли лошадям, посвятив им большое количество пословиц и поговорок, советов, примет. Артельная работа извозчиков позволила появиться большому количеству специальных терминов, объяснявших розыгрыш места в обозе либо возможность поездки с пассажиром. В большинстве своем пословицы и поговорки акцентировали внимание на

дружной работе артели, которая была очень важна в возможности заработать, работая в путевом извозе. Исходя из этого отметим, что пословицы и поговорки, специфическая терминология путевых извозчиков – это целый историко-культурный пласт, позволяющий понять непростую жизнь людей, занимавшихся извозным промыслом, требующий еще более пристального внимания и анализа как со стороны филологов, так и историков.

Список литературы

- Алексушин Г.В., Лунин Н.С. 2021. Гужевые перевозки в дореволюционной Самаре. Тенденции развития науки и образования, 74–8: 99–102.
- Баранова Е.В. 2015. Городские извозчики конца XIX – нач. XX в.: штрихи к портрету социально-профессиональной группы. Социально-экономические явления и процессы, 10. 6: 127–133.
- Бушуев И.А. 2014. Транспортная система Костромы и Ярославля на рубеже XIX–XX веков в повседневной жизни губернских центров. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 20. 4: 65–68.
- Гольц Г.А. 2007. Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения в России. (исторический очерк). Россия и современный мир, 1 (54): 119–139.
- Даль В.И. 1879. Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Т. 1. Санкт-Петербург, Вольф. 685 с.
- Даль В.И. 1865. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. И-О. Москва, изд. общ-ва любителей российской словесности, 629–1351 стб.
- Даль В.И. 1863. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. А-З. Москва, изд. общ-ва любителей Российской словесности, 627 с.
- Ермакова О.П. 2011. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. Москва, Флинта, 186 с.
- Захаров В.П. 1999. Извозный промысел Якутии на рубеже XIX–XX вв. Исторические исследования в Республике Саха (Якутия): поиски и проблемы. Якутск: 64–73.
- Иллюстров И.И. 1915. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сб. рус. пословиц и поговорок. Москва, т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 480 с.
- Камлевич Г.А. 2015. Транспортная лексика в книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи». Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество: сб. трудов по мат-лам VII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Л.В. Дудова. <http://elib.bspu.by/handle/doc/7615> (дата обращения 20.04.2022).
- Катионов О.Н. 1988. Некоторые итоги изучения роли извозного промысла в капиталистическом развитии Сибири. В сборнике: Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. историография проблемы: сборник научных трудов. Сер. «Исторический опыт освоения Сибири» ответственный редактор Л.М. Горюшкин; Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск: 106–121.
- Кокорев И.Т. 1858. Очерки и рассказы. Т. 3. Москва, унив. тип., 356 с.
- Коринфский А.А. 1901. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Москва, М. В. Клюкин, 723 с.
- Лейкин, Н.А. 1871. Повести, рассказы. Т. 2. – Санкт-Петербург, 432 с.
- Лошаков А.Г. 2012. Почему борода извозчика «лежит, монетами звеня»? (лингвопоэтический анализ стихотворения Н. Заболоцкого «Движение»). Русский язык в школе, 4: 48–56.
- Максимов С.В. 1890. Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится: по толкованию С. Максимова. Санкт-Петербург, А.С. Суворин, 486 с.
- Мельников П.И. 1897–1898. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). – 1-е посмерт. полн. изд., доп., свер. и вновь просмотр. по рукописям. Т. 1–14. СПб, т-во М.О. Вольф, 417 с.
- Муравьев В.Б. 2003. История Москвы в пословицах и поговорках. Москва, Московведение, Моск. учеб. и Картолитография, 286 с.
- Никулин В.Н. 2015. «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX века. Северо-Запад в аграрной истории России, 21: 139–154.

- Романов Н.Н. 1876. Статистическое описание Орловского уезда Вятской губернии. Вятка, Вят. губ. Земство, 360 с.
- Самарина Л.А. 2019. Легковой извоз в российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). История повседневности, 3 (11): 91–116.
- Сидякина А.Г. 2015. Функционирование внутригородского гужевого транспорта на Кубани и в Причерноморье в конце XIX – начале XX века. Культурная жизнь Юга России, 2 (57): 47–51.
- Синдаловский Н.А. 2014. Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность. Санкт-Петербург, «Центрполиграф», 360 с.
- Тимошенко И.Е. 1897. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, тип. П. Барского, 174 с.
- Трирогов В.Г. 1882. Община и податъ. Санкт-Петербург, тип. А.С. Суворина, 509 с.
- Трубицына В.В. 2021. Фольклоризация литературной «ямщицкой» песни (по материалам Кемеровской области). В сб.: Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспяковых. Новокузнецк; Красноярск: 264–270.
- Шейдаева С.Г. 2021. Лексика ямского и извозного промыслов: историко-словообразовательный аспект. Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология, 31. 6: 1127–1142.

References

- Aleksushin G.V., Lunin N.S. 2021. Aleksushin G.V., Lunin N. S. 2021. Horse-drawn transportation in pre-revolutionary Samara. Trends in the development of science and education, 74–8: 99–102 (in Russian).
- Baranova E.V. 2015. City cabs of the late XIX – early XX century.: touches to the portrait of a socio-professional group. Socio-economic phenomena and Processes, 10. 6: 127–133 (in Russian).
- Bushuev I.A. 2014. The transport system of Kostroma and Yaroslavl at the turn of the XIX–XX centuries in the daily life of provincial centers. Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, 20. 4: 65–68 (in Russian).
- Golts G.A. 2007. Horse-drawn transport and horse-drawn communication routes in Russia (historical essay). Russia and the Modern World, 1 (54): 119–139 (in Russian).
- Dal V.I. Posloviцы russkogo naroda: sb. poslovic, pogovorok, rechenij, prislovij, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverij i proch. [Proverbs of the Russian people: Sat. proverbs, sayings, sayings, proverbs, tongue-twisters, jokes, riddles, beliefs, etc.]. V. 1. St. Petersburg, Wolf, 685 p.
- Dal V.I. 1865. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Part 2. I-O. Moscow, izd. obshch-va lyubitelej Rossijskoj slovesnosti, 629–1351 column.
- Dal V.I. 1863. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Part 1. A-Z. Moscow, izd. obshch-va lyubitelej Rossijskoj slovesnosti, 627 p.
- Ermakova O.P. 2011. Zhizn russijskogo goroda v leksike 30–40-h godov XX veka: kratkij tolkovyj slovar' ushedshih i uhodyashchih slov i znachenij [The life of the Russian city in the vocabulary of the 30–40s of the XX century: a brief explanatory dictionary of words and meanings that have passed away and are leaving]. Moscow, Flinta, 186 p.
- Zakharov V.P. 1999. Izvoznij promysel YAkutii na rubezhe XIX–XX vv. [Carriage trade in Yakutia at the turn of the 19th–20th centuries]. Istoricheskie issledovaniya v Respublike Saha (Yakutiya): poiski i problem. Yakutsk: 64–73 (in Russian).
- Ilyustrov I.I. 1915. Zhizn russkogo naroda v ego poslovicah i pogovorkah: sbornik russkih poslovic i pogovorok [The life of the Russian people in its proverbs and sayings: Sat. Russian proverbs and sayings]. Moskva, t-vo skoropechatni A.A. Levenson, 480 p.
- Kamlevich G.A. 2015. Transportnaya leksika v knige V.A. Gilyarovskogo «Moskva i moskvichi» [Transport vocabulary in the book by V.A. Gilyarovskiy «Moscow and Muscovites»]. Philological science and school: dialogue and cooperation: Sat. of works on the materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference: at 2 o'clock / editor-in-chief L.V. Dudov. <http://elib.bspu.by/handle/doc/7615> (accessed 20.04.2022) (in Russian).
- Kationov O.N. 1988. Nekotorye itogi izucheniya roli izvoznogo promysla v kapitalisticheskom razvitii Sibiri [Some results of the study of the role of the cart industry in the capitalist development of Siberia]. In the collection: Economic development of Siberia in the period of capitalism.

- historiography of the problem: a collection of scientific papers. Ser. «The historical experience of the development of Siberia». Novosibirsk: 106–121 (in Russian).
- Kokorev I.T. 1858. Ocherki i rasskazy [Essays and short stories]. V. 3. Moscow, university printing house. 356 p.
- Korinfsky A.A. 1901. Narodnaya Rus. Kruglyj god skazaniy, poverij, obychaev i poslovic russkogo naroda [People's Russia. All year round legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people]. Moscow, M.V. Klyukin. 723 p.
- Leikin, N.A. 1871. Povesti, rasskazy [Novels, stories]. V.2. St. Petersburg. 432 p.
- Loshakov A.G. 2012. Pochemu boroda izvozhchika «lezhit, monetami zvenya»? (lingvopoeticheskij analiz stihotvoreniya N. Zabolockogo «Dvizhenie») [Why is the cabby's beard «lying, jingling with coins»? (Linguistic and poetic analysis of the poem by N. Zabolotsky «Movement»)]. Russkij yazyk v shkole, 4: 48–56 (in Russian).
- Maksimov S.V. 1890. Krylatye slova. Ne sprosta i ne spusta slovo molvitsya i dó veku ne slomitsya: po tolkovaniyu S. Maksimova [Winged words. It is not without reason and not in vain that the word is spoken and will not break forever: according to the interpretation of S. Maksimov]. St. Petersburg, A.S. Suvorin. 486 p.
- Melnikov P.I. 1897–1898. Polnoe sobranie sochinenij P.I. Mel'nikova (Andrey Pecherskogo) [Complete works of P.I. Melnikov (Andrey Pechersky)]. – 1st posthumous complete edition, supplemented, collated and revisited from the manuscripts. V. 14. St. Petersburg, t-vo M.O. Wolf. 417 p.
- Muravyov V.B. 2003. Istoriya Moskvyy v poslovicah i pogovorkah [The history of Moscow in proverbs and sayings]. Moscow, Moscow Studies, Moscow Educational and Cartolithography. 286 p.
- Nikulin V.N. 2015. «Vanki», «golubchiki», «lihachi» i «lomoviki». Iz istorii izvoznogo promysla krest'yan stolichnoj gubernii v konce XIX veka [«Vanki», «darlings», «reckless» and «drawers». From the history of the cart trade of the peasants of the capital province at the end of the 19th century]. Northwest in the agrarian history of Russia, 21: 139–154 (in Russian).
- Romanov N.N. 1876. Statisticheskoe opisanie Orlovskogo uezda Vyatskoj gubernii [Statistical description of the Orlovsky district of the Vyatka province]. Vyatka, Vyatka lips. Zemstvo. 360 p.
- Samarina L.A. 2019. Legkovoij izvoz v rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Passenger Carriage in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. History of Everyday Life, 3 (11): 91–116 (in Russian).
- Sidyakina A.G. 2015. Funkcionirovanie vnutrigorodskogo guzhevogo transporta na Kubani i v Prichernomor'e v konce XIX – nachale XX veka [The functioning of intracity horse-drawn transport in the Kuban and the Black Sea region in the late XIX – early XX century]. Cultural life of the South of Russia, 2 (57): 47–51 (in Russian).
- Sindalovskij N.A. 2014. Slovar peterburzhca. Leksikon Severnoj stolicy. Istoriya i sovremennost [Dictionary of the Petersburg. Lexicon of the Northern capital. History and modernity]. St. Petersburg, Centerpolygraph. 360 p.
- Timoshenko I.E. 1897. Literaturnye pervoistochniki i prototypy trekhstot russkikh poslovic i pogovorok [Literary primary sources and prototypes of three hundred Russian proverbs and sayings]. Kyiv, P. Barsky's printing house. 174 p.
- Trirogov V.G. 1882. Obshchina i podat [Community and file]. St. Petersburg, printing house A.S. Suvorin. 509 p.
- Trubitsyna V.V. 2021. Folklorizaciya literaturnoj «yamshchickoj» pesni (po materialam Kemerovskoj oblasti) [Folklorization of the literary «coachman's» song (based on the materials of the Kemerovo region)]. In the collection: Language. Culture. Ethnos. Readings in memory of E.F. and F.G. Chispiyakov. Novokuznetsk; Krasnoyarsk: 264–270 (in Russian).
- Sheidaeva S.G. 2021. Leksika yamskogo i izvoznogo promyslov: istoriko-slovoobrazovatel'nyj aspect [Vocabulary of the Yamsk and Carrying Crafts: Historical and Derivational Aspect]. Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology, 31. 6: 1127–1142 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.05.2022
Поступила после рецензирования 06.06. 2022
Принята к публикации 06.06. 2022

Received 15.05.2022
Revised 06.06. 2022
Accepted 06.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинова Диана Васильевна, кандидат исторических наук., доцент кафедры общественных наук института экономики и социальных технологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9624-8988](https://orcid.org/0000-0002-9624-8988)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana V. Loginova, candidate of historical sciences, associate professor, Department of Social Sciences, Institute of Economics and Social Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia

УДК 930.85

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-640-647

Оригинальное исследование

Отношение благородного сословия к роли социального этикета в Российской империи в конце XIX в.

Косова Д.Г.

Белгородский государственный научно-исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: darikosova@gmail.com

Аннотация. Современная историческая наука тяготеет к изучению истории повседневной культуры. Несмотря на данный факт, социальный этикет в кругах благородного сословия Российской империи в конце XIX века по сей день остается крайне малоизученной темой исторического наследия прошлого. Между тем социальный этикет конца XIX века является ключевой составляющей понимания мировоззрения дворянского сословия, его повседневной жизни. Указанный период стал важным этапом в формировании нового социально-правового статуса дворянского сословия, что оказало влияние и на культурную составляющую. В большинстве научных работ, касающихся нашего вопроса, заметна тенденция к противопоставлению светской культуры религиозным догматам, что, по мнению автора, является заблуждением, поскольку для дворян светская культура общения была «продолжением» религиозности.

Ключевые слова: Российская империя, дворянское сословие, культура, светскость, этикет, социальный этикет, высшее общество

Для цитирования: Косова Д.Г. 2022. Отношение благородного сословия к роли социального этикета в Российской империи в конце XIX в. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 640–647. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-640-647

The Attitude of the Noble Class to the Role of the Social Etiquette in the Russian Empire at the End of the XIX Century

Daria G. Kosova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: darikosova@gmail.com

Abstract. Modern historical science tends to study the history of everyday culture. Although despite this fact, social etiquette in the circles of the noble estate of the Russian Empire at the end of the XIX century to this day remains an extremely little-studied topic of the historical heritage of the past. In most scientific papers on this topic, there is a noticeable tendency to contrast secular culture with religious dogmas, which is a misconception by author's opinion, since for the nobles the secular culture of communication was a «continuation» of religiosity. Social etiquette of the late XIX century is a key component of understanding the worldview of the nobility, its daily life. The end of the XIX century became an important stage in the formation of a new social and legal status of the nobility, which also influenced the cultural component. Analyzing the sources, author concluded that the regulation of etiquette has gradually begun to affect an increasing number of socio-public spheres. The criteria for the formation of secular etiquette were gender, age, social and social status, the degree of kinship and acquaintance of members of society. The relationship between the «subjects» of secular etiquette could be built on the complex of the presented criteria.

Keywords: Russian Empire, nobility, culture, secularism, etiquette, social etiquette, upperclass society

For citation: Kosova D.G. 2022. The Attitude of the Noble Class to the Role of the Social Etiquette in the Russian Empire at the End of the XIX Century. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 640–647 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-640-647

Введение

Современная историческая наука тяготеет к изучению повседневной культуры. Благодаря анализу повседневности, окружающей людей, исследователь буквально воссоздает живые образы исторической действительности. Одной из важнейших, но по-прежнему малоизученных проблем истории является проблема формирования и развития дворянской светскости. Дворянское сословие во второй половине XIX века по-прежнему оставалось «законодателем» основ этикета. Основными принципами этикета дворянского общества оставались вежливость, учтивость и благопристойность, а также неукоснительное исполнение правил, прописанных в ряде специальных сборников, в которых закреплялись основы правильного светского поведения [Ответ приятелю, советовавшему мне жениться 1825, с. 2]. Анализируя представленные источники, можно выделить, что регламентация этикета начинает постепенно затрагивать и более узкие социально-общественные сферы. Отмена крепостного права стала причиной «стирания» различий в повседневной культуре сословий. Этикет как явление становится достоянием большего круга людей. Крестьянское сословие постепенно начинает перенимать некоторые «светские» правила, однако «законодателями» светской культуры по-прежнему остаются дворяне. Возникает целый комплекс вопросов: каким образом дворянское сословие оказывало влияние на формирование социального этикета? Как преобразовывались основы социального этикета в зависимости от социального положения дворян? Как дворянское сословие относилось к строгой регламентации общественной жизни?

Объекты и методы исследования

Развитие этикета в России имеет достаточно долгую историю. Процесс формирования и развития образа благородного сословия, знакомого нам по ряду художественных произведений, редко становился объектом подробного исследования. Во многом историки и культурологи концентрировали внимание на периодах расцвета светской жизни в дворянском обществе, отдавая предпочтение ярким личностям, влиянию западных традиций и роли этикета в развитии общества в целом. В данном исследовании мы стремимся при помощи комплексного анализа источников и накопленной историографической базы структурировать накопленный материал и представить итог процесса формирования светского этикета дворянского сословия, которое к концу XIX века вступает в новый этап своего существования.

Результаты и их обсуждение

Развитие этикета во второй половине XIX века под влиянием социально-политических преобразований приобретает целый комплекс новых черт. Дворянское сословие, по-прежнему оставаясь «эталоном» для других сословий, постепенно стало регламентировать новые стороны общественной жизни. К примеру, стоит обратить внимание на то, что с усилением роли товарно-денежных отношений в обществе в сборниках, регламентирующих светский этикет, появляются главы, посвященные отношению к труду. По мнению составителя данного сборника, труд – лучший помощник добродетели. Помимо этого, появляется целый комплекс нравоучений, в которых указываются основы добродетельного нрава, порядка и экономии. Порядок в рамках представленных тенденций

включал в себя не только соблюдение порядка в доме, но и искусство управления домохозяйством. Экономия же воспринимается как «форма уважения труда», которая также должна ограничиваться мерой и не превращаться в «страсть скупости». Дворянский этикет в конце XIX века является «эталоном», «идеалом» светской культуры. Соблюдение правил этикета считалось обязательным правилом для воспитанного светского человека: «знание приличий, умение держать себя в обществе так, чтобы заслужить всеобщее одобрение и никаким из своих действий не оскорбить людской слабости» [Корелин, 1979, с. 7–8].

В рамках светского этикета необходимо обратиться к источникам, а именно сводам правил, в которых прописывались наиболее актуальные и устоявшиеся формы построения светских отношений. Можно отметить большое число выпускаемых нравоучительных книг как XVIII, так и XIX века. Например: «Искусство обращаться в свете, или Правила благопристойности и учтивости в пользу молодых людей, в свет вступающих», «Наука быть учтивым», «Наука общежития нынешних времен в пользу благородного юношества», «Правила благопристойности, для преподавания обучающемуся юношеству» (Я.А. Каменский), «Правила светского обхождения о вежливости», «Правила учтивости», «Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития» (Д.Н. Соколов), «Хороший тон, или Житейская мудрость и знание света: Сборник правил и советов в общественной жизни» (Ф. Честерфильд) и др. Данные источники показывают масштабность и значение этикета в жизни дворянского сословия. Воспитание молодых дворян обязательно включало основы учтивости, благопристойности и такта. Следует обратить внимание, что в текстах видно четкое разграничение социальных функций женщины и мужчины. В контексте «женского» этикета превалирует значение материнской роли женщины в обществе. Воспитание девочки отражало функции, которые потенциально помогут ей реализоваться как супруге, матери и домоправительнице. Каждая юная дама должна была освоить азы материнства, ведения хозяйства, шитья, вежливости и изящности. Важно обратить также внимание, что в дворянках старались воспитывать реалистичный и прагматичный взгляд на мир, как указывается «В записках доброй матери» 1857 года: «Начитавшись романов, женщины стремятся к воображаемому счастью, судят обо всем ложно, вместо чувств питают фантазии и делаются жительницами вымышленного мира», «Ласковость на челе жены прогоняет дикость мужа». В контексте «мужского» этикета доминируют тенденции, зародившиеся еще в начале XIX века: обращение к патриотическим чувствам юного дворянина должно было сформировать патриота, убежденного в своем долге перед Отечеством и своей семьей. Помимо этого молодым дворянам следовало обладать целым комплексом качеств, как описывает В.Н. Погожее в «Воспоминаниях»: «Молодой человек, желающий быть принятым в большом свете, необходимо должен иметь следующие качества: говорить по-французски, танцевать, знать хотя по названиям сочинений новейших авторов, судить о их достоинстве, порицать старых и все старое, разбирать играемые на театрах пьесы, уметь завести спор о музыке, сесть за фортепиано и взять небрежно несколько аккордов или сыграть что-нибудь затверженное, или промурлыкать романс или арию; знать наизусть несколько стихов любимого дамами или модного современного поэта. Но главнее всего – это играть в карты по большой и быть одетым по моде. Кто имеет все эти достоинства, тот может с честью явиться на сцену модного света» [Погожее, 1893, с. 126]. Наиболее ярким в этом отношении является произведение, опубликованное в 1890 году – «Жизнь в свете, дома и при дворе». В данном источнике в рамках первой главы представлена регламентация светского общения и культуры, а также выделены основные особенности и ценности культуры.

Составителями «Жизнь в свете, дома и при дворе» в самом начале работы разграничиваются два ключевых понятия дворянского этикета: вежливость и такт. Под вежливостью понимают «общественные добродетели, необходимые нам для того, чтобы быть полезными и приятными окружающим. Она обязательна в светских, так же как в деловых и

вообще в жизненных отношениях». Такт же выступает как «одно из важнейших условий света», которое приобретается через размышление и наблюдение.

Также важно обратить внимание на то, что в XIX веке этикет стал неотъемлемой частью общественной жизни. Дворянские дети обязаны были усваивать не только необходимый уровень знаний, но и следовать установленным светским правилам. Как отмечает С.С. Царикаева, «дворянским детям стремились дать не только образование, но и дать хорошее воспитание, сделать из них "благовоспитанных" людей» [Царикаева, 2008, с. 137]. Поэтому юные дворяне включались в систему светских отношений дома в семье, которые затем применяли и в обществе.

Стоит обратить также внимание на то, что в первой главе «Жизнь в свете, дома и при дворе» уделяется большое внимание роли женщины в социально-общественной жизни. Об этом ярко свидетельствует включение в данную главу таких параграфов, как «молодая хозяйка дома», «женщина одна», также в параграфах «любезности и комплименты», «визиты и приемы», «искусство одеваться» большая часть представленных правил регламентирует поведение женщин в обществе. Важно заметить, что женское воспитание должно было основываться на тех же правилах и установках, что и мужское, однако в рамках светского этикета обязательно включались дополнительные требования.

Стоит заметить, что в представленном практическом сборнике ярко выражены социальные роли, наделяемые женщине. Начиная с самого рождения юной дворянки, а затем её первым выходом в свет, на протяжении всей жизни целью определялось нахождение выгодной для замужества партии. Вся жизнь девушки XIX века сводилась к двум сценариям: заключение брака или жизнь в одиночестве, что прекрасно отражено во включении в «Жизнь в свете, дома и при дворе» параграфа «женщина одна» и упоминание «замужней женщины» или «женщины-хозяйки». Существовал даже некий эталон будущей жены дворянина, действовавший на протяжении всего XIX столетия. Составить образ идеала невесты можно благодаря стихотворению «Ответ приятелю, советовавшему мне жениться» неизвестного автора, которое гласило, что жена должна: иметь хороший и здравый рассудок, не обращать внимания на внешнюю критику, быть ласковой, доброй, иногда даже угрюмой, не быть уродливой, но позволялось быть и не красавицей, быть девушкой приблизительно шестнадцатилетней, иметь хороший годовой доход, прежде всего, для нее самой [Ответ приятелю, советовавшему мне жениться, 1825, с. 2].

В параграфе «светские отношения между мужчиной и женщиной» основополагающим принципом построения взаимоотношений в светском обществе выступала степень родства или знакомства. Несмотря на более «смягченные правила этикета» для близких родственников, проявление чувств также строго регламентировалось. В данном параграфе указывается основоположный принцип общения между мужчинами и женщинами, а именно «между мужем и женою, братом и сестрой, дядей и племянницей, кузеном и кузиной всегда должно чувствоваться расстояние, созданное различием полов: с одной стороны, необходимы скромность и сдержанность, с другой – уважение и предупредительность» [Жизнь в свете, дома и при дворе, 1890, с. 23].

Рассматривая непосредственно обряд сватовства, стоит сказать, что в практических сведениях «Жизнь в свете, дома и при дворе» подробно описывалась эта процедура. Жених, приехав в дом к невесте, начинал беседу с отцом как главой семейства. Если же семья была прогрессивной для тех времен и муж считался с мнением супруги, то жених имел право общаться с тем членом семьи, который пользовался большим авторитетом.

Интересные тенденции в развитии этикета прописаны в «Жизнь в свете, дома и при дворе». В главе, посвященной титулам, указывается, что «в разговоре между хорошо знакомыми между собою людьми принято называть друг друга по имени и отчеству, однако же если присутствуют титулованные особы, например, граф или князь, то коротко знакомые с ними мужчины обращаются «ваше сиятельство», дамы же просто «граф» [Жизнь в свете, дома и при дворе 1890, с. 15]. Также в представленной главе подчеркнуто значение

корректного использования титула и прописаны основные формы вежливого обращения как к светским, так и к духовным лицам.

Также большое внимание уделялось не только речевым формам, но и внешнему виду. В параграфе «Искусство одеваться» подчеркивается, что «между всеми светскими обычаями незнание условий приличного туалета служит несомненным признаком вульгарности и недостатка такта». В рамках данного параграфа был выделен целый комплекс условий к туалетам дам и господ. На первое место по значимости ставилось изящество и вкус образа, а не его богатство и роскошь. Во-вторых, указывалось, что наряд должен быть уместен не только к контексту события или мероприятия, но и соответствовать возрасту, что особенно касалось женского этикета: «молодые девушки не носят кружев, ни шалей, ни бриллиантов, ни страусовых перьев на закрытых шляпах» [Жизнь в свете, дома и при дворе, 1890, с. 35].

Важно также обратить внимание на то, что строгой регламентации подлежали все сферы общественной жизни: от семейно-бытовых отношений до деловых встреч. Ключевой составляющей и «мерилом» этикета выступало религиозное мышление дворян. Как ни странно, в историографии довольно долгое время культивировалось представление о том, что активное включение и формирование светских правил и норм поведения является «противопоставлением» религиозной догматике. Однако при более подробном анализе представленных материалов выясняется обратное. Христианские постулаты «пронизывали» светскую культуру. Помимо воспитания таких качеств, как добродетельность, вежливость, скромность и порядочность, которые совершенно не противоречат христианской догматике, а, наоборот, соответствуют её канонам, в практических пособиях по этикету в конце XIX века встречается включение в систему светского этикета религиозных таинств и обрядов. К примеру, в сборнике «Правила светской жизни и этикета» указывалось время для венчания – от 19 до 21 часов.

Важным феноменом в светской культуре конца XIX века стало формирование нового подхода к воспитательной сфере жизни. Ю.М. Лотман указывал, что детство стали ценить как ключевой этап в становлении человека. Если в начале XIX века ребенок считался «маленьким взрослым», которого одевали во «взрослую одежду», требовали соблюдения «взрослых» правил, то уже в конце XIX века появляются и приобретают популярность детская одежда и детские комнаты. В рамках новых появившихся тенденций дети, находившиеся под опекой и надзором матери, приобретали навыки светского общения с семьей и сверстниками исходя из особенностей своего возраста.

Заключение

Таким образом, благородное сословие определяло ключевую роль социального этикета в конце XIX века. Беря за основу лишь малую часть источниковой базы, представленной блоком практических сборников, можно заметить включение элементов светского этикета во все сферы жизни: деловые, торгово-экономические отношения и религиозные обряды также были регламентированы. Особое внимание уделялось воспитанию и культивированию таких качеств, как вежливость и такт, которые в представлениях дворянского сословия имели разную природу и свойства. Применительно ко второй половине XIX века можно говорить о существовании этикета купеческого, разночинского, мещанского. Однако важно понимать, что дворяне оставались «эталоном».

Для дворян светская культура общения была «продолжением» религиозности. Светские постулаты и правила этикета не выступали в качестве «антипода» религиозных догматов. Напротив, регламентация светской жизни дворян «культивировала» и воспитывала в подрастающем поколении такие качества, как милосердие, уважение к старшим и младшим, почитание отца и матери, добросердечность и порядочность, что ни в коей мере не противоречит базовым ценностям христианской церкви.

В качестве критериев формирования светского этикета выступали пол, возраст, социальный и общественный статус, степень родства и знакомства членов общества. Взаимоотношения между «субъектами» светского этикета могли строиться исключительно с учетом представленных критериев. Нарушение и пренебрежение правилами считалось исключительной «фамильярностью», грубостью и «признаком дурного воспитания». Именно поэтому воспитание и приобщение дворян к светской культуре начиналось с семьи, в которой ответственность за воспитанность и нравственность детей возлагалась на женщину.

Также стоит обратить внимание на довольно строгое разделение социальных ролей, отводимых мужчине и женщине. Особое внимание уделялось поведению женщины в обществе, данный факт связан в первую очередь с целью, отводившейся юной девушке или женщине, а именно поиск выгодной с точки зрения экономики и влияния партии. В рамках прописанных правил выделяются следующие категории: юная девушка, невеста, замужняя женщина (чаще всего встречается упоминание женщина-хозяйка) и одинокая женщина. В рамках источников по отношению к мужчине встречаются аналогичные термины: молодой юноша, глава семейства, мужчина, супруг. Однако данные определения практически не отражают разграничения социальных функций, возлагаемых на дворян-мужчин.

Несмотря на достаточно быстрые темпы развития «светскости» в Российской империи, события начала XX века стали причиной формирования «негативного» образа светского этикета в обществе: манеры, благородство и тактичность стали признаками буржуазного прошлого. Вместо галантных кавалеров и прекрасных дам общество стало объединять всех единым термином «товарищ». Формирование «светского этикета» дворянского сословия было практически уничтожено. Однако данная тема требует более масштабного и комплексного изучения, так как светская культура является нашим историко-культурным наследием, которое позволит найти ответы на возникающие морально-этические вопросы и «вызовы» современности».

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Шаповалову В.А.

Список литературы

- Амантаева А.Б., Абдрахманова Р.К. 2020. Светское государство как феномен познания. Вестник КГПИ. 3 (59): 80–84.
- Багана Ж., Перкова А. А. 2012. К вопросу об истории развития этикета в России и странах Западной Европы. Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 5: 156–160.
- Емышева Е.М., Мосягина О.В. 2004. История этикета. Придворный этикет в России в XVIII в. Секретарское дело. 2: 56–57.
- Емышева Е.М., Мосягина О.В. 2004. Общегражданский этикет в России в XIX в. Секретарское дело. 10: 44–46.
- Жизнь в свете, дома и при дворе 1890. Издание редакции журнала «Вестник моды». – Санкт-Петербург, Тип. брат. Пантелеевых. 140 с.
- Корелин А.П. 1979. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративные организации. Москва, Наука. 304 с.
- Кронгауз М.А. 2003 Речевой этикет и мы. Московский лингвистический журнал. Т. 7. 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. Москва: 7–8.
- Курочкина И.Н. 1999. Истоки становления и развития русского этикета: с древнейших времен до XVIII в. Москва, Жизнь и мысль. 174 с.
- Лотман Ю.М. 1994. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, Искусство. 400 с.
- Мелехова Е.С. 2015. Семантика этикета в социокультурном пространстве России. Вестник славянских культур. 3 (37): 105–113.

- Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. Б.Н. Миронов. – 3 изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин. 587 с.
- Михальчук Т.Г., Ваджибов М.Д. 2015. Этикетная ситуация «Благодарность» в русской художественной литературе и в полилингвальных условиях разговорной речи. Москва. Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 11: 77–82.
- Муравьева О.С. 1999. Как воспитывали русского дворянина. – Санкт-Петербург, Журн. «Нева». Лет. Сад. 221 с.
- Немчина В.И. 2015. Социально-философская категория идентичности как категория социальной практики. Социально-гуманитарные знания. 7: 96–102.
- Ответ приятелю, советовавшему мне жениться. 1825. Москва, Московский телеграф. 7: 2.
- Погожее В.Н. Воспоминания. 1893. Исторический вестник. 6: 126.
- Соколов Д.И. 1855. Светский человек, или Руководство к познанию светских приличий и правил общежития, принятых хорошим обществом. Изд. 3-е. Москва, Тип. Вед. Московской гор. Полиции. 142 с.
- Федосеев Р.В. 2018. Правовой статус дворянского сословия в России в конце XIX – начале XX века. Гуманитарные и политико-правовые исследования. 3 (3): 45–56.
- Формановская Н.И. 1984. Употребление русского речевого этикета. 2-е изд. Москва, Русский язык, 193 с.
- Царикаева С.С. 2008. Рождение дворянской благовоспитанности и домашнее воспитание русского дворянина в XVIII–XIX вв. Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 13: 146–150.
- Цырендоржиева Д.Ш. 2016. Светскость в российском обществе: социально-философский контекст. Иркутск, Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 17: 98–104.
- Юрьев. 1889. Правила светской жизни и этикета: Хороший тон: Сб. советов и наставлений на разные случаи домаш. и обществ. жизни. Санкт-Петербург, тип. и лит. В.А. Тиханова. 413 с.

References

- Amantaeva A.B., Abdraxmanova R.K. 2020. Svetskoe gosudarstvo kak fenomen poznaniya [The secular state as a phenomenon of cognition]. Vestnik KGPI. 3 (59): 80–84 (in Russian).
- Bagana Zh., Perkova A.A. 2012. K voprosu ob istorii razvitiya etiketa v Rossii i stranax Zapadnoj Evropy [On the question of the history of etiquette development in Russia and Western Europe]. Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. 5: 156–160 (in Russian).
- Emy`sheva E.M., Mosyagina O.V. 2004. Istoriya etiketa. Pridvornyj etiket v Rossii v XVIII v. [The history of etiquette. Court etiquette in Russia in the XVIII century]. Sekretarskoe delo. 2: 56–57 (in Russian).
- Emysheva E.M., Mosyagina O.V. 2004. Obshhegrazhdanskij etiket v Rossii v XIX v. [General civil etiquette in Russia in the XIX century. Secretarial business]. Sekretarskoe delo. 10: 44–46.
- Zhizn v svete, doma i pri dvore [Life in the world, at home and at court]. 1890. Izdanie redakcii zhurnala «Vestnik mody`». – Sankt-Peterburg, Tip. brat. Panteleevy`x. 140 p. (in Russian).
- Korelin A.P. 1979. Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904 gg [Nobility in post-reform Russia 1861–1904]. Sostav, chislennost`, korporativny`e organizacii. M., Nauka. 304 s.
- Krongauz M.A. 2003. Rechevoj e`tiket i my [Speech etiquette and we]. Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. T. 7. 2. Rechevoj e`tiket: semantika i pragmatika. M., 7–8 (in Russian).
- Kurochkina I.N. 1999. Istoki stanovleniya i razvitiya russkogo etiketa: S drevnejshix vremen do XVIII v. [The origins of the formation and development of Russian etiquette: From ancient times to the XVIII century]. M., Zhizn i mysl. 174 p. (in Russian).
- Lotman Yu.M. 1994. Besedy` o russkoj kul`ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility]. SPb., Iskusstvo. 400 p. (in Russian).
- Melexova E.S. 2015. Semantika etiketa v sociokulturnom prostranstve Rossii [Semantics of etiquette in the socio-cultural space of Russia]. Vestnik slavyanskix kul`tur. 3 (37): 105–113.
- Mironov B.N. 2003. Social`naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokrat. sem`i, grazhd. o-va i pravovogo gosudarstva [The social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]: V 2 t. B.N. Mironov. 3 izd., ispr. i dop. SPb., Dmitrij Bulanin. 587 p. (in Russian).

- Mixalchuk T.G., Vadzhibov M.D. 2015 Etiketnaya situaciya «Blagodarnost» v russkoj xudozhestvennoj literature i v polilingvalnyx usloviyax razgovornoj rechi [The etiquette situation «Gratitude» in Russian fiction and in polylingual conditions of colloquial speech]. *Nauka. My`sl': e`lektronnyj periodicheskiy zhurnal*. 11: 77–82 (in Russian).
- Muravyova O.S. 1999. Kak vospity`vali russkogo dvoryanina [How a Russian nobleman was brought up]. – Sankt-Peterburg, Zhurn. «Neva». Let. Sad. 221 p. (in Russian).
- Nemchina V.I. 2015. Socialno-filosofskaya kategoriya identichnosti kak kategoriya social`noj praktiki [Socio-philosophical category of identity as a category of social practice]. *Social`no-gumanitarny`e znaniya*. 7: 96–102 (in Russian).
- Otvety priyatel'ny, sovetovavshemu mne zhenit`sya. 1825. *Moskovskij telegraf*. 7: 2.
- Pogozhee V.N. Vospominaniya. 1893. IV. 6: 126 (in Russian).
- Sokolov D.I. 1855. Svetskij chelovek, ili Rukovodstvo k poznaniyu svetskix prilichij i pravil obshhezhitija, prinyaty`x xoroshim obshhestvom [A man of the world, or a Guide to the knowledge of secular decency and the rules of the hostel adopted by a good society]. Izd 3-e. Moskva, Tip. Ved. Moskovskoj gor. policii. 142 p. (in Russian).
- Fedoseev R.V. 2018 Pravovoj status dvoryanskogo sosloviya v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [The legal status of the nobility in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Gumanitarny`e i politiko-pravovy`e issledovaniya*. № 3 (3): 45–56 (in Russian).
- Formanovskaya N.I. 1984. Upotreblenie russkogo rechevogo etiketa [The use of Russian speech etiquette]. 2-e izd. M., Russkij yazyk: 193 p.
- Czarikaeva S.S. 2008 Rozhdenie dvoryanskoj blagovospitannosti i domashnee vospitanie russkogo dvoryanina v XVIII–XIX vv. [The birth of noble good breeding and home education of a Russian nobleman in the XVIII–XIX centuries]. *Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo*. 13: 146–150 (in Russian).
- Cyrendorzheva D.Sh. 2016. Svetskost v rossijskom obshhestve: social`no-filosofskij kontekst [Secularism in Russian society: a socio-philosophical context]. *Izv. Irkut. gos. un-ta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 17: 98–104 (in Russian).
- Yurev. 1889. Pravila svetskoj zhizni i etiketa: Xoroshij ton: Sb. sovetov i nastavlenij na razny`e sluchai domash. i obshhestv. zhizni [Rules of social life and etiquette: Good tone: Collection of tips and instructions for different occasions at home. and societies]. Sankt-Peterburg, tip. i lit. V.A. Tixanova. 413 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.06.2022

Received 05.06.2022

Поступила после рецензирования 16.06.2022

Revised 16.06.2022

Принята к публикации 16.06.2022

Accepted 16.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Косова Дарья Геннадьевна, аспирант второго года обучения кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Daria G. Kosova, Postgraduate Student, Department of Russian History and Records Science, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9283-6344](https://orcid.org/0000-0002-9283-6344)

УДК 94(47).082/83
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658
Оригинальная статья

Особенности формирования новых исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. (на материалах Государственного архива Краснодарского края)

Гончаров А.С.

Ставропольский государственный педагогический институт,
Россия, 355000, Ставрополь, ул. Ленина, д. 417
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Аннотация. В центре исследования лежит когнитивная категория представлений, являющаяся наряду с образами частью системы миропонимания в сознании человека. Представления кубанского казачества – это одно из проявлений исторической памяти, культурные и эмоциональные концепты, нашедшие отражение в народном сознании кубанцев. Цель исследования – комплексный анализ исторических представлений казачества Кубанской области. В рамках традиции, заложенной испанским философом и писателем М. де Унамуно, в ходе исследования рассмотрены такие проявления исторических представлений в структуре ментальности казаков, как свидетельства акторов исторических событий, интраистория как разновидность общественного мнения и специфика устной народной традиции. Методология исследования построена также на ключевых принципах истории казачества и казаковедения М.М. Громыко и Д.И. Яворницкого. Определены важнейшие аксиоформы героического прошлого кубанских казаков, выразившиеся в рассказах о прошлом, слухах, мнениях, местной периодике и фольклоре. Сделан вывод о существовании в конце XIX в. устойчивой модели и единообразной структуры формирования исторических представлений, обусловленных темпоральным аспектом ментальности – специфической взаимосвязью моментов времени и временных характеристик, а также развитием уникального уклада сельскохозяйственного, социально-бытового и военного устройства повседневности.

Ключевые слова: казачество, историческое представление, историческая память, картина мира, традиция

Для цитирования: Гончаров А.С. 2022. Особенности формирования новых исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. (на материалах Государственного архива Краснодарского края). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 648–658. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658

Formation Peculiarities of the Kuban Region Cossacks New Historical Representations at the End of the XIX Century (on Materials of the State Archive of the Krasnodar Territory)

Artyom S. Goncharov

Stavropol State Pedagogical Institute,
417 Lenin St., Stavropol 355000, Russia
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Abstract. The study focuses on the cognitive category of representations, which, along with images, is part of the system of worldview in the human mind. The representations of the Kuban Cossacks are one of the manifestations of historical memory, cultural and emotional concepts that are reflected in the

Kuban people's consciousness. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the historical ideas of the Cossacks of the Kuban region. Within the framework of the tradition established by the Spanish philosopher and writer M. de Unamuno, the study considers such manifestations of historical ideas in the structure of the mentality of the Cossacks as evidence of actors of historical events, intrahistoria as a kind of public opinion and the specifics of oral folk tradition. The research methodology is also based on the key principles of the history of the Cossacks and Cossack studies by M.M. Gromyko and D.I. Yavornitsky. The most important axioforms of the heroic past of the Kuban Cossacks, expressed in stories about the past, rumors, opinions, local periodicals and folklore, are identified. It is concluded that at the end of the XIX century there was a stable model and a uniform structure for the formation of historical ideas, due to the temporal aspect of mentality – the specific relationship of moments in time and temporal characteristics, as well as the development of a unique way of agricultural, social and military organization of everyday life.

Keywords: Cossacks, historical representation, historical memory, picture of the world, tradition

For citation: Goncharov A.S. 2022. Formation Peculiarities of the Kuban Region Cossacks New Historical Representations at the End of the XIX Century (on Materials of the State Archive of the Krasnodar Territory). *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 648–658 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658

Введение

Исторические представления сословия или этноса состоят в том, что благодаря им историк может обнаружить структуру или модель реализации картины мира, систему образов и смыслов – те наиболее значимые компоненты сознания, которые содержат устойчивые концепты пространства и времени.

Основу представлений исторической личности составляют функции темпорального ощущения и чувствования, меняющиеся и подстраивающиеся под определенную картину мира. Человек формирует свое представление в контексте анализа непосредственной сущности предмета или явления, а посредством пережитого опыта, глубокого эмоционального переживания.

В свое время великий немецкий философ А. Шопенгауэр сделал верное замечание: ««Мир есть мое представление»: вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа <...>. Для него становится тогда ясным и несомненным, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует лишь как представление, т. е. исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек...» [Шопенгауэр, 2022].

В конце XIX в. казачество Кубанской области формировало свои исторические представления в контексте упадка воинской повседневности и расцвета сельскохозяйственного производства. Картина мира обрисовывалась вокруг минувших событий и двух глобальных этнокультурных процессов – аберрации дальности и аберрации близости.

Первый процесс заключался в том, что некоторые события древнейшей истории, как, например, феномен «бродничества» или генезис казачества в окрестностях Дикого поля, «размывались» в сознании кубанцев, становясь более абстрактными, чем сравнительно недавние, и крайне сакрализованными в контексте социальной реальности. Второй процесс затрагивал недавние события (Кавказскую войну, Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.), которым придавалось высокое аксиологическое значение; они ставились выше, чем более ранние события конца XVIII – начала XIX в. Иными словами, в исторической памяти казаков последние элементы ряда материалов по сравнению со средними элементами ряда припоминались чаще. Это находило отражение как в области интраистории, так и на уровне речетворчества, создания устной народной традиции.

Актеры памяти состояли преимущественно из жен вернувшихся после окончания войны казаков и профессиональных поэтов, историков-современников и ближайшего окружения журналистов из местной периодической печати. Ветераны пользовались большим авторитетом в станицах Кубанской области, вокруг них собиралась молодежь, но сами казаки редко сочиняли песни на непоходовую тематику или тем более прозаический материал. Тем не менее значительная часть участников войн с воодушевлением рассказывала о «славном времени». Исходя из этого, можно судить о том, что источниками формирования новой модели исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. являлись свидетели исторических событий, актеры интраистории (участники станичных сборов) и творцы фольклора.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают исторические представления казаков Кубанской области последней четверти XIX века, ветеранов войн, их жен, молодежи, местных публицистов и, до некоторой степени, историков-современников, по-своему оценивавших локальную историю и особенности развития кубанского казачества как сословия, социокультурной общности или «молодого этноса». Данным положением определена интенция на анализ и герменевтику воспоминаний о ходе военных событий, их осмысления, публицистического и художественного воплощения.

Источниковая база исследования представлена двумя типами исторических источников: устная народная традиция и письменные источники, включающие в себя архивные сведения, периодические издания и труды историков-современников. К материалам фольклора относятся «Народные песни Кубани» [Захарченко, 1987], «Песни черноморских казаков» [Бигдай, 1992]. Архивные материалы представлены документами, извлеченными из базы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), а именно из фондов № 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» и № 670 «Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска». Главными источниками, раскрывающими аксиологическую сторону представлений кубанцев, выступают периодические издания: восьмой выпуск «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1889 г.; газеты «Кубанские областные ведомости» и «Голос казачества». Труды историков-современников представлены заметками П.П. Короленкова, подготовленными для газеты «Кубанские областные ведомости», и вторым томом «Истории кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины. Вспомогательным источником выступает учебное пособие А.П. Певнева 1911 г., написанное для учеников станичных школ Кубанской дирекции.

Историография исследования частично затрагивает труды современников, дореволюционных историков, подробно описавших историю становления и военный быт кубанцев, но главным образом среди тех исследователей, которые занимались изучением представлений кубанских казаков как самостоятельного объекта, следует выделить работы: «Предания о заселении и освоении территории в устнопрозаическом фольклоре кубанских казаков» В.В. Воронина, «О воззрениях русского народа» М.М. Громыко и второй том «Истории запорожских казаков» Д.И. Яворницкого. Статья В.В. Воронина интересна тем, что автор рассматривает исторические представления сквозь картину мира и фольклора как общее и частное проявления народного сознания, тогда как М.М. Громыко и Д.И. Яворницкий – через постановления казачьих сборов, записки и свидетельства акторов исторических событий.

Методологическая основа восходит к традиции учений А. Шопенгауэра и М. де Унамуно, а именно к обоснованию когнитивной системы образов и представлений как разновидности исторической памяти. В частности, М. де Унамуно характеризовал исторические представления как формы оценки прошлого, интраистории, возникающей как

спонтанно, на основе слухов и толков, так и осознанно, в процессе создания фольклора, декламирования картины мира на церковных проповедях, станичных сборах и выступлениях, формирования локальной истории в трудах современников.

Методологический подход исследования – локальная история М.М. Громыко, отражающая ключевые идеи и принципы школы французского историка Бернара Гене, который сформировал проблему исторической культуры, а также расширил и углубил понятия исторической памяти и исторического представления. В 1990-е гг. школа Гене оказалась под влиянием немецкой исторической антропологии Я. Ассманна. Историческое представление стало пониматься как имплицитная ценность, связанная с актуальным знанием в структуре исторической памяти [Репина, 2018, с. 239]. В отечественной исторической науке представления изучались в рамках историко-психологического детерминизма, а также «новой интеллектуальной истории». Вскоре М.А. Барг отделил понятия «представление» и «историческое представление», определив последнее как пространственно-временную ориентацию общества, основанную на аксиологическом материале – исторической памяти очевидцев произошедших событий, тесно связанной с эмоциональными концептами [Репина, 2018, с. 268].

Отечественную историографию исследования условно можно разделить на три периода: дореволюционный, советский, постсоветский/российский. Для каждого периода было характерно детальное описание военной службы казаков, но мало внимания уделялось повседневности труда и быта, картине мира и непосредственно историческим представлениям. Историческая память изучалась преимущественно в контексте анализа свидетельств очевидцев, без характерной для зарубежных школ герменевтики. В частности, данные особенности были характерными для дореволюционной историографии. Труды П.П. Короленко (1884 г.) и Ф.А. Щербины (1913 г.) лишь косвенно затрагивали представления казаков, в большей степени они были посвящены «народной истории» и опирались на принципы «Государственной школы».

Советская историография редко затрагивала когнитивные категории исторического знания, когда речь шла о казачьем сословии, исключение составляли разве что представители диахронического подхода – В.К. Соколова и И.М. Шептунов, которые изучали исторические представления на основе устной народной традиции. Работа В.К. Соколовой «Русские исторические предания» (1970 г.) сопровождается разъяснением сразу нескольких видов исторических представлений, – как формообразующих понятий о фактах прошлого, об историческом времени и историческом пространстве. Исследование И.М. Шептунова «Отражение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в фольклоре» (1978 г.) содержит полезные сведения о процессе формирования представлений среди казаков на примере фольклора и общественного мнения. То же, но в более полном и развернутом виде можно сказать по поводу работ представителей постсоветской историографии – И.Я. Куценко и Д.И. Яворницкого.

Российская историография, рассматривающая исторические представления казачества Кубани (Кавказской губернии, Кубанской области), довольно близка в своей практической части к дореволюционной. Тем не менее концептуальная сторона, как правило, трактуется в рамках историко-психологического детерминизма. Следующие за принципами учения М. де Унамуно В.В. Воронин и М.М. Громыко в своих работах отождествляют народные воззрения и исторические представления, изучая, таким образом, скорее когнитивные категории – представления о сравнительно недавнем прошлом и аберрацию близости. С этой позиции можно говорить и о сходстве с зарубежной историографией, а именно с работой Р.Х. МакНила «Царь и казаки, 1855–1914» (1987 г.) и более ранним исследованием.

В методологический аппарат исследования вошли следующие методы. Философские (общенаучные) методы: анализ, герменевтика, синтез, моделирование, абстрагирование, дедукция, конструирование, конвенция. Основными методами исследования выступают специально-исторические: нарративный метод, используемый при раскрытии особенностей народного мышления, биографический метод, историко-системный метод, применяемый в процессе восстановления системы образов и смыслов, историко-типологический

метод и историко-сравнительный метод, метод исторической периодизации, ретроспективный метод, необходимый для выделения контекстных представлений кубанцев и черноморцев, структурный и функциональный методы.

Отдельно следует обозначить методы исторической антропологии («Новой культурной истории»): номотетический и идиографический методы, используемые для изучения универсальных и уникальных представлений соответственно, метод индексов, метод регрессий, метод ассоциаций, метод главных компонентов, метод изучения комплиментарности, необходимый для понимания качественных противоречий в структуре народного сознания по поводу прошедших войн и наиболее важных событий областного уровня. В качестве вспомогательных методов используются методы школы исторической памяти и методы мир-системной теории, например, метод наблюдательных пунктов, применяемый при рассмотрении представлений историков-современников.

Результаты и их обсуждение

1. Свидетельства акторов. Данный тип исторического представления занимал центральное место в картине мира казаков из старшего поколения 40-х гг. и молодежи, так как именно ветераны и старожилы являлись главным источником описания народной истории. Британский историк Р.Х. МакНил считает, что именно эти социальные группы казаков участвовали в составлении интраистории, иначе – их воспоминания фиксировались в трудах историков-современников: П.П. Короленко, Ф.А. Щербина, И.Д. Попко, Е.Д. Фелицына и т. д. [McNeal, 1987, p. 219]. Так, описывая свидетельства М. Поночовного об обороне кубанцами и черноморцами Таманского полуострова в феврале-сентябре 1855 г., Ф.А. Щербина не только предоставил ценные сведения о боевых действиях на Черноморской линии, но и оставил важные сведения о показаниях очевидцев. В частности, бомбардировка Новороссийска 28 февраля – 1 марта 1855 г. англо-французской эскадрой в воспоминаниях казака из Анапы представлялась как вынужденная мера. Когда полуэскадрон казаков вынудил эскадру отступить, старожилы занимались восстановлением обороноспособности города, одновременно поднимая моральный дух молодежи. В то же время ликования протурецки настроенных горцев встречали резкое социальное осуждение. Ф.А. Щербина выделяет значение общественного мнения для начальства Кубанского казачьего войска: 12 сентября французский десант занял Тамань, тогда те же старожилы посчитали, что бой лучше всего дать на возвышенной позиции у Темрюка. Слухи дошли до военного руководства, и в итоге командующий Кубанским казачьим полком так и поступил [Щербина, 1913, с. 517–519].

По верному замечанию И.Я. Куценко, совершенно иной случай – когда историк передает материал в максимальном приближении к его оригиналу, полученному сразу после произошедших событий из первых рук. Тогда полученные сведения отличаются большей объективностью и одновременно передают неискаженные представления свидетелей [Куценко, 1993, с. 9]. В этом прослеживается явное отличие между трудами Ф.А. Щербина и П.П. Короленко. Последний, в частности, тоже изучал исторические представления, но переносил их исключительно из записанных на бумаге рассказов офицеров, казаков. Одним из примеров служит сообщение сподвижников его отца, Петра Короленко, об отношении подчиненных, казаков-черноморцев, к своим атаманам: «Многоуважаемый Прокофий Петрович! Письмо Ваше я получил, с которого видно, что Вы желаете знать родовую фамилию Чепеги и Головатого. Отец мой полковник Петр Бурное занимал границу от турецкого владения с Чепегой, у них было под командою 12 полков конных войска Запорожского пяти сотных...» [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 41]. Далее информант рассказывает, что сослуживцы Сидора Игнатьевича Белого и Захария Алексеевича Чепеги, которые поочередно командовали девяти тысячной пехотой, сражаясь против татар в Крыму, не были известны благодаря своей фамилии. Оба атамана прославились на поле боя и стали известны как «доблестные воины». С.И. Белый стал известен своей решимостью, казаки всегда радушно встречали его на утреннем смотре.

З.А. Чепегу часто сравнивали с Головатым как человека «весьма замечательного». Тем не менее все сослуживцы (перечисляются фамилии Бурнос, Дибров, Борзик, Лаврык) как один были уверены, что слава атаманов Черноморрии скоро пройдет. «О них говорили так: “ Нихто их не знав, не знае и знати не буде”» [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 об.].

Рассматривая контекстное представление казаков-черноморцев и части кубанцев, заметим, что многие другие респонденты также утверждали, будто у атаманов вовсе нет негативных качеств и свойств характера, а их стратегические навыки – безупречны, хотя и статистические данные, и военные реестры показывают, что как минимум З.А. Чепега, будучи атаманом Черноморского казачьего войска, допустил множество крупных просчетов в войне столетней давности. Несмотря на это, даже потомки его сослуживцев в конце XIX в. считали его народным героем, а в местной периодике трудно найти хотя бы один эпизод из т. н. «неудавшихся походов» [Гончаров, 2021, с. 35]. Именно так в народном сознании проявлялась аберрация близости: события, связанные с именем атамана, популярного в народе, часто припоминались и обрастали новыми мифологемами. В качестве примера можно привести очерк по программе Ф.А. Щербины 1904 г. (хут. Азовский), где говорится, что казаки верили, будто в Русско-турецкую войну (1877–1878 гг.) наказных атаманов «направлял» дух Чепеги [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.]. Таким образом, происходило создание мономифа и культа героев, Русско-турецкие войны 1787–1791 и 1877–1878 гг. отождествлялись по своей трагичности и возвышенности для истории казачества. Атаманы и прославившиеся казаки наделялись чертами «старых» героев, но не потому, что те были действительными мастерами военной стратегии и тактики, а только из-за их близости к народному сознанию, тем стереотипам и историческим представлениям, которые уже существовали столетие назад.

2. Интраистория. В трудах философов и историков термин «интраистория» оценивался по-разному: как разновидность исторической памяти, ее части – представлений или как продукт народного сознания, то есть как история, создающаяся «изнутри», непосредственно акторами исторических событий. Считаем, что правильнее всего относить интраисторию к типу продукции народного сознания, в этом ключе ее можно рассматривать как разновидность общественного мнения или совокупность исторических представлений. В этом ключе интраистория позволяет раскрыть чувственный аспект событий прошлого через сравнительно недавнее настоящее [Unamuno, p. 17].

В Кубанской области в конце XIX в. казаки имели возможность формировать свою интраисторию посредством обращения к официальным документам; недавно завершившиеся события, включая военные события, рост сельскохозяйственного производства или распространение православной культуры, сразу становились доступны подавляющему числу населения и разносились по краю при помощи повседневного общения. Часть официальной документации оставалась доступной только служилым казакам, получавшим приказы еще в составе Кубанского казачьего войска.

В 1899 г. население Кубанской области составляло 1 918 881 человек, из которых 91 % был представлен казачеством по следующим категориям: 1) служилые казаки; 2) «льготники», те, кто нес гражданскую службу и предоставлял в войско сельскохозяйственную или ремесленную продукцию; 3) «оказаченные» крестьяне – богатые и зажиточные поселенцы, которые получили возможность перейти в новое сословие благодаря работе на именитые кубанские семьи [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская область, 1905]. Каждая из данных категорий имела свои уникальные представления о сравнительно недавнем прошлом. Также важно учитывать, что все исторические представления отличались у представителей отдельно взятого этноса. Большую часть интраистории составляли слухи и толки преобладающего населения – малороссов, великороссов, адыгов, черкесов и кабардинцев, которые и составляли кубанское казачество (табл. 1).

О жизни во внутренних и центральных губерниях, в европейской части Российской империи, на Балканах и в Причерноморье в целом казаки узнавали в основном из газеты «Кубанские областные ведомости», где освещались наиболее значимые события для юж-

нославянского мира. При этом позволить себе выписку номеров газеты не могли бедные казаки и иногородние крестьяне, арендовавшие в некоторых отделах Кубанской области пахотные участки и выпасы. П.П. Короленко сохранил слова одного урядника о газете и опубликовал их в выпуске, посвященном весенним православным праздникам на Кубани и в Черномории: «Корисна справа, ца газетка. Бувае, весь день ничего не знаешь, ходишь по станицы розгубленим, а тут <...> добро прочитаеш, побалакаеш с друзьями, родней <...>. Богато тем для розмови...» [Короленко, 1884].

Таблица 1
 Tabl. 1

«Данные % о национальном составе переписи 1897 г. по Кубанской области»⁵⁷

Отдел	м/рос.	в/рос.	адыг., черк., кабард.	карач., балк.	немцы	греки	армяне	абхазы и абазины	ногайцы
Вся обл. в целом	47,4	42,6	2,0	1,4	1,1	1,1	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Баталпашинский	27,1	41,9	5,7	12,5	2,0	> 1,0	> 1,0	3,9	2,7
Ейский	73,9	23,6	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Екатеринодарский	51,8	34,2	8,1	> 1,0	> 1,0	1,4	1,1	> 1,0	> 1,0
Кавказский	45,8	51,1	> 1,0	> 1,0	1,6	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Лабинский	18,9	75,2	> 1,0	> 1,0	1,9	> 1,0	1,7	> 1,0	> 1,0
Майкопский	31,3	56,9	4,9	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	2,1	> 1,0
Темрюкский	75,2	17,1	> 1,0	> 1,0	4,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0

Немаловажное значение для целенаправленного формирования интраистории имели учебные пособия, учебники по истории казачества и Кубани. В частности, учебный материал (позднее легший в основу пособия) А.П. Певнева «Кубанские казаки», подготовленный для станичных школ Кубанской дирекции, помог молодежи лучше разобраться в истории Российской империи (начиная с 1613 г.), особенностях зарождения казачества как феномена, а также в культуре и традициях кубанцев на момент образования Кубанской области в 1860 г. [Певнев, 1911]. Сам автор часто сетовал на то, что подрастающее поколение не помнит о подвигах своих предков; большинство памятников, поставленных в честь атаманов и есаулов, никогда не интересовали станичников. «Никто не знал, что это за памятник и кому он поставлен» [КОВ, 1909, № 138]. Возможно, это было связано как раз с существовавшим у казаков культом героев, функции которого затрагивали исключительно авторитет ныне живущих атаманов, влиявших на специфику повседневности службы, труда и быта кубанцев [СМДОМПК, 1889; Прийма, 1999].

Но, безусловно, данная тенденция не являлась абсолютной. Так, например, казаки и в конце XIX в. прекрасно помнили подвиг Андрея Леонтьевича Гречишкина. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. сотня Гречишкина встретила отряд горцев, многократно превосходивший ее численностью. 14 сентября 1829 г. сотник выдвинулся из станицы Тифлисской, получив приказ провести разведку вдоль рек Кубани и Зеленчука и двинуться в район Волчьих ворот. 15 сентября в середине дня Гречишкин вместе с 82–85 казаками встретился с 700 горцами, пришедшими разорять станицу. Горцы окружили казаков у речного берега, тогда Гречишкин приказал заколоть лошадей и выложить из их тел бруствер. Этим ходом Гречишкин предоставил регулярным войскам достаточное количество времени для наступления. Сотник не отступил, несмотря на то, что командиры горцев дважды предлагали ему сложить оружие. После прибытия основных сил организаторы нападения были жестоко наказаны, а сотня Гречишкина была прославлена как официально, так и в фольклоре. Позже сотник

⁵⁷ Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. № 65. Кубанская область. Население – переписи. URL <https://www.prilib.ru/item/436640> (дата обращения 06.09.2022).

Г.П. Головков, имевший предвзятое отношение к личности Гречишкина, тем не менее вложил собственные средства для того, чтобы эпизод у Тифлисской станицы не остался незамеченным. К 50-летию подвига в «Кубанских областных ведомостях» вышел номер, повествующий о героях-командирах первого Кавказского полка [КОВ, 1879, № 37].

Через обращение к местной периодике, записям сборов атаманов и старейшин, поведенческим священнослужителей в казачьей среде, а также к оценкам современников, можно определить спонтанное формирование интраистории [Соколова, 1970]. На основе сложившихся традиций, материальных благ и официального делопроизводства восстанавливается картина целенаправленного формирования интраистории, отличная по своей структуре от слухов, толков и нереализованной системы оценочных норм (утилитаризма, взаимоотношений жителей внутри станицы/села и социальных связей с другими сословиями отдельно взятых представителей казачества) [Hindus, 1946, p. 204].

Особое место в сердце кубанских казаков занимали проповеди и православные праздники. Религиозная картина мира казачества формировалась непосредственно под воздействием религиозных обычаев и ритуалов в церквях. Играла роль и близость Ставропольской кафедры, наличие которой усиливало склонность к пышности праздников, строгости постов и откровенности исповедования. И если проповеди представлялись как необходимое обязательство, не всегда приносившее радость, то праздники порой устраивали целые отделы в области, собиравшие даже беднейших станичников. В качестве примера можно привести праздник 12 января в станице Ладожской, проходивший накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 г., когда священник Масальский, совершавший молебствие, смог собрать при поддержке церкви всех казаков Екатеринодарского отдела. По окончании праздника священник благословил каждого священным крестом. Благодаря этому празднику у четвертой артиллерийской батареи укрепилось представление, что они содействуют защите страждущих братьев славян [КОВ, 1877, № 10].

3. Устная народная традиция. В рамках изучения фольклора как акциденции (смыслопорождения) исторических представлений, нельзя не отметить, что вопрос об этнокультурной принадлежности кубанского казачества продолжает оставаться спорным в исторической науке, – либо, помимо сословной принадлежности, кубанцев следует относить к этнотипу, этнокультурной общности, либо к субэтнотипу, – во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что в среде казаков Кубанской области зародился свой уникальный фольклор, основанный на кубанской балачке. По большей части, этот фольклор составляли традиционные формы исторической памяти – предания, легенды и песни, устнопрозаические произведения [Шептунов, 1978, с. 11]. Условия формирования представлений в устной традиции в 1870-е гг. характеризовались подъемом сельскохозяйственного производства и одновременным упадком воинской ментальности, что объясняет рост числа песен любовного и философского характера, склонность к пейзажной лирике и относительную непопулярность новые военных произведений [Куценко, 1993, с. 312].

Предания напрямую зависели от абстракции дальности и составлялись согласно типичному опыту мифопоэзии южнославянского мира, хотя, что не может быть не отмечено, кубанские предания находились под значительным влиянием эпической лирики ногайских племен Ставрополя и поэзии греков-колонистов, расселявшихся на территориях Кубанской области и Черноморской береговой линии (с 1896 г. – Черноморской губернии). Предания относились к топонимическому типу, в каждой станице существовал либо свой сюжет какого-либо казачьего мифа или исторического события, либо один общий сюжет, принимавший микрорегиональные черты [Громыко, 2000, с. 426]. Наравне со сказаниями о Кавказской войне практически любая легенда, любое предание восходили к личностям героев-атаманов Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева или к личностям правителей – Петра I и Екатерины II. В легенде о заселении станицы Воровсколесской сказано, что, когда императрица Екатерина заставила казаков заселить Кубань, многие из них стали ходить в папах; каждое поколение имело папаху качеством лучше, и это показы-

вало рост благополучия, но также с каждым поколением забывались исконные запорожские традиции, а этого увидеть было нельзя. В одном из преданий станицы Удобной говорилось, что в период пребывания Суворова в Пятигорске один купец обманул казака: тот скупил весь низкосортный товар по завышенной цене. Вскоре об этом доложили Суворову, купца наказали, и тогда станичный атамана стал сам назначать цены на меновых дворах и базарах. В конце XIX в. эта традиция ничуть не ослабла [Воронин, 2002, с. 270–271].

Песенные традиции устойчиво бытовали на протяжении десятилетий в творчестве кубанских казаков. В конце XIX в. они оформились в совершенно уникальное явление, несмотря на общее угасание фольклора среди донцев и терцев. В казачьей культуре речетворчество всегда оставалось историчным по своей сущности, песни являлись откликом на исторические представления, когда казаки стремились чувственно выразить свой голос, голос народа на конкретные события [Захарченко, 1987, с. 9]. Дух эпохи придал фольклору кубанцев поистине огромное разнообразие тем и мотивов, но центральным и наиболее распространенным всегда оставалось противостояние казаков и турков. Так, например, знаменитая и по сей день в Краснодарском крае «Песнь о Байде» была преобразована на исторический слог именно в конце XIX в.: Прыйшов до його пан турэцькый: / “Ой, шо робэ, Байда; пан молодэцькый?” / “Ой, пью, панэ, мэд и горилку, / Та нэ дэнь и нэ два, та нэ одну ничку <...>”. / «Гоби, панэ, в зэмлі гныты, / Гэй, а Байди молодому мэд, горилку пыты» [Бигдай, 1992, с. 34].

Представления казаков в чувственном аспекте передавались в дискурсе описания пейзажа, изложения любовной или городской лирики; существовали философские песни, например, инварианты знаменитой донской песни о вороне, но исключительно исторические представления в основном исходили из песен, которые либо описывали создания станиц и сел, как и подавляющее число легенд и преданий, либо раскрывали аксиологическую составляющую подвигов казаков. О том же Д.И. Вишневецком, прозванном в кубанской среде «Байдой», сложилось множество песен. Гетман Запорожской Сечи оставался популярен и в конце XIX в. Несмотря на происки против императорского двора России, его подвиги и храбрость в период пленения в Константинополе турецким султаном Селимом II нашли отклик в сердце кубанцев. Вишневецкий показал себя как ярый защитник христианской веры. Эпизод, когда Вишневецкий при падении с башни зацепился ребром за железный крюк и молил бога о спасении, прочно укрепился в народном сознании кубанского казачества [Яворницкий, 1990, с. 24–27].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что модель формирования исторических представлений у кубанцев в XIX в. претерпела незначительные изменения по сравнению с 60-ми гг., но сам характер индексации культурных, эмоциональных концептов окреп: к свидетельствам акторов исторических событий стали прислушиваться гораздо чаще, интраистория и станичные сходы стали нагляднее отображать чувственное познание окружающего мира. В то же время совещания и выступления, процесс создания песен отличались богатством и разнообразием. В официальных источниках, местной периодике довольно подробно описывались сравнительно недавние события с фронта, поэтому структурный компонент картины мира кубанского казачества всегда был тесно связан с военной повседневностью. Массовая информация, слухи, толки и речетворчество охватывали всю «историю в человеке», касавшуюся его системы оценочных норм. Свидетельства акторов, несмотря на свою относительно субъективную природу, помогали более детально воссоздать минувшие события, а интраистория, не содержащая нового знания, помогала сформировать общественное мнение (в этом случае искаженные романтическим духом подвиги служили хорошим примером для патриотического воспитания молодежи). У казаков сохранилось множество стереотипов, но именно они укрепляли триединое представление о долге защищать «Веру, Царя и Отечество». В эпоху Александра III, который был невероятно по-

пулярен среди кубанских казаков, как раз это представление обростало эмпирическими знаниями военного, сельскохозяйственного или социально-бытового толка. Довершали процесс складывания единой системы представлений и картины мира проповеди и праздники, где все установки и декларации казаков сливались в единое представление самобытного воинского сообщества с его собственным, неповторимым видением мира.

Список источников

- Бигдай, А. 1992. Песни кубанских казаков. Ред. В. Г. Захарченко. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во. Т. 1. Песни черноморских казаков, 1992. 440 с.
- ГАКК. Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска. Оп. 1 дел пост. хранения. Д. 4. Из переписки Ф.А. Щербины с георгиевским кавалером Андреем Ивановичем Гордышевым, 1904 г. Л. 50.
- ГАКК. Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска. Оп. 1 дел пост. хранения. Д. 17. 1-я Кубанская казачья дивизия. Л. 265.
- Захарченко В.Г. 1987. Народные песни Кубани. Краснодар, Краснодарское Кн. изд-во, 1987. 320 с.
- Короленко П.П. 1884. Весенние хороводы в Черномории. Кубанские областные ведомости, 1884. No 40.
- Кубанские областные ведомости (КОВ). Екатеринодар, 1877. No 10.
- Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1879. No 37.
- Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1909. No 138.
- Мачавариони К.Д. 1896. Из воспоминаний о первом Кубанском пластунском батальоне. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1896. No 80.
- Певнев А.П. 1911. Кубанские казаки, пособие для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска. Сост. и ред. А.П. Певнев. Екатеринодар, Тип. Кубанского областного правления, 1911. 131 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. 1–89. Под редакцией Н.А. Тройницкого. Кубанская область. СПб., издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. XII. 263 с.
- Прийма И.Я. 1999. Мои воспоминания. Родная Кубань. Екатеринодар, 1999. № 1.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМДОМПК). 1889. Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Тифлис, Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. Вып. 8.
- Щербина Ф.А. 1913. История кубанского казачьего войска. Том II. История войны казаков с закубанскими горцами. С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы. Сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф.А. Щербина. Екатеринодар, Тип. Товарищества Печатного и Издательского Дела под фирмою «Печатник», 1913. 865 с.

Список литературы

- Воронин В.В. 2002. Предания о заселении и освоении территории в устнопрозаическом фольклоре кубанских казаков. Освоение Кубани казачеством, Вопросы истории и культуры. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во, 2002: 68–278.
- Гончаров, А.С. 2021. Исторический портрет Захария Алексеевича Чепеги. История. Историки. Источники, электронный научный журнал. Тула, Изд-во Тульского государственного университета, 2021. 4: 28–37.
- Громько М.М., Буганов А. В. 2000. О воззрениях русского народа. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., Паломник, 2000. 543 с.
- Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во, 1993. 358 с.
- Репина Л.П. История исторического знания, учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., стер. М., Издательство Юрайт, 2018. 258 с.
- Соколова В.К. Русские исторические предания. М., Наука, 1970. 197 с.
- Шептунов И.М. Отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в фольклоре. Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., Институт славяноведения РАН, 1978. 164 с.

- Шопенгауэр А. 2022. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Мир как воля и представление. Библиотека Максима Мошкова. URL http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения 02.07.2022).
- Яворницкий Д.И. 1990. История запорожских казаков. Т. 2. Киев, Наук. думка, 1990. 660 с.
- Hindus M. The Cossacks. London, Collins PH, 1946. 246 p.
- McNeal R.H. Tsar and the Cossack, 1855–1914. Oxford, Macmillan and St. Anthony's College, 1987. 262 p.
- Unamuno M. de. Selected Works. Vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 2017. 456 p.

References

- Voronin V.V. 2002. Predaniya o zaselenii i osvoenii territorii v ustnoprozaicheskome fol'klore kubanskikh kazakov. Osvoenie Kubani kazachestvom [Legends about the settlement and development of the territory in the oral prose folklore of the Kuban Cossacks. The development of the Kuban by the Cossacks]. Questions of history and culture. Krasnodar, Krasnodar book PH, 2002: 68–278.
- Goncharov A.S. 2021. Istoricheskij portret Zahariya Alekseevicha Chepegi [Historical portrait of Zakhary Alekseevich Chepega]. History. Historians. Sources, electronic scientific journal. Tula, Tula State University PH, 2021. 4: 28–37.
- Gromyko M.M., Buganov A.V. 2000. O vozzreniyah russkogo naroda [About the views of the Russian people]. Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Moscow, Pilgrim, 2000. 543 p.
- Kucenko I.Ya. Kubanskoe kazachestvo [Kuban Cossacks]. 2nd ed., rev. and ad. Krasnodar, Krasnodar book PH, 1993. 358 p.
- Repina L.P. Istoriya istoricheskogo znaniya, uchebnyy dlya akademicheskogo bakalavriata [History of historical knowledge, textbook for academic bachelor's degree]. 4th ed., ster. Moscow, Yurajt PH, 2018. 258 p.
- Sokolova V.K. Russkie istoricheskie predaniya [Russian historical legends]. Moscow, Science, 1970. 197 p.
- Sheptunov I.M. Otrazhenie russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. v fol'klore. Balkanskie issledovaniya [Reflection of the Russian-Turkish war of 1877–1878 in folklore. Balkan studies]. Iss. 4. Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i Balkany [Russian-Turkish war of 1877–1878 and the Balkans]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS, 1978. 164 p.
- Shopengauer A. 2022. Sbranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Vol. 1. Mir kak volya i predstavlenie [The world as will and representation]. Library of Maxim Moshkov. URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (Accessed 02.07.2022).
- Yavornickij D.I. 1990. Istoriya zaporozhskih kazakov [History of the Zaporozhye Cossacks]. Vol. 2. Kiev, Scientific thought 1990. 660 p.
- Hindus M. The Cossacks. London, Collins PH, 1946. 246 p.
- McNeal R.H. Tsar and the Cossack, 1855–1914. Oxford, Macmillan and St. Anthony's College, 1987. 262 p.
- Unamuno M. de. Selected Works. Vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 2017. 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.08.2022

Received 19.08.2022

Поступила после рецензирования 30.08.2022

Revised 30.08.2022

Принята к публикации 30.08.2022

Accepted 30.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гончаров Артем Сергеевич, аспирант, сотрудник Научно-исследовательского управления, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Artyom S. Goncharov, post-graduate student, Research Department, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

[ORCID: 0000-0002-3244-8155](https://orcid.org/0000-0002-3244-8155)

УДК 93+377.3

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-659-667

Обзорная статья

Деятельность попечительского совета Московского коммерческого института

Марчукова В.А.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, 36
E-mail: vika.marchukova@gmail.com

Аннотация. Статья является историческим исследованием, в котором производится анализ деятельности попечительского совета Московского коммерческого института Московского общества распространения коммерческого образования – первого высшего коммерческого учебного заведения России. Выявлен широкий круг обязательств попечительского совета, а также проанализированы главные положения и принципы его работы. Рассмотрены основные формы попечительства в образовательной сфере. Определены основные аспекты, необходимые для успешного функционирования попечительских советов сегодня. При написании статьи основными источниками стали отчёты Московского общества распространения коммерческого образования. Также рассмотрены многие современные источники по данной теме. В работе описан исторический опыт, который может быть применен при создании попечительских советов в современной образовательной системе.

Ключевые слова: коммерческое образование, народное образование, Московский коммерческий институт, попечительский совет, Московское общество распространения коммерческого образования

Для цитирования: Марчукова В.А. 2022. Деятельность попечительского совета Московского коммерческого института. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 659–667. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-659-667

Activities of the Board of Trustees of the Moscow Commercial Institute

Viktoriya A. Marchukova

Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Ln., Moscow 117997, Russia
E-mail: vika.marchukova@gmail.com

Abstract. The article is a historical study that analyzes the activities of the Board of Trustees of the Moscow Commercial Institute of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education – the first higher commercial educational institution in Russia. A wide range of obligations of the Board of Trustees has been identified, as well as the main provisions and principles of its work have been analyzed. The main forms of guardianship in the educational sphere are considered. The main aspects necessary for the successful functioning of the boards of Trustees today are identified. The main sources for our study were the reports of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education (the period from 1910 to 1915), as well as sources related to commercial educational institutions. Many modern sources on this topic are also considered. The paper describes the historical experience that can be applied when creating boards of trustees in the modern educational system.

Keywords: commercial education, public education, Moscow commercial Institute, Board of Trustees, Moscow society for the dissemination of commercial education

For citation: Marchukova V.A. 2022. Activities of the Board of Trustees of the Moscow Commercial Institute. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 659–667 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-659-667

Введение

В нынешних условиях развития страны необходимо усовершенствовать систему высшего образования, найти свой собственный путь развития, опираясь на традиции и накопленный опыт, а также ориентироваться на практическую применимость. Вопросы организации современного образовательного учреждения вызывают острую полемику. Главный вопрос – что именно нужно изменить в системе высшего образования? С чего начать? С норм и закономерностей развития образовательного процесса или, возможно, обратить внимание на детали формирования учебного заведения?

Система образования является двигателем социального и экономического развития страны. При её организации необходимо учитывать все этапы формирования учебного заведения. Его структура сложна и неоднозначна. На наш взгляд, при анализе работы вузов необходимо обратить внимание на основные задействованные ресурсы и результаты их деятельности. Современный вуз в условиях конкурентной среды должен задействовать все необходимые финансовые и человеческие ресурсы. Во многих вузах сегодня существует государственная система финансовой поддержки, однако этого недостаточно. Если мы обратимся к историческому опыту, то увидим, что до революции в России функционировало множество учебных заведений, которые содержались за счёт попечителей и благотворителей. Так называемые «подшефные заведения» распределялись среди купеческого сословия, дворян, губернаторов и чиновников [Маркина, 1999].

Большую роль в развитии попечительской деятельности в России сыграло попечительство в образовательной сфере. Проблема оказания помощи различной формы по средствам благотворительных обществ и попечительских учреждений, а также проработка форм воспитания и профессиональной подготовки детей разных сословий были отображены в документах, уставах и положениях конца XVIII – начала XX века.

Попечительство в образовательной сфере являлось инструментом взаимодействия между учебными заведениями и всем обществом. Попечительство дореволюционной России разделяют на: единоличное и коллективное попечительство, а также попечительствующие общества [Крюкова, 2005].

В конце XIX века всё чаще встречалось коллегиальное попечительство, которое принимало все функции единоличного попечительства, но в тоже время большое внимания уделяло связи между местным населением, родителями и бывшими воспитанниками с учебными учреждениями. Коллегиальное попечительство стало называться попечительскими советами. В отличие от единоличного попечительства, которое предполагало принадлежность к определенному сословию, в попечительские советы могли входить представители разных сословий [Рождественский, 1912].

Помимо попечительских советов, к руководству учебных заведений допускались попечительствующие общества, способствующие развитию народного образования. Такие общества могли оказывать помощь конкретному учебному заведению, нескольким учреждениям, а также выделяли общества, попечительствующие народному образованию в целом [Завгородняя, 2015]. Общества принимали участие в управлении учебными заведениями и контролировали всю его деятельность. Они решали материальные проблемы, утверждали правовые положения, отвечали за состояние материально-технической базы учреждения. Важной составляющей попечительских обществ являлись органы местного самоуправления, в том числе городские управы и сословные общества. Попечительство

включало в себя непосредственное личное участие при оказании помощи, причём не только в виде денежных пожертвований, но и полную заботу [Отчёт о состоянии..., 1905].

Попечительская деятельность в образовании стала способом повышения качества образовательных услуг. Попечители способствовали развитию учебных заведений, а также превращали их в крупнейшие научные и образовательные центры.

Главной особенностью попечительства в образовательной сфере была «негосударственная добровольная безвозмездная деятельность» [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1910 год: год одиннадцатый, 1911].

Объект и методы исследования

Цель работы – выявить особенности деятельности попечительского совета в коммерческих учебных заведениях на примере попечительского совета Московского коммерческого института.

В ходе работы были использованы такие методы исследования, как аналитический, системный подход и проблемно-хронологический. В работе также используется формационный подход, позволяющий изучить социальную роль попечительства в становлении и развитии учебного заведения.

Результаты и обсуждение

Анализ деятельности попечительского совета Московского коммерческого института

Ярким примером работы попечительствующего общества является Московское общество распространения образования (Общество, М.О.Р.К.О.), основанное в 1897 г. Именно оно в 1907 г. учредило первое в России высшее коммерческое учебное заведение – Московский коммерческий институт (М.К.И., Институт). В свою очередь, при Институте был создан свой попечительский совет, который принимал участие в финансово-хозяйственной и учебно-воспитательной деятельности института [Костриков, 2015].

Попечительский совет М.К.И. занимался его общим управлением. Совет состоял из пяти лиц, избираемых комитетом М.О.Р.К.О. из своей среды, двенадцати человек, выбранных комитетом из числа действительных членов М.О.Р.К.О., директора института, деканов отделений и двух членов, выбранных учебным комитетом из своей среды и одного представителя от министерства торговли и промышленности.

Возглавлял попечительский совет председатель, должность которого утверждалась Высочайшим приказом по представлению министра торговли и промышленности.

Председатель попечительского совета следил за правильным ведением хозяйственной деятельности института. В частности, он отвечал за исполнение всех распоряжений по хозяйственной части, следил за поступлением и расходом денежных средств. В обязанности председателя также входило утверждение в должности заведующего хозяйственной частью, правителя дел, библиотекаря, смотрителя, врача и назначение бухгалтера [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1912 год: год тринадцатый, 1913].

Попечительский совет имел право принимать окончательное решение по следующим вопросам: установление надзора над поступлением и расходованием денежных средств; контролирование поступивших благотворительных средств на содержание Института от общественных учреждений или частных лиц; поиск денежных средств для развития учебно-вспомогательных учреждений Института; утверждение правил пользования библиотекой, учебными коллекциями и прочими учебно-вспомогательными учреждениями [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1913 год: год четырнадцатый, 1914].

Попечительский совет выносил на утверждение министра торговли и промышленности следующие вопросы: решения об отчуждении, приобретении или залоге недвижимого

имущества; установление размера платы за лекции и практические занятия, утверждение количества учащихся Института; представление годового отчёта по хозяйственной части. Также утверждались кандидатуры директора и почётных членов Института [Бессолицын, 2014].

Общие собрания попечительства состоялись не реже одного раза в год. На общем собрании избирались почётные члены, оказавшие особые услуги, члены правления, три члена ревизионной комиссии, изучалась документация и отчёты, рассматривались разного рода вопросы и предложения [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1913 год: год четырнадцатый, 1914].

Попечительский совет находился в ведомстве министерства внутренних дел.

Бессменным председателем попечительского совета М.К.И. был Алексей Семенович Вишняков – купец первой гильдии, статский советник, гласный Городской думы, финансист, общественный деятель Москвы, председатель правления Московского купеческого общества взаимного кредита, основатель и бессменный председатель комитета М.О.Р.К.О., почётный член М.К.И. Он является фактическим основателем первого высшего экономического учебного заведения – Московского коммерческого института.

Речь Вишнякова на торжественном освещении здания М.К.И.: «Дело это мне весьма близко, люблю я его всей душой и сознаю, что, создавая коммерческие учебные заведения Общества, я делаю огромное дело... много было положено за 15-летнюю мою работу сил, много потрачено энергии, говорят, что в значительной мере я потерял здесь и здоровье от переутомления, но сознание, что делаешь серьёзное, огромное дело, вызывает и тёплое чувство самоудовлетворения, и глубокую радость. Сознаёшь, что не задаром прожил свою жизнь, сознаёшь, что увековечил своё имя, которое в Институте никогда не забудется. Какая радость, какое счастье!» [Речи и приветствия..., 1914, с. 6].

Деятельность попечительского совета Института началась в 1907 г. В октябре 1907 г. было избрано правление М.К.И., в состав которого вошли: председатель попечительского совета, товарищ председателя, один из членов попечительского совета, казначей, директор, деканы и секретарь учебного комитета, заменившее первоначальную хозяйственную комиссию со значительными расширенными полномочиями. На правление легли обязанности по исполнению постановлений совета по хозяйственной, административной и финансовой части и подготовительная работа по обсуждению вопросов, имеющих быть разрешенными в попечительском совете Института, чем до известной степени сократилась работа самого совета.

В частности, учащимся совет помогал в плате за обучение, бесплатной выдаче учебных пособий, обеспечении пищей, одеждой, оказании необходимой медицинской помощи, предоставлении жилья, устройстве летних лагерей, организации внеучебной деятельности и досуга, назначении денежных пособий. Стоит отметить, что эти льготы предоставлялись не только нуждающимся, но и отличившимся в учебной деятельности ученикам [Александров, 2016].

Попечительский совет заботился о педагогах. Он заботился об организации рабочих помещений и предоставлении средств для самообразования учителей, оказывал помощь в трудных жизненных ситуациях, принимал участие в решении педагогических и хозяйственных вопросов и многое другое.

Попечительский совет Института предоставлял различные льготы для учебных заведений М.О.Р.К.О. (торговые классы, мужское и женское коммерческие училища, коммерческие и счетоводные курсы). Например, право преподавателям коммерческих и счетоводных курсов М.О.Р.К.О., прослужившим не менее двух лет, бесплатно слушать лекции в Институте за счет 5 % фонда [Гришин, 2016, с. 99–110].

В связи с быстрым ростом Института, вызванный большим притоком слушателей, попечительский совет был озадачен постройкой собственного здания. Совет нашёл средства, необходимые для сооружения здания, выработал проект и план постройки. Для по-

иска средств совет обратился к банкам, различного рода акционерным предприятиям и многим частным фирмам. Также в пользу фонда для постройки здания в 1911 г. был организован бал для московского купечества и предпринимателей, на котором было собрано почти 74 тыс. руб. Общая сумма пожертвований, собранных для постройки здания, к началу 1911 г. составила около 100 тыс. руб. (не считая выручки от бала) [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1911 год: год двенадцатый, 1912].

Для строительства здания был приобретён земельный участок на Стремянном переулке возле зданий мужского и женского коммерческих училищ. Для разработки проекта здания был организован именной конкурс, к участию в котором были приглашены несколько видных московских архитекторов. Из числа представленных проектов попечительский совет остановился на проекте С.И. Соловьёва. Сергей Иустинович Соловьёв – академик архитектуры, в это время он фактически являлся главным архитектором Москвы. Первый камень Московского коммерческого института был заложен весной 1911 г., и уже в 1913 г. было завершено строительство первой очереди Института.

По главному проекту в здании Института должны были разместиться многочисленные лекционные и семинарские аудитории, библиотека, столовая-«чайная», административные помещения, склады и многое другое. Планировалось сверхсовременное оборудование – поворотные сцены в аудиториях, лифты, конвейеры и др. По проекту в корпусе должен был располагаться рекреационный зал под стеклянной крышей. Парадный вход планировалось выполнить в виде величественного купольного холла.

После окончания строительства первой очереди здания Института в 1914 г. попечительский совет принял решение о строительстве второй очереди. Для строительства здания был приглашён академик архитектуры А.В. Щусев, так как, к большому сожалению, Соловьёв скончался в 1912 г. По плану должны были построить не только весь основной корпус, но и значительную часть боковых крыльев. Также был утверждён план, по которому строительство должно было завершиться в течение 1916–1917 гг. Однако из-за начала Первой мировой войны в 1914 году пришлось приостановить строительство до изменения общих условий государственной жизни.

Попечительский совет М.К.И. кроме непосредственной заботы об устройстве Коммерческого института внёс большой вклад в организацию лазарета «Святой Валентины». Лазарет был организован для раненых на передовой в годы Первой мировой войны.

В сентябре 1914 г. Обществом и Институтом был сформирован комитет из членов московского биржевого и купеческого обществ, на средства которых был открыт лазарет. Для содействия его функционированию при этих госпиталях образовалось попечительство, в которое вошли члены М.О.Р.К.О., преподаватели М.К.И. и их семьи, преподаватели всех учебных заведений Общества и лица, близкие Обществу и Институту.

Попечительством было признано решение помогать другим лазаретным учреждениям, близким Институту, в частности лазаретам педагогических комитетов коммерческих училищ М.О.Р.К.О. и студенческому лазарету св. Валентины, комиссии фонда св. Валентины. Попечительство кроме организации лазарета принимало участие в отправке подарков в действующую армию.

Была образована лекционная комиссия при Попечительстве. Председателем комиссии был избран директор М.К.И. профессор П.И. Новгородцев, а секретарем – доцент Д.М. Генкин. Комиссией был намечен целый ряд лекторов преимущественно из преподавателей Института. Были организованы две лекции проф. Н.А. Шилова и А.В. Цингера. Чистый доход от этих лекций составил 561 руб. 10 коп. [Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1914 год: год пятнадцатый, 1915].

Была учреждена комиссия по организации в М.К.И. изготовления белья и перевязочных средств и санитарной помощи, были сформированы санитарные отряды для сопровождения поездов городского союза – 6 отрядов по 15 человек каждый, имевших свое-

го старосту, также были организованы санитарные отряды для работы по разгрузке раненых на вокзалах. Для контроля выполняемой работы в Институте было организовано санитарное бюро, помимо своей основной работы принимающее участие в лазаретной работе, в работе на пунктах питания, в фургонных сборах и т. д.

Изобретение Я.А. Липшицем машины для резки бинтов позволило организовать в институте производство бинтов, материал для которых получался от Красного Креста. С конца октября организовано, при содействии М.М. Алексеевой, изготовление марлевых подушечек для ран, стерилизуемых в институте. Я.А. Липшиц организовал курсы сестёр милосердия, состоящий из 20 слушательниц М.К.И. [Гришин, 2012].

Попечительский совет принял решение сохранить за слушателями-стипендиатами, призванными в действующую армию, право пользоваться стипендиями. Было удовлетворено ходатайство санитаров, работающих в различных организациях на фронте, о допущении их в виде исключения к весенним испытаниям без оплаты обучения.

Попечительский совет М.К.И. состоял из видных общественных деятелей, исследователей и преподавателей того времени. Помимо оказания непосредственной помощи Институту и его учащимся, попечительский совет остался равнодушным к событиям, происходящим в нашей стране. Во многом благодаря деятельности попечительского совета Коммерческий институт успешно начал свою работу. Для института было построено прекрасное современное здание – ныне II корпус РЭУ им. Г.В. Плеханова. Была организована учебно-воспитательная деятельность, которая впоследствии развернулась и успешно справлялась со своей главной задачей – подготовкой специалистов для различных сфер экономики.

При создании Московского коммерческого института сработал территориально-производственный принцип. В состав попечительского совета входили в основном купцы и предприниматели, которые были заинтересованы в подготовке кадров для торгово-промышленной сферы. По сути, эти люди вкладывали средства на образование своих будущих работников [Крюкова, 2015]. Мы рассмотрели яркий пример работы попечительского совета первого высшего коммерческого учебного заведения страны. Необходимо обратить внимание, что первый экономический вуз был открыт частными лицами, а не государством. Попечительский совет М.К.И. смог обеспечить работу Института. Во-первых, в финансово-хозяйственном плане: было построено специальное учебное здание, решались кадровые вопросы, подбирались профессорско-преподавательский состав, организовывался сбор пожертвований, составлялись и утверждались сметы на содержание Института, проводилась проверка денежных отчётов и распределение капитала. Во-вторых, попечительский совет принимал активное участие в учебно-воспитательной деятельности: утверждались учебные планы и программы, обеспечивался контроль учебного процесса, производилась закупка всей учебной литературы, назначались именные стипендии, некоторые ученики освобождались от платы за обучение, была разработана внеучебная деятельность для студентов [Костриков, 2013]. Попечительский совет полностью контролировал и анализировал деятельность Института. В этом и состоит специфика работы попечительских советов в дореволюционной России. Причиной появления попечительских советов стала нехватка средств, выделяемых государством на обеспечение работы учреждений. Государство само стало инициатором создания частных учебных заведений, которые содержались за счёт попечительских советов [Мартынова, 2019].

В России деятельность попечительских советов была прекращена в 1918 г., а возобновилась в 1991 г. Кстати, первый попечительский совет в постсоветской России возобновил свою деятельность в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова (переименованный Московский коммерческий институт). Для популяризации попечительских советов необходимо стимулировать гражданское самосознание, установить связи между общественностью и высшими образовательными учебными заведениями. Опыт организации попечительского совета М.К.И. можно применить при создании современных

попечительских советов, а также для разработки нормативных документов, регламентирующих деятельность попечительских советов.

Заключение

Для успешной работы вузы должны привлекать внебюджетное финансирование – не только путём оказания платных услуг студентам, но и за счёт попечителей. Сегодня в состав попечительского совета входят в основном общественные фонды и организации, а также бизнесмены и политики. Основная помощь попечителей должна состоять в совершенствовании материальной базы учебно-воспитательного процесса, закупке мультимедийной техники и обустройстве учебных помещений (реставрация и строительство). Попечительская деятельность должна быть направлена на активное участие в учебно-воспитательной и финансово-хозяйственной деятельности. Необходимо, как и раньше, создавать накопительные целевые капиталы; использовать проценты со вкладов; вести максимально прозрачную деятельность отчётов; активно использовать систему членских взносов; попечительские советы должны участвовать в разработке системы программы развития учебного заведения; контролировать качество образовательных услуг.

Таким образом, попечительский совет должен стать общественным органом управления, способствующим развитию деятельности вуза. Необходимо задуматься о повсеместном установлении попечительства при высших учебных заведениях. Для этого необходимо проработать законодательную, организационную и научно-методическую основу, опираясь на исторический опыт и учитывая наши традиции. Попечительство должно решить широкий круг задач с привлечением общественности и правительственных органов.

Список литературы

- Александров Ю.Л. 2016. Коммерческое (торговое) образование в России (XVIII – начало XX в.): текст лекции. 2-е изд. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 35 с.
- Бессолицын А.А. 2014. Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. М., Ин-т рос. истории РАН, 223 с.
- Гришин А.И. 2016. Александр Глаголев. Умение, которое много значит. Человеческий капитал и профессиональное образование, 4 (20): 99–110.
- Гришин А.И. 2012. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: этюды о прошлом. М., РЭУ им. Г.В. Плеханова, 166 с.
- Завгородняя О.И. 2007. Попечительство в истории университетов России первой половины XIX в.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 213 с.
- Кондратьева Г.В. 2002. Частная благотворительность в сфере просвещения. Педагогика, 9: 83–87.
- Костриков С.С. 2013. Общественная деятельность московского купечества в XIX веке: поиск путей самореализации: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. Москва, 186 с.
- Костриков С.П. 2015. Русская буржуазия и коммерческое образование: развитие идеи, цели и задачи: монография. М., Гос. ун-т упр., 136 с.
- Крюкова А.А. 2015. Деятельность попечительств в управлении образованием Ставропольской губернии в дореволюционной России: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. [Место защиты: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова]. – Владикавказ, 160 с.
- Маркина Т.Д. 1999. Московское купечество: социальный портрет / учебное пособие. М., МГСУ, 72 с.
- Мартынова Е.В. 2019. Опека и попечительство : учебное пособие. Таганрог, Из-во Южного федерального ун-та, 92 с.
- Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1910 год: год одиннадцатый. 1911. Моск. о-во распространения коммер. образования. М., Тип. т-ва И.Д. Сытина, 515 с.
- Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1912 год: год тринадцатый. 1913. Моск. о-во распространения коммер. образования. М., тип. Т-ва И.Д. Сытина: 498 с.

- Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1911 год: год двенадцатый. 1912. Моск. о-во распространения коммер. образования. М., тип. Т-ва И.Д. Сытина: 515 с.
- Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1913 год: год четырнадцатый. 1914. Моск. о-во распространения коммер. образования. М., тип. Т-ва И.Д. Сытина: 514 с.
- Отчёт Московского общества распространения коммерческого образования за 1914 год: год четырнадцатый. 1915. Моск. о-во распространения коммер. образования. М., тип. Т-ва И.Д. Сытина: 427 с.
- Отчёт о состоянии коммерческого образования в России за 1904 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. 1905. СПб., тип. А.В. Орлова, 103 с.
- Положение о попечительствах при начальных училищах. 1907. Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XI. СПб., 6 с.
- Речи и приветствия на торжестве освящения нового здания Московского коммерческого института 10 февраля 1913 г. 1914. М., Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 34 с.
- Рождественский С.В. 1912. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 680 с.

References

- Aleksandrov Yu.L. 2016. Kommercheskoe (torgovoe) obrazovanie v Rossii (XVIII – nachalo HKH v.) [Commercial (trade) education in Russia (XVIII – early XX century)]: tekst lekci. – 2-e izd. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 35 s. (in Russian).
- Bessolicyn A.A. 2014. Gosudarstvo i stanovlenie sistemy kommercheskogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The state and the formation of the system of commercial education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. М., In-t ros. istorii RAN, 223 s. (in Russian).
- Grishin A.I. 2016. Aleksandr Glagolev. Umenie, kotoroe mnogo znachit [Alexander Glagolev. A skill that means a lot]. Chelovecheskij kapital i professional'noe obrazovanie, 4 (20): 99–110 (in Russian).
- Grishin A.I. 2012. Rossijskij ekonomicheskij universitet imeni G.V. Plekhanova: etyudy o proshlom [Plekhanov Russian University of Economics: Studies on the Past]. М., REU im. G.V. Plekhanova, 166 s. (in Russian).
- Zavgorodnyaya O.I. 2007. Popечitel'stvo v istorii universitetov Rossii pervoj poloviny XIX v. [Guardianship in the History of Russian Universities in the first half of the XIX century]: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. Moskva, 213 s. (in Russian).
- Kondrat'eva G.V. 2002. Chastnaya blagotvoritel'nost' v sfere prosveshcheniya [Private charity in the field of education]. Pedagogika, 9: 83–87 (in Russian).
- Kostrikov S.S. 2013. Obshchestvennaya deyatel'nost' moskovskogo kupechestva v XIX veke: poisk putej samorealizacii [Public activity of the Moscow merchants in the XIX century: the search for ways of self-realization]: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02; [Mesto zashchity: Gos. un-t upr.]. Moskva, 186 s. (in Russian).
- Kostrikov S.P. 2015. Russkaya burzhuaziya i kommercheskoe obrazovanie: razvitie idei, celi i zadachi [The Russian bourgeoisie and commercial education: the development of ideas, goals and objectives]: monografiya. М., Gos. un-t upr., 136 s. (in Russian).
- Kryukova A.A. 2015. Deyatel'nost' popechitel'stv v upravlenii obrazovaniem Stavropol'skoj gubernii v dorevolucionnoj Rossii [The activities of the trustees in the management of education of the Stavropol province in pre-revolutionary Russia]: dissertaciya ... kandidata pedagogicheskikh nauk : 13.00.01 Kryukova Alisa Anatol'evna; [Mesto zashchity: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Hetagurova]. Vladikavkaz, 160 s. (in Russian).
- Markina T.D. 1999. Moskovskoe kupechestvo: social'nyj portret [Moscow merchants: a social portrait]. Uchebnoe posobie. М., MGSU, 72 s. (in Russian).
- Martynova E.V. 2019. Opeka i popechitel'stvo [Guardianship and guardianship]: uchebnoe posobie. Taganrog, Iz-vo YUzhnogo federal'nogo un-ta, 92 s. (in Russian).
- Otchyot Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za 1910 god: god odinadcatyj [Report of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education for 1910: the eleventh year]. 1911. Mosk. o-vo rasprostraneniya kommer. obrazovaniya. М., Tip. t-va I. D. Sytina, 515 s. (in Russian).

- Otchyot Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za 1912 god: god trinadcatyj [Report of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education for 1912: the thirteenth year]. 1913. Mosk. o-vo rasprostraneniya kommer. obrazovaniya. M., tip. T-va I.D. Sytina, 498 s. (in Russian).
- Otchyot Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za 1911 god: god dvenadcatyj [Report of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education for 1911: the twelfth year]. 1912. Mosk. o-vo rasprostraneniya kommer. obrazovaniya. M., tip. T-va I.D. Sytina, 515 s. (in Russian).
- Otchyot Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za 1913 god: god chetyrnadcatyj [Report of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education for 1913: the fourteenth year]. 1914. Mosk. o-vo rasprostraneniya kommer. obrazovaniya. M., tip. T-va I.D. Sytina, 514 s. (in Russian).
- Otchyot Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za 1914 god: god chetyrnadcatyj [Report of the Moscow Society for the Dissemination of Commercial Education for 1914: the fifteenth year]. 1915. Mosk. o-vo rasprostraneniya kommer. obrazovaniya. M., tip. T-va I.D. Sytina, 427 s. (in Russian).
- Otchyot o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1904 uchebnyj god v uchebnyh zavedeniyah vedomstva Ministerstva finansov [Report on the state of commercial education in Russia for the 1904 academic year in educational institutions of the Ministry of Finance]. 1905. SPb., tip. A.V. Orlova, 103 s. (in Russian).
- Polozhenie o popечitel'stvah pri nachal'nyh uchilishchah [Regulations on guardianships at elementary schools]. 1907. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. Chast' XI. SPb., 6 s. (in Russian).
- Rech'i i privetstviya na torzhestve osvyashcheniya novogo zdaniya Moskovskogo kommercheskogo instituta 10 fevralya 1913 g. [Speeches and greetings at the consecration of the new building of the Moscow Commercial Institute on February 10, 1913]. 1914. M., Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 34 s. (in Russian).
- Rozhdestvenskij С.В. 1912. Oчерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. [Essays on the history of public education systems in Russia in the XVIII–XIX centuries]. SPb., 680 s. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.08.2022

Received 21.08.2022

Поступила после рецензирования 14.09.2022

Revised 14.09.2022

Принята к публикации 14.09.2022

Accepted 14.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марчукова Виктория Александровна, аспирантка кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Victoria A. Marchukova, Postgraduate Student of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4124-0919](https://orcid.org/0000-0003-4124-0919)

УДК 94:32-058.232.6(47+57)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-668-676
Краткое сообщение

Аграрное движение в Воронежской губернии в 1917 г.

Зверков Е.А.

Воронежский институт МВД России,
Россия, 394065, г. Воронеж, Проспект Патриотов, 53
E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Аннотация. На рубеже XIX–XX столетий крестьянское население Воронежской губернии росло с удивительной быстротой, в то время как земельный фонд оставался практически неизменным. Таким образом, шло неуклонное сокращение среднедушевого надела, которое, вкуче с малодоходностью крестьянского хозяйства, приводило к постепенному материальному обеднению общинников. Разрушение вертикали государственной власти, последовавшее за отречением императора Николая II и революционными процессами в Петрограде, позволило крестьянам попробовать самостоятельно решить т. н. «земельный вопрос». Несмотря на то, что к 1917 г. в руках частных землевладельцев оставалось не более 10 % всего пахотного клина губернии, насильственные конфискации земель рассматривались крестьянами как наиболее надёжный способ снижения остроты малоземелья. Сохранившиеся свидетельства эпохи показывают, что многие сельские общества стремились создать впечатление, согласно которому они не отнимают землю, а лишь спасают её от запустения. Для этого общинники осуществляли политику нарушения хозяйственной жизни имений и их разорения. Что касается политических партий, то они, несмотря на активную работу, не смогли заключить аграрное движение губернии в матрицу политической борьбы.

Ключевые слова: крестьянство, Воронежская губерния, Февральская революция.

Для цитирования: Зверков Е.А. 2022. Аграрное движение в Воронежской губернии в 1917 г. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 668–676. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-668-676

Agrarian Movement in the Voronezh Province in 1917

Evgeny A. Zverkov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russia

Abstract. At the turn of the XIX–XX centuries, the peasant population of the Voronezh province multiplied with amazing speed, while the land fund remained virtually unchanged. Thus, there was a constant reduction in the average per capita allotment, which, coupled with the low profitability of the peasant economy, led to a gradual material impoverishment of the community members. The destruction of the vertical of state power, which followed the abdication of Emperor Nicholas II and the revolutionary processes in Petrograd, allowed the peasants to try to solve the so-called «land question» on their own. Despite the fact that by 1917 no more than 10 % of the entire arable wedge of the province remained in the hands of private landowners, forced confiscation of land was considered by peasants as the most reliable way to reduce the severity of land shortage. The preserved evidence of the epoch shows that many rural societies sought to create the impression that they were not taking away the land, but only saving it from desolation. To do this, the community members carried out a policy of disrupting the economic life of the estates and their ruin. As for the political parties, they, despite their active work, could not enclose the agrarian movement of the province in the matrix of political struggle.

Key words: peasantry, Voronezh province, February revolution

For citation: Zverkov E.A. 2022. Agrarian Movement in the Voronezh Province in 1917. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 668–676 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-668-676

Введение

Воронежская губерния вступила в Февральскую революцию с экономикой аграрного типа.

Февральская революция застала Воронежскую губернию как аграрный регион. Доля крестьян в общей структуре населения оценивалась до 93 % [Переверзев, 1976, с. 6], в то время как в среднем по европейской части России – около 84 % [Быстренко, 2017, с. 28]. Революция должна была наконец оправдать надежды русских социалистов в отношении многомиллионных крестьянских масс, но аграрное движение в Центральной России увязло в массовых беспорядках. От них могли бы спасти традиции уважения к частной собственности, но переделы времён Крестьянской реформы только укрепили общинников в возможности этого шага по принципу уже имевшегося прецедента. К тому же, как отмечают и отечественные, и зарубежные исследователи, понятие закона имело у крестьян предельно абстрактный смысл [Пайпс, 2005; Карпачёв, 2012]. Переделы не были самоцелью – с их помощью стремились решить проблему малоземелья, постепенно приводящего к обеднению хозяйств. О малопродуктивности, конечно же, никто не задумывался.

Зная о крестьянских настроениях, уездные власти, получив сообщения о революции в Петрограде, попытались, насколько это возможно, скрыть от крестьян этот факт, опасаясь рецидива беспорядков времён Первой русской революции.

Объекты и методы исследования

В качестве объектов исследования выступают общественные отношения в сфере землепользования в период между Февральской и Октябрьской революциями. Исследование проводилось в соответствии с принципами научной объективности и историзма. В ходе исследования использовались метод системного анализа, историко-генетический, а также сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение

Реакция жителей сёл и деревень на отречение монарха оказалась удивительно спокойной. Поначалу к нему даже отнеслись с недоверием, особенно там, где подобные разговоры уже шли 12 лет тому назад. Вопрос достоверности поступавшей информации проясняли священники, оглашавшие известия об отречении и проводившие по этому случаю молебны⁵⁸. Удивительно, но им пришлось принять на себя часть накопившейся в людях агрессии. О сложностях, возникших в отношениях между общинниками и священниками, говорили как должностные лица, так и сами священнослужители⁵⁹. Не смогла сохранить своего положения и местная администрация.

Раскачка общины не была единомоментной и заняла некоторое время. В марте крестьянские выступления носили единичный характер. Потребовалось время понять, насколько ослабла власть и как далеко можно зайти. Вначале перестали уплачиваться налоги. Например, в Валуйском уезде уже в марте снизились сборы недоимок и земских сборов, а в апреле и вовсе не удалось ничего собрать⁶⁰.

⁵⁸ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 562. Л. 155. Там же. Д. 562. Л. 94.

⁵⁹ Попов Т.Д. Слово-воззвание к Православным христианам Церкви Воронежской от имени Воронежского епархиального собрания объединённых Духовенства и мирян Председателя собрания // Воронежские епархиальные ведомости. 1917. № 24.

⁶⁰ Государственный архив Воронежской области (далее ГА ВО). Ф. И-104. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.

Как отмечают исследователи, отсутствие санкций со стороны государства было воспринято как символ правильности совершаемых действий [Кондрашин, 2017, с. 24]. Старт беспорядков в сельской местности имел в своей основе не только земельный вопрос, но и месть: по личным причинам, как реакция на участие владельца имения в подавлении беспорядков времён Первой русской революции, несправедливости при составлении Уставной грамоты в ходе Крестьянской реформы 1861 г.: некоторым землевладельцам удалось отделить крестьянские усадьбы от полей или лугов помещичьими землями (в этом качестве могла выступить обычная грунтовая дорога), лишая крестьян возможности прогона и вынуждая арендовать клочки земель по завышенным ставкам [Воронков, 1952, с. 9].

Наибольшая напряжённость проявилась в Новохопёрском, Задонском и Бобровском уездах – районах сравнительно высокого уровня помещичьего землевладения.

Вялая реакция государства на первые акции земельного движения спровоцировала дальнейшую эскалацию напряжённости. В мае Воронежская губерния была полностью охвачена крестьянской войной. Не могло не сыграть свою роль представление о помещичьем имуществе как несправедливо нажитом. Логика развития революции подсказывает, что грабёж «награбленного» не считался ни грехом, ни преступлением.

П.Г. Морев выделил такие формы крестьянских выступлений, как захват земель (пахотных и сенокосных), отказ платить арендную плату, пограбление помещичьих земель, захват имущества, аресты землевладельцев и управляющих имениями, захват церковных земель, захват и разгром имений, штрафы и обложения платежами имений [Морев, 1961, с. 48].

Экстраординарные масштабы приняло давление на хуторян и отрубщиков, сопровождавшееся унижением, издевательствами, садистским избиением принадлежащего им скота. Никакие уступки, кроме капитуляции, не могли удовлетворить общину. В Задонском уезде крестьяне разграбили взятый в частную аренду фруктовый сад, несмотря на готовность арендатора разделить урожай⁶¹.

Первоначальной формой выхода из повиновения стала незаконная вырубка казённого леса. В конце марта в Задонском уезде регистрируются первые факты выступлений с применением оружия [Лавыгин, 1928, с. 21]. В апреле наблюдается увеличение количества выступлений, возросла общая напряжённость, стали известны случаи сожжения хуторов. Массовые беспорядки охватили все уезды губернии. Особой популярностью пользовалась тактика экономической блокады имений – разгон военнопленных, приписанных к имениям для выполнения сельскохозяйственных работ, запрет общины на работу в имениях и т. п., что служило цели экономического разорения землевладельца, признания его земель «пустующими» с последующей их передачей сельскому обществу для сева – с мотивировкой о недопустимости оставления земли необрабатываемой. Аналогичные случаи фиксировались и в других губерниях [Рейли, 1995, с. 178] Подобный подход можно считать сравнительно гуманным на фоне прямолинейных разгромов имений волостными комитетами, сопровождавшимися «арестами» владельцев и самовольной запашкой земель.

В качестве формы конфискации земель можно считать принудительную аренду по заниженным ценам. Помощь крестьянам в разгроме имений со временем стали оказывать возвращавшиеся с фронта солдаты, нередко выступавшие в роли «застрельщиков» разгромов⁶². Власти оставалось развести руками и признать своё бессилие в попытках предотвратить захваты имений и частновладельческих земель. Не удавалось это и эсерам, пользовавшимся исключительным уважением в крестьянской среде. Государственной агитации не существовало. Да её и не могло быть, учитывая исключительную дезорганизацию властных структур, погрязших в межпартийных склоках. Губернский комиссар

⁶¹ ГА ВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

⁶² ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 476. Л. 20.

Б.А. Келлер признавал – в погромах «крестьянская мысль нашла... свой выход для борьбы с высокими арендными ценами и для утоления своей тяготы к земле»⁶³.

Община не была готова к принятию революции – крестьяне не понимали ни сути переворота (кроме того, что царя не стало), ни назначения новых комитетов. Эмиссары губернской власти, приезжая в уезды, говорили языком, непонятным людям. Люди откровенно не понимали, чего от них хотят. Городской агитатор был чужд крестьянину.

Опасность, с точки зрения крестьянина, представляли не только частные землевладельцы (помещики или хуторяне), но и группы беженцев из затронутых войной губерний. С одной стороны, это связано с закрытостью общины и повышенной подозрительностью к «приблудным» людям, которые могли внести нежелательные раздоры в общину или вовсе оказаться преступниками. С другой стороны, принятие новых членов накладывало на общину обязательство обеспечить их либо хлебом, либо землёй, которой и так было недостаточно. Воронежское губернское совещание по делам беженцев отмечало не просто недружелюбное отношение – громились заселённые беженцами дома, сами люди и даже их дети подвергались унижениям и избиениям⁶⁴.

Воздействие на многомиллионную крестьянскую массу силой представлялось невозможным – к этому не была готова армия, это не соответствовало идеалам только что провозглашённой общности свободы и справедливости. Демократически ориентированные политические элиты России видели свой идеал во всероссийском парламенте – Учредительном собрании, и, следовательно, крестьяне были значительной частью электората. Поэтому стремились найти легальные способы воздействия – например, в виде Губернского крестьянского съезда, начавшего работу в апреле и ставшего трибуной Партии социалистов-революционеров [Советы крестьянских депутатов, 1929, с. 78]. В работе съезда приняли участие представители Совета, политических партий, кооперативов, губернского исполнительного комитета. Невероятная популярность эсеров нашла своё отражение и в выборе председателем съезда эсера Виктора Кобытченко⁶⁵. Принятая съездом резолюция выразила конфискационные настроения – передать бесплатно землю общине для её использования на условиях уравнительного пользования, уничтожить частную собственность на землю, воспретить самовольный захват земель. Одно из главных требований съезда – заморозить любые сделки в отношении необрабатываемых земель с правом их передачи земельным комитетам. Было поддержано выступление Ю.Н. Подбельского об отмене закона о выходе из общины и закона об отрубных хозяйствах [Советы крестьянских депутатов, 1929, с. 79]. Включение пункта о конфискации частновладельческих земель в пользу общины позволяло эсерам принимать в уездах любые резолюции.

А вот прибывшие на съезд кадеты и даже большевики успехов не имели. По воспоминаниям большевика Н. Рабичева, большевики не смогли выставить даже лидера организации [Рабичев, 1934, с. 35]. Кадеты, благодаря Кобытченко, и вовсе стали предметом насмешек и оскорблений⁶⁶. В свою очередь эсеры, в том числе благодаря дореволюционной работе среди крестьян, сохраняли высокую популярность [Куцеволов, 2007, с. 147]. Продолжением эсеровской работы можно считать деятельность Крестьянского союза, имевшего ячейки в ряде сёл губернии. Неудивительно, что эсеры превзошли большевиков и по количеству партийных ячеек [Куцеволов, 2007, с. 186]. Несмотря на это, эсерам, сторонникам законного решения земельного вопроса, не удалось остановить самовольных захватов и погромов. Община оставалась глуха к идеям законности. Как отмечает профессор В.Б. Безгин, не революционность, а традиционализм стал господствующей идеей крестьян [Безгин, 2015, с. 138].

⁶³ ГА ВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

⁶⁴ ГА ВО. Ф. И-219. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁶⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 344. Л. 14.

⁶⁶ В к.-д. партии // Воронежский телеграф. 1917. 15 апреля.

Постоянные неудачи и давление из Петрограда вынудили большевиков сделать острее свою политическую платформу – они отказались от первоначальной идеи решения основных вопросов революции через Учредительное собрание и начали говорить о необходимости конфискации всех помещичьих земель. Это помогло немного исправить ситуацию – появились крестьянские наказы, свидетельствующие об их симпатиях большевизму [Морев, 1954, с. 21].

7 мая открылся съезд выборщиков от солдат-крестьян Воронежской губернии для выбора делегатов на Всероссийский Крестьянский Съезд в Петрограде⁶⁷, где эсеры в очередной раз попытались убедить крестьян в необходимости прекратить погромы и дожидаться соответствующего закона о земле [Морев, 1954, с. 21]. Съездом были выбраны 4 делегата. Все они представляли Партию социалистов-революционеров. Участниками съезда были приняты удобные эсерам решения по проблемам земли, войны, мира, Временного правительства, Учредительного собрания и т. п.⁶⁸ Есть основания полагать, что весь перечень заявленных проблем, выраженных от лица крестьян, – не более чем фикция, принятая под давлением пункта о необходимости скорейшего решения земельного вопроса. Так или иначе, вряд ли, к примеру, крестьян Чернозёмной полосы беспокоили вопросы голосования без национальных или религиозных ограничений⁶⁹.

Восприятие частной собственности на землю как фактора провокации социального неравенства мы находим и в крестьянских наказах на Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Например, в Нохопёрском уезде [Морев, 1961, с. 43]. Требования передела земель мы находим и в решениях крестьянских общин многих других населённых пунктов.

Таким образом, в течение весны 1917 года крестьянам удалось перейти в состояние полной автономии – от государства, Советов и даже партий, игнорируя невыгодные для себя решения и шаги. Понятие свободы было воспринято как полное освобождение от какого бы то ни было контроля со стороны государства [Сухова, 2008, с. 470].

Что касается отрубных хозяйств, общинников в первую очередь интересовал возврат принадлежащих им земель в систему общего землепользования, поэтому перед погромами следовало предложение о возвращении в общину. Губисполком, видимо, не желая конфликтовать с сельскими обществами, нередко принимал сторону общинников, рекомендуя, в качестве компромисса, сдать земли общине в аренду. В письмах в губисполком хуторяне укоряли власти в оставлении их на произвол судьбы.

В архивах Воронежской области сохранились письма, направленные землевладельцами в различные инстанции – в Исполком Совета, губернский исполнительный комитет, губернскому комиссару. Случаи отправки воинских команд оказывались не так часты, как того бы хотелось землевладельцам. Да и эффект от их появления не всегда совпадал с ожиданиями – команда из 30 солдат и 1 офицера, направленная в слободу Матрёнка Бобровского уезда, вместо наведения порядка увязла в попойках и сама поучаствовала в погромах. Попытки волостных комитетов препятствовать крестьянам приводили к игнорированию их работы всей общиной. Волостные и сельские комитеты отметились активным вмешательством во всю хозяйственную деятельность имений [Морев, 1961, с. 47]. Добиться законности посредством обращения к губернским властям было попросту невозможно. Для большинства крестьян губернская власть не существовала. Перед общиной стала беззащитна даже высшая аристократия – в Бобровском уезде было расхищено имущество, принадлежавшее великому князю Петру Николаевичу⁷⁰.

Уездные съезды крестьян в ряде уездов подменили собой власти, издавая постановления, связанные с конфискацией частновладельческих земель. В Новохопёрске

⁶⁷ Съезд солдат-крестьян // Воронежский телеграф. 1917. 13 мая.

⁶⁸ Воронежский телеграф. 1917. 13 мая.

⁶⁹ Воронежский телеграф. 1917. 19 мая.

⁷⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324. Л. 2.

уездный комиссар Зимин занял такую позицию, защищая конфискации перед губернским комиссаром ⁷¹.

Вследствие отсутствия силовых механизмов привлечения к ответственности виновников беспорядков принцип круговой поруки стал идеальным способом ухода от ответственности – массовость нападений делала невозможным найти виновных. В отдельных случаях изъятый из имений инвентарь или вырубленный лес попросту развозился по соседним сёлам, что делало его возврат владельцу нереальным [Карпачёв, 2013, с. 215].

Под эгидой партии социалистов-революционеров прошёл и Второй губернский крестьянский съезд, начавший работу 20 июля 1917 г. В съезде приняли участие более 600 человек, включая представителей политических партий. Большевики снова почувствовали себя лишними – выступающий от них делегат был освистан и едва сумел выступить.

На съезде присутствовал и губернский комиссар, народный социалист Борис Келлер ⁷². Попытки сдержать аграрное движение методом убеждения не имели шансов на успех. Принятие же крестьянами политических пунктов – таких, как возможность взаимодействия с буржуазией и поддержка Учредительного собрания, диктовалось исключительно желанием иметь поддержку со стороны партии в разрешении земельного вопроса.

Привести точные данные о помесечной динамике аграрного движения, на наш взгляд, невозможно, так как официальная статистика по данному вопросу не велась. В связи с этим исследователи по-разному оценивали его ход. И.Д. Балашов в начале 30-х гг. насчитал 301 выступление за весь период Февральской революции [Балашов, 1930, с. 51]. По данным П.Г. Морева, только в мае таковых имелось 134 [Очерки истории Воронежской области, 1967, с. 25]. И.Г. Воронков, в свою очередь, насчитал за май-июнь 272 выступления [Воронков, 1957, с. 35], а за август-октябрь – 327 [Воронков, 1957, с. 52]. Апрель, с учётом разрозненного и локального характера выступлений, в расчёт, видимо, не брался. По мнению автора, оценка И.Г. Воронкова наиболее корректна имеющимся в его распоряжении архивным и газетным данным, отражает общую тенденцию в развитии земельного движения. Вместе с тем не совсем понятно, что вообще следует считать аграрным выступлением. Традиционно сюда включают требования передела земельного фонда, сами переделы, нападения на имения или хутора. В любом случае мы можем констатировать, что уровень напряжённости в Воронежской губернии был значительно выше, чем у соседей – Курской и Тамбовской губернии [Салтык, 2017].

Выводы

Таким образом, хотя крестьяне и сочувствовали эсерам (по данным самих эсеров, к осени 1917 г. их численность достигла 100 тыс. чел. [Салтык, 2002, с. 294], фактически они оказались вне практического влияния какой-либо партии. Если эсеры не сумели убедить крестьян дожидаться решений Учредительного собрания, то большевики не смогли придать ему политического подтекста. Крестьянское движение осталось ограниченным примыкающим к общине землям. Впоследствии это признавали и сами большевистские вожди [Троцкий, 2009, с. 153]. На короткий промежуток времени, до 1918 г., сельские общества во многом оказались в добровольной изоляции от государства, городов и политических партий, предпочтя сосредоточиться на повседневных проблемах землепользования. Участие крестьян в общественном движении, в большей степени на стороне партии эсеров и в значительно меньшей на стороне большевиков, носило практический характер: добиться скорейшего узаконивания свершившегося факта – конфискации пахотных и сенокосных земель и беспрепятственного пользования лесным фондом и водоёмами.

⁷¹ Там же. Д. 346. Л. 62.

⁷² ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 96.

Список литературы

- Безгин В.Б., Николашин В.П. 2015. Крестьянское движение и арендные отношения в 1917 г. (на материалах Центрально-Черноземного региона). Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2 (56): 138–147.
- Быстренко В.И. Аграрный вопрос и роль крестьянства в революционных событиях России в 1917 году (К 100-летию Февральской революции в России). Наука и Мир. Т. 2. (43): 27–31.
- Воронков И.Г. 1957. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, Воронежское книжное издательство, 83.
- Карпачёв М.Д. 2012. Правосознание крестьян Воронежской губернии накануне столыпинских аграрных реформ. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 1: 14–23.
- Карпачёв М.Д. 2013. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 году: социальные истоки и политические последствия. Северо-Запад в аграрной истории России. 20: 203–221.
- Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. 2017. Редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрчёнков (отв. редакторы) [и др.]. М., Саранск, 1048.
- Куцеволов А.А. 2007. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1918 г.): Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 226.
- Лавыгин Б.М. 1928. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928, 178 с.
- Морев П.Г. 1954. Крестьянское движение в Воронежской губернии в феврале-октябре 1917 г. Из истории Воронежской области (Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). М., 17.
- Морев П.Г. 1961. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции. (Март – окт. 1917 г.). Воронеж, Издательство ВГУ, 103 с.
- Очерки истории Воронежской области. [Т. 2] Эпоха социализма. 1967. Под ред. Е.Г. Шуляковского. Воронеж, издательство Воронежского университета, 676 с.
- Пайпс Р. 2005. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., Захаров, 480.
- Переверзев А.Я. 1976. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917–1918). Воронеж, издательство Воронежского университета, 190 с.
- Рабичев Н.Н. 1934. Октябрьские дни в Воронеже. Воронеж, Коммуна, 78 с.
- Рейли Д.Дж. 1995. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, Слово, 400 с.
- Салтык Г.А. 2002. Неонародническое движение Чернозёмного центра России: 1901–1923 гг. М., Прометей, 575 с.
- Салтык Г.А. 2017. Неонародничество российской провинции в революции 1917 года (на материалах губерний Черноземного центра России). Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2 (42).
- Советы Крестьянских Депутатов и другие крестьянские организации. Т. 1. Часть 1 [март-октябрь 1917 г.]. 1929. Под ред. А.В. Шестакова. М., Издательство коммунистической академии, 322 с.
- Сухова О.А. 2008. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 679 с.
- Троцкий Л.Д. 2009. Перманентная революция. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 224 с.

References

- Bezgin V.B., Nikolashin V.P. 2015. Krest'yanskoe dvizhenie i arendnye otnosheniya v 1917 g. (na materialah Central'no-Chernozemnogo regiona) [Peasant movement and rental relations in 1917 (based on the materials of the Central Chernozem region)]. Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo. 2 (56): 138–147 (in Russian).
- Bystrenko V.I. Agrarnyj vopros i rol' krest'yanstva v revolyucionnyh sobytijah Rossii v 1917 godu (K 100-letiyu Fevral'skoj revolyucii v Rossii) [The agrarian question and the role of the peasantry in the revolutionary events of Russia in 1917 (On the 100th anniversary of the February Revolution in Russia)] Nauka i Mir. T. 2. (43): 27–31 (in Russian).

- Voronkov I.G. 1957. Voronezhskie bol'sheviki v period podgotovki i provedeniya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii [Voronezh Bolsheviks during the preparation and conduct of the Great October Socialist Revolution]. Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 83 (in Russian).
- Karpachyov M.D. 2012. Pravosoznanie krest'yan Voronezhskoj gubernii nakanune stolypinskih agrarnyh reform. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo. 1: 14–23 (in Russian).
- Karpachyov M.D. 2013. Prodovol'stvennyj krizis v Voronezhskoj gubernii v 1917 godu: social'nye istoki i politicheskie posledstviya [The food crisis in the Voronezh Province in 1917: social origins and political consequences]. Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii. 20: 203–221 (in Russian).
- Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i Grazhdanskoj vojny: nacional'no-regional'nyj aspekt [The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: a national-regional aspect]. 2017. Redkol.: V.V. Kondrashin, V.A. Yurchyonkov (otv. redaktory) [i dr.]. M., Saransk, 1048 (in Russian).
- Kucevolov A.A. 2007. Deyatel'nost' partii socialistov-revolucionerov v Voronezhskoj gubernii (konec XIXv. – 1918 g.) [Activity of the Socialist-Revolutionary Party in the Voronezh Province (late XIX century – 1918)]: Dis... kand. ist. nauk. Voronezh, 226 (in Russian).
- Lavygin B.M. 1928. 1917 god v Voronezhskoj gubernii [1917 in the Voronezh province]. Voronezh, 1928: 178 s. (in Russian).
- Morev P.G. 1954. Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii v fevrale-oktyabre 1917 g. [Peasant movement in the Voronezh province in February-October 1917] Iz istorii Voronezhskoj oblasti (Doklady, pročitannye na kraevedcheskoj konferencii v mae 1954g.). M., 17 (in Russian).
- Morev P.G. 1961. Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii nakanune Oktyabr'skoj revolyucii. (Mart – okt. 1917 g.) [Peasant movement in the Voronezh province on the eve of the October Revolution (March – October 1917)]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 103 (in Russian).
- Ocherki istorii Voronezhskoj oblasti [T. 2]. Epoha socializma [Essays on the history of the Voronezh region [Vol. 2]. The Era of Socialism]. 1967. Pod red. E.G. Shulyakovskogo. Voronezh, izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 676 (in Russian).
- Pajps R. 2005. Russkaya revolyuciya: v 3 kn. Kn. 1. Agoniya starogo rezhima [The Russian Revolution: in 3 books. Book 1. The agony of the old regime. 1905–1917]. 1905–1917. M., Zaharov, 480 (in Russian).
- Pereverzev A.Ya. 1976. Socialisticheskaya revolyuciya v derevne Chernozemnogo centra Rossii (oktyabr' 1917–1918) [Socialist Revolution in the village of the Chernozem Center of Russia (October 1917–1918)]. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 190 (in Russian).
- Rabichev N.N. 1934. Oktyabr'skie dni v Voronezhe [October days in Voronezh]. Voronezh, Kommuna, 78 (in Russian).
- Rejli D. Dzh. 1995. Politicheskie sud'by rossijskoj gubernii: 1917 v Saratove [Political destinies of the Russian province: 1917 in Saratov]. Saratov, Slovo, 400 (in Russian).
- Saltyk G.A. 2002. Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozomnogo centra Rossii: 1901–1923 gg. [Neo-populist movement of the Chernozem Center of Russia: 1901–1923]. M., Prometej, 575 (in Russian).
- Saltyk G.A. 2017. Neonarodnichestvo rossijskoj provincii v revolyucii 1917 goda (na materialah gubernij CHernozemnogo centra Rossii) [Neo-populism of the Russian province in the Revolution of 1917 (based on the materials of the provinces of the Chernozem Center of Russia)]. Uchyonye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2 (42) (in Russian).
- Sovety Krest'yanskih Deputatov i drugie krest'yanskie organizacii. T. 1. Chast' 1 [mart-oktyabr' 1917 g.]. 1929. Pod red. A.V. Shestakova. M., Izdatel'stvo kommunisticheskoy akademii, 322 (in Russian).
- Suhova O.A. 2008. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konec XIX – nachalo XX veka) po materialam Srednego Povolzh'ya [Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and Mentality of the Russian Peasantry (late XIX – early XX century) based on the materials of the Middle Volga region]. M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROS-SPEN), 679 (in Russian).
- Trockij L.D. 2009. Permanentnaya revolyuciya [Permanent Revolution]. Sankt-Peterburg, Azbukaklassika, 224 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.09.2022

Received 04.09.2022

Поступила после рецензирования 14.09.2022

Revised 14.09.2022

Принята к публикации 14.09.2022

Accepted 14.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зверков Евгений Андреевич, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж, Россия

Evgeny A. Zverkov, associate professor of the Department of sociohumanitarian, economical and law disciplines. Candidate of historical sciences. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0000-0002-1828-4457](https://orcid.org/0000-0002-1828-4457)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-677-689

Оригинальное исследование

Политическая медиаповестка дня: эмпирический анализ новостных заголовков

Каминченко Д.И.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Аннотация

Стремительная цифровизация политико-коммуникативного пространства актуализирует вопрос относительно формирования, распространения и потребления новостного контента в современном обществе. Поэтому особый интерес со стороны научного сообщества сегодня вызывают вопросы, связанные с процессами формирования информационной повестки дня, анализом её содержания и изучением её специфических свойств. Несмотря на немалый интерес со стороны ученых к теме информационной повестки дня, по-прежнему остается малоизученным вопрос о взаимодействии различных повесток дня (политической, общественной, медийной) между собой. В частности, мало работ посвящено теме политического содержания общественной и медийной повесток дня. Цель данного исследования – выявить степень политизации информационной повестки дня традиционных и современных СМИ и сравнить её показатели со степенью политизации повестки дня социальных медиа, отражающих интересы общества и общественную повестку дня. Кроме того, задачами исследования являются анализ динамики изменения степени политизации повесток дня СМИ и социальных медиа в ходе определенного временного периода проведения мониторинга и анализ специфики политического содержания повесток дня. Концептуальную основу исследования составила теория установления информационной повестки дня («agenda-setting theory»). Основными прикладными методами в работе стали сравнительный анализ и ненаправленный тип качественно-количественного контент-анализа. В результате исследования установлено, что наиболее высокая доля политических новостных заголовков представлена в медиаповестке двух сетевых Интернет-изданий. В социальных медиа среди наиболее популярных новостных заголовков доля политических заголовков составила менее одной трети. На основании анализа графиков динамики изменения степени политизации новостных повесток дня сделан вывод о наличии в российском публичном пространстве некоей общей политической информационной повестки дня (как минимум – на содержательно-тематическом (первом) уровне). Полученные выводы позволяют расширить существующие представления о степени политизации повесток дня традиционных и современных сетевых СМИ, а также помогают уточнить степень политизации общественной повестки дня в современном российском обществе.

Ключевые слова: информация, традиционные СМИ, Интернет-СМИ, социальные медиа, повестка дня, политическая повестка дня, общественная повестка дня

Для цитирования: Каминченко Д.И. 2022. Политическая медиаповестка дня: эмпирический анализ новостных заголовков. Via in tempore. История. Политология. 49 (3): 677–689. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-677-689

Political Media Agenda: an Empirical Analysis of News Headlines

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhnij Novgorod 603950, Russia
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Abstract. The rapid digitalization of the political and communicative space actualizes the matter of the formation, distribution and consumption of news content in modern society. Therefore, today the scientific community researches the issues related to the agenda formation, its content and specific characteristics. Despite the considerable interest on the scientific community to the topic of the agenda, the question of the various agendas interaction (political, public, media) with each other remains little studied. In particular, few researches explore the topic of the political content of public and media agendas. The purpose of this study is to identify the degree of politicization of the traditional and modern media agenda and compare its indicators with the degree of politicization of the social media agenda, reflecting the interests of society and the features of public agenda. In addition, the objectives of the study are to analyze the dynamics of changes in the degree of politicization of the traditional and modern media and social media agendas during a certain period of monitoring and to analyze the specifics of the political content of the agendas. The conceptual basis of the study is the agenda-setting theory. The main applied methods in the research are comparative analysis and non-directional type of qualitative-quantitative content analysis. As a result of the study, it was found that the highest share of political news headlines is presented in the media agenda of two Internet-media. In social media, among the most popular news headlines, the proportion of political headlines was less than one third. Based on the analysis of graphs of the changes dynamics in the degree of agendas politicization, it was concluded that there is a certain general, political, informational agenda in the Russian public space (at least at the content-thematic (first) level). The results of the study allow us to expand existing ideas about the degree of politicization of the agendas of traditional and Internet-media, and also help to clarify the degree of politicization of the public agenda in modern Russian society.

Keywords: information, traditional media, Internet-media, social media, agenda, political agenda, public agenda

For citation: Kaminchenko D.I. 2022. Political Media Agenda: an Empirical Analysis of News Headlines. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 677–689 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-677-689

Введение

Современные информационно-коммуникационные технологии и функционирующие на их технической основе Интернет-платформы поддержки социальных медиа оказывают существенное влияние на современное политико-коммуникативное пространство. Масштаб и степень влияния Интернета на современную политическую коммуникацию заставляют говорить о повсеместном изменении под влиянием Интернета политического дискурса, в частности, о том, что компьютерные системы и сети, которые их соединяют, сегодня играют большую роль в ходе современных электоральных кампаний [Arnaudo, 2019, p. 128]. Неслучайно в научном (вслед и за политическим) дискурсе набирают популярность такие термины, которые напрямую связаны со стремительным распространением Интернета в общественном пространстве, как «боты» [Arnaudo, 2019; Dubois, Mckelvey, 2019; Neudert, 2019; Wooley, Guilbeault, 2019], «троллинг» [Gorwa, 2019], «fake news» [Gorwa, 2019; Monaco, 2019] и т. д.

Одной из сфер, где влияние Интернета воспринимается особенно чувствительно, является сфера, связанная с созданием, распространением и потреблением новостей. Интернет открывает возможности для более широкого участия общества и политических

акторов в формировании новостного контента. Учитывая пересекающийся характер действий общественных акторов, политических субъектов и СМИ в информационном пространстве, медийная повестка дня начинает представлять собой фрагментарную и ситуативную картину тем и событий, в специфике отражения которых заключены интересы указанных субъектов. В этой связи по-новому актуализируются вопросы о том, насколько политизированной является медийная повестка дня, а также вопрос о том, насколько в новостной повестке дня СМИ отражены наиболее значимые и интересующие общество вопросы.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы сравнить степень политизации новостной повестки дня различных СМИ и Интернет-платформ социальных медиа (в определенной степени отражающих общественную повестку дня). Для выполнения поставленной цели необходимо, во-первых, проанализировать новостные заголовки различных СМИ (традиционных и современных, сетевых) и наиболее популярные заголовки новостей в социальных медиа; во-вторых, выявить непосредственно политические новостные заголовки из общего числа текстовых заголовков и рассчитать их долю во всех новостных заголовках; в-третьих, установить тематическую специфику политических заголовков новостей.

Теоретические основания

В современном научном дискурсе вопросам изучения информационной повестки дня уделено немало внимания. Ученые разрабатывают различные определения данного понятия. Например, по мнению С.С. Лушанкина, повестка дня включает в себя «наиболее важные вопросы, значимость которых установлена и подтверждена всеми либо большинством акторов» [Лушанкин, 2017, с. 461]. Л.Н. Тимофеева полагает, что информационная повестка дня – это, прежде всего, «своеобразная градация тем и событий, которые общество через СМИ считает наиболее важными» [Тимофеева, 2020, с. 67]. А.С. Сумская и П.Ф. Сумской предлагают трактовать понятие «информационная повестка дня» как «перечень включённых продюсерами тем в программы» и «своеобразное «информационное меню» для аудитории» [Сумская, Сумской, 2018, с. 585]. В приведенных дефинициях, как правило, обращается внимание в первую очередь на два ключевых компонента: содержательный (перечень тем, сюжетов, атрибутов и т. д.) и субъектный (обозначение субъектов, участвующих в формировании повестки дня). Неслучайно именно два указанных компонента и являются одними из наиболее распространенных объектов научных исследований повесток дня, причем нередко, рассматриваемых во взаимодействии между собой.

П.А. Кёртин и Э. Роденбах в своей работе, посвященной анализу процессов формирования новостной повестки дня СМИ по теме окружающей среды, рассматривают два источника информационных сообщений, предоставляемых в течение одного года членам Общества журналистов-экологов (SEJ): 1) материалы от специалистов по связям с общественностью, рассылаемые по почте членам SEJ, 2) информационные бюллетени, составленные журналистами-сотрудниками SEJ непосредственно для самих для членов SEJ. В качестве основного прикладного исследовательского инструмента ученые выбрали текстовый контент-анализ данных материалов с целью установления наличия/отсутствия существенных различий между темами (подтемами), источниками информации, тональностью текстов, новостной ценностью и полезностью материалов, предоставленных специалистами по связям с общественностью и коллегами-журналистами SEJ [Curtin, Rhodenbaugh, 2001, p. 180]. На содержательные аспекты информационной повестки дня обращается особое внимание и в работе К.Д. Свитсер и Ч.В. Браун [Sweetser, Brown, 2008]. В ходе своего исследования авторы проводят количественный контент-анализ для целей изучения процесса построения повестки дня (agenda-building process) на

содержательно-атрибутивном уровне во время кризисной ситуации (на примере освещения событий, происходивших в период израильско-ливанского конфликта 2006 года) [Sweetser, Brown, 2008, p. 360].

Рассмотрение субъектов, участвующих в формировании информационной повестки дня, приводит к необходимости выделения различных типов повесток дня. Ученые традиционно обозначают как минимум три типа повесток дня: общественную, медийную и политическую, при этом последняя «представляет собой отдельное явление современного мира, существующее в институциональном поле, определенном сферой политики» [Лушанкин, 2017, с. 456]. Причем, как отмечают А.Ю. Сизоненко, А.А. Гнедаш и В.В. Катермина (рассматривая цифровую социально-политическую повестку дня), политической сегодня «может стать любая актуальная информация из сферы экономики, социологии, культуры и т. д.» [Сизоненко и др., 2021, с. 103].

Формирование информационной повестки дня общества, СМИ и политических акторов нередко представляет собой взаимопересекающийся процесс, в ходе которого артикулируются интересы и запросы различных субъектов (например, как пишут ученые, отталкиваясь от теории построения информационной повестки дня, СМИ действуют не в вакууме, поэтому медиаповестка является результатом воздействия, которое оказывают влиятельные акторы и группы в качестве собственного инструмента контроля над обществом [Lee, Riffe, 2017, p. 293]). Вполне закономерным выглядит то, что тема анализа процессов формирования повесток дня и сравнение их содержания особенно актуальны и популярны в научном сообществе. Например, П.А. Кёртин и Т.К. Гэйтер в одном из своих исследований изучают тексты 10 официальных англоязычных правительственных и президентских веб-сайтов руководства ряда стран Ближнего Востока с целью определения того, каким образом с их помощью выстраивается диалог и сама повестка дня с англоязычными СМИ и целевой аудиторией [Cutrin, Gaither, 2004]. На основе проведенного анализа они делают вывод о том, что в целом изученные ими правительственные сайты предоставляют больше контента (прозрачность) с более простой процедурой его получения и поиска (интерактивность), в результате чего рассмотренные правительственные сайты в среднем более «диалогичны», чем изученные ими президентские сайты [Cutrin, Gaither, 2004, p. 31].

Сравнительный анализ содержания информационных повесток дня различных субъектов проведен в работе Д.В. Просянюк и И.Д. Кислицыной, в которой учеными был представлен сконструированный «индекс «недооцененности» проблем». Основная цель разработки авторами указанного индекса заключается в том, чтобы установить, «по каким вопросам взгляды СМИ и других субъектов категорически не совпадают, а по каким, напротив, наиболее близки» [Просянюк, Кислицина, 2020, с. 96]. Более того, в ходе сравнительного анализа ученые определили, какие субъекты транслируют информацию о той или иной теме в СМИ (на региональном уровне) [Просянюк, Кислицина, 2020, с. 102], что особенно важно, учитывая комплексный, полисубъектный характер современной медиаповестки.

Особый интерес вызывает и анализ политической повестки дня, а также процессов артикуляции интересов политических субъектов в медиаповестке. Например, в одной из своих работ Т.Н. Уолкер, Л.М. Уолкер и Р. Грей анализируют предвыборные пресс-релизы, распространенные штабами двух основных кандидатов в президенты США в октябре 1992 года с целью установить: 1) какие темы в материалах кандидатов были определены как наиболее важные; 2) как темы повестки дня, представленные в данных пресс-релизах, соотносятся друг с другом и с мнением зарегистрированных избирателей; 3) взаимосвязь между темами и предпочтениями, представленными избирателями в отношении кандидатов. Результаты проведенного исследования показали, что у команд Буша – Куэйла и Клинтона – Гора были разные взгляды на важность тех или иных тем, вокруг которых необходимо проводить

избирательную кампанию. Кроме того, они также отличались и возможностью управления повесткой дня [Walker et al., 1996, p. 20].

С. Киоусис и А. Шилдс провели контент-анализ текстов пресс-релизов, политических выступлений и ключевых, программных заявлений для оценки значимости различных тем и их атрибутов, используемых в ходе президентских выборов 2004 года в США основными кандидатами – Дж. Бушем, Дж. Керри и Р. Нейдером. Ученые проанализировали особенности процесса формирования и взаимодействия повесток дня указанных кандидатов на двух уровнях – тематическом и атрибутивном [Kiouisis, Shields, 2008, p. 325]. По результатам исследования учеными на тематическом уровне установлено наличие положительной корреляционной связи между текстами политических выступлений Дж. Буша и текстами пресс-релизов Дж. Керри, а также отрицательная корреляционная связь между текстами пресс-релизов Дж. Буша и Р. Нейдера [Kiouisis, Shields, 2008, p. 328].

Роль общественной информации в процессе формирования информационной повестки дня на примере выборов в Сенат Конгресса США (в штате Флорида) в 2010 году рассматривают авторы научной работы «Agenda-building linkages between public relations and state news media during the 2010 Florida Senate Election». Они, в частности, формулируют гипотезу, согласно которой значимость основных тем в сообщениях PR-служб кандидатов на выборах положительно соотносится со значимостью основных тем в освещении указанных событий государственными СМИ. Кроме того, они выдвигают гипотезу о том, что и значимость определенных черт того или иного кандидата, на которых фокусируется внимание в сообщениях PR-служб самих кандидатов, также положительно соотносится со значимостью тех же черт образа кандидата, которые выделены в материалах государственных СМИ, освещающих указанные события. В результате ученые в своем исследовании рассматривают и тематический, и атрибутивный уровни информационной повестки дня. По итогам исследования они сделали вывод о том, что наиболее существенное влияние на освещение в СМИ выборов в Сенат Конгресса США в 2010 году в штате Флорида оказали как традиционные пресс-релизы, так и сообщения в современных социальных медиа, записи в YouTube специалистов PR-служб кандидатов и т. д. [Kiouisis et al., 2016, p. 241].

Несмотря на складывающийся пласт работ по вопросам формирования информационной повестки дня, на наш взгляд, теме пересечения и взаимосвязи повесток дня различных субъектов (политических, медийных и общественных) по-прежнему уделено недостаточно внимания. В данном исследовании представлена попытка провести комплексное изучение того, как одновременно переплетены между собой политическая, общественная и медийная повестки дня, так как объектом изучения в нем выступают политические новостные заголовки (артикулирующие интересы различных субъектов политики), представленные в СМИ (медиаповестка) и вызвавшие наибольший интерес в обществе среди многочисленных пользователей социальных медиа (что в определенной степени является отражением общественной повестки дня).

Объекты и методы исследования

Теоретико-концептуальную основу проводимого исследования составляет теория установления информационной повестки дня («agenda-setting theory»). Как отмечает Ш. Мерц, указанная теория сформировалась, прежде всего, как теория, которая включает в себя ряд тематических компонентов, среди них – атрибутивный компонент (или второй уровень повестки дня), психологический компонент (объясняет эффекты установления повестки дня на индивидуальном уровне (потребность в ориентации), акцент на процессах образования повестки дня и объяснение собирательного феномена

взаимосвязанной, срединной медийно-новостной повестки (*interrelated agenda*) [Meraz, 2009, p. 683]. Подходя к анализу процессов, связанных с формированием медиаповестки со структурно-функциональных позиций, М. МакКомбс выделяет 3 основных компонента данных процессов: 1) ключевые внешние источники новостей (например, политические лидеры и партии); 2) взаимодействие различных СМИ между собой (нередко обозначаемое как срединная, взаимосвязанная повестка (*interrelated agenda*)); 3) социальные нормы и традиции журналистики (определяющие основные правила при окончательном складывании содержания повестки дня СМИ) [McCombs, 2015, p. 112].

В качестве основного эмпирического метода в работе используется ненаправленный тип качественно-количественного контент-анализа, что согласуется с обозначенными в работе задачами.

Корпус информационных данных составили новостные заголовки популярных сетевых Интернет-изданий «Газета.ru»⁷³ и «Lenta.ru»⁷⁴, телевизионного канала «НТВ»⁷⁵, а также – наиболее популярные новостные заголовки в социальных медиа (по данным новостного агрегатора «MediaMetrics»⁷⁶). Подчеркнем, что в качестве наиболее популярных новостных заголовков в социальных медиа анализировались те заголовки новостей, которые размещались различными СМИ и затем просматривались пользователями Интернет-платформ социальных медиа. Аналитической единицей проводимого контент-анализа является тема, а единицей счета – новостные заголовки.

Информационный корпус текстовых данных составили новостные заголовки, собранные в ходе мониторинга заголовков новостей, опубликованных в обозначенных СМИ и социальных медиа за период с 14 марта по 10 мая 2021 года (в течение 60 дней). Ежедневно (в ходе обозначенного периода времени) после 21:00 (на наш взгляд, к указанной временной локации новостная повестка дня становится в целом полностью сформированной) в таблицу новостных заголовков СМИ и социальных медиа отбирались по 10 последних (по времени их опубликования к моменту проведения наблюдения) заголовков новостей. В результате общее количество рассмотренных текстов новостных заголовков составило 2 400, что, как мы полагаем, является достаточным количеством текстовых объектов для выполнения сформулированных в работе научно-исследовательских задач.

Результаты

Мониторинг новостных заголовков проводился в течение 60 дней, и всего по его итогам проанализированы 2 400 заголовков с Интернет-страниц официальных сайтов «НТВ», «Lenta.Ru», «Газета.Ru» и социальных медиа (по 600 новостных заголовков для каждого из указанных субъектов установления информационной повестки дня). Для вычисления степени политизации повесток дня по данным для каждого из дней сперва определялось, является ли тот или иной новостной заголовок политическим, затем все политические заголовки новостей (по всем дням) суммировались и определялась процентная доля политических новостных заголовков среди всех проанализированных текстовых заголовков. Результаты аналитического вычисления представлены в табл. 1.

⁷³ Официальный сайт Интернет-издания «Газета.ru». Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 17.01.2022)

⁷⁴ Официальный сайт Интернет-издания «Lenta.ru». Режим доступа: <https://lenta.ru/> (дата обращения: 17.01.2022)

⁷⁵ Официальный сайт Интернет-издания «НТВ». Режим доступа: <https://www.ntv.ru/> (дата обращения: 17.01.2022)

⁷⁶ Официальный сайт «MediaMetrics». Режим доступа: <https://mediametrics.ru/rating/ru/online.html> (дата обращения: 17.01.2022)

Таблица 1
Table 1

Частота встречаемости политических новостных заголовков в информационных повестках дня, в абсолютных и относительных числовых значениях
Occurrence frequency of political news headlines in information agendas, in absolute and relative numbers

Название субъекта информационной повестки дня	Количество политических новостных заголовков, в абсолютных и относительных значениях
«НТВ»	228 (38 % всех новостных заголовков данного СМИ)
«Газета.Ru»	338 (56,3 %)
«Lenta.Ru»	258 (43 %)
«MediaMetrics (социальные медиа)»	164 (27,3 %)

Для более удобной графической оценки динамики изменения степени политизации новостных заголовков все данные подразделены на 6 равных временных промежутков – по 10 дней. Это позволит установить пиковые периоды, когда наблюдалась особенно повышенная степень политизации новостных заголовков, входящих в информационную повестку дня. Данные о динамике изменений обозначенного показателя по 6 равным, временным периодам представлены на рис. 1.

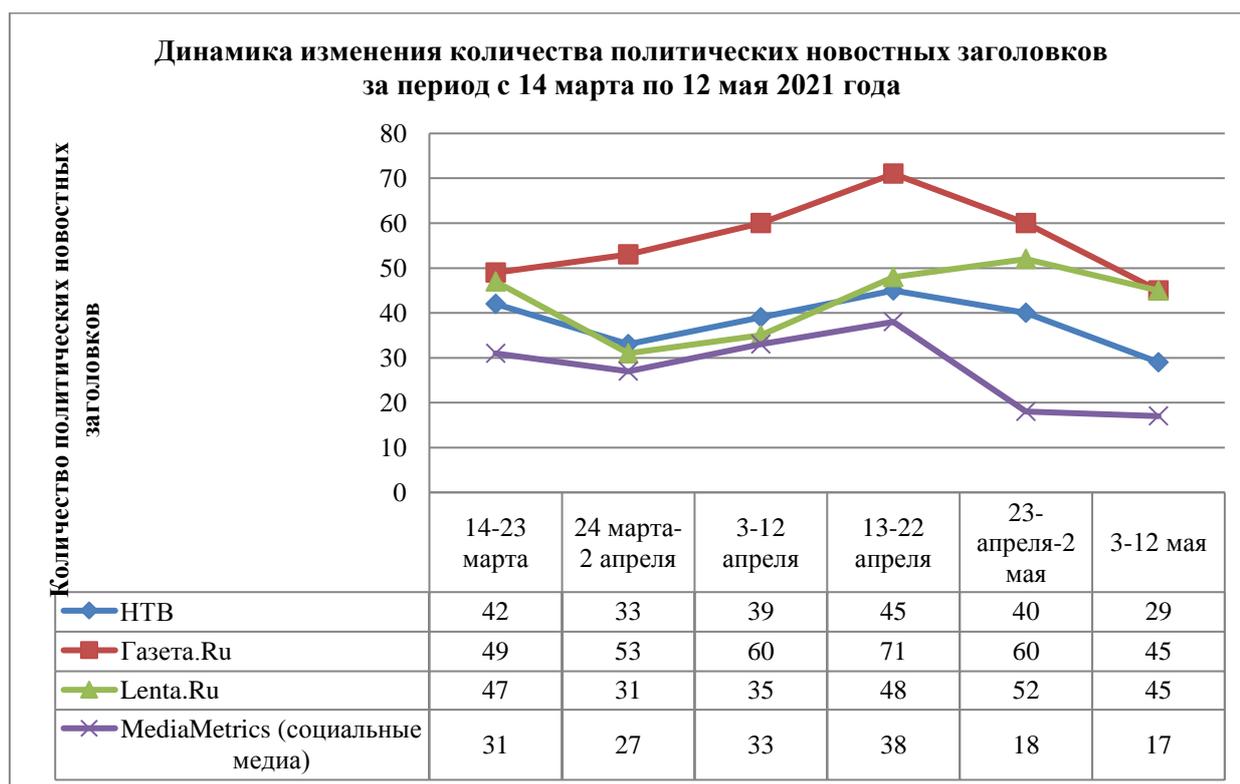

Рис. 1. Динамика изменения количества политических новостных заголовков за период с 14 марта по 12 мая 2021 года, в абсолютных числовых значениях

Fig. 1. Dynamics of change in the number of political news headlines for the period from March 14 to May 12, 2021, in absolute numbers

Дополнительно все политические новостные заголовки были классифицированы по трем разным подтемам: мировая политика (в ней представлены вопросы взаимоотношений зарубежных государств между собой и политические события внутри иностранных государств), внешнеполитическая (здесь представлены новости, связанные с

отношениями Российской Федерации с зарубежными странами) и внутривнутриполитическая (к этой категории отнесены заголовки новостей по тематике внутренней политики РФ). Результаты проведенной классификации отображены в табл. 2.

Таблица 2
Table 2

Частота встречаемости конкретных подтем политических новостных заголовков в информационных повестках дня, в абсолютных и относительных числовых значениях
 Occurrence frequency of the specific sub-themes of political news headlines in information agendas, in absolute and relative numbers

Наименование субъекта информационной повестки дня	«НТВ»	«Газета.Ru»	«Lenta.Ru»	«MediaMetrics» (социальные медиа)
Мировая политика	93 (40,8 %)	107 (31,7 %)	91 (35,3 %)	25 (15 %)
Внешняя политика России	80 (35,1 %)	178 (52,7 %)	121 (46,9 %)	72 (44 %)
Внутренняя политика России	55 (24,1 %)	53 (15,6 %)	46 (17,8 %)	67 (41 %)
Всего	228 (100 %)	338 (100 %)	258 (100 %)	164 (100 %)

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд обобщенных выводов. Во-первых, наиболее высокая доля политических новостных заголовков представлена не в повестке дня телевизионного канала, а в новостной повестке двух сетевых Интернет-изданий. Наименьшее количество политических заголовков представлено, как и ожидалось, в повестке дня социальных медиа. Это свидетельствует о том, что популярные сетевые новостные Интернет-издания уделяют политическим новостям объем внимания больший, чем объем внимания, который этим же тематическим новостям готовы уделить многочисленные пользователи социальных медиа (теоретически на завоевание внимания которых в том числе и рассчитана новостная повестка сетевых СМИ). При этом, заметим, что, вопреки нередко встречающемуся мнению о неполитическом характере контента социальных медиа, результаты проведенного анализа установили наличие определенного интереса их аудитории к политическим новостным заголовкам (так как 27,3 % от всех наиболее популярных в социальных медиа заголовков в анализируемый временной период носили политический характер). Кроме того, по своему объему политическое содержание повесток дня сетевых СМИ оказалось большим, чем политическое содержание новостной повестки дня телевизионного канала, что также опровергает иногда встречающееся предположение о том, что именно популярные ТВ-каналы являются наиболее политизированными СМИ (впрочем, повторимся, что измерялись только текстовые новостные заголовки, а не сами видеосюжеты ТВ-новостей). Не будем также забывать и о том, что выборку составили текстовые заголовки только нескольких СМИ, поэтому выявленные результаты требуют последующей верификации с применением текстового анализа на более расширенной выборке.

Во-вторых, если обратить внимание на график с динамикой изменения объема политического контента в новостных заголовках, то выделяется общая для всех субъектов формирования информационной повестки дня (за исключением Интернет-издания «Lenta.Ru») тенденция, согласно которой наибольший объем политических новостных заголовков встречается в период наблюдения с 13 по 22 апреля (в повестке дня Интернет-издания «Lenta.Ru» указанный период – второй по частоте появления политических новостных заголовков, а первый – это период с 23 апреля по 2 мая). В этот период наблюдения особенно часто встречались новостные заголовки, посвященные тематике внешней политики России (в новостной повестке дня канала «НТВ» таких заголовков

было насчитано 20, Интернет-изданий «Газета.Ru» и «Lenta.Ru» – 46 и 26 соответственно, а в повестке дня социальных медиа заголовки по данной теме (среди наиболее популярных) встречались 20 раз). В рамках указанной тематики активно размещались новостные заголовки по теме отношений России и США (в частности сообщения о телефонных переговорах В. Путина и Дж. Байдена, о возможном проведении очной встречи между лидерами государств, сообщения по вопросам санкционной политики), отношений России и Белоруссии, новостные заголовки, посвященные дипломатическим скандалам (связанным с высылкой российских дипломатов из Польши, Чехии, Словакии). В социальных медиа пользователи чаще всего реагировали на политические новостные заголовки по теме отношений между Россией и США (в частности по вопросам санкционной политики, по теме заявлений Дж. Байдена в адрес России и комментариев представителей российского МИД на события, происходящие в США), а также по теме двусторонних отношений России с Украиной и Чехией и т. д.

Отдельно необходимо обратить внимание на динамику изменения частоты встречаемости политических новостных заголовков в СМИ и популярности политических заголовков в социальных медиа. За исключением двух периодов наблюдения (24 марта – 2 апреля для новостных заголовков «Газета.Ru» и 23 апреля – 2 мая для новостных заголовков «Lenta.Ru») наблюдается практически полная симметрия в динамике изменения количества политических заголовков новостей. На наш взгляд, подобная динамика изменения может быть объяснена с помощью ряда аргументов. Она может свидетельствовать о наличии некоей общей политической (для российского публичного пространства) информационной повестки дня (при этом не забывая о её фрагментарности, учитывая разнообразие подтем в рамках политической тематики), в первую очередь на тематическом (первом) уровне повестки дня. Это также может говорить и о тесном переплетении повесток дня СМИ и общества, когда политическим акторам удается оказывать влияние на изменение уровня интереса (а возможно, и управлять им) СМИ и аудитории социальных медиа непосредственно к политическим темам. Подчеркнем, что графическая линия динамики изменения уровня интереса аудитории социальных медиа к политическим темам полностью симметрична именно с аналогичной графической линией, построенной для телеканала «НТВ».

В третьих, наиболее популярной политической тематикой для двух сетевых Интернет-изданий и социальных медиа стала тематика внешней политики России. При этом если на втором по частоте встречаемости политических заголовков в двух сетевых Интернет-изданиях месте синхронно идут новости мировой политики, то в социальных медиа практически схожие с внешнеполитической тематикой цифры популярности демонстрируют новостные заголовки по теме внутренней политики России. В новостной повестке «НТВ», наоборот, на первом по частоте встречаемости месте расположены новостные заголовки по теме мировой политики, на втором – по теме внешней политики России, на третьем – по внутрироссийской политической тематике. В результате если среди аудитории социальных медиа из политических тем наибольший интерес вызывают сообщения, касающиеся внутренней и внешней политики России (причем с большим перевесом от третьего тематического варианта новостных заголовков), то в новостной повестке Интернет-изданий «Газета.Ru» и «Lenta.Ru» преобладают темы внешней политики России и мировой политики (также с заметным перевесом от третьего тематического варианта новостных заголовков). В новостной же повестке «НТВ» преобладают заголовки новостей по теме мировой политики, впрочем, все три тематические рубрики по степени популярности расположены более гармонично относительно друг друга без существенных последовательных отрывов.

Выводы

В современном открытом сетевом обществе политические, общественные и медийные субъекты активно взаимодействуют друг с другом в процессе формирования информационной повестки дня. Содержание повестки дня при этом становится фрагментарным и ситуативным. Значимой частью информационной повестки дня становится её политическое содержание, в котором в различной форме (и с помощью разных атрибутов) проявляются интересы наиболее влиятельных политических акторов и групп. Как показали результаты проведенного прикладного, компаративного исследования российских СМИ и социальных медиа, наибольший показатель количества политических новостных заголовков представлен в медийной повестке сетевых Интернет-изданий. При этом у аудитории социальных медиа также наблюдается определенный интерес к политическим новостным заголовкам, хотя объем внимания, уделяемый пользователями социальных медиа данным тематическим заголовкам, ниже, чем тот объем внимания, который уделяется обозначенным заголовкам, рассмотренным в работе СМИ. Сравнительный анализ графиков динамики изменения объема внимания, уделяемого политическим новостям в СМИ и социальных медиа, в целом позволяет сделать вывод о наличии на политико-тематическом уровне некоей общей глобальной информационной повестки дня как минимум на тематическом, первом уровне повестки дня (второй, атрибутивный уровень в проведенном исследовании не рассматривался). Анализ популярности разных подтем в рамках политической тематики новостных заголовков показал, что тема внешней политики является самой популярной в новостной повестке сетевых Интернет-изданий и среди пользователей социальных медиа (данная тематика – вторая по популярности в повестке дня ТВ-канала). Вместе с тем практически сравнимой по показателям популярности внешнеполитической тематики среди аудитории социальных медиа стала и тема внутренней политики России. При этом в повестках дня рассмотренных СМИ новостным заголовкам по теме внутренней политики России не было уделено сравнимого с популярностью этой темы среди аудитории социальных медиа объема внимания. В свою очередь, популярная в новостной повестке изученных СМИ тема мировой политики не вызвала большого интереса у пользователей социальных медиа.

Сопоставляя показатели популярности в социальных медиа разных тематических политико-новостных заголовков с объемом внимания, уделенным подобным новостным заголовкам в повестках дня рассмотренных СМИ, можно сделать предположение о недостаточной (по сравнению с социальными медиа) доле внимания, уделяемого в СМИ внутрироссийской политической тематике, и избыточной доле внимания по отношению к новостям мировой политики. Впрочем, не следует забывать о том, что политико-новостные интересы аудитории СМИ могут отличаться от аналогичных интересов аудитории социальных медиа (как и сами аудитории СМИ и социальных медиа, например, по возрастному признаку). Кроме того, как уже отмечалось, в современной повестке дня популярных СМИ проявляются интересы различных политических акторов и групп, что сказывается и на тематике самих новостных повесток, хотя необходимо отметить, что и коммуникативное поле социальных медиа является пространством политического противоборства со стороны различных акторов, что, скорее всего, также способно находить своё отражение в показателях популярности политико-новостной информации в социальных медиа. Это ещё раз подтверждает идею о том, что и медийная, и общественная, и политическая повестки дня в условиях современного сетевого общества нередко находятся в тесном переплетении друг с другом.

Список литературы

- Лушанкин С.С. 2017. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели её формирования. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 4: 456–465.
- Просьянюк Д.В., Кислицина И.Д. 2020. Компаративный анализ оценок значимости проблем социально-экономического развития регионов России. Научный результат. Социология и управление, 4: 87–111. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-6
- Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. 2021. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа). Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 3 (112): 100–111.
- Сумская А.С., Сумской П.Ф. 2018. Моделирование теленовостей в контексте информационной политики телеканала. Вопросы теории и практики журналистики, 4: 581–598.
- Тимофеева Л.Н. 2020. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 2: 64–69.
- Arnaudo D. 2019. Brazil: Political bot intervention during pivotal events. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 128–152.
- Curtin P.A., Gaither T.K. 2004. International agenda-building in cyberspace: A study of Middle East government English-language websites. Public Relations Review, 30: 25–36.
- Curtin P.A., Rhodenbaugh E. 2001. Building the news media agenda on the environment: a comparison of public relations and journalistic sources. Public Relations Review, 27: 179–195.
- Dubois E., Mckelwey F. 2019. Canada: Building bot typologies. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 64–85.
- Gorwa R. 2019. Poland: Unpacking the ecosystem of social media manipulation. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 86–103.
- Kiousis S., Kim J.Y., Kochhar S.K., Lim H.J., Park Ju.M., Im J.S. 2016. Agenda-building linkages between public relations and state news media during the 2010 Florida Senate Election. Public Relations Review, 42: 240–242.
- Kiousis S., Shields A. 2008. Intercandidate agenda-setting in presidential elections: Issue and attribute agendas in the 2004 campaign. Public Relations Review, 34: 325–330.
- Lee S.Y., Riffe. 2017. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group. Public Relations Review, 43: 293–305.
- McCombs M. 2015. Setting the agenda: The mass media and public opinion. The 2nd edition. Polity Press. 209 p.
- Meraz Sh. 2009. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks. Journal of Computer-Mediated Communication, 3(14): 682–707 DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x>
- Monaco N.J. 2019. Taiwan: Digital democracy meets automated autocracy. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 104–127.
- Neudert L-M.N. 2019. Germany: A cautionary tale. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 153–184.
- Sweetser K.D., Ch.W. Brown. 2008. Information subsidies and agenda-building during the Israel-Lebanon crisis. Public Relations Review, 34: 359–366.
- Walker T.N., Walker L.M., Gray R. 1996. Agenda Building in the 1992 Presidential Campaign. Public Relations Review, 22 (1): 9–24.
- Woolley S.C., Guilbeault D. 2019. United States: Manufacturing consensus online. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 185–211.

References

- Lushankin S.S. 2017. Kategoriya «povestka dnya» v strukture politicheskogo protsessa: ponyatie «politicheskoy povestki dnya» i modeli ee formirovaniya [Category «agenda» in the structure of the political process: The concept of «political agenda» and the model of its formation]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations], 4 (1): 456–465 (in Russian).
- Prosyanyuk D.V., Kislitsina I.D. 2020. Komparativnyy analiz otsenok znachimosti problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Significance of problems of socio-economic development of russian regions and their comparative analysis]. Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie [Research result. Sociology and Management]. 4: 87–111. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-6 (in Russian).
- Sizonenko A.Yu., Gnedash A.A., Katermina V.V. 2021. Setevoy diskurs i rossiyskiy mer: Formirovanie tsifrovoy sotsial'no-politicheskoy povestki dnya v sotsial'nykh setyakh (opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza) [Network discourse and the russian mayor: shaping a digital socio-political agenda in social networks (network and linguistic discursive analysis)]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva [Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 3 (112): 100–111 (in Russian).
- Sumskaja A.S., Sumskoj P.F. 2018. Modelirovanie telenovostej v kontekste informacionnoj politiki telekanala [Modeling of TV news in the context of information policy of a television channel]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 4: 581–598. (in Russian).
- Timofeeva L.N. 2020. Novaja social'nost' v informacionnoj povestke dnja: rol' staryh i novyh media [New sociality in information agenda: The role old and new media]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologija. Sociologija [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2: 64–69 (in Russian).
- Arnaudo D. 2019. Brazil: Political bot intervention during pivotal events. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 128–152.
- Curtin P.A., Gaither T.K. 2004. International agenda-building in cyberspace: A study of Middle East government English-language websites. Public Relations Review, 30: 25–36.
- Curtin P.A., Rhodenbaugh E. 2001. Building the news media agenda on the environment: a comparison of public relations and journalistic sources. Public Relations Review, 27: 179–195.
- Dubois E., Mckelwey F. 2019. Canada: Building bot typologies. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 64–85.
- Gorwa R. 2019. Poland: Unpacking the ecosystem of social media manipulation. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 86–103.
- Kiousis S., Kim J.Y., Kochhar S.K., Lim H.J., Park Ju.M., Im J.S. 2016. Agenda-building linkages between public relations and state news media during the 2010 Florida Senate Election. Public Relations Review, 42: 240–242.
- Kiousis S., Shields A. 2008. Intercandidate agenda-setting in presidential elections: Issue and attribute agendas in the 2004 campaign. Public Relations Review, 34: 325–330.
- Lee S.Y., Riffe. 2017. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group. Public Relations Review, 43: 293–305.
- McCombs M. 2015. Setting the agenda: The mass media and public opinion. The 2nd edition. Polity Press. 209 p.
- Meraz Sh. 2009. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks. Journal of Computer-Mediated Communication, 3(14): 682–707 DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x>
- Monaco N.J. 2019. Taiwan: Digital democracy meets automated autocracy. Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media, Oxford University Press: 104–127.

- Neudert L-M.N. 2019. Germany: A cautionary tale. *Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media*, Oxford University Press: 153–184.
- Sweetser K.D., Ch.W. Brown. 2008. Information subsidies and agenda-building during the Israel-Lebanon crisis. *Public Relations Review*, 34: 359–366.
- Walker T.N., Walker L.M., Gray R. 1996. Agenda Building in the 1992 Presidential Campaign. *Public Relations Review*, 22 (1): 9–24.
- Woolley S.C., Guilbeault D. 2019. United States: Manufacturing consensus online. *Computational propaganda: Political parties, politicians and political manipulation in social media*, Oxford University Press: 185–211.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.03.2022

Received 21.03.2022

Поступила после рецензирования 16.05.2022

Revised 16.05.2022

Принята к публикации 20.06.2022

Accepted 20.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3193-3423](https://orcid.org/0000-0002-3193-3423)

Dmitry I. Kaminchenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 329.1

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

Оригинальное исследование

Возвращение идеологии: персонологический аспект

Гаспарян С.А.

МГИМО МИД России,

Россия. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: S.gasparian@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение в характере политической борьбы в США, которое можно обозначить как «возвращение идеологии»: поворот от выстраивания политических платформ таким образом, чтобы ответить на сложную комбинацию интересов различных групп поддержки, к цельным традиционным идеологиям, апеллирующим, соответственно, к левым – либеральным – и правым – консервативным убеждениям. Особенность этого «возвращения» заключается в том, что теперь основания традиционных идеологий связываются с персонологическими исследованиями последних лет, которые указывают на значительное влияние личностных характеристик на индивидуальные идеологические предпочтения, при том что данные характеристики демонстрируют высокий уровень наследуемости, иначе говоря, являются в значительной степени врожденными. Установление этой связи меняет общественное восприятие идеологий, превращая их из экрана для экономических интересов в выражение основополагающих черт определенных типов людей, которые к тому же определяют себя в политическом поле через противопоставление друг другу. В статье исследуется влияние этих теорий на понимание политического процесса и их способность провоцировать обострение политической борьбы.

Ключевые слова: идеология, Большая пятерка, выборы в США, либерализм, консерватизм

Для цитирования: Гаспарян С.А. 2022. Возвращение идеологии: персонологический аспект. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 690–700. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

The Return of Ideology: Personological Nuance

Gasparyan S.A.

MGIMO University,

76 Vernadskiy Ave., Moscow 119454, Russia

E-mail: S.gasparian@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the change in the nature of the political struggle in the United States, which can be described as the «return of ideology»: a turn from building political platforms as serving the interests of a complex combination of various groups to traditional ideologies, appealing, respectively, to the left – liberal – and right – conservative beliefs. The peculiarity of this «return» is that the foundations of traditional ideologies are associated with personological studies of recent years, which indicate a significant influence of stable personal characteristics on individual ideological preferences, while these characteristics demonstrate a high level of heritability, in other words, are largely congenital. The establishment of this connection changes the public perception of ideologies, turning them from a screen for economic interests into an expression of the fundamental features of certain types of people who, moreover, define themselves in the political field through opposition to each other. The article examines the influence of these theories on the understanding of the political process and their ability to provoke an aggravation of the political struggle.

Key words: ideology, the Big Five, United States elections, liberalism, conservatism

For citation: Gasparyan S.A. 2022. The Return of Ideology: Personological Nuance. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 690–700 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

Введение

На протяжении двух десятилетий после завершения холодной войны исследования идеологии оставались оттесненными на периферию политической науки. В этот период вновь стало популярным рассуждать о «конце идеологии», провозглашенном еще в 1960 г. Дэниелом Беллом [Bell, 1960], который считал, что западное общественное устройство сумело впитать в себя все лучшее от либерализма и социализма, и оба этих учения, лишившись главных оснований для политической критики, потеряли общественное влияние. То, что это заявление было преждевременным, наглядно показал 1968 г., когда выяснилось, что идеология, по крайней мере левого толка, еще вполне способна приводить массы в движение. А в конце 1970-х гг. приход к власти в Великобритании и США консерваторов показал, что правая идеология также все еще может служить мобилизационным ресурсом. Более того, на рубеже 80-х и 90-х консерваторы Рейган и Буш оказались в роли победителей над неожиданно капитулировавшим социалистическим блоком – победа, в которой они видели именно идеологический триумф.

Однако после этого «триумфа» идеологический накал предыдущих десятилетий, казалось, уже всерьез уходит в прошлое. К разговорам о «конце идеологии» добавляются идеи «конца истории» Френсиса Фукуямы и «третьего пути» Энтони Гидденса – вместе они составляют идейную базу центризма, который становится мейнстримом политики западных стран: с центристскими программами к власти в США приходит Клинтон, в Великобритании – Блэр, в Германии – Шредер; все трое – представители левоцентристских партий, заметно сместившихся в направлении рыночного либерализма.

Но уже в следующем десятилетии столкновение западных обществ с волной террора, движимого идеями исламского фундаментализма, приводит к тому, что провозглашенный ранее отказ от идеологии сам превращается в принципиальную и эмоционально накаленную позицию. На интеллектуальном уровне это столкновение изображается как разворачивающееся между здравомыслием, освободившимся от идеологических химер, и примитивной и жестокой религиозной утопией. И то, что преступления фундаменталистов подтверждали худшие мнения об их мировоззрении, по сути дела, продлило жизнь идеям внеидеологического общества, вопреки нараставшей на протяжении 2000-х гг. критики, указывавшей на то, что «третий путь», который преподносился как преодоление идеологичности как таковой, на самом деле представляет собой всего лишь еще одну идеологию, и в ней, как и в любой другой, предостаточно иррационального. В 2010-е гг. противоречия между приверженцами внеидеологического глобального мира и группами, готовыми вернуться к политике как идеологической борьбе, вышли на поверхность, причем атака на центристов развернулась как слева, так и справа. Трехсторонний конфликт со всей отчетливостью проявился на американских президентских выборах 2016 г.: центристка Клинтон, с трудом победив на внутривыборных выборах левого радикала Сандерса, потерпела поражение от правого Трампа, выстроившего подчеркнуто идеологизированную кампанию. Для американского истеблишмента это был момент истины: и дальше делать вид, что идеологическая борьба – пережиток, означало бы заведомый проигрыш перед теми, кто воспринимал эту борьбу всерьез. В результате укорененные во всех властных институтах центристы, неожиданно для себя оказавшиеся в оппозиции, совершили «левый поворот», что было особенно заметно по основным американским СМИ, по факту полностью отказавшимся от установки на объективность и разогревшими идеологическое про-

тивостояние до такого градуса, что некоторые комментаторы всерьез начали говорить о новой «гражданской войне» [Мак, 2018].

Это возвращение идеологической политики произошло в ситуации, когда привычным для участников политического процесса – партийных аппаратов, СМИ, социальных медиа и других – стал технократичный подход, предполагавший возможность целенаправленно воздействовать на свои аудитории, опираясь на статистические данные. С точки зрения такого подхода, традиционная модель, связывающая правые и левые идеи с экономическим положением придерживающихся их групп, была слишком упрощенной и определенно требовала дополнения более тонкими социальными или, что сыграло особую роль, психологическими индикаторами.

Методы исследования

В настоящей статье предлагается анализ влияния психологических концепций, в первую очередь психометрической модели «Большая пятерка», на содержание и характер идеологической борьбы в рамках традиционных для западных стран двухпартийных систем и прежде всего – на роль этих концепций в обострении конкуренции между Демократической и Республиканской партиями в США. Осмысление этого влияния движется по линии кембриджской школы интеллектуальной истории, главные представители которой К. Скиннер и Дж. Покок заостряют внимание на том, что любое «научное» высказывание имеет значение одновременно в пределах и научного, и политического дискурса, и видят основной целью своей дисциплины отслеживать, как политологические идеи преломляются при перемещении через эту разделительную линию [Кембриджская школа, 2018].

В решении этой задачи кембриджская школа опирается на теорию речевых актов Дж. Остина [Остин, 1999], однако другой возможный подход предлагает теория социальных представлений С. Московичи, который определял их следующим образом: «Социальные представления всегда имеют сложную структуру и не могут существовать иначе, чем в составе «предзаданной системы мысли», вследствие чего они постоянно находятся в зависимости от совокупности убеждений, которые опираются на ценности, традиции и образы, характеризующие мир и существующего в нем человека. Они прежде всего объект постоянной социальной работы, осуществляемой посредством и внутри дискурса таким образом, чтобы каждый новый феномен всегда мог быть встроен в объяснительные или обосновывающие модели, которые принимаются в силу своей привычности» [Moscovici, 2001, p. 157]. Анализ такого рода социальных представлений подразумевает выделение в их структуре центральных и периферийных элементов. Центральный элемент характеризуется как «тема» – некоторая базовая идея, которая воспринимается как самоочевидная и задает рамки тому, что может быть включенным в представление. Эта тема может притягивать к себе сложные формализованные знания, появляющиеся в науке, но при этом они упрощаются, лишаясь связей со сложной сетью других элементов научного дискурса, которые обеспечивали им легитимность внутри науки, и переориентируются на связь с «темой» социального представления. Собственно, таким путем научные знания трансформируются в часть политического дискурса.

Материал, на котором в настоящей статье отслеживаются эти трансформации, это, с одной стороны, психологические исследования по направлению персонологии, с другой – публикации, освещающие избирательный процесс в западных странах, прежде всего – президентские выборы в США периода 2010-х гг. Подходы кембриджской школы и С. Московичи и позволяют обнаружить между этими двумя, на первый взгляд, не связанными между собой дискурсивными «комплексами» смысловые связи, способные сделать понятнее политическое обострение в современных США, которое является, по сути, сфокусированным отражением напряжения в западном политикуме в целом.

Возвращение идеологии

Несмотря на то, что в период после холодной войны исследование идеологии не было мейнстримом для гуманитарной науки, она тем не менее могла предоставить вновь заинтересовавшимся идеологией практикам – политикам, политтехнологам, журналистам и др. – некоторые новые интерпретации.

Исходное марксистское понимание характеризовало идеологию как отражение классовых экономических интересов. В западной политологии 1950–70-х гг. оно сменилось ее восприятием в качестве мобилизационного инструмента, который целенаправленно конструируется с целью обеспечить определенной политической силе максимальную общественную поддержку. Собственно, это последнее понимание идеологии и привело к ее «концу»: превратившись в конструктор из лозунгов, пересобираемый под каждые новые выборы, идеологии утратили внутреннюю цельность и, как следствие, действенность. Такой подход был отражением характерного для второй половины XX в. взгляда на человека: индивид воспринимался как выразитель набора частных интересов, который складывается как производная от его социальной ситуации, – в упрощенном виде это отражала пирамида Маслоу, подразумевавшая, что люди с разными уровнями благополучия испытывают различные потребности, но за пределами этих потребностей у них практически нет устойчивых устремлений, которые были бы заложены в них классом, национальностью или другими важными для них группами. Более того, сам факт появления подобных «навязчивых» устремлений рассматривался как патология, которая провоцируется неблагоприятными явлениями в окружении, прежде всего психологическими травмами, полученными в детстве. Примерно такая логика использовалась в том числе для объяснения правых политических взглядов в основополагающей для политической психологии работе «Исследование авторитарной личности» [Адорно, 2012].

Таким образом, политическая наука долгое время рассматривала человека, прежде всего, как реагирующего на внешние условия. Однако в этот же период политическая психология получала все больше подтверждений тому, что две базовые для западного общества идеологические позиции – правая и левая: консервативная и либеральная в американском контексте или соответственно либеральная и социалистическая – в европейском, – отражают не просто классовое деление общества, а два разных типа личности. База исследований, подтверждающих этот тезис, постепенно укреплялась в 1980–90-е гг., а начиная с середины 2000-х гг. резко ускорила свой рост [Jost, 2021], и основная часть исследований свидетельствовала в пользу того, что основные идеологии отражают не только и не столько конфликтующие экономические интересы, а устойчивые предпочтения, в значительной степени не зависящие от социально-экономических условий.

Остроту этим выводам добавляло то, что начиная с 1970-х гг. был также собран богатый материал, демонстрирующий важную роль наследственности в формировании личности. Особенно наглядными стали исследования разлученных близнецов – людей, совпадающих генетически, но выросших в разных условиях. Совпадения между этими близнецами, иногда впервые встретившимися в ходе исследований, зачастую были поразительными и касались в том числе их политических предпочтений [Bouchard et. al., 2003].

Непосредственно нацеленные на изучение идеологических предпочтений психологические исследования также показывали, что факторы, определяющие идеологический выбор, обнаруживаются на самых базовых уровнях формирования личности. К примеру, лонгитюдное исследование Джека и Джиян Блок зафиксировало проявление зачатков, характерных для либералов и консерваторов черт у детей детсадовского возраста – вывод, который подтвердился, когда наблюдаемые достигли зрелости [Block, Block, 2006]. А в других работах предрасположенность к идеологиям была обнаружена даже на генетическом уровне [Alford, et. al., 2005; Hatemi et. al., 2011].

Все это подводило к практическому выводу о том, что если идеологии отражают типы личности, складывающиеся под влиянием наследственности и воспроизводящиеся из поколения в поколение, то попытка заменить исторически сложившиеся идеологические платформы комбинированием различных групповых интересов обречена на провал.

Служащая мостом между психологией и политологией политическая психология обеспечила достаточно быстрое распространение данных о врожденном характере идеологических предпочтений среди политологов и политтехнологов, что способствовало реинтерпретации идеологии. Собственно, эту реинтерпретацию, которая была по крайней мере одной из наиболее заметных тенденций политологии 2010-х гг., и можно охарактеризовать как персонологический поворот.

Исследователи, которые занимались политологией и политической психологией, и ранее интересовались личностными особенностями, однако их исследования носили отчетливо нормативный характер и использовали инструментарий, который был направлен не столько на объективную оценку, сколько на диагностику «патологии». Родоначальником линии таких диагностических инструментов была «ф-шкала», разработанная Т. Адорно и коллегами. «Ф» здесь недвусмысленно обозначала «фашизм», предрасположенность к которому методика и должна была измерять [Адорно, 2012]. Ее прямыми потомками стали два инструмента: «авторитаризм правого уклона» (right wing authoritarianism – RWA) [Altemyer, 1981] и «ориентация на социальное доминирование» (social dominance orientation – SDO) [Sidanius et. al., 1994].

Более взвешенным подходом к «измерению» политических предпочтений стала «Личностная методика NEO» (в версии 1992 г. «NEO-PI-R», а 2005 г. – «NEO-PI-3»), которая представляла собой опросник, построенный на пятифакторной модели личности, известной как «Большая пятерка» [Costa, McCrae, 2017], и к 1990-м гг. вышедший в лидеры среди персонологических инструментов. И, как выяснилось, предрасположенность к консерватизму – это одна из личностных характеристик, которые опросники этой серии относительно надежно угадывают: правые политические взгляды устойчиво сопутствуют высоким показателям по шкале «сознательность», которая определяет человека как дисциплинированного, обязательного и целеустремленного. В отличие от RWA и SDO эта характеристика выставляла консерваторов во вполне благоприятном свете – «сознательность» служит наиболее востребованной чертой на рынке труда и может использоваться как предиктор экономического успеха в течение жизни. Другим индикатором правых взглядов были низкие показатели «открытости опыту», обозначающие интеллектуальную ригидность – менее лестная характеристика, к тому же коррелирующая с низкими показателями интеллекта [Schretlen et. al., 2010]. Но, несмотря на некоторые неприятные ассоциации, в целом «закрытость опыту» отражает стремление к стабильности, в той или иной мере свойственную всем людям.

Соответственно, опросники серии NEO могли также использоваться для предсказания левых политических взглядов, которые сопутствовали низким показателям сознательности и высоким – открытости опыту, характеризуя либералов как людей любознательных, творческих и интеллектуально одаренных, но непоследовательных и не склонных к порядку.

Обнаружение устойчивой связи идеологий с определенными типами личности само по себе несло угрозу политического обострения: получалось, что в политике противостоят не интересы, которые можно привести к какому-то общему знаменателю, а изначально разные люди. Пессимистичных оттенков добавляли высокие показатели наследуемости, которые демонстрировали черты «Большой пятерки», причем наиболее высокий коэффициент показывала «открытость опыту», которая была наиболее эффективным предиктором левых взглядов [Alford et. al., 2005]. Если принимать эти выводы всерьез, то «конец идеологии» откладывался на неопределенный срок, а задача разработки некоторого «третьего пути» превращалась в гораздо более сложную задачу: речь теперь шла не о том,

чтобы выбрать все самое разумное из двух идеологий, а о том, чтобы удовлетворить два типа людей, противоположных друг другу с точки зрения важных личностных черт.

Распространение такого взгляда среди политтехнологов работало на радикализацию политических кампаний. В целом уже к 1990-м гг. они практически отказались от попыток убеждения избирателей в пользу соответствия ожиданиям целевых групп. Электорат рассматривался как калейдоскоп различных интересов, и формирование политической платформы превращалось в решение своего рода уравнения: нужно было ответить на запросы максимального числа групп и сделать это так, чтобы число тех, кого придется оттолкнуть, было минимальным. То, что такие платформы утрачивали целостность, свойственную традиционным идеологиям, считалось малозначимым. Но теперь выяснялось, что эти идеологии сохраняют значение, так как отражают базовые психологические предпочтения. А учитывая, что либерализм и консерватизм определяются противопоставлением друг другу, это также означало переход от соревнования за избирательные очки к прямому противостоянию по принципу или-или.

Особенно заметными эти процессы стали в 2010-е гг. В Европе они проявились в смещении левых, в первую очередь «зеленых» партий ко все более утопическим программам, которые представляют собой, по сути, декларации ценностей, призванных продемонстрировать отличие озабоченной глобальными проблемами «прогрессивной молодежи» от безразличных «бюргеров», а также в подъеме правых движений, опирающихся на идеи защиты традиционного образа жизни – последние, в отличие от левых радикалов, столкнулись с жестким противодействием европейского истеблишмента.

В США, в свою очередь, заметная перемена пришлась на выборы 2012 г. – вторые для Обамы, который из левоцентриста клинтоновского толка (только обаятельней, чем Хилари Клинтон), в роли которого он победил в 2008 г., превратился в идейного «левого», противопоставлявшего себя как человека мультирасового и мультикультурного будущего отсталой и злонамеренной белой элите прошлого, которая выставила против него своего типичного представителя – белого мультимиллионера Мита Ромни. При этом победа Обамы объяснялась американскими СМИ главным образом с точки зрения демографии: этнический состав населения США становится все более разнообразным, в то время как белое население сокращается, и шансы «старых белых мужчин», которым нечего предложить новым цветным американцам и особенно цветной молодежи, впредь будут лишь падать. Такой «приговор демографии» служил продвижению либеральной прогрессистской позиции в качестве «объективной неизбежности» – ход мысли, который уже явно указывал на возвращение идеологического мышления.

Принципиальный же переход к идеологическому противостоянию произошел на выборах 2016 г. Трамп и возглавивший его кампанию на завершающем этапе Стив Бэннон, в котором пресса видела правого радикала, в то время как сам он представлялся «правым популистом», в полной мере использовали силу цельной идеологии. В своих многочисленных выступлениях Трамп открыто говорил то, что огромное количество людей хотело слышать, но американские политики, приученные формулировать свои заявления исходя из принципа «никого не оттолкнуть», говорить перестали: массовая иммиграция провоцирует рост безработицы и преступности, глобализм ведет к деиндустриализации Америки, зеленая энергетика – безосновательная и разрушительная затея и т. д. Но наиболее рискованной была линия на вскрытие того, что медийный (творческий и «открытый опыту») класс, очевидно подыгрывающий Демократической партии, является врагом, исповедующим принципиально иные ценности, чем те, которые дороги американскому среднему (трудолюбивому и «сознательному») классу: общая «социальная справедливость» против экономической самостоятельности, универсальный гуманизм против патриотизма, разнообразие против традиции.

Конечно, кампания Трампа не была выстроена исключительно на психологических началах. Бэннон, в частности, открыто высказывался о возвращении «классовой полити-

ки», указывая на то, что два реальных оппонента Клинтон – Трамп и Сандерс – сходятся в том, что выражают интересы забытого политиками рабочего класса, который к 1990-м гг. закрепился в экономике в составе «среднего», но по мере нарастания сопутствующего глобализации «экспорта рабочих мест» стал откатываться в бедность [Green, 2017]. Но, хотя она и не была единственной, психологическая линия просматривалась в кампании Трампа достаточно отчетливо. Упомянутые ценности, которые занимали в ней не меньшее место, чем апелляции к экономическим интересам, устойчиво коррелируют с психометрически измеряемыми чертами личности [Caprara, Vecchione, 2017]. И именно на эту взаимосвязь опиралась в своей работе корпорация «Cambridge Analytica», которая обеспечивала электронную составляющую трамповской кампании.

Как вскрылось в 2018 г. в ходе расследования против социальной сети «Facebook»⁷⁷, которая незаконно использовала данные пользователей, предоставив к ним доступ в том числе и «Cambridge Analytica», последняя с целью повысить эффективность размещения политической рекламы занималась классификацией адресатов по модели «Большой пятерки» [Gibney, 2018]. Такой подход не был принципиально новым, ранее он использовался в маркетинге и, нужно заметить, что его эффективность далеко не бесспорна, но применение этого подхода к выборам свидетельствовало об изменениях в видении политического процесса. Нацеливание политической рекламы на тех, кто заранее предрасположен к взглядам, которые в ней продвигаются, причем расположен к ним в силу своих врожденных особенностей, фактически означает отказ от широкого политического диалога. Оппонентов не пытаются переубедить, их игнорируют, рассчитывая на победу над ними за счет максимальной мобилизации «своих», круг которых определяется психологической типологией.

Идеология в науке

Есть определенная логика в том, что эти идеи взяли на вооружение в первую очередь правые. Представления о врожденном характере человеческих предрасположенностей развиваются в рамках той линии гуманитарной науки, которая в настоящее время ассоциируется прежде всего с эволюционной психологией. Программа эволюционного объяснения сложного социального поведения появилась в 1970-е гг. как «социобиология» [Уилсон, 2015], но большинством ученых-гуманитариев была расценена как неприемлемая. В принципе, именно как ответ на вызов социобиологии, в которой многие увидели попытку естественной науки поглотить гуманитарную, и сложилась так называемая «стандартная модель социальных наук» [Пинкер, 2021], нацеленная на объяснение человеческого поведения исключительно через детерминацию культурой. На Западе сторонникам «стандартной модели» удалось установить контроль над большинством гуманитарных дисциплин, что привело к ставшей особенно заметной в последние годы догматизации социологии, антропологии, филологии и ряда других гуманитарных наук.

В психологии влияние «стандартной модели» было заметным, но оказалось слабее, чем в других дисциплинах. Причиной этому была более тесная, по сравнению с другими гуманитарными науками, связь психологии с естественной наукой и медициной. В результате в ее пределах сохранилась линия на эволюционное биологическое объяснение человеческого поведения, и, несмотря на то что эту линию продвигали люди, в основном придерживающиеся, как и большинство западных ученых в целом, либеральных политических взглядов, в определенный момент они явно почувствовали на себе противодействие становящейся все более догматичной и политизированной «стандартной модели». Эта ненамеренная оппозиционность к мейнстриму невольно сближала эволюционную психологию, которая стала главным представителем всех исследований человека, использующих

⁷⁷ Продукт компании «Meta», признанной экстремистской и запрещенной в России.

биологическое обоснование, с правым политическим флангом. Для многих вовлеченных в этот союз он оказался неожиданным. Характерный пример – нейропсихолог Сэм Харрис, который в середине 2000-х гг. приобрел известность своей радикально антирелигиозной позицией, из-за которой был причислен к «четырем всадникам» нового атеизма – характеристика, казалось бы, исключавшая симпатии со стороны традиционно религиозных правых. Но в конце 2010-х гг. его имя вновь оказалось на слуху, на этот раз в составе «интеллектуального даркнета» – круга авторов, пользующихся популярностью новых «альтернативных» правых. Здесь Харрис оказался в одной компании в том числе с психологом Джорданом Петерсенем, известным среди прочего своими курсами-комментариями к Библии, и консервативным комментатором Беном Шапиро, исповедующим ортодоксальный иудаизм.

Выстроившаяся таким образом комбинация лиц и идей, собственно, и создала условия для обращения правых к персонологическому инструментарию. Казалось бы, предугадывание политических взглядов по психологическим характеристикам – это нейтральный инструмент, но если смотреть на ситуацию через призму иллокутивных речевых актов, которые совершаются как действия, имеющие цель, не исчерпывающуюся передачей информации, то обнаруживается, что между идеологическими позициями и научными подходами есть связь. Прежде всего, для консерваторов изначально привлекателен взгляд, согласно которому природа человека устойчива из поколения в поколение, а индивидуальный характер – это не производная от ситуативного влияния, а отражение глубинных особенностей, полученных в наследство от предков. По той же логике либералам-прогрессистам больше импонируют модели, исходящие из того, что человеческая личность пластична и поддается изменениям, – из этого логично следует, что и общественное устройство возможно изменить.

Интерпретацию связи науки и политического процесса в случае США можно было бы свести к выводу о маятниковом движении: претензия на избавление от идеологии, под прикрытием которой шло усиление левых прогрессистских позиций, породила реакцию – формирование блока, в который вошли политики, публицисты и ученые, объединенные главным образом протестом против засилья левой идеологии. Но, сложившись, этот альянс обнаруживает потенциал двигаться дальше точки восстановления равновесия. Подтверждения существования врожденной предрасположенности к определенному политическому выбору в принципе создают повод для постановки вопроса о функционировании либеральной демократии как таковой. По-видимому, не случайно в последние годы в западной политологии растет популярность Карла Шмитта [The Oxford Handbook, 2016], поставившего проблему состоятельности представительной демократии в контексте Веймарской Германии. Парламент, как он понимался еще мыслителями эпохи Просвещения, – это собрание народных представителей, которые ведут дискуссию с целью найти оптимальные решения сложным проблемам. Такое функционирование парламента требует исключить проникновение в него идеологического мышления, утверждающего точки зрения определенных групп как неоспоримые. Если же парламент превращается в место столкновения классовых партий и классовых же мировоззрений, то, как наглядно показал паралич веймарского рейхстага, он лишается возможности выполнять свою главную функцию и в значительной степени теряет смысл [Шмитт, 2016а].

С точки зрения К. Шмитта, паралич парламента вызван не классовой борьбой, а тем, что политика изначально предполагает разделение на группы с несовместимыми интересами, и «политическое» как отношение особого рода возникает именно там, где складывается такое разделение, там, где появляется граница между «врагами» и «друзьями», причем «враг» понимается К. Шмиттом как кто-то, кто в принципе не может принять интересы того, по отношению к кому он становится врагом. И такой антагонизм может возникать между самыми различными общностями, отношения которых в результате и становятся «политическими» [Шмитт, 2016б].

То, что в современной западной политологии параллельно шел рост популярности персонологии и идей Шмитта, вряд ли случайность. Если в настоящее время вся политическая система США переживает глубокий кризис, побуждающий самих американских комментаторов сравнивать свою страну с «банановыми республиками» [Wright, 2020], то упадок американского парламентаризма начался заметно раньше, по крайней мере с 1990-х гг., когда конгресс фактически превратился в инструмент клановой борьбы, используемый с серьезным сопутствующим ущербом для всей системы, как это было, например, в случае с отказом республиканцев утверждать федеральный бюджет, который привел к приостановке деятельности американского правительства в 1995–1996 гг. – эксцесс, который повторялся в 2013 и 2018 гг.

Заключение

Возвращение идеологических кампаний и их психологизация в принципе может рассматриваться как один из симптомов дальнейшей эрозии американской политической системы. К сожалению, последствия этого процесса не ограничиваются границами США: то значение, которые они приобрели в мировой политике и экономике, превращают этот конфликт в глобальный – опять же, сами американские комментаторы характеризуют современное обострение целого ряда международных конфликтов как «глобальную гражданскую войну» [Robinson, 2022]. Конечно, схема, по которой в этой войне противостоят «глобалисты» и «националисты», – упрощение, но не безосновательное. Демократическая партия США и особенно ее радикальное крыло действительно выступает последовательным выразителем глобалистских интересов, и вокруг нее и связанных с ней международных структур на самом деле группируются игроки, заинтересованные в сохранении американоцентричного глобального мира – международные финансовые и интернет-корпорации, наиболее тесно связанные с США правительства и партии зарубежных стран, глобалистская интеллигенция, которая сконцентрирована вокруг англоязычных университетов «мирового уровня» и др. Положение Республиканской партии менее однозначно: раскол между центристами и радикалами-«трампистами» в ней глубже, и если центристы по многим вопросам примыкают к «глобалистскому» лагерю, то для «трампистов» противостояние либеральному глобализму – главный центр тяжести их повестки. И это крыло служит центром притяжения для разного рода других «националистических» групп – производственных и энергетических корпораций в самих США, правых движений и правительств в зарубежных странах, интеллектуалов, не вписывающихся в мировой университетский мейнстрим. Стоит еще раз повторить, речь идет не о четкой «линии фронта», а о центрах притяжения, вокруг которых могут возникать самые неожиданные альянсы. Но в целом противостояние, разворачивающееся в Америке, так или иначе проецируется на все значимые конфликты, разгорающиеся в мире.

Конечно, компетентно анализировать каждый из этих конфликтов могут лишь специалисты по данному локальному контексту. Но преломление раскола американских элит действительно можно обнаружить в политических проблемах по всему миру, и понимание интеллектуальной подоплеки этого раскола может оказаться важным для осмысления конфликтов, которых в мире, к сожалению, становится все больше.

Список литературы:

- Адорно Т. 2012. Исследование авторитарной личности. М., АСТ, 416 с.
Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. 2018. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., Новое литературное обозрение, 632 с.
Остин Дж. 1999. Избранное. М., Идея-Пресс, 332 с.
Пинкер С. 2021. Чистый лист. М., Альпина нон-фикшен, 608 с.
Уилсон Э. 2015. О природе человека. М., Кучково поле, 352 с.

- Шмитт К. 2016а. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Понятие политического. СПб., Наука, 93–170.
- Шмитт К. 2016б. Понятие политического. СПб., Наука, 280–408.
- Alford, J.R., Funk, C.L., & Hibbing J.R. 2005. Are political orientations genetically transmitted? *American Political Science Review*. 99 (2), 153–167.
- Altemeyer B. 1981. *Right-Wing Authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 352 p.
- Bell D. 1960. *The End of Ideology*. New York: Free Press, 416 p.
- Block J., Block J. 2006. Nursery school personality and political orientation two decades later. *Journal of Research in Personality*. 40 (5), 734–749.
- Bouchard T.J., Segal N.L., Tellegen M.K., & Krueger R. 2003. Evidence for the construct validity and heritability of the Wilson-Patterson conservatism scale: A reared-apart twins study of social attitudes. *Personality and Individual Differences*. 34 (6), 959–969.
- Caprara G., Vecchione M. 2017. *Personalizing Politics and Realizing Democracy*. New York: Oxford University Press.
- Costa P., McCrae R. 2017. The NEO Inventories as Instruments of Psychological Theory. In: *The Oxford Handbook of the Five Factor Model*. Edited by Widiger T. New York: Oxford University Press, 589 p.
- Gibney E. 2018. The scant science behind Cambridge Analytica's controversial marketing techniques. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-03880-4>. Accessed: 18.08.2022, 270–280.
- Green J. 2017. *Devil's Bargain: Steve Bannon, Donald Trump and the National Uprising*. New York: Penguin, 304 p.
- Hatemi et. al. 2011. A Genome-Wide Analysis of Liberal and Conservative Political Attitudes. *Journal of Politics*. 73 (1), 271–285.
- Jost J. 2021. *Left and Right. The Psychological Significance of a Political Distinction*. New York: Oxford University Press, 145 p.
- Mak T. 2018. Another 'Civil War'? Pessimism About Political Violence Deepens In A Divided Nation. URL: <https://www.npr.org/2018/10/31/662216598/another-civil-war-pessimism-about-political-violence-deepens-in-a-divided-nation> Accessed: 18.08.2022.
- Moscovici S. 2001. *Social Representations*. New York: New York University Press, 2001, 3–69.
- The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. 2016. Edited by Meierhenrich J., Simons O. New York: Oxford University Press, 867–872.
- Robinson W. 2022. *Global Civil War: Capitalism Post-Pandemic*. Oakland: PM Press, 2022, 224 p.
- Schretlen D., Van Der Hulst E., Pearlson G., Gordon B. 2010. A Neuropsychological Study of Personality: Trait Openness in Relation to Intelligence, Fluency, and Executive Functioning. *Journal of Clinical Experimental Neuropsychology*. 32 (10), 1068–1073.
- Sidanius J., Pratto F., Bobo L. 1994. Social Dominance Orientation and the Political Psychology of Gender: A Case of Invariance? *Journal of Personality and Social Psychology*. 67 (6), 998–1011.
- Wright R. 2020. Is America Becoming a Banana Republic? URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/is-america-becoming-a-banana-republic> Accessed: 18.08.2022.

References

- Adorno T. 2012. *Issledovanie avtoritarnoj lichnosti [The Authoritarian Personality]*. M., AST, 416 p. (in Russian).
- Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii*. 2018 [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 632 p. (in Russian).
- Ostin J. 1999. *Izbrannoe [Selected Works]*. M., Ideya-Press, 332 p. (in Russian).
- Pinker S. 2021. *Chistyj list [The Blank Slate]*. M., Al'pina non-fikshen, 608 p. (in Russian).
- Wilson J. 2015. *O prirode cheloveka [On Human Nature]*. M., Kuchkovo pole, 352 p. (in Russian).
- Schmitt C. 2016а. *Duhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Crisis of Parliamentary Democracy]*. Ponyatie politicheskogo. SPb., Nauka, 93–170 (in Russian).
- Schmitt C. 2016b. *Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]*. Ponyatie politicheskogo. SPb., Nauka, 280–408 (in Russian).
- Alford, J.R., Funk, C.L., & Hibbing J.R. 2005. Are political orientations genetically transmitted? *American Political Science Review*. 99 (2), 153–167.

- Altemeyer B. 1981. Right-Wing Authoritarianism. Winnipeg: University of Manitoba Press, 352 p.
- Bell D. 1960. The End of Ideology. New York: Free Press, 416 p.
- Block J., Block J. 2006. Nursery school personality and political orientation two decades later. *Journal of Research in Personality*. 40 (5), 734–749.
- Bouchard T.J., Segal N.L., Tellegen M.K., & Krueger R. 2003. Evidence for the construct validity and heritability of the Wilson-Patterson conservatism scale: A reared-apart twins study of social attitudes. *Personality and Individual Differences*. 34 (6), 959–969.
- Caprara G., Vecchione M. 2017. *Personalizing Politics and Realizing Democracy*. New York: Oxford University Press.
- Costa P., McCrae R. 2017. The NEO Inventories as Instruments of Psychological Theory. In: *The Oxford Handbook of the Five Factor Model*. Edited by Widiger T. New York: Oxford University Press, 589 p.
- Gibney E. 2018. The scant science behind Cambridge Analytica's controversial marketing techniques. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-03880-4>. Accessed: 18.08.2022, 270–280.
- Green J. 2017. *Devil's Bargain: Steve Bannon, Donald Trump and the National Uprising*. New York: Penguin, 304 p.
- Hatemi et. al. 2011. A Genome-Wide Analysis of Liberal and Conservative Political Attitudes. *Journal of Politics*. 73 (1), 271–285.
- Jost J. 2021. *Left and Right. The Psychological Significance of a Political Distinction*. New York: Oxford University Press, 145 p.
- Mak T. 2018. Another 'Civil War'? Pessimism About Political Violence Deepens In A Divided Nation. URL: <https://www.npr.org/2018/10/31/662216598/another-civil-war-pessimism-about-political-violence-deepens-in-a-divided-nation> Accessed: 18.08.2022.
- Moscovici S. 2001. *Social Representations*. New York: New York University Press, 2001, 3–69.
- The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. 2016. Edited by Meierhenrich J., Simons O. New York: Oxford University Press, 867–872.
- Robinson W. 2022. *Global Civil War: Capitalism Post-Pandemic*. Oakland: PM Press, 2022, 224 p.
- Schretlen D., Van Der Hulst E., Pearlson G., Gordon B. 2010. A Neuropsychological Study of Personality: Trait Openness in Relation to Intelligence, Fluency, and Executive Functioning. *Journal of Clinical Experimental Neuropsychology*. 32 (10), 1068–1073.
- Sidanius J., Pratto F., Bobo L. 1994. Social Dominance Orientation and the Political Psychology of Gender: A Case of Invariance? *Journal of Personality and Social Psychology*. 67 (6), 998–1011.
- Wright R. 2020. Is America Becoming a Banana Republic? URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/is-america-becoming-a-banana-republic> Accessed: 18.08.2022.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.08.2022

Received 22.08.2022

Поступила после рецензирования 30.08.2022

Revised 30.08.2022

Принята к публикации 30.08.2022

Accepted 30.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гаспарян Семен Ашотович, преподаватель кафедры английского языка № 6, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Semen A. Gasparyan, teacher of the Department of English No. 6, MGIMO University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7392-4015](https://orcid.org/0000-0002-7392-4015)

UDK 329.1

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-701-710

Original article

Direct Democracy under the Conditions of One Party Ruling in Modern Vietnam

Tu Thi Thoa ^{1,2}, Nguyen Duc Cuong ^{1,3}

¹⁾ The state university of management, 99 Ryazansky Ave., Moscow 109542, Russia;

²⁾ Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports,
639 Nguyen Trai, Ward 11, District 5, Ho Chi Minh City, Viet Nam

³⁾ Academy of Politics Region 2, 99 Man Thien, Hiep Phu Ward, District 9, Ho Chi Minh City, Viet Nam
E-mail: tuthoahvhc@gmail.com, ngdcuong.vn@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4404-0288

Abstract. The issue of direct democracy is a concern of many countries around the world, including Vietnam. The implementation of direct democracy is the basis for ensuring the power of the people. Therefore, together with representative democracy, the implementation of direct forms of democracy is of indispensable importance in modern states. Currently, most countries tend to expand the form of direct democracy along with strengthening and promoting the effectiveness of representative democracy, in order to ensure the strong promotion of civil rights in the exercise of state power. As a country with a political regime with only one ruling Party, Vietnam is in the process of promoting the democratization of political, economic and socio-cultural life, identify democracy as both a goal and a driving force for national reform and renewal. Direct democracy is specified in the Constitution and law of Vietnam with many forms of implementation such as: referendums, elections, dismissals of voters, contributions to draft policies and laws of the State, inspection and supervision of the operation of the State apparatus, complaints, denunciations, protests... etc. As the only ruling party in Vietnam, the Communist Party of Vietnam has always focused on expanding the form of direct democracy to ensure the true mastery of the people, however, the effectiveness of this form of democracy in Vietnam now faces many challenges such as: issues of people's level, inadequacies of the legal system, the culture of public service performance of civil servants, the psychology of relying on the party and state of the people ... The article focuses on clarifying the role of direct democracy, analyzing the Communist Party of Vietnam's position system on direct democracy and recognizing the limitations in the implementation of this form of democracy in modern Vietnam.

Key words: democracy, direct democracy, political party, ruling party, ensuring democracy, form of democracy, politics of Vietnam

For citation: Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. 2022. Direct Democracy under the Conditions of One Party Ruling in Modern Vietnam. Via in tempore. History and political science. 49 (3): 701–710 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-701-710

Прямая демократия в условиях однопартийного правления в современном Вьетнаме

Ты Тхи Тхоа ^{1,2}, Нгуен Дык Кыонг ^{1,3}

¹⁾ Государственный университет управления, Россия, г. Москва, 109542, Рязанский проспект, д. 99;

²⁾ Университет физического воспитания и спорта, 72714, Вьетнам, г. Хошимин, Нгуен Трай, д. 639;

³⁾ Академия политики Регион 2, Вьетнам, г. Хошимин, 715100, ул. Ман Тхен, д. 99

E-mail: tuthoahvhc@gmail.com, ngdcuong.vn@gmail.com

Аннотация. Проблема прямой демократии волнует многие страны мира, в том числе Вьетнам. Осуществление прямой демократии является основой для обеспечения власти народа. Поэтому,

наряду с представительной демократией, внедрение прямых форм демократии имеет незаменимое значение в современных государствах. В настоящее время большинство стран стремятся расширять формы прямой демократии наряду с укреплением и повышением эффективности представительной демократии, чтобы обеспечить активное поощрение гражданских прав при осуществлении государственной власти. Как страна с политическим режимом только с одной правящей партией, Вьетнам находится в процессе содействия демократизации политической, экономической и социально-культурной жизни, определяя демократию как цель и движущую силу национальных реформ и обновления. Прямая демократия указана в Конституции и законодательстве Вьетнама со многими формами реализации, такими как: референдумы, выборы, увольнения избирателей, участие в разработке политики и законов государства, проверка и надзор за работой государственного аппарата, жалобы, доносы, протесты. Будучи единственной правящей партией во Вьетнаме, Коммунистическая партия Вьетнама всегда была сосредоточена на расширении формы прямой демократии для обеспечения подлинного господства народа, однако эффективность этой формы демократии во Вьетнаме в настоящее время сталкивается со многими проблемами, такими как: проблемы уровня людей, недостатки правовой системы, культура государственной службы государственных служащих, психология опоры на партию и государство народа. Статья посвящена разъяснению роли прямой демократии, анализу системы позиций Коммунистической партии Вьетнама в отношении прямой демократии и признанию ограничений в реализации этой формы демократии в современном Вьетнаме.

Ключевые слова: демократия, прямая демократия, политическая партия, правящая партия, обеспечение демократии, форма демократии, политика Вьетнама.

Для цитирования: Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг. 2022. Прямая демократия в условиях однопартийного правления в современном Вьетнаме. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 701–710. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-701-710

Introduction

Nowadays, direct democracy is becoming the dominant trend of modern politics that no country can ignore. However, depending on the political regime, each country will have a different way of recording and implementing. Practice has shown that there is no common pattern for applying the form of democracy directly to every country as well as in the different stages of a country's development. Therefore, in order for this form of democracy to truly work in practice, in addition to building a strict legal basis system, political parties, states and citizens must have a basic understanding of the nature and mode of implementation of democracy and have a flexible application in the conditions, specific circumstances. In Vietnam, in the only condition that a ruling party is today, the emphasis on the implementation of direct democracy is important in building a truly democratic society.

Research subjects and methods

The object of the research is direct democracy associated with the practice of only one ruling party in modern Viet Nam. The author studies direct democracy in the relationship with the political party's ruling power. Secondary document analysis method is used to systematize the basic theories about the role of direct democracy and the problems posed to this form of democracy in modern society. To promote the effectiveness of this method, the author determines the importance of the source material to analyze and establish search keywords after consulting with experts. In addition, other scientific research methods such as historical research method, comparative method, and synthesis method are also used by the author to clarify the system of views of the Communist Party of Viet Nam on democracy in general, direct democracy in particular and the problems posed to the implementation of direct democracy in Viet Nam.

Results and discussion

1. Generalization of the role of direct democracy

Democracy is a concept that appeared quite early in the history of world political thought. It is a form of organization of the political institution of society based on recognizing the people as the source of power, recognizing the principles of equality, freedom and human rights. In other words, democracy is a way of expressing citizenship, the rights of civil institutions in the political system. Democracy is done primarily in two forms: direct democracy and representative democracy, in which direct democracy is characterized by citizens having direct control over the functioning of the state. If the form of democracy represents the exercise of the control of citizens over the democratic regime, then for the form of direct democracy, the people directly exercise state power, expressing their will as a subject of power [Thomas E. Cronin, 1989]. Direct democracy is seen as a way for citizens to exercise power by making public decisions [Rudenko, 2003].

Direct democracy has a close relationship with political effectiveness. As citizens implement direct democracy, they will have more knowledge of politics and be more proactive in engaging in political activities [Bowler, Donovan, 2004]. This means that the effectiveness of citizens' political participation will increase through a better understanding of their rights, the political system, of political decisions issued and thereby a positive attitude towards political processes [Lijphart, 2012]. The implementation of direct democracy also contributes to ensuring equality in society when all citizens have the right to directly contribute to the major laws and policies of a country. This is also the basis for citizens to grasp political information, increase their confidence and political capacity, they will trust the political system more and be more satisfied with democracy [Dyck, Seabrook, 2010]. Some empirical studies by researchers suggest that citizens' participation in direct democracy will contribute to improving political effectiveness both internally and externally [Bowler, Donovan, 2004]. In an article by Professor Amartya Sen – Professor Emeritus at Harvard University said: if democracy is to be viewed as a global value, it must first ensure the exercise of civil and political rights of citizens. In particular, citizens have the right to participate in legal development and social management regardless of political institutions [Sen, 1999]. Thus, when the people exercise their direct democratic rights, it is the expression of political and civil rights. And when these rights are exercised well, the effectiveness of political activity will be increased.

The relationship between the position of the political party and the form of direct democracy has also been an issue of interest to many researchers in recent years. In these studies, two groups of views stand out. The first group of views argues that the implementation of direct democracy is the basis for the political party to consolidate its power and influence. Those who view it argue that, when the political party places great emphasis on expanding direct democracy, it will make efforts to meet the legitimate needs and interests of the people, create trust with citizens, and at the same time, citizens will be willing to participate more in political activities [Bauer, Fatke, 2014]. Direct democracy is the way for political parties to realize their goals and ideals [Ladner, Braendle, 1999]: It's an opportunity for political parties to promote their image more often [Fatke, 2014]. In contrast to the first group of views, the second group of views states that democracy directly undermines the role of political parties, because when people have the right to participate directly in the planning and implementation of policy, they will have no need to become members of any party. From there, the political party will gradually lose its role as a bridge between the state and its citizens [Peters, 2016]. In other words, the provision of direct democracy has the potential to reduce the significance of political parties because citizens can openly make policy decisions without the representation of political parties in the political process [Chang, 2021]. It can be seen that, regardless of the point of view, direct democracy is always seen as the progress of humanity, for human rights, civil rights.

In multi-party rule, political parties that want to win power must build trust and call for the support of the people through the promotion of democracy. In the regime of a single ruling party,

the implementation of direct democracy is the basis for the ruling party to consolidate and maintain its position, create political stability and create a close relationship between the party, state and people. The ruling single-party regime puts democracy in the face of many challenges, especially the challenge of building a mechanism for implementing direct democracy and implementing it in practice. Therefore, it is very important to regularly recognize and clarify the limitations in the implementation of democracy, especially the implementation of direct democracy in the regime of a single ruling party, it is a basis for maintaining democracy and the true nature of democracy in general.

2. The Communist Party of Vietnam as the only ruling party in Vietnam and views on direct democracy

In Vietnam, after nearly a century of leading the people to gain independence and reunification, the Communist Party of Vietnam received the trust and support of the majority of the Vietnamese people and became the only party in power as a necessity. The Communist Party of Vietnam implements comprehensive leadership in all socio-economic- political and socio-cultural fields, based on the principle: The Party leads, the state manages and the people master [Nguyen Dang Dung, 2018], [Nguyen Van Son, 2014]. The outstanding advantage of a single ruling party is political stability, but it also raises many issues of concern, including how to both ensure political stability and ensure democracy in people's lives.

In fact, Vietnam is not a country with a long history of democratic implementation in general and direct democracy in particular because the constitution – the basis for the implementation of modern democracy in Vietnam is quite young (starting in 1946) [Vu Cong Gia, 2014]. In 1986, Vietnam began to carry out renovations. Along with the progress in the economic field, the issue of democracy, the rule of law has been more focused. The System of views of the Communist Party of Vietnam on democracy in general and direct democracy in particular is growing, perfecting, being established, concretized and come to life as a necessity [Trinh Van Tuan, 2014]. The Communist Party of Vietnam emphasizes that democracy associated with social justice must be carried out in real life in all fields of politics, economy, culture and society through the activities of the people-elected state and by direct forms of democracy [Communist Party of Vietnam, 1993]. Vietnam does not implement the mechanism of «separation of powers» between three systems of agencies: legislative, executive and judicial but implements the state power mechanism as unified belonging to the people, but there is mutual division, coordination and control among agencies in the implementation of three rights: legislative, executive and judicial. Throughout its leadership, the Communist Party of Vietnam has always emphasized the policy of implementing democracy belonging to the vast majority of the people; The people exercise their mastery in all aspects and are protected by law under the leadership of the Party [Pham Ngoc Tram, 2011]. At the same time, the Party also emphasized that democracy is both the essence of the political regime in Vietnam and a goal and a driving force for the country's development [Nguyen Viet Thong, 2013]. Therefore, the Communist Party of Vietnam has demanded that the state respect and protect the legitimate rights of the people such as personal freedom, press freedom, assembly, travel, freedom of belief, religion, inviolability of body and property... etc. At the same time, the implementation of democracy in general and direct democracy in particular in Vietnam needs discipline, that is, it must be associated with the rights and obligations of citizens and the implementation of democracy to the extent permitted by law.

From the point of view of the Communist Party of Vietnam, the mechanism for direct democratic implementation in Vietnam includes some of the following basic contents:

Firstly, the people participate in the state apparatus through election activities and candidates for delegates to represent themselves. It can be said that this is the most important form of political democracy. Through election activities, the Vietnamese people select people who have sufficient qualities, capacity and deserve on behalf of the people to manage and solve problems of the state and society. In Vietnam, since 1946, through various historical periods, the right to vote has always been affirmed in the Constitution and laws on the election of National Assembly

deputies and People's Council deputies and has become the most basic political right. The Constitution of Vietnam states: «Citizens who are eighteen years of age or older have the right to vote and are twenty-one years of age or older have the right to run for the National Assembly or People's Council»⁷⁸. The people elect national assembly deputies at the central level and local People's Council deputies. These are the two most powerful agencies in the State apparatus of Vietnam, which have the power to promulgate the Constitution and promulgate the Law; decide important issues of the country and exercise the right to supervision over the activities of the remaining agencies in the state apparatus.

Secondly, the people have the right to dismiss elected deputies: From the point of view of the Communist Party of Vietnam, abolition is an important right in the implementation of democracy in Vietnam. In fact, democracy will not be guaranteed if the people only have the right to elect those who represent themselves without the right to dismiss them when they no longer deserve it [Tao Thi Quyen, 2014]. This is also noted specifically in the current Constitution of Vietnam: «National Assembly deputies and People's Councils who no longer deserve the people's trust are dismissed by the National Assembly or voters».

Thirdly, the people exercise their right to vote when the state has a referendum. Referendum is an important form of direct democracy, one of the high forms of people's participation in state management and social management [Dinh Ngoc Vuong, 2005]. In Vietnam, issues considered for referendum include: (1) The full text of the Constitution or some important contents of the Constitution; (2) Particularly important issues of national sovereignty, territory, national defense, security and foreign affairs that have a direct impact on the interests of the State; (3) Particularly important socio-economic issues have a great impact on the development of the country.

Fourthly, the people participate in state management, and at the same time supervise the operation of the state apparatus. In Vietnam today, with the characteristics of a developing country, the participation of people in the management of the state is very necessary because it ensures the process of national renewal in accordance with the aspirations and desires of the people, contributing to building a just society, democracy, political stability and socio-economic development in the absence of many shortages of economic potential. The Communist Party of Vietnam emphasized that there are many ways for people to participate in state management, in which, it is very important for people to participate in discussions and comments on the development of state policies and laws [Truong Minh Tuan, 2012]. Through this, the people directly express their will on issues governed by law. At the same time, the people are entitled to supervise the activities of the state apparatus and the staff of civil servants. This comes from the nature of the state power that belongs to the people. State agencies and public officials shall exercise their competence to exercise their powers entrusted by the people [Nguyen Thanh Trung, 2011]. Therefore, to ensure that state agencies and state civil servants properly exercise their powers entrusted by the people, without abusing their power, without power, it is required that the people supervise the exercise of that power. It is natural in the relationship between the authorized person and the authorized person.

3. Recognize the problems posed in the implementation of direct democracy in Vietnam today

In Vietnam, with the characteristics of a developing country with more than 80% of the population working in agriculture as it is now, the implementation of democracy in general and direct democracy in particular is the key to promoting the potential of human resources, social capacity and internal strength of the nation, This will contribute to creating positive changes in many economic, political, cultural and social aspects. Over the years, under the sole leadership of a ruling party, the Communist Party of Vietnam, people's lives have changed positively. The majority of Vietnamese people believe in the Party's leadership and the country renewal that the Party is carrying out. At the same time, with efforts in promoting the people's mastery, the pro-

⁷⁸ Article 27 of the 2013 Constitution of Vietnam

cess of democratic implementation in Vietnam has made positive changes. However, there are still many issues that need to be addressed to ensure a truly democratic Vietnamese society. Within the scope of this article, the authors only objectively assessed the current situation of democratic implementation in Vietnam and offered some discussion.

First of all, it is the awareness of democracy in general and direct democracy in particular of a small number of civil servants and people is still not high. In fact, although the Party and state of Vietnam are very focused on building a democratic society, the subject of the exercise of democratic rights is not fully aware of his rights and obligations. The majority of people believe that state management is the inherent work of the State and not their own rights and responsibilities, as well as not fully aware of the meaning and importance of direct democratic implementation. Therefore, in many activities, they only participate formally and irresponsibly [Ho Ba Tham, 2012]. For example, the status of elections in the election work or the status when the state organizes to consult on the draft laws, decrees, circulars ... Only a very small portion of the population contributed, because they thought it was the work of lawmakers. Meanwhile, for the cadres of civil servants, there exists the situation that a part of state cadres and civil servants has not complied with the provisions of the Constitution, has the expression of heavy thinking about the authority – orders of the State, does not fully show the responsibility for management as well as the obligation to serve the people, serve the development of society. The Communist Party of Vietnam has also acknowledged that a significant number of cadres and party members, including party members who hold leadership and management positions, including some senior cadres, have a deterioration in political thought, ethics, and lifestyle with different manifestations of ideological fading, fall into selfish, opportunistic, pragmatic, self-interest, material, local, corrupt, wasteful, arbitrary, unscrupulous. These can be considered as major difficulties and obstacles in the implementation of democracy in general and direct democracy in Particular in Vietnam. The root cause of this problem is the influence of the old and outdated administrative culture because Vietnam has had a long time (before the renovation in 1986), the state apparatus operates on a centralized, bureaucratic, subsidized mechanism, state agencies operate rigidly and do everything, forming a mentality in the majority of the people and the authority of a small number of civil servants.

Secondly, on the legal basis system for direct democracy: It can be said that, under the leadership of the Communist Party of Vietnam, the renovation in Vietnam in the past years has achieved many remarkable achievements, however, it must be acknowledged that Vietnam is still in the process of building the rule of law and the legal system. Therefore, there are many legal provisions, including provisions on the form of direct democracy that have not been finalized [Vu Van Vien, 2015], [Pham Tan, 2013]. Although the Current Constitution of Vietnam has noted the importance of direct democracy, but the content, ways, processes and tools to implement this form have not been concretized. The current legal system of Vietnam does not have a document that specifically expresses this content, other than the new «Referendum Law» issued in 2015 and takes effect from July 1, 2016. In addition, the Communist Party of Vietnam emphasized: building the rule of law to ensure democracy, the state of the people, by the people, for the people, the unified power belongs to the people through the operation of 3 systems of agencies in the state apparatus (legislature, executive and judicial), but the assignment, coordination and control of power in Vietnam is currently not specified by law and there are still many unreasonable factors. The new power control mechanism was developed over the subject of the National Assembly control over the executive and judicial authorities, without the mechanism of control to the contrary as well as control between the executive and judicial agencies. In particular, currently, Vietnam's judiciary does not have the function of adjudicating the acts of the executive and legislative bodies [Nguyen Dang Dung, 2014].

Thirdly, as the only ruling party, the current Constitution of Vietnam has affirmed that the Communist Party of Vietnam is subject to the supervision of the people within the framework of the Constitution and law. However, so far, there has not been any document regulating the con-

tent and form of people's supervision over the Party's activities. The leading and ruling roles of the Party and the state's management functions have not been clearly defined. The political system is cumbersome, there is an overlapping phenomenon of functions and tasks between party and state agencies, the Party's leadership method for the political system is still slow to innovate, present is still awkward. The mechanism for controlling power in the Party and the State is incomplete and synchronous; effective, not highly effective [Communist Party of Vietnam, 2021].

Fourthly, there are many inadequacies in election activities: It can be said that the election activities in Vietnam in the past years have been constantly renewed and brought many positive results, creating many important changes in promoting democracy and expanding the people's mastery. However, in addition to the results achieved, the election work in Vietnam still has many limitations. There is a lack of information about candidates; The number of candidates introduced for election to the National Assembly and the People's Council is quite small compared to the number to be elected (for example, if 3 deputies are needed, the list of candidates is only 5, if 2 delegates are needed, the list of candidates is only 3 people), This has limited the electorate's right to choose in elections. With the mechanism of «Party election, people elect», the Vietnamese people currently do not have the right to introduce more delegates. In fact, the law also does not have a mechanism for people to introduce more candidates to the Conference for comment. In recent elections, the introduction of more delegates by the people has been very few and only for the introduction of candidates for delegates to the people's councils of communes in the system of villages [Nguyen Thi Dung, 2018].

Fifthly, although there are many direct forms of democracy mentioned, currently in Vietnam only popularize the form of people's opinions in the process of building the legal system, while other forms of direct democracy such as referendum, dismissal of elected representatives is not yet common. So far, Vietnam has not held a referendum. This is a big question for the implementation of direct democracy in Vietnam today.

Conclusion

In a political regime with only one ruling party like in Vietnam today, it is very important to expand the form of direct democracy. As mentioned above, a leading party has an advantage in creating political stability, however, it has a major limitation that is prone to dictatorship, exclusivity in the absence of a system of opposition parties. Therefore, promoting the real mastery of the people will be the key to overcoming this limitation. On the other hand, political stability is built on the trust and expectations of the people, so the Communist Party of Vietnam wants to continue to maintain its ruling position, it is necessary to ensure the building of a truly democratic society. In the coming time, Vietnam needs to promote propaganda, raise people's awareness of direct democracy as well as perfect the system of legal provisions on this form of democracy. At the same time, it is essential to build a mechanism to control people's power over the political system, especially for the activities of the state.

References

- Rudenko V.N. 2003. *Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitucionno-pravovye instituty* [Direct Democracy: Models of Government, Constitutional and Legal Institutions]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Bauer P.C., Fatke M. 2014. Direct Democracy and Political Trust: Enhancing Trust, Initiating Distrust Or Both? *Swiss Political Science Review* 20 (1): 49–69. doi: <https://doi.org/10.1111/spsr.12071>
- Bowler S., Donovan T. 2004. Measuring the Effect of Direct Democracy on State Policy: Not All Initiatives Are Created Equal, *State Politics & Policy Quarterly* 4 (3): 345–363. <https://doi.org/10.1177%2F153244000400400305>
- Chang W.-C. 2021. Direct Democracy and Party Membership: Testing the Role of Political Efficacy, *Political Studies Review*. August 2021. doi:10.1177/14789299211034278

- Communist Party of Vietnam. 1993. Document of the 5th Meeting of the 7th Central Committee, National Political Publishing House, Hanoi, p. 86 (in Vietnamese).
- Communist Party of Vietnam. 2021. Document of the 13th National Congress, volume 1, National Political Publishing House, Hanoi, p. 93 (in Vietnamese).
- Dinh Ngoc Vuong. 2005. On referendum institutions, *Journal of Legislative Research*, No. 8, p. 11–16 (in Vietnamese).
- Dyck J.J., Seabrook N.R. 2010. Mobilized by Direct Democracy: Short-Term Versus Long-Term Effects and the Geography of Turnout in Ballot Measure Elections, *Social Science Quarterly* 91 (1): 188–208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2010.00688.x>
- Fatke M. 2014. Allure or Alternative? Direct Democracy and Party Identification, *Party Politics* 20 (2): 248–260. <http://dx.doi.org/10.1177/1354068813520271>
- Ho Ba Tham. 2012. Awareness and implementation of democracy in the rule of law in our country today, *Journal of Legislative Studies*, (22), p. 26–30 (in Vietnamese).
- Ladner A., Braendle M. 1999. Does Direct Democracy Matter for Political Parties? An Empirical Test in the Swiss Cantons, *Party Politics* 5 (3): 283–302. <https://doi.org/10.1177%2F1354068899005003002>
- Lijphart A. 2012. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*, 2nd edn. New Haven, CT: Yale University Press.
- Nguyen Dang Dung. 2018. The role of elections, *Journal of Law*, Volume 34, No. 1 (2018) p. 1–8 (in Vietnamese).
- Nguyen Dang Dung, The First Direct Democracy of Humanity, Components and Limitations, Proceedings of the Workshop «Direct Democracy, Democracy in the World and in Vietnam» organized by the Union of Vietnamese Science and Technology Associations in Hanoi on March 10, 2014 (in Vietnamese).
- Nguyen Thi Dung. 2018. Direct Democracy – Concepts and Methods of Implementation, *Journal of Industry and Trade*, No. 3, 2018 (in Vietnamese).
- Nguyen Van Son. 2014. Political Culture in the Formation of Democratic Institutions in the Period of Industrialization and Modernization, *Journal of Philosophy*, No. 8, p. 3–10 (in Vietnamese).
- Nguyen Viet Thong. 2013. The Views of the Communist Party of Vietnam on democracy and the practice of democracy before and from the renovation to the present, *Journal of Philosophy*, (10), p. 3–10 (in Vietnamese).
- Peters Y. 2016. (Re)join the Party! The Effects of Direct Democracy on Party Membership in Europe, *European Journal of Political Research* 55: 138–159. <http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.12120>
- Pham Ngoc Tram. 2011. The process of reforming the political system in Vietnam from 1986 to 2011, National Political Publishing, Hanoi (in Vietnamese).
- Phan Tan. 2013. Transforming thinking about democracy and some achievements made through assessment from practice after more than 20 years of renovation, *Journal of Social Science Information*, (4), p. 1–7 (in Vietnamese).
- Sen A. 1999. Democracy as a Universal Value, *Journal of Democracy*, 10, p. 3–17, <https://doi.org/10.1353/JOD.1999.0055>
- Tao Thi Quyen. 2014. Developing Forms of Democracy and Direct Democracy, *Journal of Political Reasoning* (2), p. 20–28 (in Vietnamese).
- Thomas E. Cronin, *Direct Democracy: The Politics of Initiative, Referendum and Recall* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989).
- Trinh Quoc Tuan. 2004. Correlation between socialist democracy and socialist market economy, *Journal of Socialist Information – Theory and Practice*, (3), p. 6–8 (in Vietnamese).
- Truong Minh Tuan. 2012. Socialist Democracy and the Implementation of Socialist Democracy in the spirit of the 11th Party Congress, *Journal of Philosophy*, (1), p. 3–8 (in Vietnamese).
- Truong Thanh Trung (Editor). 2011. *The Truth of Democracy and Human Rights in the strategy of «peaceful evolution» in Vietnam*, National Political Publishing House, Hanoi (in Vietnamese).
- Vu Cong Giao. 2014. Direct Democracy in the World and Direct Democracy in Our Country, *Journal of Legislative Studies* No. 21 (277), November 2014 (in Vietnamese).
- Vu Van Vien. 2015. The issue of democratization in the economy in Vietnam today, *Journal of Philosophy*, (1), p. 25–31 (in Vietnamese).

Список литературы

- Руденко В.Н. 2003. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: УрО РАН.
- Bauer P.C., Fatke M. 2014. Direct Democracy and Political Trust: Enhancing Trust, Initiating Distrust Or Both? *Swiss Political Science Review* 20 (1): 49–69. doi: <https://doi.org/10.1111/spsr.12071>
- Bowler S., Donovan T. 2004. Measuring the Effect of Direct Democracy on State Policy: Not All Initiatives Are Created Equal, *State Politics & Policy Quarterly* 4 (3): 345–363. <https://doi.org/10.1177%2F153244000400400305>
- Chang W.-C. 2021. Direct Democracy and Party Membership: Testing the Role of Political Efficacy, *Political Studies Review*. August 2021. doi:10.1177/14789299211034278
- Communist Party of Vietnam. 1993. Document of the 5th Meeting of the 7th Central Committee, National Political Publishing House, Hanoi, p. 86 (in Vietnamese).
- Communist Party of Vietnam. 2021. Document of the 13th National Congress, volume 1, National Political Publishing House, Hanoi, p. 93 (in Vietnamese).
- Dinh Ngoc Vuong. 2005. On referendum institutions, *Journal of Legislative Research*, No. 8, p. 11–16 (in Vietnamese).
- Dyck J.J., Seabrook N.R. 2010. Mobilized by Direct Democracy: Short-Term Versus Long-Term Effects and the Geography of Turnout in Ballot Measure Elections, *Social Science Quarterly* 91 (1): 188–208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2010.00688.x>
- Fatke M. 2014. Allure or Alternative? Direct Democracy and Party Identification, *Party Politics* 20 (2): 248–260. <http://dx.doi.org/10.1177/1354068813520271>
- Ho Ba Tham. 2012. Awareness and implementation of democracy in the rule of law in our country today, *Journal of Legislative Studies*, (22), p. 26–30 (in Vietnamese).
- Ladner A., Braendle M. 1999. Does Direct Democracy Matter for Political Parties? An Empirical Test in the Swiss Cantons, *Party Politics* 5 (3): 283–302. <https://doi.org/10.1177%2F1354068899005003002>
- Lijphart A. 2012. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*, 2nd edn. New Haven, CT: Yale University Press.
- Nguyen Dang Dung. 2018. The role of elections, *Journal of Law*, Volume 34, No. 1 (2018) p. 1–8 (in Vietnamese).
- Nguyen Dang Dung, The First Direct Democracy of Humanity, Components and Limitations, Proceedings of the Workshop «Direct Democracy, Democracy in the World and in Vietnam» organized by the Union of Vietnamese Science and Technology Associations in Hanoi on March 10, 2014 (in Vietnamese).
- Nguyen Thi Dung. 2018. Direct Democracy – Concepts and Methods of Implementation, *Journal of Industry and Trade*, No. 3, 2018 (in Vietnamese).
- Nguyen Van Son. 2014. Political Culture in the Formation of Democratic Institutions in the Period of Industrialization and Modernization, *Journal of Philosophy*, No. 8, p. 3–10 (in Vietnamese).
- Nguyen Viet Thong. 2013. The Views of the Communist Party of Vietnam on democracy and the practice of democracy before and from the renovation to the present, *Journal of Philosophy*, (10), p. 3–10 (in Vietnamese).
- Peters Y. 2016. (Re)join the Party! The Effects of Direct Democracy on Party Membership in Europe, *European Journal of Political Research* 55: 138–159. <http://dx.doi.org/10.1111/1475-6765.12120>
- Pham Ngoc Tram. 2011. The process of reforming the political system in Vietnam from 1986 to 2011, National Political Publishing, Hanoi (in Vietnamese).
- Phan Tan. 2013. Transforming thinking about democracy and some achievements made through assessment from practice after more than 20 years of renovation, *Journal of Social Science Information*, (4), p. 1–7 (in Vietnamese).
- Sen A. 1999. Democracy as a Universal Value, *Journal of Democracy*, 10, p. 3–17, <https://doi.org/10.1353/JOD.1999.0055>
- Tao Thi Quyen. 2014. Developing Forms of Democracy and Direct Democracy, *Journal of Political Reasoning* (2), p. 20–28 (in Vietnamese).
- Thomas E. Cronin, *Direct Democracy: The Politics of Initiative, Referendum and Recall* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989).
- Trinh Quoc Tuan. 2004. Correlation between socialist democracy and socialist market economy, *Journal of Socialist Information – Theory and Practice*, (3), p. 6–8 (in Vietnamese).

- Truong Minh Tuan. 2012. Socialist Democracy and the Implementation of Socialist Democracy in the spirit of the 11th Party Congress, *Journal of Philosophy*, (1), p. 3–8 (in Vietnamese).
- Truong Thanh Trung (Editor). 2011. The Truth of Democracy and Human Rights in the strategy of «peaceful evolution» in Vietnam, National Political Publishing House, Hanoi (in Vietnamese).
- Vu Cong Giao. 2014. Direct Democracy in the World and Direct Democracy in Our Country, *Journal of Legislative Studies* No. 21 (277), November 2014 (in Vietnamese).
- Vu Van Vien. 2015. The issue of democratization in the economy in Vietnam today, *Journal of Philosophy*, (1), p. 25–31 (in Vietnamese).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2022

Поступила после рецензирования 26.06.2022

Принята к публикации 26.06.2022

Received 20.05.2022

Revised 26.06.2022

Accepted 26.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ты Тхи Тхоа, аспирант, Государственный университет управления, г. Москва, Россия; преподаватель, заместитель декана факультета политической теории и профессиональной педагогики, Университет физического воспитания и спорта, г. Хошимин, Вьетнам

 [ORCID: 0000-0002-8579-1846](https://orcid.org/0000-0002-8579-1846)

Нгуен Дык Кьонг, аспирант, Государственный университет управления, г. Москва, Россия; заместитель начальника административного отдела, журнал политических наук, Академия политики регион 2, г. Хошимин, Вьетнам

 [ORCID: 0000-0002-4404-0288](https://orcid.org/0000-0002-4404-0288)

Tu Thi Thoa, Ph.D. graduate student of The state university of management, Moscow, Russia; Lecturer, deputy dean of the Faculty of Political Theory and Pedagogy, Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports, Ho Chi Minh City, Viet Nam

Nguyen Duc Cuong, Ph.D. graduate student of The state university of management, Moscow, Russia; Lecturer, Deputy Head of Administrative Department, Journal of Political Science, Academy of Politics Region 2, Ho Chi Minh City, Viet Nam